

Валерий Борисов

Время подонков: хроника
луганской перестройки

18+

Валерий Борисов
Время подонков: хроника
луганской перестройки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314903

SelfPub; 2022

Аннотация

Как это произошло, что Советский Союз прекратил существование? Кто в этом виноват? На примере деятельности партийных и советских органов Луганска автор показывает духовную гнилость высших руководителей области. Главный герой романа – Роман Семерчук проходит путь от работника обкома партии до украинского националиста. Его окружение, прикрываясь демократическими лозунгами, стремится к собственному обогащению. Разврат, пьянство, обман народа – так жило партийно-советское руководство. Глубокое знание материала, оригинальные рассуждения об историческом моменте делают книгу актуальной для сегодняшнего дня. В книге прослеживается судьба некоторых героев другого романа автора «Осень собак».

Содержание

1	9
2	26
3	42
4	51
5	64
6	81
7	86
8	99
9	113
1987	132
1	143
2	149
3	156
4	161
5	176
6	189
7	198
8	211
1	236
2	249
3	259
4	283
5	297

1991	311
1	318
2	326
3	343
4	355
5	373
1993	386
1	390
2	398
3	410
4	428
5	446
6	465
7	483
1995	519
1	526
2	537
3	545
4	553
1999	589
1	593
2	600

Валерий Борисов

Время подонков: хроника луганской перестройки

Остерегайтесь лжепророков. Они приходят к вам в овечьем обличи, на самом же деле – они волки свирепые. По плодам деяний вы узнаете их. Ведь не собирают виноград с тернистых кустов, и не собирают фиги с сорняков колючих. Точно так же всякое хорошее дерево приносит хорошие плоды, а плохое дерево приносит плохие плоды. Хорошее дерево не может приносить плохие плоды, а плохое дерево не может приносить хорошие плоды. Всякое дерево, которое не приносит хороших плодов, срубают и бросают в огонь. А потому распознаете вы их по плодам их трудов.

От Матфея Святое Благовествование. Гл. 7, ст.15-20.

Я ворвался в Луганск неожиданно. Луганск вошел в меня навсегда. Более четверти века мы с ним были вместе. Почти, одно целое. Я знаю Луганск от небес до дна. Он знает все тайные закоулки моей души. Я прополз по всем его щелям и ямам. Я ощущаю Луганск всем телом, а внутри каждым нер-

вом. Луганск мне – отец, я ему – приبلудный сын. Он не раз жестоко стегал меня сыромятным ремнем, а потом неумело ласкал меня своей грубой шершавой рукой, – терпи, сынок, в жизни может быть и хуже. И я терпел его наказания, стиснув зубы от боли, и радостно плакал, ощущая его ласку. Все было. Всё! Мы растворились друг в друге, стали едины, как сиамские близнецы. Но в новых условиях мыслим уже по-разному. И рано или поздно предстоит тельнохирургическая операция по нашему разъединению. Мы должны уйти друг от друга, попрощавшись навсегда. Но кто будет хирургом? Кто возьмет на себя ответственность палача? Надо отделить не только тела сиамских близнецов, но и души. Кто наберется наглости и разрубит души?! А может убить одну из душ? А две – еще лучше? А потом заспиртовать их и любоваться уродцами! Смотри люд, что раньше было! Редко такое встречается, но оно было у нас – в Донбассе! Молите бога, чтобы больше таких уродов не было. К руководству пришли новые люди, не с луганским сознанием и, не жившие ранее на Донбассе. Они считают себя красивыми и сильными людьми, и хотят в своем духе воспитать нас! Они твердят – только мы!! А кто – мы? Вы, луганчане нас уже чувствуете. Скоро увидите нас во всей красе и силе! Это – мы!!!... Мы уже пришли на Донбасс!

Они идут. И настало нам время, Луганск, с тобой разъединиться. Хирургическая операция может плохо закончиться для одного из нас. Конечно же, для меня. Жалко, больно,

тоскливо... Но, надо разъединиться.

Я иду по луганскому щербатому асфальту. Здесь все мне до боли знакомо. Вот – Старый город. Вот завод, из которого ты родился. Музей – при входе бюст первооснователя Луганска. За ним, такие же бюсты знаменитых луганчан-большевиков. Театр – весь из стекла, бетона – самая малость. Площадь, для митингующих. Уютный, ухоженный сквер из голубых и просто елей. Он смотрится благоговейным островком, в океане кирпично-цементных зданий. В нем должно легко дышаться.

Я захожу в сквер и сажусь на скамью. Достая сигарету и закурываю. Одновременно вдыхаю запах елей. Смотрю на большое белое здание в пять этажей – бывший обком партии. Здесь размещались ум и честь нашей эпохи. Почему-то ни у одной партии не хватает ума, чтобы не претендовать на олицетворение чести и совести народа. А в партии, насчитывающей много членов, мало ума у каждого! Может, так и было в действительности?

Рядом с обкомом вот этот прелестный сквер. В нем раньше пытались отдышаться некоторые посетители обкома, после разговора внутри здания. Голубые ели должны были привести их быстро в привычное чувство властителя, но меньшего ранга. Сила власти определяется слабостью подвластных. Это привычная иерархическая структура партии. А сквер – внепартийная разрядка, специально созданный для подвластных. Достойный психологический прием всех руко-

водителей, всех времен и народов.

Я вдыхаю хвойный запах с сигаретным дымом. Пристально смотрю на белое здание. Нынче в нем царит не благообразная партийная суматоха – деловая коммерческая тайна поселилась в нем. Не отдали это здание детям, больным, выставочному центру... В нем живут коммерческие структуры, возглавляемые бывшими партийными работниками.

Я все пристальнее вглядываюсь сквозь здание и вижу... Вернее, помню. Я тоже иногда бывал в этом здании. Я знал здесь многих работающих.

В каком году меня впервые вызвали сюда? Дай вспомнить? Помню – для нагоняя... Это я помню точно!

Какой же это все-таки был год?

1

1985

1

Роман Семерчук сидел в приемной первого секретаря обкома партии уже более часа и никуда не отлучался ни на секунду. Сейчас, поздно вечером, когда закончился рабочий день, должна была решиться его судьба – или он останется вечным инструктором обкома, или получит новую должность, которая откроет перед ним перспективы дальнейшей карьеры иерархической партийной лестницы. Сегодня для него может открыться путь к вершинам власти. Правда, пока это слабенький трамплин для прыжка в элиту властвующих. Но все же новая ступенька. Он – крепко сжатая пружина, которая скоро распрямится и взнесет его туда, откуда свысока смотрят на мир и народ, то есть, руководят им. Он должен воспользоваться предоставляемой возможностью, не упустить этот, может быть, пока единственный шанс, данный ему новым временем, для улучшения своего качественного положения. Так выражаются в партийных и комсомольских кругах. Немного шершаво звучит, но точно. Но Роман давно еще более точно знал, что стремление к власти, в сущности, представляет собой охоту за привилегиями. И он страстно желал новую должность.

Семерчук почти твердо был уверен, что ему дадут новую должность. Нет на ее замещение более достойного кандидата, чем он. Но червь сомнения все-таки его мучил, – вдруг

что-то сорвется. Все зависит от политического момента и настроения руководителя. Политический момент ему благоприятствует, – началась перестройка. А вот, каково сейчас настроение первого партийного лица области, фактически, его хозяина, неизвестно. Лишь бы сейчас совещание, прошедшее в его кабинете, не испортило ему настроения. Первый его знает, и достаточно хорошо. Публично хвалил. И сейчас от решения хозяина зависело, – быть ему или не быть.

«Быть! – Умолял всей душой свою судьбу Роман. – Быть! Я ж уже и так исполняю обязанности этой должности. Нельзя на нее присылать человека со стороны. Нельзя! Это моя должность!»

Внутренняя мольба страшно напрягала его, но лицо оставалось спокойным.

Рабочий день – восемнадцать часов вечера, закончился час назад. Секретарша первого секретаря решила, наконец, закончить работу и, позвонив своему непосредственному начальнику, получила разрешение идти домой. У нее были веские семейные причины уйти сегодня раньше первого с работы. Она их ему объяснила. Первый секретарь вник в ее заботы и разрешил уйти раньше его.

Кто-то должен был подменить в приемной, ушедшую домой секретаршу. На ее место сел Сорокин – заместитель заведующего орготделом. В сложной работе первого секретаря не должно выпасть ни одно звено – обком должен функционировать круглые сутки, и по ночам, и по праздникам.

Теперь Сорокин решал текущие вопросы по телефону или устно, с входившими в приемную работниками обкома. Заместитель орготдела был пожилым человеком, лет за пятьдесят, с усталым, вечно озабоченным лицом типичного партийного функционера, которому за десятки лет политической работы все надоело – сама работа и особенно суета вокруг нее. Но без приказа он не имеет права покинуть свой пост и должен находиться здесь до тех пор, пока здесь же находится первый – потребуется, всю ночь, целые сутки и даже более. Семерчук хорошо знал Сорокина и осторожно спросил его:

– Григорий Иванович! Долго они там еще будут?

Семерчук имел ввиду заседавших в кабинете первого.

– Не знаю. – Равнодушно ответил Сорокин. – У него секретари городских райкомов и секретари крупных заводов. Снова пришла пора перемен. Сложно все... – И он глубоко зевнул.

– Знаю, что у него секретари райкомов. – Ответил Роман. – Успеет ли он меня принять?

– Примет, раз назначил прием. – Успокоил его Сорокин. – Не волнуйтесь. Место заведующего отделом будет за вами. Конкуренентов у вас нет. Тем более, сейчас требуют выдвигать молодых. А у вас все это есть. Прежде всего, я имею в виду молодость. Есть и опыт... Так, что не беспокойтесь, Роман Богданович. Подождите еще несколько минут, и ваша звезда сама упадет к вашим ногам. – Он, как показалось Роману,

ехидно улыбнулся.

«Да, в отношении меня, ты прав. А тебе уже не светит повышение – возраст! – Подумал Роман, внутренне обиженный участливыми, но подковыристыми словами Сорокина. – Ты за всю жизнь не добился того, чего я могу достигнуть сейчас. Не попал в нужную обойму должностей. Так заканчивай жизнь инструктором!» – Презрительно подумал он о Сорокине, а вслух ответил:

– Спасибо, Григорий Иванович, за поддержку. Но я все-таки волнуюсь. Сами понимаете?

Но Сорокин его не слушал, только кивнул головой и углубился в чтение бумаг, лежащих на столе. Заходили в приемную работники обкома, спрашивали о пустяках и, убедившись, что первый еще здесь, со вздохом разочарования о потерянном вечере, отправлялись обратно в свои кабинеты. Уходить было нельзя, – вдруг потребуются еще кому-то из старших руководителей. Закон партии железный – работать без ограничений рабочего дня, а когда на месте первый, присутствовать на рабочем месте до его ухода.

Прошел еще час. Семерчук не выходил из приемной, ждал, изредка перекидываясь словами с Сорокиным и обкомовцами, заглядывающими на секунду в приемную, все с тем же вопросом, ставшим проблемой – первый еще здесь? Наконец, около восьми вечера, из дверей первого секретаря начали выходить совещающиеся. Через полчаса вышел последний из них и в селекторе раздался голос первого:

– Семерчук здесь?

– Да. – Коротко ответил Сорокин.

– Пусть зайдет. – И селектор смолк.

Сорокин молча кивнул Роману – заходи, наступила твоя очередь. Семерчук, почувствовал, как от волнения стали потными спина и ладони и, с неожиданно оробевшей душой, шагнул к тяжелой двери, – а вроде был готов к встрече с первым, но вот все равно трусливо разволновался. По мягкой ковровой дорожке, с замеревшей робостью в груди, он прошел по мягкому ковру всю длинную комнату, к сидевшему в конце кабинета, первому секретарю обкома партии. Тот устало приподнявшись, протянул Роману руку, приветствуя его самокритичными словами:

– Прошу вас извинить меня, что поздно принимаю. Но, сами видите, дел невпроворот.

Павел Трифионович Столяренко – первый секретарь обкома, слыл среди своих работников огромным демократом и доступнейшим для всех человеком. Он действительно был предан своей работе. Бывало так, что больной и простуженный, с повышенной температурой, не отнимая от сопливого носа мокрый платочек, проводил совещания, не позволяя себе болеть, показывая, тем самым, пример мужественного отношения к партийной работе своим подчиненным. Другие партийцы брали с него пример и тоже приходили на работу больными, не обращая внимания на свое здоровье. И только тогда, когда болезнь окончательно укладывала партийно-

го работника в домашнюю постель или на больничную койку в лечсанупре, то это считалось настоящей болезнью. В этом случае, Столяренко звонил заболевшему коллеге, интересовался состоянием здоровья, помогал доставать дефицитные лекарства, оказывал материальную помощь деньгами за счет обкома, организовывал доставку редких, но нужных продуктов питания для больного и его семьи. Правда, помогал он так, в основном, секретарям обкома и заведующим отделами, но если возникала острая необходимость, то помогал и инструкторам, и даже обслуживающему персоналу обкома. Но такая выборочная забота была всем понятна, – в обкоме работает около тысячи человек, и за всеми первый уследить не может. Но всем все равно было приятно, что непосредственно ими руководит, в высшей степени, отзывчивый и добросердечный человек, тонко чувствующий народные нужды. Обкомовцы чтили и уважали Павла Трифоновича – принципиальный и честный человек, трудяга, готов выслушать любого партийца и немедленно оказать необходимую помощь. Вот и сейчас, несмотря на огромную усталость, позднее время, он все-таки принял своего молодого подчиненного.

– Садитесь, Роман Богданович.

Семерчук сел в кресло, наискосок от места первого и устремил в него вопрошающий взор. Столяренко раскрыл папку его личного дела, на что указывала фамилия – Семерчук Р.Б., отпечатанная на машинке и, наклеенная на облож-

ку, углубился в чтение. Он несколько раз пролистал отдельные страницы: с личным учетным листком, характеристиками, рекомендациями, написанными на него в разное время. Они были безупречными, и это прекрасно знал Роман, но, тем не менее, от напряженного волнения у него пересохло во рту. Наконец, Столяренко оторвавшись от чтения, поднял на него усталые глаза и медленно, чтобы была заметна подчиненному его усталость, произнес:

– Характеристики у вас положительные... Это важно для вашего будущего. Мы хотим вас поставить на ответственную должность – заведующего отделом агитации и пропаганды. Сейчас это самый важный участок работы. Он всегда считался важным, а сейчас его роль и эффективность должны возрасти в десятки раз. – Первый устало откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, продолжил. – Сами все прекрасно понимаете, Роман Богданович. Не первый год у нас работаете. В стране началась перестройка – новый этап жизни советского общества. Этим все сказано...

Он говорил эти слова заученно, уже не в первый раз, но каждый раз твердо и убежденно, что они звучали, как нечто новое. Роман сглотнул густую слюну в сухом рту и четко ответил:

– Понимаю! И не просто понимаю, а чувствую всей душой ее необходимость. Считаю, что перестройка необходима советскому обществу. – Твердо закончил Роман, убежденный в правильности линии партии. Так его воспитали – партия

всегда права.

– Правильно, считаете. – Одобрил его ответ первый и продолжил размышлять дальше. – К руководству в партии приходят молодые люди, энергичные, готовые продолжить великое дело строительства коммунизма. Самым молодым в политбюро является наш новый генсек – Горбачев Михаил Сергеевич. Ему нравится, когда его по-простому называют Михаил, а не Михаил. Говорил я с ним на пленуме. – Подчеркнул эту фразу Столяренко. – Заметили, как он энергично и по-умному взялся за дело. Перестройка и ускорение. Вот! – Наизидательно поднял вверх указательный палец, первый. – С этого давно бы надо было начинать.

– Да. – Коротко согласился Семерчук, не зная, что добавить к словам Столяренко и, не ухвативший пока, тонкую ниточку мысли первого секретаря.

В партийной иерархии никто, никогда не скажет в глаза выше и нижестоящим по должности коллегам не только плохо, но и с намеком на недостатки вышестоящих руководителей. Эту субординацию соблюдал и Столяренко – старый партийный волк, переживший многих руководителей, особенно в первые годы восьмидесятых. Критику допускал только в адрес ушедших в мир иной или на пенсию руководителей и то мягкую – у всех у них, в конце концов, обнаруживаются небольшие недостатки. Но эти недостатки ясно видны почему-то потом... Железный закон о правильности действий существующего руководства, в среде партий-

ных функционеров соблюдался неукоснительно.

– Видите, пришли на смену к руководству страной молодые люди. – Снова повторил первый свои ранее сказанные слова, явно на что-то намекая, но пока не раскрывая всего до конца. – Скоро произойдут большие перемены в кадровом составе на всех уровнях. – Привыкший к канцелярско-партийной словесности, Столяренко не мог говорить по-другому. Впрочем, эта же черта поведения присутствовала в разговорах всех партийных работников. – Придется нам, старикам, скоро перейти на более спокойную работу или на пенсию. – Добродушно намекнул он на себя. Ведь ему скоро стукнет шестьдесят. – Вам молодым заканчивать дело наших дедов, которое не успели закончить их сыновья и внуки, то есть мы. – Философствовал первый. – Ну что ж, такая жизнь! – Рассудительно подвел он итог своей философской мысли и перешел к практическим делам сегодняшнего дня. – Так вот! Надо смелее выдвигать к руководству новые, свежие кадры, чтобы успешно провести перестройку и войти в качественно новый этап жизни. – Но не уточнил, что имеет в виду под новым качественным этапом. Но об этом даже в партии знали смутно. – Мы сейчас решительно выдвигаем на ответственные должности молодежь. Вот и вас, как видите, не забыли. – Вернулся после некоторого лирическо-философского отступления, к главному вопросу, первый.

Он снова начал перелистывать личное дело Семерчука. Сердце претендента на новый пост сжалось в тревоге – вдруг,

что-то такое, нехорошее, обнаружится в его документах, а во рту снова появилась липкая и густая слюна. К документам невозможно придаться, но все же... Столяренко смотрел в его документы и уже спрашивал, попутно рассуждая:

– Тридцать один год. Самый раз. Наполеон в двадцать четыре стал генералом. – Продемонстрировал свою эрудицию первый. – Образование – историк. Наш институт закончили? – То ли спросил, то ли утвердительно прокомментировал Столяренко.

Семерчук встрепенулся.

– Наш. Ворошиловградский пединститут.

– Хорошо. Местный... Служил в армии. После института... Тоже хорошо.

Это был самый скользкий и неудобный момент в биографии Семерчука. Не мог же он прямо сказать, что пошел служить в армию после окончания института, чтобы не ехать по распределению в деревню, и пояснил:

– В авиации... Призвали...

Но была и другая причина. В армии он должен был вступить в партию. Для интеллигенции существовал классовый процент, который не позволял ей широким потоком вливаться в коммунистические ряды. А многие хотели в нее влиться. Поэтому тесть настоял на военной службе. Готовил достойного зятя, равного ему. Да и место службы подыскал недалеко – здесь же в городе, в военном авиационном училище штурманов. Роман на военной службе, не только каждые вы-

ходные ночевал дома, но и каждый второй будний день проводил в кругу семьи. Так, что получилось что-то вроде семейно-военной службы. Но об этом факте он никогда и никому не рассказывал, но зато вступил кандидатом в члены партии. Столяренко не слушал его пояснение, а продолжал листать личное дело.

– Работал в комсомоле. Хорошо... Закончил высшую партийную школу. Это вообще хорошо. Женат. Дети...

– Двое. Мальчик и девочка.

– Вижу. В характеристике указано, что вы хороший семьянин. Так и надо жить. По-коммунистически.

Столяренко закрыл папку и спросил Романа, вроде бы по-свойски:

– Ну, а как тесть поживает?

С этого следовало, собственно говоря, и начинать разговор. Его тесть в свое время был секретарем обкома партии и работал вместе со Столяренко. Но вот уже три года, как перешел на работу в облисполком, заместителем председателя. Тесть несколько дней назад имел разговор с первым секретарем по поводу дальнейшей партийной карьеры зятя и тот, наконец-то, назначил Роману нынешнюю встречу. А то бы, когда еще выбрал первый секретарь время для беседы с ним.

– Работы много. – Ответил Семерчук. – Как и вы допоздна засиживается на работе. – Лъстиво сравнил он работу своего тестя и первого секретаря.

– Да, работы у нас нынче много. Надо перестраиваться,

по-новому работать. Вот и сидим круглые сутки здесь. Но с тестем я виделся, а как отец поживает? Давно не видел и не разговаривал с ним.

Отец Семерчука раньше был на партийной работе, но несколько лет назад его, как и тестя, перевели на хозяйственную работу, и он стал руководителем горисполкома крупного шахтерского города областного подчинения. Вся семья Романа прошла путь партийной работы, который он должен был еще пройти. И он поспешил ответить:

– Трудится отец. Сами знаете, сколько забот в шахтерских городах.

– Знаю. Я ему позвоню. Надо попросить у него помощи в строительстве дороги на железнодорожный вокзал. – Столяренко тяжело вздохнул. Было отчего, – эта дорога строилась уже больше десятка лет, и конца строительству не было видно. Теперь отец Романа должен был оплатить часть дороги, а может еще что-то. Семерчук вздохнул, – за его назначение на должность заплатит отец. Ясно! Ну что ж, папа опытный руководитель и мудрый в житейских делах человек. Пока Роман в умении жить с ним не сравнится. Выкрутится отец.

– Значит так. – Начал подытоживать итоги беседы Столяренко. – По всем параметрам вы подходите на должность заведующего отделом. Вы и так исполняете эти обязанности, после неожиданной смерти прошлого заведующего. Успешно исполняете. – Подчеркнул первый. – Я переговорю с Киевом и, думаю, там согласятся с нашим предложением о ва-

шем назначении. А на пленуме обкома утвердим вас.

Столяренко замолк, а к горлу Семерчука подкатилась волна благодарности к первому секретарю:

– Спасибо. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

– Не мое доверие, а партии. – Поправил его Столяренко. – Я уверен, что у вас получится. Участок ответственный. Разверните широко работу по разъяснению решений апрельского пленума. Так, чтобы народ понял, что перестройка – это серьезно и надолго. Да, это так! Срочно составьте комплексный план мероприятий по антиалкогольной пропаганде. Пора нам серьезно за это дело браться. Процесс по ликвидации алкоголя пошел. Нам нельзя отставать от центра. Донбасс – запойный край. Что возьмешь с шахтеров? Не пообещаешь бутылку, они не полезут в воскресенье в шахту, и не будет никакой повышенной добычи угля. Больше нельзя их спаивать. Задействуйте все наши культурные, научные и прочие интеллигентные силы.

– Сделаю! В ближайшие дни. – С искренней благодарностью, за новое назначение, пообещал Семерчук.

– Да, да. В ближайшее время. – Рассеяно ответил Столяренко. Сказывалась усталость сегодняшнего дня. – А какова обстановка в вашем отделе? И, вообще в обкоме, не проявляются и не существуют ли незрелые настроения?

Столяренко особенно ценил конфидициальную информацию о своих сотрудниках. До сегодняшней встречи, он не спрашивал Романа об этом. Но это понятно – у него пока не

такая высокая должность, чтобы быть близким к первому. Конфиденциальную информацию сообщали ему только секретари и заведующие отделами. А те, в свою очередь, получали такую информацию от своих доверенных подчиненных. Для волнений у Столяренко были все основания. Столяренко в Ворошиловграде был пришлым человеком. Его предшественника, – любимца луганчан, много сделавшего для города и области, – сняли с шумом. И обыватель мог сравнивать, – до прихода Столяренко, при прошлом первом секретаре, было полно всякой колбасы, а сейчас за вареной колбасой стоят очереди. Это самое простое, приземленное к жизни сравнение, было не в пользу Столяренко. Все в городе знали, что он своим детям, живущим в Киеве, еженедельно отправляет поездом продукты. Горожане были этим недовольны, – даже семью не перевез сюда! О каком местном патриотизме, можно вести речь? В Ворошиловграде первый жил только с женой. Да и редко, в отличие от прошлого секретаря, он посещал сельские районы и заводы. А в шахту так и не удосужился спуститься, чтобы понюхать угольной пыли. Больше сидел в кабинете, здесь ему хватало работы с лихвой.

Семерчук снова сглотнул густую слюну и решился проинформировать его о словах инструктора, уже его отдела. Как раз, касающихся самого больного места первого – его семьи.

– Знаете, я давно хочу к вам зайти и сказать... – Слегка замялся Семерчук, чтобы Столяренко увидел его неподкупность и политическую зрелость. – У нас в отделе, Литвя-

ков иногда допускает незрелые высказывания... Ну, как сказать...

– Как и что он говорит? – Поощрительно улыбнулся первый, а сам напрягся в кресле, как сыч, высматривающий добычу.

– Он говорит, что вы, отправляя продукты своим детям, оставляете других работников обкома, без копченой колбасы.

– Только о колбасе говорит?

В буфете обкома сотрудники могли приобрести копченую колбасу, твердый сыр, еще кое-какие продукты, которых не было в магазинах города.

– Да. Ну и о других деликатесах. Все на колбасу меряет. Я и многие другие понимают, что детей нужно поддерживать, а вот некоторые... – Семерчук скромно замялся на слове «некоторые». Пусть первый сам догадывается об остальном.

– Это хорошо, что кто-то понимает. – Тяжело вздохнул Столяренко. – В Киеве живут дети, внуки... Там им вообще сложно такое купить. Вот хочется побаловать внуков. Ладно! Этот вопрос мы решим. Действительно, надо больше заказывать дефицита в наш буфет. Чтобы всем хватало. Я распорядюсь. А вы пока к этому..., как его, Литвякову, приглядитесь получше. Может, придется сделать организационные выводы. Хоть идет процесс демократизации, но не должна страдать дисциплина. Вы, я надеюсь, правильно понимаете...

Столяренко снова вздохнул и хотел еще что-то сказать, одобрительно кивающему в ответ его словам Семерчуку, как раздался звонок телефона. Звонила жена. Это Семерчук понял по ответам первого. Тот говорил в трубку:

– На улице душно. Давай, дорогая, поедem сейчас на дачу. Переночуем на свежем воздухе, а не в загазованном городе. Я уже выхожу. Домой заходить не буду. Возьми, что нужно и жди в вестибюле дома. Устал сильно. Нужна смена обстановки. Хоть на ночь поменять казенные стены на естественную зелень. Я уже еду.

Столяренко положил трубку на телефон и сказал, протягивая руку для прощания Семерчуку.

– Надеюсь, что с вашим утверждением все пройдет успешно. Если, что нужно будет – сразу же ко мне. Всегда помогу.

– Спасибо. – С увлажнившимися глазами, не зная за что, но с искренним чувством души поблагодарил его Семерчук. – Я буду работать. Я люблю эту работу.

– До свидания.

– До свидания.

С радостным волнением в груди Роман выскочил в приемную. Там, зевая, все еще сидел перед телефоном Сорокин.

– Всё? – Коротко спросил он.

– Всё! – Радостно ответил Семерчук.

– Поздравляю нового заведующего. – Буднично произнес Сорокин. – Он еще долго будет здесь? – Сорокин имел в виду Столяренко.

– Уже уходит. Едет с женой на дачу. Устал сильно.

– На дачу бы хорошо съездить и нам. Завтра селекторное совещание в десять часов. Он успеет отдохнуть. А нам надо, как всегда быть раньше, то есть вовремя.

– Будем! – Воскликнул Семерчук. – До завтра!

– Пока.

Роман, возбужденный разговором с первым секретарем обкома и предстоящим назначением, почти пробежал по этажам здания, к себе в кабинет, схватил портфель и сразу же побежал домой.

«Почему заведующим отделами не положена служебная машина?» – Задал он сам себе вопрос, но отвечать на него себе же не стал. Пока хватит новой должности, а машины сами подъедут к нему.

2

Роман, не замечая асфальтовой духоты Ворошиловграда, примчался домой в приподнятом настроении. Жил он недалеко от обкома, в многоэтажном, длинном доме, прозванным народом за художественную бесформенность «китайской стеной». Двухкомнатную квартиру, несколько лет назад, помог получить ему тесть, тогда еще секретарь обкома. Но с рождением второго ребенка, эта квартира стала мала его семье, требовалось расширение жилплощади. И он стоял в очереди на расширение. Сейчас ему очень хотелось обрадовать жену – Лену, – новой должностью и услышать от нее слова похвалы в свой адрес.

Хоть и отметил Столяренко, что у него коммунистическая семья, то есть, крепкая, а Семерчук согласно поддакивал ему в этом, на самом деле, отношения с женой, в последнее время, складывались не лучшим образом. Он видел, что Лена, чем-то недовольна. Конкретно, им. Но до конца понять ее охлаждение к себе, он не мог. Она открыто не высказывала ему своего неудовлетворения. Но подспудно он это чувствовал. Изменять ему она не могла, – не так воспитана. В этом отношении Роман был уверен в жене. Лена предпочитала все свободное от работы в школе время, проводить с детьми. Им она отдавала всю свою материнскую душу. Отдыхать где-то отдельно от семьи она не желала, и всегда на море они ез-

дили вместе, семьей. Это был их летний отпуск. Роман же ежегодно вторично отдыхал в санатории один, зимой – такой дополнительный отпуск был положен работникам обкома для укрепления здоровья. Жена отказывалась ехать только с ним в санаторий, предпочитая оставаться дома с детьми. Но и Роман сильно не настаивал на совместном отдыхе в санатории – одному лечение намного приятнее и полезнее для здоровья, чем вместе с женой. И он в зимнем санатории не скучал. Всегда на лечение ехали партийные сотрудницы, которые были не прочь отвлечься от государственно-партийных забот с коллегами по партии. Главной причиной недовольства жены, он считал квартирную проблему. С получением новой должности он связывал решение жилищного вопроса. Как заведомо, он теперь должен был получить четырехкомнатную квартиру – ему будет положен дома кабинет. А там и снова заладятся семейные отношения.

Роман, открыв дверь своим ключом, радостно ворвался в квартиру.

– Ура! – Закричал он с порога. – Ура! Кажется, у меня получается! Иду на повышение!

Десятилетний сын Владислав кинулся к отцу на шею:

– Ура! Папочка!

За ноги цеплялась четырехлетняя Оксана:

– Папуля, а ты конфеты принес?

– Не успел, Ксюшка! Уже поздно и магазины закрыты.

Завтра я тебе куплю килограмм конфет. Хорошо?

– А шоколадку?

– И шоколадку тоже. Договорились?

Маленькая еще Ксюша. Не понимает радости отца. Вот сын постарше, все уже понимает.

Роман, удерживая Владика рукой, висящего на его шее и, взяв Оксанку за руку, прошел в зал. Из кухни вышла Лена. Роман уже тише сказал ей:

– Слышала, что я сказал? Я только что беседовал с первым. Он согласен назначить меня заведующим...

Он замолк, ожидая реакции жены. И она последовала – сухая и равнодушная:

– Поздравляю.

Как ему сейчас хотелось, чтобы жена поздравила более тепло и нежнее. Как хотелось!

– Ты не рада?

– Рада. Как не радоваться твоим успехам. Ты ж мой муж. Но я знала, что тебя назначат. Приходила моя мама и сказала, что папа говорил насчет тебя со Столяренко и вопрос с тобой решен.

У Романа недовольно перекошилось лицо, – чертова теща! Всегда успеет сунуть свой нос, куда не требуется и всегда не в свои дела, а зятя!

– Твой папа нам всегда помогает. – Ответил осторожно Роман. – Все бы и без него обошлось. Он только ускорил процесс прохождения меня на должность. Но знай, что и мой папа теперь должен что-то сделать... Все не так просто.

– А что он должен сделать?

– Точно не знаю. Может помочь строительными материалами на дороге к вокзалу? Может еще что-то? Позже узнаем.

– Не нравится мне, что все у вас продается.

– Не продается, а покупается! В любом случае все пойдет на благо города, народа. – Роман специально перевел разговор на дорогу, а не на свое назначение. Неприятно все же чувствовать, что его должность покупается. Но Лена не обостряла неприятный разговор.

– Хорошо. Ужинать будешь?

– Какой вопрос! Я обедал... – Роман посмотрел на часы. – Девять часов назад. Голоден, как волк.

– Иди на кухню. А вы, дети, спать. Уже поздно. Сказка для малышей давно закончилась. Дождались папу, и теперь идите к себе. Я сейчас приду к вам.

– А сказку расскажешь? – Попросила Оксана.

– Расскажу. Но сначала накормлю папу.

Владислав с Оксаной спали в одной комнате. Родители в зале. Дети пошли к себе в комнату, а взрослые на кухню. Лена насыпала ему супа в тарелку, поставила котлеты с гарниром.

– Будешь пить чай или кефир?

– И кефир и чай. Я так сегодня проголодался.

Жена, молча налила в стаканы просимое им, и села напротив него. Они молчали. Роману было неприятно после ее холодного поздравления продолжать разговор. И он, молча,

усердно, хлебал суп. Наконец, Лена произнесла, но обычное, что она говорила ему достаточно часто.

– Сейчас ты приходишь поздно с работы. А скоро на новой должности не будешь появляться сутками? – Это она уже спросила.

Роман виновато улыбнулся.

– Понимаешь, у меня такая работа. Я партийный функционер и не принадлежу себе. Потребуется, – буду на работе и ночевать. Понимай правильно.

– Я понимаю. А вот дети не понимают. Все их воспитание лежит на моих плечах, да моей мамы.

– Я снова тебе говорю, Лена! Я партийный функционер. Такова специфика моей работы – заботиться в первую очередь о других, о народе, а потом о себе. Ты ж знала за кого выходишь замуж?

– Не знала. Тогда ты был студент, а не функционер. Я думала, что ты будешь работать в школе или в институте. А твой и мой папа тебе определили партийную стезю.

– Они не причем. Если бы я не захотел, ты бы не поддержала, то я бы не пошел на работу в комсомол. Ты ж тогда не возражала?

– Глупая была. Всех последствий твоей работы не могла предположить.

– Лена! Ты сама все хорошо понимаешь, а назло мне говоришь обратное. Зачем мужчине школа? Ему нужна работа посерьезней, солиднее, чем учительская. Это вам, женщи-

нам, такая работа хорошо подходит, но не мужчинам.

Лена глубоко вздохнула и ничего не ответила. Такие разговоры происходили у них в последнее время достаточно часто, и так он отвечал ей всегда. Роман, непонятно почему, чувствовал себя виноватым перед женой. Лена в одном права, – детям он уделяет мало внимания. Просто у него не хватает времени. Он это видит. И Роман начал пояснять ей выгоды нового назначения – может, станет мягче и поймет его заботу о семье.

– Лена, ты сама видишь, в каких условиях мы живем. Квартира стала мала. Надо быстрее получить расширение. А на этой должности, получим квартиру вне очереди. Четырехкомнатную. Мне положен отдельный кабинет...

– Некоторые всю жизнь живут в худших условиях и счастливо терпят бытовые неудобства.

– У нас растут дети. Им тоже вскоре потребуются квартиры. Ты об этом не думаешь?

– Думаю. Мама сказала, что папа хочет передать нашу квартиру старшей дочери моей сестры, своей внучке, а нам ускорить получение новой квартиры.

– Молодец у тебя папа. Все правильно продумал. Не сдавать же эту квартиру горисполкому? Пусть родственники в ней живут. Ты с ним поговори, чтобы он поторопился с квартирой. Ты ж его любимая дочка... – Роман аккуратно намекнул жене, что и она должна принять активное участие в получении новой квартиры, с помощью своего папы. Но Лена

не приняла его осторожной рекомендации.

– Он любит и мою сестру. Делайте, что хотите. Давай я помою посуду и пойду к детям. Присплю их.

– Вода горячая есть?

– Была. Вечером пустили.

– Тогда я бегом в ванну, а ты не задерживайся долго с детьми.

Лена ничего не ответила – мыла посуду.

Через час, лежа в постели, Роман спросил жену:

– Лен, скажи, что с тобой происходит? Ты чем-то недовольна?

– Всем довольна. Только мне не нравится, что твоя работа не честная...

– Не говори так! – Сразу же перебил он ее. – Более честной работы, чем партийная – нет!

– Я знаю эту работу. Мой папа всю жизнь там проработал. Я за свое детство и юность такого наслышалась о его работе... Из его же уст. Подлее нет работы. Лучше быть учителем, чем функционером, как ты любишь выражаться.

– Давай прекратим этот разговор. Лучше обними меня и поцелуй. Давай по-функционируем? – Партийную терминологию он перенес в интимные отношения.

– Что-то не хочется сегодня функционировать. – Равнодушно ответила Лена.

Роман обиженно вздохнул, но больше не сказал ей ни слова, а демонстративно повернулся к ней спиной, носом к стен-

ке.

«Принципы у нее появились!» – Зло думал он о жене. – Функционировать? И придумала же словечко для постели. Я говорю так в шутку, а она серьезно. Пусть со своими принципами и живет! Завтра же позвоню Галке. Она тоже функционер и все правильно понимает. Только, как бы выкроить время? Завтра будет видно». – И с этой мыслью Роман быстро заснул. Все-таки намотался за день.

А Лена не могла долго заснуть. Она ощущала тепло тела мужа и понимала, – может, зря она его сейчас обижает. Надо было ей думать о будущей семейной жизни раньше. Сейчас поздно – надо просто жить. Смириться с окружающей действительностью и жить ради детей. Роман у нее красивый, умный, удачливый муж. Правда, много времени у него отнимает работа. Но он верен семье, любит ее и детей. Многие завидуют их семейным отношениям, считают образцовыми. Дети растут хорошие и послушные. В крайнем случае, больших огорчений не приносят.

Что же ей, маме и жене, еще нужно?

Вроде бы ничего! Все идеально! Но это в глазах других.

А что у нее внутри?

А внутри у нее была обида. Обида на окружающий мир и свою родню. Мир несовершенен и ее родственники, а также родственники мужа извлекают из его несовершенства выгоду. И ее они обидели лично, с выгодой для себя. Когда-то ее родня и родня мужа объединились, ради нее. Ей тогда толь-

ко исполнилось девятнадцать лет. Что она могла понимать в жизни? А ее выдали замуж. За Романа. Да, именно выдали родня. Иначе не скажешь. Но и она хороша, – полюбила своего будущего мужа, быстро, бегом. Роман заканчивал пятый курс института, а она только второй. Оба учились на историческом факультете. Эти два года обучения он ее не замечал, хотя они были знакомы с детства. Родители дружили семьями. Вдруг неожиданно, в конце второго курса он ее заметил и вспыхнул к ней неожиданной любовью. С месяц провожал ее домой, хотя сам жил в общежитии. И в конце месяца провожаний, сделал ей предложение. Папа с мамой сразу же одобрили ее выбор. Но она отказала Роману – сказала, что ей рано еще замуж. Причина была – ей нравился другой парень – курящий и любивший выпить.

До своего быстрого замужества она почти два года, с первого дня учебы в институте, встречалась с однокурсником. Он уже отслужил в армии, в отличие от Романа, и прошел серьезную жизненную школу. Был старше ее на пять лет. На год старше Романа, но учился с ней вместе на одном курсе. Она с тем парнем периодически встречалась. Именно периодически. Несколько дней могли быть вместе. Потом он занимался какими-то своими делами и как будто забывал о ней. Потом снова встречались. Правда, в основном, в библиотеке, готовясь к семинарским занятиям. А потом он шел пить пиво с друзьями и иногда провожал ее домой. Как девочке, ей было с ним интересно, как девушке – страшно. Он был

непредсказуем, но опекал ее с любовью, как старший брат. Сам ее не обижал и не позволил бы обидеть другому. Но никто другой не посягал на ее достоинство, видя их дружбу. Дальше редких поцелуев у них любовь не шла. Только дружба. Действительно, она была для него как бы младшей сестрой, о которой он трогательно заботился. Он не только не делал ей предложения, но и не намекал о совместной жизни в будущем. Она его тогда любила. И он ее любил – точно. Потом она увидела его настоящую любовь к ней. Конечно бы, они позже поженились. Но тогда это был еще второй курс... – рано о замужестве думать. А у того парня не было высокой родни за спиной. Он все делал сам. Но он ей очень нравился, и в своих девичьих мечтах она мечтала соединиться с ним на всю последующую жизнь. Но будущий безродный зять не нравился ее родителям.

Тогда она догадывалась, а позже от матери и сестры узнала, что ее родители и семья Семерчука, договорились ее отдать замуж за Романа. Отец Романа, тогда руководил партийной организацией крупного шахтерского города и имел большое влияние в области. Угольные рекорды из его города, сыпались как подарки из мешка Деда Мороза и звенели по всей стране. Папе Романа прочили дальнейшее партийное продвижение, но что-то дало сбой в механизме его карьеры. Тем не менее, он теперь руководил не партийной, а всей хозяйственной жизнью этого города и продолжал пользоваться большим влиянием в области.

Но тот парень, с которым она встречалась, решил заработать деньги и поехал со строительным отрядом на Север Западной Сибири строить газопровод. Они попрощались до осени. Но, если бы он сказал ей, что едет зарабатывать деньги для их будущей жизни, – так он мысленно рассчитывал, – то все было бы по-иному. Но вот этого, самого главного для нее, он не сказал. А женщины любят конкретность. Но она ее не получила. А если бы он сказал, что едет со стройотрядом для того, чтобы потом быть всегда с ней, она бы поехала с ним. А родители смирились бы с ее выбором. Но он о их будущем промолчал. Лена хотела это лето поработать в пионерском лагере вожатой, и осенью снова встречаться с ним, но все получилось по-иному. Ее отец достал две путевки для отдыха в Крыму, в престижном санатории, где отдыхали артисты и прочие известные в стране люди. Хоть отец и подчеркивал, что купить такие путевки сложно, но Лена понимала, что для его положения это не сложно. Ехать с ней на отдых должен был Роман Семерчук. И она согласилась вместо работы в пионерлагере, ехать в Крым отдохнуть почти месяц.

Но с отдыха она вернулась уже не девушкой, а женщиной. И не просто женщиной, а будущей мамой. Родители не упрекнули ее в преждевременной беременности, более того, они, вроде бы, были довольны случившимся. Срочно, в августе сыграли свадьбу, и она покорно во всем соглашалась со старшими. А в начале сентября приехал ее стройотрядо-

вец. Ему сразу же сокурсники рассказали о свадьбе Лены и Романа. Он ей не стал звонить, хотя она ждала с замиранием сердца, этого звонка. Он ушел в запой. Как ей рассказывали, он каждый вечер приглашал друзей в ресторан «Юбилейный» и пил с ними, заказывая музыкантам песню «Остановите музыку...». Так он пропил, заработанные тяжелым физическим трудом, двенадцатичасовым рабочим днем в болотах Сибирского Приполярья, свои полторы тысячи рублей.

А Роману, окончившему институт, предстояло служить в армии. И через месяц после свадьбы молодой муж отправился к месту службы. Служба была недалеко здесь же в городе, – пятнадцать минут езды на автобусе от дома.

В сентябре их курс работал в колхозе, но она по причине беременности, была освобождена от этой работы и находилась дома. Они с Романом жили у ее родителей. А в октябре, когда начались занятия, она увидела бывшего своего парня и ждала, что он подойдет к ней и потребует объяснения, а она как героини пушкинских произведений гордо ответит ему: «Поздно! ...я другому отдана; я буду век ему верна». Но он к ней не подходил даже, кажется, и не смотрел в ее сторону. И пушкинская женская категоричность верности мужу у нее стала таять, и ей хотелось уже поплакать на его груди. И дней через десять после начала занятий, она сама подошла к нему в читальном зале в областной библиотеке, где они еще недавно вместе готовились к занятиям. Он всегда занимался в областной библиотеке, благо она рядом с институтом.

Она села на свободный стул за его столом и тихо поздоровалась с ним. Он ей ответил на приветствие, и когда она начала говорить, – «понимаешь ли»... , он ее прервал, ответив, что все понимает, и попросил ее уйти. Она со слезами на глазах ушла за свой столик и там беззвучно для других расплакалась...

Весной родился сын. Имя сыну дал отец. Она не возражала. Но учебу не оставила, не брала академический отпуск. Но, потерянный ею парень, все-таки помогал ей. Когда, после родов, надо было срочно написать курсовую, он подошел к ней в той же библиотеке, и дал книги с закладками, что надо выписать, пояснив, что если преподаватели и читали эти книжки, то давно о них забыли. И, в порыве благодарности к нему, она за два дня напечатала курсовую работу на печатной машинке. Так ей хотелось, чтобы он заметил, как она быстро выполнила его указания. Но он этого не заметил. А рядом был двухмесячный Владислав. Потом он еще иногда помогал ей и ничего не требовал взамен. Но это была помощь, как бы с расстояния. Не было в ней прошлой душевной, а может быть даже, любовной теплоты, а просто была его врожденная обязанность помогать слабому. А на пятом курсе он женился на девушке с другого факультета.

Роман в армии стал кандидатом в члены КПСС. После демобилизации родители сразу определили его на работу в горком комсомола, а через три года он стал работать в обкоме партии инструктором. Получили двухкомнатную квартиру,

потом появилась дочь – Оксанка.

С тем парнем, который остался работать в городе, она изредка, случайно встречалась на улице. Кроме дежурных фраз – как жизнь, ни о чем другом не говорили. Раза два, она встречала его с женой. Лена ее видела еще будучи студенткой – тогда многие удивлялись, что он выбрал не красавицу. За ним бегали девчата покрасивее. Но его жена ей понравилась своим спокойствием и заметно, видимой даже другим, любовью к мужу. В ее душе поднималась ничем не обоснованная ревность к чужой жене, но Лена сжимала эту ревность в крепкий кулак, и внутренне желала ей и ему семейного счастья.

В последние годы Лена стала чувствовать себя обманутой в жизни. Ее, тогда несмышленную, наивную девятнадцатилетнюю девчонку обманули взрослые. А они были ее родителями и любили ее безмерно. Да, да! Ее любили и лелеяли в семье, как хрупкий цветочек. Этой любви к ней не отнимешь у ее родителей. А потом, ради ее же счастья, подбросили ей в мужья удачливого Романа – не курящего, не пьющего, полностью положительного. Тогда он еще не пил, сейчас часто приходит с работы выпивши.

И у нее стала копиться обида на мужа. Почему он согласился тогда с игрой взрослых людей? Не мог он ее так быстро полюбить, да и не старался любить. Ему нужна была жена влиятельных родителей для собственных целей. А она тогда, на отдыхе в Крыму, все-таки увлеклась им. Правда увлече-

ние проходило под влиянием алкоголя. И она выбрала его неожиданно для себя. Того, которого совершенно не любила. Комсомольскую и партийную карьеру он себе обеспечил, в первую очередь, благодаря тестю. Высшую партийную школу закончил. И сейчас его толкают все выше и дальше по работе.

В последнее время в голову стала приходиться дурная сравнительная мысль – кого она тогда больше любила? Того парня или Романа? Сейчас, к собственному неудовольствию, приходила к выводу, что любит того однокурсника до сих пор. Некоторая любовь к Роману пришла позже, с рождением детей.

Одновременно ей стала приходиться в голову совестливая мысль, – а не предала ли она того парня? Его и свою первую любовь? Но тогда он, в отличие от Романа, ничего ей не обещал, правда и ничего не требовал. Был суров и самостоятелен, сам себе пробивал дорогу в жизни. И она приходила сейчас к выводу, что совершила тогда предательство. Любовные разборки были ниже его достоинства. А она, так и не смогла донести свою любовь к нему до логического завершения. Юный соблазн оказался сильнее чувств. А разума у нее тогда еще не было. Это сейчас можно признать.

Вспоминая его, она испытывала не просто угрызения совести, а чувствовала, что совершила что-то нехорошее в жизни. Но прошлого уже не вернешь. Оно навечно остается в памяти. У того парня уже своя семья, у нее своя.

Долго Лена не могла заснуть в этот вечер, копаясь в своей душе, анализируя свои нынешние отношения с мужем, выискивая ошибки в своей жизни. Лена, с недавних пор, стала понимать, что для исправления ошибок, совершенных в молодости, не хватит всей остальной жизни. Более того – многие ошибки молодости невозможно исправить. И Лена приходила к выводу надо ей жить так, как распорядилась судьба – с любимыми детьми и нелюбимым мужем, – отцом ее любимых детей.

Утром она спросила Романа:

– Мы в этом году поедem куда-нибудь отдыхать? У меня отпуск, у детей каникулы.

Тот отрицательно покачал головой в ответ:

– Я не смогу. Надо освоить новую должность. Езжай сама с детьми на море. Я договорюсь насчет путевок...

– Не надо. Мы лучше с детьми отдохнем на даче. Немного потрудимся на огороде. Покупаем и позагаарем. Северский Донец рядом.

– Как хочешь. Ты должна понимать, что у меня этим летом не будет свободного времени. Началась перестройка. Нам ее надо двигать вперед и расширять. Понимаешь?

– Понимаю. Двигай и расширяй перестройку. – И Лена тяжело вздохнула.

3

Следующая неделя пролетела у Семерчука, как один миг. Пришлось писать кучу планов и мероприятий по пропаганде новых перестроечных идей, присутствовать и выступать на партийных собраниях в разных организациях, а в субботу, – выходной для всех нормальных людей день, – собрать и озадачить, как это у них называлось, свой актив. В него входила интеллигенция: учителя, врачи, преподаватели институтов, просто активисты от идеи. Речь шла об активизации антиалкогольной пропаганды. Вся эта интеллигентски сознательная масса должна была научить бессознательный народ трезвости.

После совещания к нему в кабинет зашло много активистов, желающих искренне помочь своему народу избавиться от «зеленого змия». Всем надо было уделить капельку внимания, пообещать помощь сверху, то есть свою помощь.

Наконец, в его кабинет зашел Милюк. Они знали друг друга со студенческих лет. Сильно не дружили, но иногда встречались на таких совещаниях и на улице, случайно. Милюк работал в институте, уже защитил кандидатскую диссертацию и большим партийным активистом не являлся. Но сегодня он присутствовал на совещании.

– Привет, Витя, заходи. – Как можно радушнее пригласил его Семерчук. Но сам внутренне напрягся – не зря он пришел

– будет просить оказать ему услугу.

– Здравствуй, Рома. – Ответил Милюк, протягивая руку для приветствия.

– Садись. Что тебя привело ко мне?

– Ваше совещание. Сказали всем обществоведам присутствовать в обязательном порядке. Вот и пришел. Поздравляю тебя с новым назначением.

– Еще рано. Пока временно исполняю. Через неделю пленум. Как он утвердит, тогда и приходи поздравлять.

– Все равно поздравляю. Ты быстро растешь. Наверное, ни в одной области нет такого молодого зава.

– Не знаю. Как вызовут на совещание в столицу, посмотрю, может я действительно самый молодой. Но ты зачем пришел ко мне? Рассказывай, а то времени мало. Кто-нибудь еще прибежит сюда и помешает.

– Я быстро. Меня ребята ждут.

– А что они не зашли ко мне?

– Не хотят задерживаться долго в обкоме. Мы сейчас идем обмывать антиалкогольную кампанию. Будем бороться с алкоголем путем его уничтожения.

– Как всегда, ты шутишь невпопад. Дело же серьезное и важное. Сам понимаешь. Ты не работяга, тебе много объяснять не надо. А ты после такого совещания, такое заявляешь... – Обиженно ответил Семерчук.

– Шучу. Но давно с некоторыми друзьями не встречался. Есть о чем поговорить. Не на сухую же разговаривать.

– Черт с вами, такими активистами. Говори, что нужно?

– Я вчера к тебе заходил, но не застал. Я по поводу Матвеева. Его вчера вызвали в ваш обком, в отдел науки и беседовали по поводу его отдельных высказываний.

– Что именно? – Насторожился Семерчук.

– На лекции, в институте он сравнил нашу партию с огромным динозавром. Он нам объяснил, что имел в виду численный состав. Нормальная партия должна составлять один процент от взрослого населения страны. Так на западе пишут. А у нас больше десяти процентов.

– Так это хорошо. Чем нас больше, тем мы крепче.

– Не думаю. Такая масса партийцев не может сразу же овладеть коммунистической идеологией. Идеология – удел избранных. Например, – у тебя она есть.

– Пока избранных. – Семерчуку польстило, что Милюк считает его носителем передовой идеологии.

– Но для этого мы и работаем, чтобы наша идеология стало делом всех, а не только кадровых работников партии.

– Ты со мной непроизвольно согласился.

Семерчуку было неприятно дебатировать этот вопрос, и он спросил:

– А откуда узнали в обкоме о Матвееве?

– Кто-то из студентов настучал.

– Не знаешь кто?

– Нет. На лекции присутствовало более ста человек. Вчера он имел беседу с инструктором из отдела науки. Говорит, –

подумал, что наступила гласность, все можно говорить.

– Гласность не должна проявляться в критике партии. Так мы ее распылим. Были и у нас ошибки, но всегда партия их признавала и исправляла. Да, что я тебе рассказываю. Ты ж сам преподаешь историю партии, лучше меня знаешь. Что ему за это грозит?

– Не знаю. Не приняли окончательного решения. Выгонят из института, – прощай наука. На диссертации можно поставить крест.

– А с кем ты разговаривал?

– С инструктором. Как его фамилия? Ну, такой – морда, как интеллектуального бегемота, прическа кучерявая, как у барана и упитанность, как у хорошего поросенка... Его фамилия...

– Ну, у тебя и сравнения? Понял кто. Я в понедельник с ним поговорю, постараюсь уладить все. Скажи ему, чтобы в следующий раз был осторожней. А что он сам не пришел ко мне?

– Ты сам знаешь о непростых отношениях с ним. Он к тебе сам не придет. И ты ему не говори, что я просил тебя за него.

Семерчук согласно кивнул – с Матвеевым у него сложные отношения. Но надо было показать свое новое положение, которое позволяет решать некоторые щекотливые дела. Но Семерчук про себя решил, что пока он не утвержден на новую должность, надо быть осторожнее, и он не будет гово-

ритель с инструктором из отдела науки, – что будет, то и будет с Матвеевым, но твердо пообещал Милюку:

– Послезавтра постараюсь переговорить с тем инструктором, – и добавил на всякий случай, – но сам понимаешь, меня могут не послушать.

– Ты постарайся. Я пойду.

– Да. Извини, что дольше не могу с тобой говорить. Дел много.

Но Матвеев не успел уйти. В дверь без стука вошел Севрюков – работник горкома партии. Он уже видел Семерчука раньше, поэтому, не здороваясь с ним, сразу же обратился к Милюку:

– Сколько тебя ждать? Ты ж сказал на минуту.

– Давно не виделись. Разговорились. – Виновато оправдывался Милюк.

– А кто еще ждет? – Спросил Семерчук.

– Да, все, с кем ты учился или помнишь по институту.

– Так пусть они заходят сюда, чего стесняются. Я всегда рад встрече со старыми друзьями.

– Пойдем с нами, и встретишься с ними.

– А куда собираетесь идти?

– В кафе «Театральное». Рядом с обкомом. Пойдешь с нами?

– Неудобно после такого совещания. Говорил о борьбе с пьянством и сразу после сухого призыва с трибуны, в кабак. Некрасиво. Хотелось бы встретиться с ребятами. Давно не

видел.

– Решай быстрее, а то мы идем.

– Может, в другое место, а не «Театральное»?

– Куда? Предлагай!

– Подальше от обкома.

– Пойдем в «Ветеран» или «Галинку»?

– Давай лучше в «Галинку». Рядом с моим домом и подальше отсюда.

– Это ж рядом с горкомом. А я там работаю. Но мы не стесняемся. Туда забегаем. Мы, с Виктором пошли, а ты не задерживайся. Пять минут на сборы.

– Подождите меня у входа. Я сейчас соберусь.

Северюков с Матвеевым ушли. Семерчук быстро побросал бумаги в портфель, с которыми хотел поработать дома, и приготовился к уходу. Но в это время осторожно приоткрылась дверь, и в кабинет заглянул Попов, – инструктор его отдела.

– Что нужно, Владимир Николаевич? – Недовольно спросил Семерчук.

Попов был старше его лет на пятнадцать. Старый партийный волк, прошедший хорошую комсомольскую школу выживания. Жизнь в ней заключалась в том, что слабых, то есть ниже себя по должности и по положению, надо или не замечать, или беспощадно давить, размазывая, что называется по стенке, а перед высшими начальством лебезить. Все это делалось под прикрытием добродушной, дружеской улыбки.

Только опытный человек мог определить его подлую сущность. Может быть, из-за этих внутренних качеств он не вырос по служебной лестнице. Руководству очень нужны такие исполнители – кого-то раздавить, а кого-то облизать. Попов понимал, что ему по возрасту повышение не светит, и писал диссертацию на экономическую тему, хотя не проработал на производстве ни одного дня.

– Я вчера не успел вам сказать, что секретарь дал мне задание по проверке Литвякова. – Осторожно произнес Попов, пытливо взглядываясь в своего молодого начальника.

Руки Семерчука, клавиши бумаги в портфель замерли – сработало его сообщение первому о Литвякове. Началась раскрутка по выживанию его из обкома. Что ж, пусть будет так! Независимые суждения, иногда проскальзывающие в речах Литвякова, ему не нравились. Но не он инициатор удаления из партийных структур Литвякова, а более высшее начальство. Это хорошо. Он остается в стороне от этого дела.

– В чем заключается задание, Владимир Николаевич?

– Он предоставил справку о политической работе одного города в искаженном виде. А в обком поступила другая справка из милиции, где отмечается падение дисциплины, усиление преступности. Наверное, он по-дружески не захотел подводить знакомых. Секретарь сказал, что первый расвирепел от полярного заключения справок. Приказал немедленно перепроверить и все представить лично ему...

Сердце Семерчука учащенно забилося. Вот как, выходит,

можно убирать тех, кто много треплется языком, в рамках его же работы найти недостатки и подставить подножку.

– Что ж. – Как можно спокойнее произнес Семерчук. – Раз секретарь дает вам такое задание, то езжайте. Немедленно в понедельник оформите командировку. Только вы, в отличие от Литвякова, подойдите к проверке объективно. Речь идет о судьбе нашего товарища. Смягчите негативное отношение к нему со стороны первого. Может выговором обойдется.

Семерчук внимательно посмотрел в бегающие глазки Попова – понимает ли он, почему назначена перепроверка? Но тот отвел взгляд в сторону и коротко ответил:

– Я буду объективен.

Он все правильно понял – Литвякова надо убрать.

А Семерчук понял, что задание секретаря будет выполнено безукоризненно и Литвяков не найдет серьезных аргументов для своего оправдания. Для Попова, он из товарища по работе, превратился в отработанный материал.

– Я тороплюсь. – Сказал Семерчук. – Поэтому, если что, звоните. Да и вообще держите меня в курсе, относительно Литвякова. Постараемся выправить положение с ним. Всем нам свойственно ошибаться.

Он снова посмотрел в лисьи глаза Попова и тот ответил:

– Буду вас информировать регулярно по телефону и согласовывать сложные вопросы.

– Хорошо. А сейчас я побежал. Опаздываю еще на одно мероприятие. – Он не уточнил на какое. Пусть Попов дума-

ет, что у него еще где-то заседание, на котором присутствие его обязательно.

Тот в ответ понимающе улыбнулся.

4

Семерчук выскочил из входных дверей обкома и увидел знакомых ребят, стоящих в сквере. Да, старые друзья были для него всегда ребятами. С одними он когда-то учился в институте, с другими был знаком много лет. Они ему сейчас были нужны. Он хотел развернуть широкую агитацию в области по разъяснению народу причин и сущности перестройки, а также антиалкогольную пропаганду. Надо себя на новой должности показать с лучшей стороны. Пусть видят его партийную хватку. Лекторов обкома, для воплощения его идеи не хватит, надо было привлечь друзей, работающих в институтах. Все они внештатные лекторы общества «Знание». Так они подрабатывают к заработной плате и им все равно, что читать, лишь бы платили. Могут пропагандировать и идеи трезвости. По этому поводу стоило выпить с ними, заручиться их поддержкой.

– Заждались меня? – Весело спросил Семерчук.

– Конечно! – Ответил за всех Севрюков. – Мы решили – докурим, и если ты не придешь, не ждать тебя. Почему задержался?

– Один хрен задержал меня. Здравствуйте ближе, с кем не успел раньше поздороваться.

Друзей было всего четверо. Кроме Матвеева – большого любителя выпить, Севрюкова – боевитого, но туповатого ра-

ботника горкома, были Милюк – месяц назад защитивший диссертацию и не выходящий по этому случаю из запоя, и Дропан из пединститута, который лишнего не пил, но остался выпить по тактическим соображениям – авось из этой встречи будет и ему польза.

– Идем в «Галинку»!

Пять минут ходьбы – и они оказались в маленьком кафе, а проще говоря, – забегаловки. Посетителей было немного, и они заняли столик. Севрюков, как постоянный клиент этого заведения, – горком расположен через дорогу, подозвал продавщицу, барменшей назвать ее нельзя, а официантов здесь не было – самообслуживание, и приказал ей:

– Галя, две бутылки водки на стол. Только не той, что всем наливаешь, а знаешь какой? Закуски немного сообрази, недорогой. Каждому по порции.

Галя все понимала, только уточнила:

– Насчет водки не беспокойтесь, а закуски разной или всем одинаково?

– Разной. Мы по кругу попробуем все.

Галя упорхнула внутрь кафе. Таких клиентов она обслуживала за столиком лично и через минуту поставила на стол две, запотевшие в холодильнике бутылки водки, а перед каждым тарелку с закуской – капуста, огурцы, помидоры. Кому попало все это отдельно на тарелке, кому в ассорти.

– Одиннадцать пятьдесят. – Словно невзначай предупредила их она. – Приятного аппетита. – И пошла за стойку.

– По два тридцать с каждого. – Быстро подсчитал Севрюков.

– Не надо. Я угощаю. – Остановил его Семерчук. – Вы сегодня испортили свой выходной по моей инициативе. Хоть чем-то вам компенсирую этот день.

Да, за инициативу надо было платить. Он вытащил деньги и махнул рукой Гале. Та подбежала к их столику.

– Возьмите. Лучше сразу уплатить, чем потом расплачиваться. – Пояснил он.

Галя молча отчитала ему сдачу, и положила на стол, прежде чем Семерчук успел сказать, – не надо. Но Галя ушла, – с таких клиентов она не брала чаевые.

– Открываем. За что выпьем? – Чувствуя себя старшим по положению в компании, распорядился Семерчук.

– Давай, Роман, за тебя. Ты получил повышение.

– Еще рано. – Завозражал довольный предложенным тостом Семерчук. – Я пока временно исполняю обязанности...

Но водку уже разлили в стаканы и Милюк сказал:

– Выпьем за тебя, Рома. Чтобы в следующий раз мы обмывали твою должность не здесь, а в солидном заведении. Чтобы ты рос дальше, и нам пришлось записываться на прием к тебе, но чтобы ты нас обязательно принимал. За тебя!

Милюк сказал коротко потому, что чувствовал жажду в горле после вчерашнего, а опохмелиться перед приходом в обком он не решился, – опасно, могут заметить.

Все остались довольны тостом. Семерчук с чувством, тро-

нутый вниманием друзей, произнес:

– Спасибо, Витя. Давайте первый тост за меня. С чего-то же надо начинать выпивон. – Пошутил он.

Но Виктор уже опрокинул водку в рот и сейчас глубоко дышал, загоняя ее дальше внутрь. Все выпили и стали закусывать. Наступила небольшая пауза. Проглотив помидор, Семерчук спросил всех, никому конкретно не обращаясь:

– Ну, ребята расскажите, как у вас идут дела? А то за этой текучкой, мы так редко встречаемся. Забывать начинаем друг друга. У тебя, Витя, успешно прошла защита?

– Нормально. Только, видишь, поседел.

– Так было сложно?

– Нет. Сначала я писал диссертацию под Брежнева, потом переделывал под Андропова, потом бегом под Черненко. Только повставлял в текст его руководящие фразы в диссертацию и меня приняли к защите, как он умер. Думал, вернут на доработку, придется выискивать умные мысли у Горбачева, а он пока мало что наговорил. Но, слава богу, все обошлось. Видишь, поседел на этом.

Все засмеялись. Они знали, как двигается общественная наука вперед. Без указующей ссылки на здравствующего лидера, диссертации не проходили. Семерчук, отсмеявшись, пояснил:

– Что поделаешь, раз партия – руководящая сила наша общества, то надо на нее ссылаться. Но сейчас пришел молодой лидер к руководству, будут большие перемены. Я, между

нами скажу, что нам конфедициально рассказывают. Только широко об этом пока не распространяйтесь. Горбач – сила. Он выбрал правильное направление – ускорение нашего движения...

– Каждое ускорение или прыжок в будущее, ведет общество в пропасть или к краху... – Перебил его Матвеев.

Семерчук укоризненно покачал головой:

– Коля, у тебя и так неприятности... – Но он тактично не стал при всех их пояснять, – из-за твоих знаний, вернее языка, всегда нарываешься на неприятности.

– Так история учит. – Неохотно пояснил Матвеев свою мысль. – Был же уже прыжок в коммунизм... – И он замолк.

– Перестройка – не хрущевская маниловщина. Сейчас все рассчитано до винтика. У нас в стране лучшие ученые, больше всего научных открытий, но они почему-то не внедряются. А если внедрились, то мы бы давно жили при коммунизме. Почему такое происходит? – Задал он риторический вопрос.

И снова ответил Матвеев:

– Потому, что у нас есть план. Он все сковывает.

Семерчук внутренне злился на Матвеева. Но у него были веские причины относиться доброжелательно к нему, даже помогать. Но когда-нибудь он нарвется на неприятность из-за своего ума и никто ему не сможет помочь.

– Дело не в плане. – В сердцах, недовольно, произнес Семерчук. – Мы его выполняем. Статистика свидетельствует.

– Статистика все врет. Когда логика бессильна, прибегают к статистике. Поэтому она не считается у нас наукой, а прикладной дисциплиной.

– Хватит об этом спорить. Я хочу сказать, что Горбачев взялся за правильное дело. Надо поднять науку и технику и оздоровить наше общество духовно. А духовно поднять общество можно, только запретив пьянство. – Семерчук говорил убежденно, так как писали газеты, как говорили вышестоящие органы и товарищи. У него сомнений в правильности выбранного пути не было.

– Давайте по этому поводу нальем. Надо выпить и закрепить перемены, которые касаются всех нас. – Предложил Милюк.

Но тут вмешался Севрюков.

– Витя! Мы говорим о серьезных вещах, а ты их сразу же сводишь на нет. То, что мы встретились в кое веки раз, и, конечно, отмечаем встречу, не означает, что мы все время так будем делать.

– Леша, извиняюсь, что грубо зацепил твою партийную душу. Но уже пора выпить. А то пошли серьезные разговоры.

– Ты такой же коммунист, как и я, как Роман. Не подковыривай нас. Давай лучше выпьем за твою защиту.

– Давай.

Снова разлили по полстакана водки, и выпили за Виктора. Но Дропан отказался.

– Больше ребята не могу. Вы пейте, не смотрите на меня.

Я ж не могу столько, сколько вы.

Дропан действительно был равнодушен к алкоголю. Это знали все и не настаивали, чтобы он выпил.

Семерчук, снова закусив помидором, сказал Дропану:

– Вот ты, Толя, не пьешь. Почему бы тебе не организовать у себя в институте общество трезвости.

– Я с сентября уезжаю в аспирантуру в Киев. – Уклонился от предложения Дропан. – Поэтому объективно не могу.

– А жаль. Я сейчас ищу людей, которые бы возглавили это дело. Окажем помощь всяческую, даже будем зарплату платить руководителям общества. Такое общество уже создается в стране.

– А кто его возглавит? Найдется ли непьющий в стране?

– Найдется. Вот нам приводили пример. Горбачев пьет только «Боржоми». Понятно? Могут же люди не пить.

– У нас настоящего «Боржоми» днем с огнем не найдешь. Мы не горбачевы. Приходится водкой перебиваться. Пусть лучше не хватает ума, чем денег на водку. А у Горбачева, все наоборот. На Руси каждая выполненная работа заканчивалась хорошим застольем. А сейчас мы нарушили славную традицию. Вот бы и конец перестройки надо было бы закончить хорошей пьянкой, в которой участвовал бы весь народ. Он – главный страдалец всех наших реформ. А так получится, что ему нечем будет подсластить свою нелегкую судьбу. – Ответил Матвеев.

– Ничего. Я уверен, через некоторое время, мы – я имею, в

том числе и себя, и не прикоснемся к рюмке. Дайте нам только немного времени. А народ убедится, что трезвенность лучше всяких застолий.

В кафе зашел высокий, долговязый посетитель. Все узнали в нем Сашу Смирного, который закончил исторический факультет позднее их. Это была серая, ничем неприметная личность. Но он был знаменит тем, что отхватил в жены дочку директора крупного завода. Как ему это удалось? Все удивлялись до сих пор. Но недавно жена выгнала его из дома, и он стал холостяком, перейдя жить к своим родителям. Жена, родив ребенка, восстановила личную справедливость, — конечно же, ей нужна более яркая личность.

– Саша! – Позвал его Севрюков. – Подходи к нам.

Саша, застенчиво улыбаясь, подошел к их столику, и подслеповато щурясь сквозь толстые стекла очков, начал всем пожимать руку.

– Садись к нам.

– Сейчас возьму выпить...

– Мы нальем.

– У вас ничего не осталось.

Саша Смирный, не слушая больше никого, шаркая подошвами туфель, направился к прилавку и взял сто граммов. Потом подсел к ним.

– Как, Саша, поживаешь? Расскажи.

– Сами знаете. Настроения никакого, перспектив никаких... Сейчас в школе работаю. Я же беспартийный. Все тя-

нул со вступлением в партию, а теперь мне туда путь закрыт. – И вдруг жалобно попросил. – Помогите мне вступить в партию? Вы ж можете помочь...

Его удлиненное, лошадиное лицо, выражало покорность судьбе, а бледно-синие глаза вообще ничего не выражали.

– Подойди ко мне на днях. Решим. Давайте выпьем с Сашей, да я пойду. – Ответил Семерчук. – За сегодня хочу подготовить некоторые планы и мероприятия. – Пояснил он и сокрушенно добавил. – Совсем нет времени на личную жизнь.

С ним не спорили – он действительно занятой человек. Разлили остатки водки в стаканы и подняли их. Заключительный тост решил произнести Семерчук – все-таки по положению он выше остальных. Но тост должен получиться таким, чтобы его восприняли, как руководство к дальнейшим действиям, чтобы все влились в процесс, который уже, вроде, пошел. Все-таки получался не тост, а обычное заключительное слово на партийном собрании, подчеркивающее задание на будущее.

– Чтобы, ребята, наша дружба не кончалась. Встречались чаще. Давайте объединимся в один кулак для решения грандиозных задач. – Он уже привык говорить партийными штампами и не мог от них избавиться в кругу друзей. – Мне так нужна ваша помощь. А я вам помогу в свою очередь. – Он посмотрел в сторону Матвеева, но тот его, кажется, не слушал. Приподняв стакан, он просматривал на свет водку,

будто бы оценивая ее качество. – Давайте выпьем за нас!

Все выпили и, торопливо закусив, Семерчук поднялся.

– Я пойду. До встречи.

Севрюков, тоже поднялся:

– Мне пора. А то и в выходные нет отдыха.

Дропан, большее время нахождения за столом, молчавший и пришедший к выводу, что сегодняшнее застолье ничего ему путного не принесло, произнес:

– Я тоже пойду.

И Саша Смирный вдруг заторопился. Больше он не хотел выпить.

– Рома, можно я тебя провожу. Поговорить надо.

Семерчук недовольно поморщился, но ответил:

– Хорошо. Но только я в этом доме живу. Немного уделю тебе времени. А вы пойдете? – Обратился он к Милюку и Матвееву.

Те переглянулись.

– Может еще по сто грамм? – Спросил Милюк Матвеева. – У нас время есть.

Матвеев кивнул головой в знак согласия.

Все поняли, что они остаются. Уходившие пожали руки оставшимся и двинулись к выходу. Милюк махнул рукой то ли барменше, то ли продавцу, – Галине. Она подошла к их столику.

– Вам еще сто или сто пятьдесят? – спросила она.

– Бутылку. – Бросил устало Матвеев. – И из холодильника,

как в первый раз.

– Один салат из помидоров и один из огурцов. – Успел добавить Милюк. – Я думаю, закуски хватит, а потом еще подумаем.

Галя понимающе улыбнулась. Таких клиентов нельзя обижать. Надо дать все качественное.

– Сейчас исполню.

Вышедшие на улицу попрощались. Когда Дропан и Севрюков ушли, Саша жалобно попросил Семерчука:

– Рома, я серьезно прошу – помоги мне с приемом в партию. Я так сейчас зол на весь мир, особенно на тестя и его дочь, что готов все порвать. – Он смотрел на него сквозь очки безвольным взглядом. – Мне надо доказать им, что я что-то могу сделать, могу без них обойтись. А без партии мне не написать диссертацию, не работать в приличном месте...

– Сложно. В партию стремится только интеллигенция. Конечно, с карьеристских побуждений. Мы уже в разряд рабочих зачислили продавцов, завскладами, официантов, короче всех, кто не интеллигент. Настоящие рабочие редко вступают. И то те, кто заканчивает заочно институты и техникумы, и ждут руководящую должность. Знаешь что, Саша, подойди ко мне на этой неделе. Поговорим, и прикинем что-то по твоему вопросу.

– Хорошо. Только тебя поймать трудно.

– Лови. До свидания.

– До свидания. – Покорно согласился Смирный. Ему бы

хотелось получить хоть небольшие гарантии выполнения своей просьбы, но большего он не посмел просить. Ссутулившись, он пошел прочь от дома, под названием «китайская стена».

Семерчук зашел в свою квартиру. Она была пуста. Жена с детьми уехала на дачу к родителям. Он бросил дипломат на пол и уселся в кресло. После выпитого чувствовалась расслабленность, работать не хотелось, тем более над какими-то планами.

«Может быть, отдохнуть ночку? – Спросил он сам себя. – Жены нет. Я один. Имею же я права на отдых? Конечно, имею!»

Он потянулся к телефону и набрал номер. Но на противоположном конце провода никто не брал телефонную трубку.

«Уехала Танька куда-то с мужем. Позвоню Галке».

Он набрал другой номер и услышал голос своей старой подруги.

– Ты сама дома?

– Нет. Сын здесь.

– Ты не можешь его отправить к маме, ночевать?

– Сейчас спрошу. Перезвони минут через пять.

Роман положил трубку на телефон и вытянулся в кресле.

«Сможет ли Галка отправить сына к матери или сестре ночевать?» – Размышлял он.

Ему хотелось уйти на отдых на всю ночь. На пару часов приглашать Галку не хотелось – простое раздражение, а не

удовольствие.

Через пять минут он снова позвонил.

– Ну, как?

– Можешь приходить. Он пойдет к моей сестре, к братьям.

Только приходи не раньше, чем через час.

Послышались короткие гудки в трубке.

«Молодец, Галка! – Подумал он о своей старой подруге. –

Железный человек. Никогда не подведет!»

Но следующая неделя выдалась для Семерчука не совсем удачной. Словно его ангел-хранитель отвернулся от него. Саша Смирный почему-то не пришел к нему. А может, заходил и не застал его. Саша такой растяпа, что ему и помогать не следует. Если не получится что-то сразу, то опустит руки и положится на веление судьбы. Но это его заботы. По Матвееву он не стал договариваться. Времена другие, авось, ему ничего не будет. Собственно говоря, так и произошло. Матвеева обком больше не трогал.

Новость, которую привез для него секретарь по идеологии – Кревский, была пострашнее. Он вызвал его к себе для притирки планов агитационной работы и сказал Роману:

– В Киеве возражают против вашей кандидатуры на должность зава отделом?

– Почему? – Внутренне похолодев, дрожащим голосом спросил Семерчук. Должность уплывала от него.

– Считают, что вы слишком молоды. Пока вам надо поднабраться опыта и предлагают другую кандидатуру.

– Пришлют, или из наших?

– Из области.

– Кого?

Кревский назвал кандидата из шахтерского города, но не того, которым руководил его отец. Семерчук знал нового

кандидата на его должность.

– Так он не намного старше меня.

– Все же постарше. Он, только что закончил высшую партийную школу, и ему нужно подыскать соответствующую должность.

– И я закончил партийную школу. – Продолжал допытываться у Кревского истины, Роман.

И тот, дипломатично уходя от прямого ответа, все же вынужден был сказать Роману правду:

– За него хлопочут из ЦК. Очень влиятельные люди.

– Кто?

Кревский молча пожал плечами, не ответив на этот вопрос.

– Ну, а мнение нашего обкома не учитывается?

– Мы, конечно, заинтересованы, чтобы на этой должности работал наш человек, но им в ЦК виднее.

Умел говорить Кревский так, что не зацепишься за его слова. Недаром он учился заочно в дипломатической академии в Москве, на следующий год ее заканчивал и должен был перейти на новую, заграничную стезю работы.

– Да. – Только и смог разочарованно произнести Семерчук. – Значит, не стоит мне готовиться к выступлению на пленуме. – Это произнес он уже с горечью.

– Почему же? – Возразил Кревский. – Ваше выступление актуально. Тем более мы хотим впервые предложить альтернативные выборы. Перестройка и гласность позволяют это

сделать. Приедет на пленум секретарь ЦК Енченко. Он куратор нашей области и Донбасса в целом. Как я понял, ему все равно, кто будет завоём. Мы ему будем предлагать вас, но ему в ЦК могут сказать, чтобы поддержал другого. Так, что не отчаивайтесь, работайте. Мы стоим за вас. У нас в области показатели неплохие. Расскажем о вашей личной работе и ваших инициативах. Попробуем его переубедить. Может быть, вам придется лично ему рассказать о своей работе. Готовьтесь...

Роман ушел от Кревского в расстроенных чувствах. Как он старался все это время, работал дни и ночи – без всякого преувеличения. Даже свою семью не видит за этой работой. И вот так получается! Ты не нужен обкому. Кто-то другой займет пригретое тобой место. Настроения работать пропало. А тут появился к нему Литвяков. Пришлось решать вопрос с ним.

– Роман Богданович, мне, видимо придется уйти отсюда...
– Поздоровавшись, расстроено сообщил он.

Попов, после проверки, составил справку витиевато. Прямо не указывал на виновность Литвякова. Но из ее содержания выходило, что Литвяков искажил факты своей проверки и сознательно сделал не те выводы, которые вытекали из созревшей обстановки. Справку надо было написать ему более жесткую.

– Я читал справку Попова. Как это вы могли так поверхностно подойти к проверке?

– Не поверхностно. Мы всегда писали подобные справки. Не выносить же все недостатки наружу. А сейчас...

– А сейчас перестройка, гласность. – Эти слова не сходили с уст партработников, и Семерчук к ним привык, как к ложке и вилке во время еды. Да, они и кормились всю жизнь пропагандой новых идей. – Надо учитывать новую обстановку. А вы сработали по старинке. Сейчас же только и говорят о новом мышлении.

Роман говорил с Литвяковым примирительно и поучающе, хотя тот был старше его. Ни в коем случае, Литвяков не должен подумать, что гнев первого обрушился на голову инструктора с его подачи. Но сейчас Роман не мог сильно притворяться, у него были свои заботы, которые заслонили заботы других.

– Знакомые же там работают... Не захотел подводить. У других подобные же справки о проверке прошли, а у меня нет. Сразу же попала на стол первого. Почему? Не пойму.

Семерчук понял, что Литвяков, может быть, догадывается о его роли в этом деле и решил, что пора и ему притвориться обиженным.

– Скажу вам, только сугубо между нами. Я, может быть, не буду заведующим отделом.

Литвяков удивленно поднял на него глаза.

– Почему? Вы уже давно и хорошо справляетесь с этими обязанностями. Кроме вас я не вижу другой кандидатуры.

– Я только что от Кревского. Он сказал, что ЦК хочет по-

ставить сюда другого...

– Это неправильно.

Литвяков снова был самим собой и высказывал свою точку зрения, не взирая на авторитеты. Честное суждение было слабым местом в его работе. Но признание Семерчука, что он может оказаться временным исполняющим обязанности заведующего, убедило того, что Роман не виноват в его пролете. Они, как бы оказались в одинаковом положении.

– Но это сугубо между нами.

– Понял. Но вы останетесь в отделе, а куда мне идти?

– Найдут место. Свои кадры, даже снятые с работы с более строгими формулировками, чем у вас, у нас не бросают на произвол судьбы.

– Уже нашли. Предлагают или в гороно, или в районо, снова инструктором.

– Нормальное место.

– Я туда не пойду. Не хочу больше командовать. Пойду в школу учителем. Правда, одновременно предлагают быть завучем. Посмотрю.

– Не отчаивайтесь. Поймите правильно. У меня после такого известия секретаря, тоже нет никакого настроения. Поэтому не могу вам сказать утешающих слов. Но всегда заходите, чем могу, тем помогу.

– Я понимаю вас. – Ответил Литвяков и вышел.

«Слава богу! Кажется, меня он не подозревает в подвохе. Такой человек не нужен мне в отделе. – С облегчением ду-

мал Семерчук. – Будет только воду мутить своим мнением, да заниматься критиканством. Пусть идет работать, куда хочет».

Семерчук о Литвякове раздумывал – просто так, машинально. Главной была мысль, – что делать ему? Без боя он не хотел сдавать другому место, предназначенное ему. Ситуацию надо было срочно менять. Кто поможет? Прежде всего, тещь. Он дока в аппаратных играх.

Он позвонил тещю, но секретарша ответила, что его нет на месте. Зная, что звонит зять заместителя председателя облисполкома, она сказала, что сообщит ему сама о приходе тещя, телефонным звонком.

День тянулся мучительно долго. Роман больше никуда не ходил выше по начальству, заходили к нему его сотрудники, решали текущие вопросы. Но всю, еще час назад интересную работу, он делал сейчас без интереса, автоматически – согласен, доработать, не пойдет, позвонить кому-то и дать нагоняй, что не выделил деньги на оформление агитации в городе.

Только во второй половине дня позвонил тещь и спросил, что он хочет. Секретарша сообщила ему о звонке зятя. Тещь беспокоился – обычно, во время работы они не звонили друг другу по пустякам. Значит что-то серьезное. И тещь спросил об этом прямо.

– Есть некоторые осложнения в моей работе. – Уклончиво ответил Роман, которому не хотелось по телефону разъ-

яснять суть дела – вдруг их разговор прослушивается. – Ну-
жен ваш совет.

Тесть все понял.

– Зайди вечером к нам.

– Только не поздно.

– Я сегодня постараюсь освободиться во время. У тебя с собой ключи от нашей квартиры?

– С собой.

– Если задержусь немного, подожди.

Ровно в шесть Роман покинул работу. Пусть сегодня задерживаются другие – у него свои заботы.

Квартира тестя была закрыта. Теща, с дочкой и внуками жила летом на даче. Тесть, тоже, как и зять, остался, как бы холостяком. Семерчук своими ключами открыл дверь и вошел в четырехкомнатную квартиру родителей жены. Он мечтал о такой квартире и именно в этом элитном доме, с охраной в подъезде. Таких домов немного в Ворошиловграде. Но, увы, ему еще пыхтеть и пыхтеть до положения тестя.

Хотелось есть, и он полез в холодильник. Достал копченую колбасу, сыр и стал жевать. «Наверное, купил колбасу в своем буфете». – Равнодушно констатировал он. Тесть, как и он, в отсутствии жены не готовил себе горячего.

Семерчук очень уважал тестя. Тот был его главным наставником в жизни после женитьбы. Со своим отцом Роман встречался не часто. Изредка приезжал к родителям на праздники. Отец, в силу своей занятости, не мог часто при-

езжать к ним в гости. В основном, он забегал к ним во время приезда на совещания, посмотреть на внуков, передать им подарки от бабушки. Образ и характер Романа лепил тесть, – тертый калач, прошедший хорошую обкатку жизни в партийных органах, а недавно перешедший на работу в облисполком. Тесть понимал, что счастье его дочери зависит от мужа, и умело делал карьеру зятю. Тем более фамилии у них были разные и о их родстве знали немногие. Все складывалось неплохо в их родственных связях для хорошей карьеры.

Через полчаса послышался скрежет ключей в замках и вошел тесть – Леонид Михайлович Фотин. Это был среднего роста, полноватый мужчина, давно переваливший пятьдесят лет.

– Ты уже здесь? – Приветствовал он вопросом Романа. – Поел? Правильно сделал. Сейчас я переоденусь, а то на этой жаре пропотел даже пиджак. А ты собери на стол, что есть в холодильнике и возьми там же бутылочку коньяка. Немного отдохнем и поговорим.

– Сделаю. – Ответил Семерчук, не успев поздороваться с тестем из-за его длинного рассуждения и приказа.

Он стал выкладывать из холодильника на кухонный стол еду и поставил бутылку коньяка. Вошел одетый в спортивный костюм Фотин и задал Роману вопрос, который застал его врасплох.

– Что ты в эти выходные не приезжал на дачу? Тебя Лена очень ждала, дети хотят тебя увидеть.

– Времени не было. – Заикаясь, ответил Роман. Не мог же он признаться отцу своей жены, что провел остатки субботнего дня и ночь с Галкой. – В воскресенье писал перспективный план мероприятий по антиалкогольной пропаганде... Срочно требуют... В эту субботу поеду.

– Мог бы приехать. Работа бы не убежала. А то все на тебя обижаются. – Тесть больше не стал заострять вопроса о его непосещении семьи на даче и предложил. – Давай вначале перекусим, а потом о делах.

Он налил в рюмки коньяка, и они выпили. Закусив, тесть коротко обратился к Семерчуку.

– Рассказывай, что случилось? Серьезное?

– Серьезное, Леонид Михайлович. – Тестя он так и не мог называть словом «отец». Но тот не обижался.

И Роман рассказал о разговоре с Кревским, горестно закончив:

– Уплывет от меня это место.

– А что ж ты мне сразу же не сообщил, а ждал до вечера? – Сурово спросил тесть.

– Я звонил вам. Но вас не было на месте.

– Да. Не было. Жара стоит. Посевы горят. Пришлось присутствовать на совещании сельскохозяйственных работников. Ну, хорошо, что сегодня сообщил. Что ж предпринять? – Размышлял Фотин. – Поговорить со Столяренко? Этот негодяй... – Так выразился о хозяине области его близкий соратник, что удивило Романа. Тесть так характеризовал

вал, обычно, подчиненных ему руководителей. А сейчас – первого. – Он откажется меня принять, раз сверху его просят. Найдет причину для отказа. Ты отцу звонил?

– Еще нет.

– Позвони. Сейчас же.

– А что ему сказать?

– У Столяренко была к нему личная просьба – отправить стройматериалы в Киев. Там он строит дом сыну, а может и себе, на всякий случай. Киев – не Ворошиловград. Там приятнее жить на пенсии. Твой отец обещал ему все сделать, но когда тебя утвердят.

– Знаю. А он успел туда отправить машины?

– Не знаю. Поэтому позвони.

Роман подошел к телефону и набрал номер другого города. Но никто не взял трубку, видимо, рабочий день закончился и все ушли. Он позвонил домой, и мать подняла трубку. Она была очень обрадована звонком сына и сразу же стала расспрашивать, как они живут, как внуки, как здоровье всех... Материнская болтовня по пустякам раздражала его и коротко ответив, что все хорошо, он спросил, где отец. Но тот оказался на каком-то торжественном совещании. Роман не говорил, что звонит от тестя, а тот не пытался говорить со сватьей – сейчас главное не родня, а дело. Попросив мать, чтобы отец, когда вернется, обязательно позвонил тестю и ему, он попрощался с матерью, пообещав навестить их ближайшее время.

Фотин был явно разочарован, что не состоялось немедленного разговора с отцом Романа, и продолжил расспрашивать зятя.

– А кого хотят поставить на твое место?

Роман назвал фамилию претендента на его должность.

– Твой отец в том городе знает хорошо все руководство. Пусть выяснит, откуда у него такие связи. Видишь, даже в ЦК его курируют.

– Действительно. Из небольшого городка. Какая может быть связь?

– Может. – Жестко произнес Фотин. – Еще, как все может. Наше государство, как паутиной опутано родственными связями. Браки детей, прежде всего, заключаются на столично-провинциальном уровне, конечно же, детей руководителей. Получается так, что директор крупного завода или местный руководитель, кормит столичную родню, а та, в свою очередь, опекает его сверху. А этой сети, без малого, семьдесят лет. Представляешь многослойную паутину – бабушки и дедушки, их дети, потом внуки, а может уже и правнуки. Сложно в этой сети найти себе ячейку. Партийно-государственный аппарат полностью пронизан родственными связями. За примерами далеко не стоит ходить. Самый видимый – Брежнев и его дубовый зять. А ты разве не такой? – Напрямую спросил Фотин, чем смутил зятя.

– Нет. – Удивленно пожал плечами Семерчук, несколько оскорбленный, плоским сравнением тестя. – Я женился на

вашей дочери по любви.

– По любви! – Ехидно усмехнулся Фотин. – Если бы тебе твой отец не дал установку – жениться на моей дочери, ты бы ее до сих пор толком не знал. А она у меня и красавица, и умница. Ей в столице место.

– Вы, думайте, что говорите?! – Зло огрызнулся Семерчук на тестя. – Не представляйте меня таким ... ну, прохвостом. Вы же с моим папой расхвалили мне – еще юнцу, свою Лену. Посоветовали приударить за ней. А она встречалась с другим, а я ее отбил у того парня. Забыли?

– Помню. Поэтому и посоветовали тебе за ней ухаживать, чтобы не досталась безродному выродку. Она ж была такая молоденькая, могла влипнуть на всю жизнь в школьного учителя. – И Фотин добавил примирительно. – Ладно, не злись. В тот момент ты все правильно сделал. Ты заслуживаешь ее любви.

Эти слова еще более обозлили Романа.

– А может быть она заслуживает меня? Вы не можете по другому думать о дочери? Или отцовская любовь к ней все заслоняет?

Фотин понял, что сильно переборщил в разговоре с зятем и решил несколько смягчить тон.

– Вы хорошая пара. Заслуживаете друг друга? Но я заметил, что в последнее время Лена ходит, как не своя. Вы не ссоритесь?

Роман не склонен был рассказывать причины охлаждения

между ним и женой. Да и он не знал, почему Лена стала замкнутой с ним. Поэтому он решил сказать тестю, то в чем его упрекала жена – пусть знает, как его дочь относится к работе мужа:

– Немного ссоримся. Она не понимает специфику моей работы. – Он решил сказать явное, о чем хорошо знал тесть. – Говорит, что я мало внимание уделяю детям, прихожу домой только ночевать. В общем, забыл о своих отцовских и семейных обязанностях. Этим она недовольна. Она здесь права. – Благородно добавил он. – У меня нет времени даже съездить на дачу, провести их. Стараюсь сейчас очень хорошо работать.

Фотин правильно понял его и ответил:

– Да. Она права и ты прав. Надо бы ей все объяснить. Настрою мать, чтобы поговорила с ней, еще раз рассказала, как она со мной жила. У меня ж была такая же ситуация. Пока дети были маленькие.

Он вдруг посмотрел на Романа пронизывающим взглядом из-под тронутых сединой бровей, от которого у него похолодело в груди. Тесть подготовил для него коварный удар – вот что мог выражать его взгляд.

– А может она догадывается, или может быть узнала, что у тебя есть любовницы? И ты ей изменяешь.

Он выжидательно смотрел на зятя, видимо, довольный произведенным эффектом. Теперь у Романа все оборвалось в груди – следит за ним тесть, все знает старый пес! И он за-

икающимися голосом произнес:

– Какие еще любовницы? У меня времени и сил не хватает для вашей дочери, не то, что куда-то на сторону.

– Для этих дел всегда найдутся силы и время. У кого ты провел последнее воскресенье? Напомнить?

Роман затравленно поглядел на тестя, но попытался сопротивляться.

– Дома. Я же сказал. Готовил план мероприятий по трезвости...

– Раз сам не сознаешься, так я скажу, с кем ты готовил эти мероприятия. В постели, с Давыденко Галиной!

Фотин с довольной улыбкой смотрел на Семерчука, – пусть знает, этот молодняк, что его, старого волка, на мякине не проведешь.

– А откуда вы знаете? – Уже не сопротивляясь, и этим самым, признавая свое поражение в разговоре, тихо спросил Роман.

– Я все знаю о тебе. И Галина у тебя не одна. Сейчас. – Уточнил он. – И до нее были. Как дети у тебя вырастут, подскажу тебе, как следить за зятьями и невестками. Но я тебя не хочу ругать за это. Житейское дело. Но, если об этом узнает Лена, то смотри. А если дело дойдет до развода... Понял? – Он не договорил своей угрозы, но Роман все понял.

– Понял. – Еще тише произнес Роман.

– Я желаю дочери только счастья. Внуки у меня золотые. Я, кажется, их люблю больше дочери. А она ж у меня люби-

мица. Я ее старался не подпускать с детства ко всей житейской грязи и сейчас оберегаю. Так, что смотри. Будь осторожен.

Это тесть уже советовал, что было слышно по интонации голоса.

– Давай еще по рюмке, и закончим обсуждение твоей проблемы.

Эта была вторая рюмка за время ужина, но Фотин, видимо, был не настроен на большую выпивку. После того, как закусили, он задумчиво произнес:

– Так, говоришь, Енченко едет на пленум. Знаю его. Не раз выпивали. Если ему сказали рекомендовать не тебя, а другого, то он так и сделает. Жаль, что не знаем, кто его просит – вышестоящее или нижестоящее начальство.

Фотин задумался, а Семерчук не стал вмешиваться с советами в его размышления. Он не мог отойти от слов тестя, насчет любовниц. «Откуда он все знает обо мне?» – сверлила мозг навязчивая мысль. Наконец, Фотин произнес:

– Есть один бесприкрытый план. Но при условии, если Енченко примет его. – Он пристально посмотрел на Романа, словно проверяя – готов ли зять к новому удару и медленно произнес. – По молодости лет, да и в зрелости, Енченко очень любил красивых баб. Об этом знали, все и когда он приезжал в область, предоставляли ему таковых. Но я давно с ним не виделся, да и вряд ли он захочет сейчас со мной разговаривать – очень большая шишка. Его будет опекать Сто-

ляренко днем и ночью. Другим места не будет. Я постараюсь с твоим отцом переговорить, чтобы первый тебя взял в близкое окружение к Енченко. Но остальное будет зависеть от тебя. Подготовь ему, на всякий случай, одну из своих любовниц. Может, клюнет. Он раньше здоровый был бугай. Как сейчас, не знаю. Но так, чтобы он понял, что девка от тебя.

Роман, вообще, задохнулся от такого предложения тестя и долго глотал воздух ртом, прежде, чем вымолвить:

– Я такими делами еще не занимался...

– Ты еще многим не занимался. – Жестко произнес Фотин. – Нам приходится не только сидеть в президиумах, но и разгребать грязь. Учись! А что я тебя, собственно говоря, уговариваю. Тебе это нужнее. Продумай, кого ты сможешь уговорить. Только надежную девку. Не болтливую, и не слишком ломучую. Ну и на морду, соответственно... Чтобы секретарю сильно захотелось.

– Не знаю. Мне это противно.

– Твое дело. – Повторил тесть. – Мы с твоим отцом можем не уломать Столяренко, а до Енченко нам, ныне, не дойти. – Фотин глубоко вздохнул и потянулся на стуле. – Устал я сегодня. Посмотрю сейчас последние новости по телевизору и лягу спать. Завтра поеду на дачу. Если хочешь, тебя возьму?

– Не знаю, во сколько завтра освобожусь.

– Смотри, как лучше. Если нужно быть здесь, то не езжай со мной. Твое дело важнее. А Лене я объясню твои проблемы. Думаю, она все поймет. Она была в детстве такая по-

слушная и сообразительная. Должна понять нашу работу. – Уверенно закончил тесть.

Пора было уходить, и Роман поднялся со стула.

– Вы завтра никуда не уезжаете по области.

– Не должен. Может твой отец вырвется сюда?

– Тогда я буду держать связь с вами. Только сообщайте мне, куда будете отлучаться.

6

На следующий день, к обеду, приехал отец Семерчука. Роману позвонил тесть и сообщил об этом. Тот сразу же побегал в облысполком, благо здания находились рядом.

Отец сидел в кабинете первого зампреда облысполкома и разговаривал со сватом. Это был статный, располневший, седовласый мужчина, за пятьдесят лет. Когда Роман зашел в кабинет, то отец коротко приветствовал его кивком головы, не спросив о семье и внуках, и сразу же перешел к делу.

– Значит, возникли сложности. А обещал Столяренко, – проблем не будет. А я уже договорился в домостроительном комбинате. Ему сделали бетонные спецблоки для дома, и планировал на днях отправить их в Киев. Теперь пусть подождет. Он сейчас у себя?

– Был у себя. – Коротко ответил Роман.

– К нему попасть можно? – Это отец спросил Фотина.

– Сложно. Но тебя он может принять. Попробуй.

– Конечно, попробую. Недаром я бросил все дела и приехал сюда. Я сейчас пойду. – Решительности и пробивной силы Семерчуку-старшему было не занимать.

– Потом ты мне сообщишь о разговоре, Богдан Романович. – Попросил Фотин. – Может, ближе к вечеру зайдешь ко мне?

– О разговоре сообщу. Может, позвоню или через Романа.

А зайти не смогу. Дел невпроворот. Добыча на шахтах падает, новая техника не поступает, коммунальное хозяйство прохудилось, не знаю, за что и хвататься. Всех надо подгонять, держать под личным контролем, стучать кулаком по столу... Ух, как все надоело! Так что в следующий раз посидим, когда приеду на какое-нибудь совещание.

– Понимаю, сват. – Ответил Фотин. – У меня точно такое же положение.

Они пожали руки на прощание и Семерчуки вышли. На улице отец сказал шоферу машины, чтобы подъехал к обкому, а сами они пошли пешком.

– Что же это сват не уследил за таким поворотом дел? – Спросил старший Семерчук.

– Мы уже и не следили. Считали вопрос решенным.

– Решенным, решенным! – Раздраженно ответил отец. – Вопрос не может быть решенным, пока его не запротоколировали. Как будто забыли и не знали этого золотого правила. Пленум через два дня?

– Да.

– Как бы прорваться к Столяренко. – Вслух раздумывал Семерчук-старший. – Сейчас, накануне пленума, у него не будет времени. Надо встречать и ублажать этого кабана!

– Какого?

– Енченко. Он посетит один завод, проведет заседание, а остальное время будет жрать и отдыхать. Сошлется на нездоровье, попросит тишины и покоя.

«Так ему может не потребоваться..., ну как ее... любовница!» – Облегченно подумал Роман, но вслух ничего не сказал.

А отец распорядился:

– Я пока пойду к нему, а ты будь у себя. Никуда не уходи.

– Хорошо.

Роман сидел в своем кабинете, перебирал бумаги и ждал отца. Ему хотелось одного, – чтобы никто к нему не заходил и не мешал ему ждать ответа. Но вошел Попов. Его коренастая фигура, с выпуклой, как у атлета, грудью, протиснулась сквозь полуоткрытую дверь. Он, когда хотел сообщить плохое, не открывал дверь полностью.

– Можно, к вам Роман Богданович?

– Да. Заходите, Владимир Николаевич. Что у вас.

– Я по поводу Литвякова. Мое мнение такое, что его нельзя допускать к работе с людьми. Будет портить партийную линию. Я узнал, что он собирается идти работать в школу.

– Да. Предлагают место завуча. Я не вижу, что он там может испортить.

– Там педагогический коллектив, дети. Они восприимчивы к неординарным идеям. Я бы так мягко сказал.

– А куда вы его предлагаете переместить?

– В общество охраны памятников. Там освободилось место заместителя. Вроде должность и, в тоже время, не заметная. В охране памятников он не будет сильно влиять на окружающих. Там и коллектив – несколько человек.

– Может вы и правы, Владимир Николаевич. После пленума я поговорю с секретарем по этому поводу. Ему действительно, нужно тихое местечко. Спасибо за совет.

– Всегда рад помочь. – Попов немного помолчал. – Ходят слухи на ваше место хотят назначить другого?

Семерчук недовольно поморщился. Такие разговоры для него сейчас, были словно нож в сердце. И он ответил, как подобает дисциплинированному партийцу:

– Кадровая политика – приоритетное дело партии. Она знает, где и кому, лучше работать.

– Да. – Торопливо согласился Попов. – Я, например, знаю, что дальше инструктора мне не выбиться. Вы молоды и у вас впереди все. Но жаль, если вас не поставят. Мы к вам уже привыкли.

Семерчуку было неприятно слушать его участливые рассуждения, и он решил прервать Попова:

– Если у вас все, то мне надо срочно подготовить отчет. А позже приходите. Поговорим.

– Иду. У меня тоже много работы. Желаю утверждения. – Это он, вроде, произнес с подковыркой, и вышел.

Отец появился в его кабинете часа через три. Лицо его выражало недовольство.

– Что? – Сразу же выпалил вопросом сын.

– Ничего. – Коротко ответил Семерчук-старший. – Встретился на две минуты. Он обещает стоять за тебя, но ничего не гарантирует. Я пообещал после пленума отправить ему

стройматериалы. Пусть думает.

– А он не отомстит нам за это? – Осторожно спросил Роман.

– Если начнет мстить, то я всем скажу, что он от меня требовал. Это не полгода назад, когда надо было молчать, сейчас гласность. – Цинично ответил Семерчук-старший. – Посмотрим через три дня. Ну, а теперь, сынок, я поехал домой. Работы много. Да, передавай всем привет. Как дети? – Наконец, вспомнил он о внуках.

– Нормально. На даче с тещей.

– Приезжайте к нам. Может мать приедет. Она рвется сюда, на вас посмотреть.

– Приезжайте и вы.

Отец махнул рукой сыну, тот таким же движением попрощался с ним. Некогда из-за такой работы и приехать в гости. Она заполонила и их личную жизнь.

Роман, после ухода отца, обхватил голову руками и задумался. Столяренко мог сейчас не помочь. Оставался один выход – найти для секретаря ЦК, ну как ее – женщину или бабу. Короче говоря, любовницу. Кого же он может предложить старому кабану, – как выразился отец. А кто согласится? Не подбирать же девку из ресторанов и гостиниц. Нужна своя, все знающая и понимающая. Он стал перебирать в голове своих бывших и настоящих любовниц и знакомых. Кого уговаривать? Кто согласится? Кто?

От напряженного раздумья раскалывалась башка.

Галина Давыденко, сколько себя помнит, всегда занималась общественной работой. В детском саду рассказывала стихи, пела и плясала на праздничных мероприятиях. В школе все время была на руководящих должностях: командиром звездочки октябрят, председателем пионерского отряда, председателем дружины, членом комсомольского комитета школы, и в институте комсомольской работы хватало по горло. За общественную активность ее там приняли в партию. А после института, ее трудовой путь, естественно, начался с комсомола, а сейчас она работала в горкоме партии. Она любила свою работу и умела работать. Ее энергии и активности хватало на все, в том числе, и на семью. С будущим мужем, одноклассником, она дружила со школы. Но муж пошел учиться в машиностроительный институт, а она – в педагогический. Еще студентами они поженились. Муж – инженер на заводе, терпел ее долгие вечерние отлучки, до тех пор, пока она не получила квартиру – партийным работникам ее давали по льготной очереди, – а потом поставил ей жесткое условие: выбирай – или работа, или семья? Она выбрала работу. Мужу пришлось от нее уйти, подать на развод, и уехать в уральский город, где он создал новую семью. Сын, фактически, остался без отца. Отец платил алименты, но посещал сына редко, – во время отпуска. Так Галина ста-

ла разведенкой. Были у нее встречи с мужчинами. Но кто из них нравился, были или женаты, или не предлагали свою руку. А с теми, кто не нравился, не хотелось связывать свою жизнь серьезно. Четыре года назад, она близко сошлась с Семерчуком, когда тот еще работал в горкоме партии. Он ей нравился, но был женат. А разбивать чужую семью было не в ее правилах. Тем более она знала жену Семерчука и считала ее образцовой женщиной и матерью. А такую женщину нельзя обижать из-за похотливости мужа. Да, она и понимала, что стоит тестю Семерчука узнать о их связи, то ей не быть больше на партийной работе. Роман ей нравился, но будущую совместную жизнь, она с ним не связывала. А немного развеяться с женщиной, не только необходимо для работы и отдыха, но и полезно для здоровья. Ей было уже тридцать четыре года, но выглядела она моложе. Высокая, с великолепно сложенной пропорциональной фигурой, она вызывала открытую зависть у многих мужчин. Но она могла одновременно, кроме партии, принадлежать только одному мужчине, – сейчас это был Семерчук. И на лицо она была красива – как у камеи точеный носик, огромные синие глаза, которые постоянно излучали внимание и доброжелательность, но, правда, в них мог появиться и гнев, но это случалось редко, – у Галины был очень покладистый характер. Черные блестящие волосы, ниспадающие до плеч, делали ее похожей на киноактрису. И еще у нее был прекрасный бюст – пятого размера. Родись она лет на пятнадцать-двадцать поз-

же, быть бы ей известной моделью, перед которой Клаудия Шиффер казалась бы нескладным подростком. Но, увы, она родилась в свое время. Из-за колоритных грудей и, в целом, фигуры, ей всегда было место в президиуме, рядом с приежжим начальством, которое невнимательно слушало звонкий от достижений доклад, а более всего рассматривало ее классический профиль фигуры. А зрители в зале менее всего вслушивались в тусклую пустоту докладов, их взгляды были прикованы к пышному бюсту Галины. Не в каждом горкоме, а может и в области, найдется такой работник.

Сегодня ей позвонил Семерчук и сказал, что он хочет с ней встретиться. Она не возражала. Летом сын большую часть времени находился у ее сестры, чем дома. Там с двумя двоюродными братьями ему было интереснее, чем в пустой квартире, где мама была редкостью. Она приходила, обычно, поздно, успевала приготовить поесть, постирать. А ребенку по утрам приходилось самому разогревать еду, что ему не нравилось. Да и одному скучно кушать. Зимой встречаться с Семерчуком было сложнее – сын ходил в школу и только на выходные выбирался к братьям. Галина понимала, что жизнь у нее идет с ущербом, но ничего не могла переменить в своей судьбе. Партийная работа нравилась, она отдавала ей свою душу, – а дальше видно будет.

В этот душный вечер она ушла с работы вовремя. Семерчук просил ее не задерживаться. Он будет у нее в половине седьмого.

Галина была уже дома, только успела переодеться в халат и шлепанцы, хотела на кухне что-то приготовить, как раздался звонок в дверь. Она открыла ее, и увидела Семерчука с букетом цветов. Цветы он ей дарил только на дни рождения и, иногда, на праздники. А так больше, кажется, никогда. А может, она просто забыла о будничных подарках... Но женщине приятно получать цветы и в будние дни.

– Заходи. Цветы мне?

– Конечно, тебе.

– Спасибо. Ты такой сегодня радостный. Что-то хорошее случилось?

– Не совсем хорошее, но все нормально.

– Есть будешь?

– Буду. Я голоден, как волк. – Действительно Роман, из-за передрыг сегодняшнего дня, толком не смог и поесть.

Они прошли на кухню.

– Сын у сестры, я сейчас много не готовлю. Может потушить мясо?

– Не надо. Это долго.

– Ты торопишься?

– Нет. Но сегодня мне надо быть еще дома.

– Хорошо. Подожди минутку, я что-нибудь соберу на стол.

«Счастливая. – Завистливо подумал он о Галине. – Она еще не догадывается, что я пришел с серьезной просьбой. А может, черт с этой должностью, пусть Галка останется для

меня? Не буду ее отдавать партийному кабану?»

Но здесь ему вспомнились вчерашние слова тестя. Кажется, он так сказал, что ради бабы, тот решит все вопросы.

«Предложу ей. Откажется, настаивать не буду. Не подлец же я конченный!» – Решил Семерчук.

– Ты выпьешь? – Предложила Галя.

– Нет, Галочка, не буду. Времени мало.

– У тебя для меня всегда минимум времени.

– Не ври. В прошедшую субботу и воскресенье я тебе уделил достаточно времени.

– Такое бывает раз в год. Ешь, что есть.

Они стали ужинать, изредка перебрасываясь фразами. Семерчука просто терзала душа мысль, – когда начать с ней нелегкий разговор до того или после. Решил попозже – тогда она будет мягче. И он решительно произнес, будто что-то решил:

– Все!

– Что все? – Не поняла Галина.

– Поел. Пойдем отдыхать.

– Иди под душ, ты весь потный.

Галина была чистоплотной женщиной.

– А есть горячая вода?

– Нет. Ополоснись холодной, не простудишься.

Роман пошел в ванную. Вода действительно была холодной, но она приятно освежала пропотевшее в душный день тело. Обтерев себя полотенцем, он не одеваясь, крикнул Га-

лине:

– Галка! Я пошел в спальню.

– Иди. Я сейчас. Только освежусь.

Она пришла к нему минут через пять, свежая и красивая. Ему нравилось ласкать ее тугое, упругое тело, гладить ладонью ее несравненные груди. В это время он всегда думал, – почему у Лены нет таких грудей? А жаль! Она сухими, горячими руками гладила его спину и целовала в губы так страстно, что паралитик в ее руках ожил бы.

А позже он снова гладил ее тело, и отдельно играл грудями. Она стала мягкой и податливой – морально и физически, на все готовая, повторно, и не раз. Но надо была начинать трудный разговор.

– У меня, Галка, знаешь неприятности.

– Слышала, Рома. Не переживай сильно. Другую должность дадут. Я уже столько лет хожу в инструкторах, и продвижения не предвидится. Нет у меня партийного образования. Ты успел, а я нет.

Семерчук ухватился за ее слова – надо было ей вначале пообещать и обнадежить будущим.

– Вот, если бы меня утвердили в должности, то на следующий год я бы все сделал, чтобы направить тебя в высшую партийную школу. Я же заканчивал партийную школу заочно. И ты могла бы также учиться.

– Должность моя не позволяет мне идти туда учиться. Надо бы быть, хоть заведомом в горкоме. Ты пробил себе уче-

бу. – Она щадила его самолюбие, не говорила, что о его поступлении сильно некоторые хлопотали.

Роман решил сказать напрямик:

– Я ж тоже шел не с той должности, с какой обычно туда берут.

– Так у тебя такая солидная поддержка. У меня такой нет.

– Будет. Как утверждают на должность, все мои связи на тебя начнут работать.

– Спасибо. Хорошо бы так.

Семерчук молчал, собираясь с духом, как бы подойти к главному вопросу. Некоторая основа для серьезного разговора заложена. Наконец, глубоко вздохнув, он начал:

– Через три дня пленум. Приезжает секретарь ЦК, послезавтра. Будет говорить со мной и с тем, кого толкают на мое место. От него все зависит. Быть мне или не быть.

– Лучше быть. Но сам знаешь, как у нас должности получают.

– Знаю. – Он еще раз глубоко вздохнул и сразу же выдохнул. – Гала, а не могла бы ты мне помочь в назначении?

– А что я могу для тебя сделать?

– Я буду находиться все время рядом с секретарем ЦК. Не могла бы ты быть тоже рядом?

– Меня к нему не подпустят. Ранг не тот. И зачем я там тебе нужна?

– Мне, для моральной поддержки. Секретарю, как интерьер. Ему ж надо в грязном цехе, при посещении завода, ви-

деть светлое пятно. Ты им будешь.

– Если договоришься, то буду рядом с тобой. – Согласилась Галина.

– А если потребуется большее?

– Что большее? – Пока она не могла понять, куда клонит ее любовник.

Но он еще не смел прямо сказать о своей просьбе, а ответил уклончиво.

– Ну, посидеть с ним за столом. Поговорить.

– Не темни! Говори прямо, что ты хочешь? – Кажется, до нее стал доходить смысл его просьбы. Она же тоже работала не один год в партийных органах.

– Ну, если он на тебя обратит внимание. Может пристальное... Как, это сказать?

– Ты хочешь, чтобы я по твоей просьбе переспала с ним? – Прямо спросила Галина.

– Нет. Я так не говорю. Может до этого дело и не дойти.

– Ну, и негодяй же ты. Может до этого дело не дойдет! – Возмущенно проговорила она. – Раз ты так спланировал – значит дойдет!

– Да, я так не говорил! – С просьбой получилось хорошо. Он ей не предлагал этого самого, она сама сделала такой вывод.

– Если я твоя любовница, то это не означает, что я подстилка для первого попавшего. Даже для секретаря ЦК. И как ты мне мог это предложить? Я ж все-таки тебя люблю.

Пусть временно, урывками, но люблю. Люблю, пока ты со мной. А так любить тяжело. Тяжело жить с тобой на расстоянии, мечтать о редкой встрече с тобой. Я с тобой веду себя честно. Больше ни с кем, а ты мной решил торговать. Эх ты!

В возмущении она хотела встать с постели, но он обхватил руками ее голое тело, и не дал ей этого сделать. Его поразило ее признание, – она его любит. До этого она ему не признавалась в любви. Сказала об этом впервые. А он-то думал, для нее является только функционером отдыха. Так они иногда шутили. Выходит, все серьезнее. Но нельзя ей дать уйти от него – тогда всему конец. Надо завуалировать свое предложение, попросить, даже унизиться. Для дела можно поступить и так.

– Я ж тебе не сказал, что обязательно надо с ним спать. Просто, может он обратит внимание на тебя. Заговорит с тобой. Ты, может, вставишь словечко за меня...

Но он не закончил фразы. Галина, уткнувшись головой в подушку, зарыдала так, что всхлипы наполнили спальню. Роман испугался:

– Ну, прости меня. Да, я негодяй! Но я думал, ты исполнишь мою просьбу. Ничего не надо! Ты не пойдешь со мной. Я сам справлюсь! Замолчи и не реви! – Теперь он говорил грубо. Раз не хочет помогать – нечего ее уговаривать. – Все разговор закончен! С тобой даже нельзя пошутить!

Она подняла от подушки заплаканное лицо.

– И это ты называешь шуткой? За такую шутку тебе бы

другая выдрала не только глаза...

Она успокаивалась. Вытерла слезы концом пододеяльника, и вдруг произнесла неожиданное для него:

– Я выполню твою просьбу. Но только скажи, ты сам додумался до этого или тебе кто-то подсказал? Без толчка извне, сам бы ты не додумался до этого. Скажи, только честно?

Роман колебался – говорить, кто надоумил на это или нет. Галя изучила его хорошо, знала, что он не мог бы ей предложить такого без посторонней подсказки.

– Скажи? – Повторила она, успокоившись полностью. – Сейчас при любом ответе, я выполню, что ты просишь, чтобы оно мне не стоило.

– Я не буду отвечать на этот вопрос. Снимаю его с повестки дня.

– Раз вопрос поставлен в повестку дня, то он будет рано или поздно рассмотрен и вынесено решение. Полной отмены вопроса не бывает. Так скажешь или нет?

Роман колебался. Но раз она хочет выполнить его просьбу, то пусть знает, кто инициировал все это. И он сквозь зубы произнес:

– Фотин, Леонид Михайлович. Знаешь такого? Сообщу для ясности – мой тесть!

– Боже мой! – Горько вздохнула Галина. – Я так и знала! И это отец твоей жены? Чему он учит зятя!

– Я и сам не маленький! – Огрызнулся ей в ответ Роман. – И хватит об этом. Мне не нужна твоя услуга, да и ты сама!

Я пойду.

– Никуда ты не пойдешь! – Твердо возразила Галина. – Ты останешься, чтобы выслушать еще кое-что! Достаточно, приятное для тебя! Хочешь послушать? О твоём тесте.

– Наверное, хорошего не скажешь?

– Правильно. Так вот, два года назад я была в составе делегации от нашей области в Донецке. Делились и изучали какой-то опыт. Сам понимаешь, каждый вечер попойки. Твой тесть ко мне привязывался три дня. Обещал мне все сделать, во всем помочь. В, конце концов, я не выдержала и сказала ему, что двух родственников в качестве любовников, я не выдержу. Ты хочешь знать его реакцию?

Роман был поражен тестем – старый пес и он туда же... Ругался он про себя и уточнил:

– Что он сказал?

– Он меня ни в чем не обвинял. Например, в разрушении твоей семьи. Но тебя он обозвал потаскуном, и пообещал тебе кое-что сделать. Но я сказала, если он скажет тебе о наших отношениях, то я расскажу тебе о его приставаниях.

«Так вот откуда он знает о моей любовнице? – Со злостью думал Роман. – А еще темнит, что научит меня следить за детьми, когда они вырастут. Старый кабан!» – Обозвал он про себя снова тестя, теми словами, которые были в последние дни на слуху. Больше сравнений у него не находилось.

– Я ему как-нибудь это скажу... – Медленно протянул Роман, понимая, что никогда он такое не скажет своему тестю.

Но хотелось перед Галиной выглядеть, хоть немного благороднее.

– Это твое дело, говорить ему или нет. Но пока не надо. Да ты и не скажешь ему этого.

– Почему?

– Потому, что я тебя хорошо знаю. Мы, на своей работе, разучились говорить все прямо в глаза. Мы уважаем старших по партийной и государственной лестнице. А тесть у тебя занимает высокую должность. Поэтому ты ему ничего не скажешь. Понял?

– Не понял! Может, сейчас не скажу, а когда-нибудь вспомню. – Сопrotивлялся ее справедливым словам Семерчук.

– Ладно! Скажи лучше, как ты меня хочешь представить секретарю ЦК?

Роман заколебался – а стоит ли вообще привлекать Галину к своему назначению. Пусть останется она у него в любовницах, а его место пусть пробивают отец и тесть. Но сразу же вспомнились слова тестя: «Енченко всегда любил хороших баб...» А чем Галка плоха для него? И Семерчук, вздохнув положил свою руку на высокую грудь Галки и машинально погладил ее. Она сняла его руку со своей груди и повторила:

– Так как ты все хочешь устроить с секретарем? Какова будет конкретно моя роль?

– Пока точно не знаю. Будешь рядом с нами, как, например, интерьер. В окружении мужиков, ты будешь ярким цве-

точком.

– Пока, кто-то не захочет высморкаться в интерьер, и сорвать цветочек? – Сязвила Галина.

Роман психанул:

– Я тебя ничего не заставляю делать! Ты мне нужна, но я могу обойтись без тебя. Понятно?

– Понятно, что без меня ты не обойдешься. Недаром же ты пришел ко мне с таким предложением и цветами. Я согласна помочь тебе.

Они на минуту замолчали, каждый обдумывал свое. У Галины тоже возник свой план, но пока она не собиралась делиться им с любовником. А Роман испытывал сейчас чувство благодарности к своей надежной подруге. Он снова положил ей руку на грудь, и она уже не возражала.

– Спасибо тебе, Галка. Я знал, что ты мне поможешь. Но я думаю, что там дело до серьезного не дойдет. Можешь быть спокойна.

– Я всегда спокойна...

Их губы нашли друг друга, и поцелуй затянулся надолго, в течение которого он думал: «Никуда она не денется. Сделает все, как будет нужно!»

Галина тоже думала: «Мне надо поступить в высшую партийную школу. Пусть мной пользуется эти подонки!»

На другой день, ближе к вечеру, в Ворошиловград приехал отец Романа. У сына совершенно не было свободного времени. Готовились встретить секретаря ЦК и приводили в порядок все необходимые бумаги, которыми мог бы поинтересоваться высокопоставленный гость. По телефону разносили в пух и прах недисциплинированных секретарей парт-организаций заводов и различных учреждений, подчищали все недостатки, чтобы приличнее выглядеть в глазах центра. Отец, понимая, что сын очень занят, сразу же сказал:

– Кажется, вопрос с твоим конкурентом решен. Я сегодня с утра был у руководителей того города, и договорились, что ему дадут должность секретаря горкома. Но теперь этот вопрос надо утрясти вверху. Я заходил к свату, его пока не было на месте. Ты звони ему и как он придет, надо немедленно встретиться. Надо все обсудить, прикинуть... Я вижу, ты очень занят, не буду пока тебе мешать. Пойду, пройду по кабинетам, к знакомым, узнаю, что и как. Как только сват появится у себя, немедленно меня разыщешь.

Отец ушел, чтобы навестить знакомых, а заодно узнать что-то такое, что не лежит на виду у всех, а Роман позвонил секретарше тестя и предупредил, – когда появится Фотин, чтобы немедленно сообщила ему. Как никак, а он его зять.

Вскоре позвонил тесть. Он был на рабочем месте. Роман

кинулся искать отца. Нашел в одном из кабинетов. Тот дружески беседовал со старыми знакомыми. Пришлось сказать, что его хотят видеть еще и другие, более высокопоставленные знакомые. Отец тепло попрощался со старыми знакомыми, пригласил их к себе в гости и пошел в кабинет сына. По телефону он долго беседовал со сватом. Говорили не открытым текстом – опасно, может кто-то из присутствующих услышать, не дай бог – подслушать. Договорились, что в шесть часов, Фотин встретится со сватом в обкоме, и они вместе зайдут к первому. Как раз заканчивается рабочий день и, авось, людей у того будет немного. Отец, положив трубку, сказал:

– Куда бы еще сходить, чтобы убить время? Далекое нельзя отлучаться, скоро конец работе. Как противно с обкомовскими олухами разговаривать.

– Ты ж сам бывший партийный работник. – Удивленно произнес Роман. – Как ты можешь так о нас говорить?

– Говорю потому, что бывший. Но мы на местах ближе к жизни, а вы от нее оторваны, как Луна от Земли. Вы – Луна, мы – Земля. – Уточнил отец. – Светите, но не греете.

Роман, вообще-то, слышал подобные разговоры в семье, когда приходили к его отцу, тогда еще первому секретарю горкома партии, его друзья и между собой иногда выражались не совсем лицепрятно в адрес партии, которой верно служили. Это они, шутя, называли между собой самокритикой. Но тогда Роман был маленьким, а сейчас, ему обкомов-

скому работнику было неприятно слушать оскорбительные слова в адрес товарищей, с которыми он работал.

– Если не греем, то несем свет просвещения народу. – Невесело пошутил он.

– Не надо народ просвещать, он сам разберется, где ему светит, куда ему идти.

– Свет указывает ему путь только к коммунизму. – Продолжал с невеселой шуткой сын.

– Одного света ему мало, надо немного тепла. – Отец непонятно почему пристально посмотрел на сына и решил не продолжать разговора. – Ладно, занимайся своими делами, а еще забегу к какому-нибудь олуху с хорошим влиянием.

Отец ушел, а Романа вскоре вызвал к себе секретарь обкома. Только через час он вернулся обратно в свой кабинет. Там сидели отец и тесть. Они уже переговорили между собой и прикинули план последующих действий. Об этом сказал тесть, обращаясь к младшему Семерчуку:

– Все-таки придется идти к первому. Но путь для тебя расчищен. Твой конкурент получил на месте все, что хотел. У него много людей? – Без всякого перехода спросил он, имея в виду первого секретаря обкома.

– Не знаю. – Уныло ответил Роман, которого подавляло присутствие самых близких людей, но по бычьему настроенных на бескомпромиссный бой, ради него, можно сказать – теленка.

– Надо бы знать! – Наставительно произнес Фотин, и об-

ратился к старшему Семерчуку. – Пойдем, сват, к нему, все равно здесь мы ничего не высидим. Меня он должен принять. А ты будь пока здесь. Вдруг понадобится. – Это распоряжение он отдал младшему Семерчуку.

Роман, оставшись один, немного посидел над бумагами, но мысли были совершенно иные и он решил прогуляться по другим кабинетам, но так, чтобы далеко не уходить от своего. Попов был на месте, несмотря на то, что рабочий день закончился. Они перекинулись несколькими словами по поводу предстоящего пленума, но не затрагивали вопрос о новом назначении Романа. Потом Попов произнес:

– Совершенно нет свободного времени. Пишу диссертацию, можно сказать, ночами.

– Нужно писать. – Меланхолически констатировал Семерчук. – С диссертацией пойдете выше по партийной лестнице.

– Не знаю. Устал я уже на партийной работе. Может, пристроюсь куда-нибудь в институт. Но, не знаю. – Снова повторил он. – А Литвяков, когда покидает обком? – Видимо, ему не давала покоя мысль об опальном товарище.

– Сразу же после пленума. Пойдет по вашей рекомендации в общество охраны памятников.

– Я не рекомендовал. – С довольной улыбкой, но отрицательно замахал руками Попов. – Просто, я не могу допустить мысли, чтобы такой человек работал в школе...

– Идите уже домой. – Предложил инструктору Семенчук. – У вас много работы, как вы сказали.

Он знал, что пока он здесь, его инструкторы должны оставаться на местах, а он – пока секретари здесь. Попов неожиданно сразу же согласился.

– Да, я, наверное, пойду, Роман Богданович.

– Да. Займитесь своей диссертацией.

– Не смейтесь, Роман Богданович. – Подобострастно улыбнулся Попов. – Работы действительно много. Ухожу с работы с вашего разрешения... – Он с той же улыбкой, но с оттенком выжидательности смотрел на своего начальника. Не передумает ли он и не поступит ли новое распоряжение. Кажется, Семерчук станет заведующим их отделом, не зря же приехал в обком его отец, тесть здесь же. Попов давно засек их присутствие в высоких инстанциях. Надо быть с молодым начальником осторожнее.

– Да. Идите. До свидания, Владимир Николаевич. – Семерчук пожал руку Попову и пошел в свой кабинет.

Ждать родителей пришлось больше часа, и Роман вспотел от этого ожидания, хотя кондиционер в кабинете работал на полную мощность. Но за окнами духотища порядочная – за тридцать, несмотря на то, что наступал вечер.

Наконец, вернулись отец и тесть. Оба были немного возбуждены.

«А ведь опытные интриганы! – Отметил про себя сын и одновременно зять. – Занимают высокие кресла, а все равно волнуются при виде первого!»

– Минеральная вода есть? – Спросил старший Семер-

чук. – И, желательно, холодная.

– Есть. – Суетливо ответил Семерчук-младший и спросил. – А может пепси? Недавно завезли ее к нам в столовую, так я взял на всякий случай для гостей. Может ее, папа?

– Пусть ее пьют зарубежные буржуи и наши пролетарии. А мне дай обыкновенной, минеральной.

Роман достал из холодильника и запотевшую от холода бутылку «Луганской». Отец, увидев бутылку, удовлетворенно произнес:

– Во! Это лучшая из минеральных вод. Наша – Луганская. Пепси ей в подметки не годится. Гадость зарубежная. За что ее пьют у нас целыми цистернами?

– Потому, что ее у нас не выпускают. – Пояснил Фотин. – Как ее будет больше, так и пролетарии бросят пить эту бурду. – Он подозрительно оглядел кабинет Романа и тихо спросил. – Подслушивающих устройств нет?

– Нет. – Ответил Роман. – Я недавно проверял, ничего в кабинете не обнаружил. Телефон прослушивают. Но с этим я ничего не могу поделать.

– Пора заканчивать бояться. – Вступил в разговор отец, выпивший залпом стакан луганской минералки. – Наступило время гласности. Поэтому нечего бояться прослушивания. Сейчас все должно быть на виду. – В его словах чувствовалась дисциплинарная логика старого партийного работника. – А теперь, сынок, слушай. – Семерчук-старший перешел от гласности непосредственно к делу. – Вопрос о твоём на-

значении, вроде, решен. Столяренко не против, учитывая, что больше никого, кроме тебя, на это место не будет. Но этот, старый козел. – Так он выразился в адрес первого секретаря обкома. – Страхуется и говорит, что последнее слово за секретарем ЦК. Понимаешь ли, боится, что у него будет какая-то другая кандидатура. Могут какую-то никчемность перевести из другой области сюда.

– Но он пообещал бороться за Романа, если возникнет такая необходимость. – Вмешался в разговор тесть.

– Знаю я Столяренко. – Недовольно махнул рукой Семерчук-старший. – Перед Енченко он будет лебезить. Область с его приходом перешла в разряд дотационных. А при Шевченко – была во всем передовой. – Он вспомнил предыдущего первого секретаря обкома, который много сделал для области и до сих пор пользовался доброй славой у ворошиловградцев. Но его, коренного луганчанина, более десяти лет назад сняли с этой работы — и назначили выходца из западных районов – Столяренко. – Так, что на него надежды мало.

Роман только молчал, слушая разговор прошедших горнило партийных интриг, отца и тестя. Но его участие пока и не требовалось. Вот и тесть сказал:

– Сват, а тебе придется в ближайшее время отправить блоки в Киев, как ты и обещал Столяренко. Если удержишься – получится некрасиво. Сам понимаешь... – Не договорил фразы Фотин, но это понимал не только отец, но и сын – за все надо платить. А за должность – немедленно.

– Послезавтра же отправлю. – Семерчук-старший даже скривился от этих слов. – Но, если он не сдержит своего слова, то следом же вывезу блоки оттуда обратно. Я скажу, чтобы машины не разгружали там, до назначения Романа. Пусть знает, что мы живем в эпоху перестройки, а не старого времени.

Фотин одобрительно качнул головой – хваткий у него сват, ничего задарма не сделает.

– Можно и так. Если что, то и проучить его надо будет. Но он, кажется, честный человек и будет стараться выполнить нашу просьбу.

Отец снисходительно хмыкнул:

– Честность длится ровно столько, насколько хватает взятки. – Он заметно повеселел и неожиданно предложил сыну. – Рома, у тебя есть здесь выпить?

Роман встрепенулся:

– Есть. Но теперь я держу спиртное в сейфе, а не в холодильнике. Сами, знаете – идет борьба с алкоголизмом. – Почему-то виновато добавил он.

Отец рассмеялся:

– Эта борьба ведется с народом. Если бы мы пили, как он, то никогда бы не работали... Ну, как сказать... Короче, не занимали бы такие посты. Правда, сват?

– Точно. Я больше не пойду на работу, так как рабочий день давно закончился. А может, Богдан, заедем ко мне?

– Нет. Уже поздно. Я сразу же еду домой. Завтра снова

тяжелый день. Сегодня столько времени потерял...

– Почему потерял? – Обиженно спросил Роман, открывая сейф. – Коньяк или водку?

– Давай коньяк. А время потерял из-за тебя. Скажи спасибо тестю, что он так о тебе беспокоится.

Роман поставил на стол бутылку «Плиски», пошел к двери и закрыл ее на ключ.

– Я ему уже не раз говорил за это спасибо. – Почему-то настороженно ответил Роман.

Тесть добродушно махнул рукой в ответ на его слова.

– Родной, как никак. Хочется, чтобы внуки были обеспечены. Лена же не сможет – женщина. Так, что все зависит от зятя. Все их благополучие зависит от тебя Роман. Поэтому приходится тянуть тебя вверх. – И он снисходительно взглянул на зятя.

Но Роман не стал углублять неприятный для себя разговор. Он налил коньяк в стограммовые стопки, которые у него тоже хранились в сейфе. Отец поднял стопку на свет окна, – летний вечер долог. Потом произнес:

– Не совсем чисто готовят болгары. – Он говорил о коньяке, и Роман знал с детства за отцом привычку быть всегда чем-то недовольным. – Ну, что давай за тебя, сынок! Верю, что все будет хорошо.

Тесть и отец выпили все, а Роман только немного пригубил. Его может кто-то остановить из вышестоящего начальства, и запах спиртного был бы от него лишним. А этим все

равно – они в обкоме гости.

– А закусить есть? – Спросил отец. – Я так и не пообедал сегодня. – Пояснил он.

– Нет. – Виновато ответил Роман. – Только шоколадка.

– Может, поедем ко мне? – Снова предложил Фотин. – Перекусишь и поедешь домой.

– Нет. Я знаю такие встречи. И ты тоже. Засидимся до темноты. Мне надо спешить.

Фотин задумчиво тер подбородок – он над чем-то размышлял. И, видимо, решил сказать.

– Роман. Как я тебе говорил, подстрахуйся на всякий случай какой-нибудь знакомой. – И, увидев непонимающий взгляд свата, пояснил. – Енченко, как мне помнится, не прочь был побаловаться с девочками. Я говорил об этом Роману. Вот хочу при тебе, Богдан, это повторить сыну.

Отец легко согласился:

– Нужно. Енченко, как я тоже помню, был дюже охочь до баб. – Отец говорил прямо и даже перешел на украинский язык. – А у тебя есть такие на примете?

Роман замялся. Он не ожидал, что тесть напомнит ему об этом при отце, и не знал, что ответить. Но на помощь поспешил тесть, с некоторой долей злорадности.

– Есть! У него, сват, и любовницы есть. Пусть ими поделится.

Семерчук-старший, сделал удивленно-наигранный вид. Было видно, что этот вид искусственный. Так же нарочито

строго посмотрел на сына.

– Рома! Что это такое?

Роман со злостью смотрел на тестя – отомстил, гад! Врезать бы ему сейчас тем же – ты сам хотел мою любовницу! Но так сейчас говорить было нельзя. Надо было смириться и покаяться.

– По работе... – Невпопад ответил Роман.

Отец, разделяя четко слова, говорил. Но снова же как-то искусственно, но внешне солидно:

– Не ожидал от тебя такого Рома. Мне стыдно перед сватом, Леной, внуками. – Приплел он еще и внуков для основательности. – Лена – прекрасная жена. Нельзя ее так обижать. – И вдруг спросил Фотина. – А Лена и сватья знают?

– Нет. Зачем им это говорить.

«Старые кобели! – Бушевал внутри себя Роман. – В свое время не пропустили ни одной новой инструкторши, не говоря о старых! Еще и корчат из себя непорочных!»

Но надо было виниться или хотя бы выглядеть виноватым. А отец тем временем говорил:

– Помни сынок, что говорил Тарас своему сыну. – Он выдержал паузу. – Я тебя породил – я тебя и убью. Понял?

– Да. – Коротко ответил Роман.

А отец говорил тестю:

– Я с ним еще поговорю один на один. Объясню, как надо вести семейную жизнь. А пока пусть все будет между нами. Будем считать это – ошибкой молодости. – Фотин согласно

кивнул ему в ответ. – А ты, значит, как тебя просят, поделись своими девками... Могут действительно понадобится. – он сказал о них во множественном числе, будто был уверен в сыне, как в себе. Потом, как бы в раздумье произнес, – Половую жизнь начинают в мечтах, а заканчивают в воспоминаниях. – Он вздохнул и приказал сыну. – Налей еще немного, и я поехал.

Роман налил им еще по стопке, и отец уже выпил все, а Фотин только проглотил с глоток. Роман не пил. Потом отец, крякнув, произнес:

– Ну, поехали. А ты сынок, если что, звони мне. Машины не будут разгружены в Киеве до твоего утверждения. Понял? – Он говорил так, будто перед этим не сделал литературный выговор сыну. – До свидания, Рома.

– До свидания.

Фотин, отводя глаза в сторону, тоже попрощался дружески с зятем.

– Значит, все понял. Я в курсе всех дел, но если что, я рядом.

У Романа после этих слов пропала злость на тестя – все-таки он его, если не любит, то ценит. Благополучие дочери, дороже всякой чести. А молодость пройдет, чтобы в старости завидовать ей и учить других жизненной чистоте.

– Хорошо.

Роман открыл дверь и старшие вышли. Он вернулся к столу, слил недопитые остатки коньяка обратно в бутылку и по-

ставил в сейф. Потом набрал номер телефона Галки Давыденко. Она тоже была еще на работе.

– Гала! – Голос его звучал виновато. – Мне надо с тобой сегодня встретиться.

Из трубки несло враждебным молчанием, а потом оттуда послышался короткий вопрос:

– По тому вопросу?

– Да. – Тихо произнес Роман и сердце его дрогнуло от жалости к себе – он должен просить любимого друга изменить ему.

– Я уже тебе сказала, что выполню, что ты просишь. Скажешь, когда и где мне быть? – Голос ее был сухим, но уже не враждебным.

– Сейчас встретимся, и я все объясню.

– Не надо. Скажи все по телефону.

– Но телефону нельзя...

– Я сегодня занята. До свидания. – Послышались в трубке гудки, и Роман положил ее на аппарат.

Склонив голову к столу, подложив под нее руки, он задумался: «Главное, она согласна мне помочь. А там наладим отношения. Куда сегодня пойти? Жена до сих пор на даче и не собирается появляться в городе».

Он открыл записную книжку, куда записывал адреса и номера телефонов только лучших друзей. Перелистывая листочки, углубился в ее изучение. «На тебе, Галка, клин светом не сошелся!» – мстительно подумал он. Хотя мстить ей

у него не было никакого повода. Потом рука потянулась к телефонной трубке. Он набирал номер и злорадно думал в адрес тестя: «Не все ты обо мне знаешь, старый кобель!».

Других слов в адрес тестя у Романа не находилось.

Через два дня прилетел секретарь Центрального Комитета компартии Украины Енченко. Это был грузный, седовласый человек лет под шестьдесят. Лицо его выражало предельную усталость, и даже безразличие к существующей жизни. Говорил он коротко, не договаривая фраз, что было очень неприятно местному руководству – непонятно, как действовать дальше. С ним прилетели несколько человек из аппарата ЦК, для сиюминутной проверки дел в области, конкретно в обкоме и горкоме партии. Они сразу же засели за изучение протоколов прошедших заседаний и совещаний. Но такой стиль работы ЦК был давно известен на местах, и документы были приведены в порядок заранее.

Накануне приезда цековского секретаря, Столяренко провел рабочее совещание, без протокола, где был окончательно утвержден план работы и отдыха высокого гостя. Впервые Роман непосредственно был введен в состав непосредственных встречающих. Когда совещание закончилось, то Столяренко попросил Романа остаться. Вместе с ним остался секретарь по идеологии Кревский. Вот он и начал разговор о конкретных обязанностях Романа при Енченко. При этом его, шелушащееся от какой-то болезни лицо, выражало полнейшее равнодушие.

– Мы решили, что вы будете находиться непосредственно

при секретаря ЦК все время. Два дня. – Уточнил Кревский. – Будете осуществлять прямую связь между ним и нами. Вам не приходилось исполнять еще такой роли? – Спросил он.

– Нет. – Коротко ответил Роман.

– Короче говоря. – Вмешался Столяренко. – Вам надо сообщать нам о всех действиях и желаниях секретаря, а что можете, – сами решайте. Мы будем все на рабочих местах, вы занимаетесь только Енченко. Вам это необходимо... – Подчеркнул Столяренко и пытливо взглянул в глаза Семерчука.

– Я буду стараться. – Коротко ответил Роман, не углубляясь в этот вопрос. Он знал, что грузовики с бетонными плитами отправлены его отцом в Киев для строительства дачи Столяренко. Поэтому он и встречает секретаря ЦК.

Но Столяренко знал, что делать дальше, а Кревский только молчаливо кивал в такт.

– Подберите себе еще помощника. Мы дадим ему разрешение для присутствия рядом с секретарем. У вас есть такая кандидатура? – Он снова пытливо взглянул в глаза Романа и тот понял, что тесть успел обсудить с первым секретарем и этот вопрос. Только Столяренко очень деликатен и предлагает ему назвать кандидатуру своего помощника. Семерчук вздохнул и, опустив глаза вниз – ему все-таки было немного не по себе, попросил:

– Можно я возьму в помощники Давыденко. – Он вдруг заторопился и взволнованно кинулся в сбивчивые рассуждения. – Понимаете... Может женщина... Приятнее обстанов-

ка... Мягче... – Он умолк, сбившись с разъяснений.

Но старшие товарищи поняли все правильно. Кревский потер свою шелушащуюся щеку и ответил.

– Она хороший партийный работник. Ей бы надо дать возможность для дальнейшего роста... – Туманно добавил он.

– Я думаю, она будет вашим хорошим помощником. – Конкретно сказал Столяренко. – Сообщите первому секретарю горкома, что мы включаем ее в состав делегации по встрече секретаря ЦК.

Столяренко даже не поинтересовался, а желает ли Давыденко находиться в составе этой самой делегации. Партия – это железная дисциплина, особенно тогда, когда решаются личные дела. Больше о Галине не говорили. Кревский пояснил свою позицию.

– Надо решить с ним окончательно вопрос о моем окончании дипломатической академии. А то у них могут быть другие планы в отношении меня. Предложат что-то в партийном аппарате... А я бы хотел на дипломатическую службу. – Он устало зевнул.

– Могут поломать ваши планы. – Согласился первый. – А у меня вот жена заболела. Как некстати... – Он повернул голову к Роману и резюмировал. – Вот такие дела. На вас, Роман Богданович, выпадает основная нагрузка. Не подведите. – Роман твердо кивнул головой, мол, не подведу. – Сейчас идите, отдыхайте и одновременно продумывайте все. Хорошее впечатление – половина успеха. – Он говорил по пар-

тийному туманно, с недомолвками, но все всё понимали.

В этот вечер Роман так и не дозвонился до Галки, ее не было дома. Но утром она была в обкоме, в плотно облегающей высокую грудь тонкой белой блузке и, модно приталенной к бедрам, черной юбке – не вызывающе, но красиво и привлекательно. Как и положено работнику серьезного учреждения, каковым является горком партии.

– Ты знаешь, что тебя горком выделил на все время визита в наше распоряжение? – Спросил он тихо Галку, чтобы не слышали рядом стоящие товарищи.

– Знаю. – Коротко и сухо ответила она своему, уже бывшему любовнику.

Больше они не говорили и ближе к полудню поехали в аэропорт. Секретарь ЦК, сойдя с трапа самолета, со всеми поздоровался за руку, а с первым секретарем обкома даже соприкоснулись щеками. Программа была чрезвычайно насыщена. Кавалькада машин сразу направилась в педагогический институт, который находился по пути следования. Там в актовом зале собрался партийно-советский актив города. Енченко, минут сорок, вяло рассказывал активу о стратегических целях партии, устало внедрял мысль о необходимости научно-технического прогресса, о котором забыли в последние годы, равнодушно сообщал о необходимости проявлять больше заботы о народе и бороться за его здоровье – он подчеркнул это особо, – путем отлучения его от пагубной привычки к беспробудному пьянству. Все мероприятие про-

длилось два часа, как положено по протоколу.

Роман даже немного обиделся, что он оказался не за столом президиума. Но там сидело десятка три руководителей области и города, в том числе и его тесть. И пришлось ему слушать все из зала. Они сидели с Галкой Давыденко в первом ряду, но не разговаривали. Правда, оба вели запись речи цековского секретаря и еще нескольких выступающих.

Потом был обед в банкетном зале столовой обкома. Приехавших с секретарем, покормили отдельно от работников обкома, и они разбрелись по кабинетам, изучать состояние партийной работы в области по документам. Роман с Галкой были допущены на этот обед. Всего за столом присутствовало человек двадцать. Тестя не было, что радовало Романа. Взгляды Фотина в его с Галкой сторону, были бы ему очень неприятны. Они впервые попали в число первых лиц партийного руководства. Такое у Романа было впервые, и он этим гордился. Но смущало только то, что его до сих пор не представили секретарю ЦК, как ответственное лицо от обкома, которому поручено неотлучно находится рядом с высоким гостем. Но Столяренко и Кревский словно забыли о своем назначенце. Они вполголоса беседовали с секретарем, аккуратно пережевывая мягкий лангет, чтобы, невзначай, не поперхнуться. Впрочем, так же аккуратно пережевывали пищу и другие присутствующие за столом, стараясь не производить большого шума. Оживление было только в самом начале, когда Столяренко предложил для аппетита выпить по

рюмке. Енченко понарошку нахмурился, что было заметно по выражению его лица, и шутливо спросил:

– Так вы выполняете установку партии по борьбе с алкоголизмом?

Но Столяренко нашел, что ответить и так же с шуткой:

– По народному обычаю и ничего больше.

Но Енченко разрядил неловкость сам:

– Луганская водка была когда-то лучшей на Украине. Давайте проверим, не испортилось ли ее качество.

Но выпили всего лишь по одной рюмке – больше секретарь не пил. А потом предполагалось посетить пригородный совхоз, но Енченко сослался на усталость, и решили не баловать колхозников лицезрением высокого гостя. После часовой беседы секретаря ЦК и первого секретаря обкома, проходившего с глазу на глаз, посетили тепловозостроительный завод. Крупнейшее в мире предприятие находилось не в лучшем состоянии – дореволюционные станки не могли стимулировать производительность труда. Об этом говорили руководители завода, и Енченко пообещал помощь, но не финансовую, а организационную. Эту помощь он не расшифровал, но по неудовлетворенным лицам заводчан-руководителей, Роман понял, что они ожидали чего-то большего. От посещения цехов секретарь отказался, снова сославшись на усталость, которую увеличивала летняя духота.

И тогда поехали на отдельно охраняемую дачу за городом, находящуюся рядом с сельскохозяйственным институ-

том, но умело спрятанную в небольшой лесок, от посторонних взглядов. То, что там находится высокопоставленный гость, ворошиловградцы определяли по количеству милиционеров на дороге в этом месте – на поворотах стояли машины гаишников. Ошибки не могло быть – прибыл очередной проверяющий из столицы и отдыхает сейчас на этой даче.

Сначала Столяренко и Кревский, и еще один приближенный из круга Енченко, остались одни, и часа два беседовали один на один. Роман и Галина сидели в другой комнате и мучились от непонятого ожидания, изредка перебрасываясь короткими, не имеющими отношения к происходящему, фразами. Оба старательно избегали намека на причину их нахождения здесь. Роман – для получения новой должности. А Галка? Вообще, непонятно для чего... Может она и не потребуется... Это и успокаивало, и одновременно пугало Романа.

Наконец, центральные и областные секретари вышли из комнаты. Кревский стал прощаться с секретарем ЦК:

– Я надеюсь, что с вашей стороны не будет для меня препятствий?... – Произнес областной секретарь.

– Не будет. – Твердо ответил секретарь ЦК. – Езжайте в Москву и там решайте вопрос, где будете работать дипломатом. Был бы я помоложе, то поступил точно также.

Он пожал Кревскому руку на прощание, и тот уехал на служебной машине. Первый секретарь обкома остался. Он пригласил Енченко передохнуть пока в беседке. Они вдвоем

прошли туда и продолжили беседовать. Роман, впившись в них глазами, следил за каждым жестом своего секретаря – он чувствовал, что должна последовать команда ему и Галине Давыденко с его стороны. Нельзя, чтобы они до сих пор не были представлены цековскому секретарю – Столяренко должен оплатить услуги его отца. Он же благодарный человек – так все говорят о нем.

И действительно минут через пятнадцать он увидел взмах рукой Столяренко, направленный в его сторону. Роман даже оглянулся – нет ли никого сзади, к нему ли относится этот пригласительный жест? Он проглотил густую слюну и сиплым голосом сказал Галине:

– Пошли! Нас зовут...

И они прошли к беседке под зорким взглядом милиционера, также не спускавшего глаз с секретарей. За беседкой Роман разглядел еще одного милиционера, укрывшегося в густых кустах – издали он его не мог видеть. Охрана гостя была организована на высшем уровне. Они остановились у входа в беседку и выжидающе стали смотреть на своего секретаря – он должен что-то предпринять. И тот, наконец, предпринял – представил их Енченко.

– Вот в вашем распоряжении два наших представителя. Роман Семерчук и Галина Давыденко. Все вопросы по связи с нами, решайте через них. Мы им дали соответствующие полномочия.

Роман заметил, как Галка развернула плечи и ее пятираз-

мерный бюст, туго обтянутый белой блузкой, выплыл вперед, навстречу высокому гостю. Тусклые, с возрастом выцветшие глаза Енченко, на короткое время, засинели, как в молодости. Но он сумел отвести взгляд от Галины и равнодушным голосом спросил Столяренко:

– Это вы его рекомендуете на должность заведующего отделом?

– Да. Он уже давно исполняет эти обязанности. – Торопливо произнес первый секретарь обкома. – И хочу отметить, что успешно. Мы им довольны. А агитационно-пропагандистская работа, как вы знаете, сложная и результаты ее часто не видны даже вооруженным глазом.

– Я против него ничего не имею. – Задумчиво произнес Енченко, внимательно рассматривая молчащую Галину. – Но в ЦК поступили сведения, что вы другого претендента, заставили снять свою кандидатуру на эту должность.

У Романа похолодело в груди – кто-то уже успел накапать в Киев – вот подонки! У всех есть свои связи с высшими органами. Они с Галкой пока молчали, но ответил Столяренко:

– Я знаю. Но тот товарищ отказался сам, – мы ему не можем немедленно предоставить квартиру, а он не хочет из-за семейных проблем, как нам стало известно, расставаться надолго с семьей.

– Да. Такое бывает. Семья и партийная работа часто вступают в противоречие друг с другом. Непонятный синдром взаимного неприятия. Надо изучить этот больной момент

нашей жизни психологам и дать соответствующие рекомендации, для изменения этой патологии. – Он стал говорить чуть ли не медицинскими терминами. – Но некоторых в ЦК насторожил другой момент – сначала тот претендент не отказывался, а потом неожиданно отказался от должности.

– У нас свой, проверенный кадр. Роман Богданович нас полностью удовлетворяет. Мы, снизу, поддерживаем его, а вы хотите нам навязать своего сверху. – Он мягко упрекнул Енченко в игнорировании мнения низов, каковым для него сейчас являлся обком.

Енченко вместо конкретного ответа, вдруг сказал, обращаясь к Роману и Галине:

– А почему вы до сих пор стоите? – Он раздвинул губы в доброжелательной улыбке, но как показалось Роману, улыбка больше предназначалась Галке. В нем даже шевельнулось чувство ревности, но только шевельнулось. – Садитесь. А то неудобно разговаривать сидящему со стоящим. – Роман сел не за столик в беседке, а на лавку поближе к выходу, предоставив Галине сесть за столик. А Енченко задумчиво продолжал деловую беседу. – Мы уже никому и нечего не навязываем, Павел Трифонович. Да и такая должность не слишком интересует ЦК. Но мне поручено узнать причину отказа того товарища от должности.

У Романа все снова сжалось, но уже не в груди, а в животе, от надвинувшейся тревоги. Но Столяренко ответил с обидой:

– Разбирайтесь, если нужно, раз игнорируете нас. – Он умело играл роль оскорбленного человека, что видел Роман.

– Да. Завтра я поручу моему секретарю, – он показал рукой на постоянно молчаливо присутствующего при нем сотрудника. – Пусть поговорит с ним, хотя бы по телефону. – Енченко был настроен миролюбиво.

Столяренко и Енченко еще с полчаса разговаривали друг с другом, при полном молчании остальных, о задачах, которые стоят перед местными партийными организациями, будто нет другого разговора, пока не подошел управляющий этим домом, и молча глазами, спросив разрешения Столяренко, тихо произнес:

– Ужин готов...

И все пошли в дом ужинать. От водки Енченко отказался, но выпил вина. Также лениво беседовали о насущных проблемах, пока Столяренко не сказал:

– Я с вашего разрешения удалюсь. У меня жена заболела. Пока проходит обследование, но вскоре, по всей видимости, ляжет в больницу.

– Знаю. – Ответил Енченко. – Мне об этом сказали перед отъездом сюда. Тяжело нашим женам. – Глубоко вздохнул он и посмотрел на Галину, но ее ни о чем не спросил. – Наша партийная работа, как воинская служба. Времени для семьи оставляет мало. Передавайте жене привет и пусть она быстрее выздоравливает.

– Передам. – Кивнул головой Столяренко. – А вы распо-

лагайтесь здесь, как дома. Наши молодые товарищи будут с вами. Если, что потребуется, то говорите Роману Богдановичу. – О Галине он ничего не сказал. – Встретимся завтра на пленуме.

Столяренко пожал руку секретарю ЦК и уехал. Остальные остались еще на некоторое время за столом, пока Енченко не предложил:

– Пойдемте в беседку. А то в комнате жарко.

И Роман с Галиной вышли вслед за ним в парк. Его секретарь попросил разрешения отдохнуть и получив его, удалился. В беседке Енченко демократически спросил их:

– Ну, какие у вас проблемы, молодежь? – Он привык разрешать проблемы, а не просто жить. Ничто не создает столько проблем, как неутолимое желание их разрешить. Партия всю свою историю пыталась разрешить проблемы, которые сама же создавала.

Роман замялся – ему было неудобно говорить о том, о чем недавно говорил Столяренко. Но Енченко повернул голову к Галине. И та, вздохнув, впервые за время ее нахождения с секретарем, стала говорить. И не просто, что удивило Романа, а конкретно.

– Хочу поступить в высшую партийную школу, да с моей должности нельзя.

– Так надо расти по должности. – Просто попытался решить эту проблему Енченко.

Но Галина гнула свою линию.

– Чтобы расти в должности надо закончить партийную школу. Поступают же по рекомендации и с моей должности.

Енченко пожевал толстыми губами и пристально посмотрел на Галину:

– Я постараюсь решить эту проблему. Эту школу я курирую. Думаю, не будет никаких проблем с вашей учебой. – Он зевнул. – Устал я, пойду приму душ и лягу спать. – И он, как бы, между прочим, предложил Галине. – А позже, вы не могли бы посмотреть справку, которую мне дал ваш обком и ответить на мои вопросы. Кое-что надо уточнить для завтрашнего выступления.

– Конечно, смогу. – Сразу же согласилась Галина и с нескрываемой злостью посмотрела на Романа. И тот трусливо отвел глаза.

Все всё понимали без слов.

– Тогда идемте в мой кабинет. А вас... – Он посмотрел на Романа. – Я не буду обременять своими заботами. – Он сделал паузу. – Не переживайте. Мы зато, чтобы должности на местах замещались местными кадрами.

И они с Галиной ушли, а Роман остался сидеть в беседке. Он сидел больше часа, пока не стемнело. В душе было пусто – мыслей никаких. Кажется, он добился своего долгожданного места. А потом пошел в служебную комнату с телефоном прямой связи с обкомом и, не раздеваясь, лег поверх одеяла. В эту ночь он толком не спал, дремал. Не потому, что беспокоил телефон, – он молчал всю ночь, а потому, что

представлял, как там Галка. В постели ли они, или старый дурак рассказывает ей о своей жизни? А может его рука покоится на упругой груди Галки, и он ей рассказывает о своей бурной партийной жизни?

«И надо было ей соглашаться! – С неожиданной для себя злостью подумал о Галке Роман. – Отец с тестем и без нее бы решили все вопросы».

Но вскоре злость утихла, и он стал понимать, что для подстраховки необходима была и Галка. Все-таки сегодня в беседе секретарь ЦК говорил о необходимости проверки отказа того товарища от его, Романа, должности. А теперь секретарь никуда не денется – он у него на крючке, не сорвется. Он единственный, не считая, видимо, сопровождающего, знает, как проводит ночь секретарь ЦК. И он даже от этой мысли злорадно засмеялся. Вот было бы хорошо раскрутить его за аморальность, – такие дела они часто разбирают на заседаниях обкома. Но сразу же появилась другая мысль – только попробуй это сделать – он тебе сразу же голову открутит, а без нее не возьмут больше ни на какую должность. Так он прерывал дремоту мстительными проектами и переводил их в мирное русло.

Уже рассвело, когда Роман, кажется, заснул по-настоящему. Но в половине седьмого его разбудил первый и последний здесь телефонный звонок. Он схватил трубку и спросонья, с трудом разобрал, что звонит Кревский. Тот спросил, не проснулся ли секретарь ЦК и через час обещал приехать,

чтобы сопровождать Енченко. Вот и весь разговор. Роман решил пройти по дому, выйти в парк, чтобы его услышали Енченко и Галка, и поняли, что пора вставать.

Так он бродил, среди бодрствующей всю ночь охраны из милиционеров целый час. Но из спальни секретаря не доносилось до его ушей утреннего шума, предвещающего начало рабочего дня. Точно в половине восьмого подъехал Кревский на черной «Волге». Он поздоровался за руку с Романом и спросил, все ли было тихо и, получив утвердительный ответ, прошел в дом, не пригласив своего будущего заведомо в дом. Минут через двадцать вышла Галина. Роман, непонятно почему, впился в нее ревнивым пытливым взглядом. Она, опустив глаза, прошла мимо него в беседку, тихо бросив на ходу:

– Тебя зовет Кревский.

Роман, не сказав ей ни слова, прошел в дом. В зале, где вчера все ужинали, личный секретарь секретаря ЦК, брил своего начальника бритвенным станком. У Романа мелькнула неприязнь к гостю: «Даже сам побриться не может. А лезет туда же...» Но куда – не уточнил. А Енченко жаловался Кревскому:

– Раньше, как вы помните, со мной в командировку отправлялся массажист и парикмахер. Надо в любой ситуации выглядеть хорошо. Но с апрельского пленума пришло указание об экономии. Приходится моему личному секретарю выполнять непривычные ему функции.

– Да. – Неопределенно согласился с ним Кревский. – Многое за эти два месяца изменилось...

– Перестройка – великое дело партии. – Привычно по казенному, продолжил его мысль Енченко. – Надо не только ускорить научно-технический прогресс, но и перевоспитать сознание людей. А это сложнее экономики. – Он тяжело вздохнул.

«Тебя, старого кобеля, только могила перевоспитает! – Со злостью подумал Роман о секретаре ЦК. – Тебе уже другое сознание в голову не вставишь. Пользуйся благами народа, пока сидишь высоко». В этот момент он считал народом и себя.

Кревский обернулся к Роману:

– Завтрак будет в столовой обкома. Вы можете, с Давыденко, ехать домой и привести себя в порядок перед пленумом. Вас же сегодня должны утвердить на должность заведующего... – И будущий дипломат сделал дипломатическую паузу, которую заполнил Енченко.

– Сделаю вам комплимент. – Это он сказал Кревскому. – Селекционная работа в обкоме по подготовке кадров стоит на высоком уровне. Я совершенно не буду возражать против назначения вашего человека. – Он говорил о Романи в третьем лице, как о безликой скотине. Впрочем, это было обыкновенное выражение в партии.

– Да. Мы долго присматриваемся к людям, прежде, чем назначить их на должность. – Меланхолически согласился с

ним Кревский, и зевнул. А потом, обратившись к Роману, подчеркнул. – К вам со стороны секретаря ЦК претензий нет. Спасибо вам от имени обкома. Возьмите служебную машину и отправляйтесь домой.

Роман кивнул головой и вышел из здания. Галина, склонив голову низко к столу, сидела в беседке. Надо было что-то сказать милой Галке, чтобы ее успокоить. И Роман, стараясь вложить, как можно больше искреннего чувства благодарности в голос, произнес:

– Спасибо тебе, Галка! – Она не шелохнулась в ответ на его слова, и Роман вынужден был продолжить. – Не бойся, Галка. Чтобы не случилось, рассчитывай на мою дружбу и помощь. Я не брошу тебя после случившегося... – И вдруг отшатнулся, увидев гневный взгляд Галины. Она смотрела на него, как на кровного врага, желающая испепелить его своим гневом.

– Не надо мне подачек. – Медленно произнесла она. – Ни твоей дружбы, ни помощи. Милость, как ты убедился, я могу занять сама. Но какой же ты подонок! – Она замолчала на мгновение и сделала вывод. – Ты получил должность. Я ночью не забыла напомнить секретарю о тебе. Какие вы все подонки! – Снова повторила она.

Злость бросилась в голову Роману, и он уже с чувством презрения, прошептал, чтобы никто не услышал его слов:

– Ты тоже хороша и что-то получила для будущего! Учеба в партийной школе, я надеюсь, тебе обеспечена?!

– Да! И роль любовницы этого человека. – Уже с болью в голосе ответила Галина. – Надо же иметь что-то реальное от вашего подонства! Но ты больше никогда ко мне не прикоснешься. Ниже тебя я упасть не смогу. Я заработала все честно, хотя бесстыдным образом. Ты же подло. Как в книге или в кино... Продал свою любовницу... – Бессильные слезы выступили у нее на глазах, и она тихо закончила. – А я тебя все-таки любила...

Роман, не отвечая на ее обвинения, скрипнул от злости зубами:

– Нам дали машину, чтобы привести себя в порядок до пленума. Поехали!

– Я сегодня отдыхаю. Но может быть вызов на работу. К секретарю...

...На даче Лена Семерчук развернула «Ворошиловградскую правду». Пробежав глазами первую страницу, она крикнула:

– Мама! Пленум обкома назначил Романа заведующим агитационно-пропагандистским отделом. В газете об этом написано. Наконец-то сбылось его желание.

– Ну и хорошо. Квартиру получите. – Коротко, но конкретно подытожила это известие мать.

Подбежал Владик:

– Мама! Так папа скоро приедет к нам?

Лена грустно и глубоко вздохнула:

– У него сейчас будет еще больше работы. Зови Ксюшу, и

идем купаться на Донец.

1987

Старт дан. Идет новый забег в будущую, счастливую жизнь страны и народа. Теперь социалистическое дерби называется – перестройка. Но на скачках часто первым к финишу приходит всадник без головы. И кто у нас всадник без головы – властители или народ? У правителей, как у Змея Горыныча отрастет новая голова, а может, и не одна, и они будут продолжать пожирать свой безголовый народ. А вот народ?... Он должен стать всадником, естественно, безголовым. Такая роль в истории отведена народам России.

Судорожные рывки в светлое будущее – сначала в социализм, далее в коммунизм, потом почему-то, снова в социализм, но уже в развитой, а дальше совсем непонятно – в какое-то новое общество. Но для нового будущего надо включить второе дыхание, прямо на бегу – ведь наша советская жизнь – сплошной бег. Новое переключение дыхания называется – перестройка. А нужна уже передышка. Но для социализма конечная цель – всё, а движение вечно – это природа. А народ – продукт природы. Пусть бежит... Все просто – до примитивизма! Поэтому народ надо постоянно приводить в движение. Но настоящие спортсмены и их тренеры хорошо знают – смена ритма обязательно закончится сходом с дистанции. Но «тренеры» спортивного общества под названием «СССР» знают – финиш перестройки закончится народ-

ным крахом, но не их личным. Но социалистический народ не может не бежать. Куда бы не бежать, но бежать и как можно дольше и дальше. Финиш не должен обозначаться, тем более зримо виден народу. Так народу интереснее. Не видит око предела, – можно съесть и зеленый виноград. Чем глубже дышит народ, тем он меньше думает. Глубокодышающие – меньшедумающие. Вперед туда, куда дальше послать невозможно! Задыхайся от радости за невидимое будущее, грызи пыль идей, и беги, беги, беги!.. На смену одному индивидууму из народа, сошедшему с дистанции, всегда найдется другой! Способный бежать. Ура! Больше от него ничего не требуется. Но мы еще и ускоряемся! Значит инфаркт с инсультом близок. «Талантливые» тренеры умеют выжать все самое лучшее из спортсмена – потом его кинуть. А на «тренеров страны» нашему народу всегда везло. Умеют они выжать из своих поданных даже последние соки. Знают, что на месте высохшего ствола, прорастет веточка. И веточку высушим... И легонько помахивая вымоченной в алкоголе идей розгой, ласково гонят народ дальше. Дальше! Дальше? А он, задыхающийся на трассе, не может даже спросить пересохшим ртом: «Куда?..» Да и не у кого спрашивать – боги далеко, а розговая вера рядом. На какое будущее можно рассчитывать, если кроме социализма мы ничего строить не умеем.

Нашелся главный тренер, сам себя называет отцом перестройки – партийный академик. Звучит! Лысый, значит, обманщик. Народная примета не обманывает. Позже парта-

кадемик станет утверждать, что именно он проложил трассу забега, где финишем станет разрушение великой страны. Кто будет первым на финише подонков? Не он. Он должен остаться незамеченным для народа. Народная примета не обманывает – будет другой обманщик, но тоже подлец. А подлец – это ползучий гад с высокой проходимостью. Но партакademic – не вождь. Вождь – другой. Тоже лысый, но с отметиной. В народе говорят, – мечен дьяволом. А дьявол никогда не созидает, – он разрушает. Только такую роль отвела меченым народная мифология – разрушительную. Но советский народ забыл свою мифологию. Верил и верит съездовским мифам. А вожди рассчитывают вести за собой народ, не поднимая его с колен.

С чего начать? Что делать? Кажется, ни один русский мыслитель не разрешил этого простого вопроса. Наш главный мыслитель мыслит сложно. А народ еще сложнее. Просто мыслить они не могут. У них много мыслей и они связаны между собой крепкими узелками-узлицами. Главная – чтобы Родина была сильнее и крепче, а народ – богаче! Эта глобальная мысль тянет большую проблему – как бы урвать у этой Родины немного себе. Поэтому даже простая проблема, никогда не кажется народу простой, проще она реализуется у главных мыслителей. Сложное – в простом. Эту истину никак не может познать русский человек. Ему предназначено природой искать только сложное. Его душе тоскливо без проблем. Он мается, мечется в поисках истины, а сам в себе

найти ее не может. А истина лишь разновидность лжи, устраивающая народ в определенный момент. Народу надо, чтобы истину подбросили со стороны, желательно сверху – чужая истина, не требует личной ответственности. Убедительнее других удастся изрекать истину тем, кто ее не постиг. И хорошо, что все истины запускались в голову сверху – превратить их в жизнь – сладчайший долг жизни. И многие умирали с непоколебимой истиной удовлетворения от прожитого. Честь и хвала вам герои за идею! Вы остались честными в памяти потомков. Вы умерли счастливыми и красивыми. Но вашей истиной было – простое в сложном. Вы просто жили, выполняя волю сверху. Докапываясь до истины, необходимо учитывать риск вырыть себе могилу. Если мысли не укладываются в голове, значит либо мысль грандиозная, либо голова маловата. Народ, не давай захватить себя мысли, если не уверен, что она умная. Но уввы... Народ доверчив, как ребенок, ждущий обещанную конфетку. А сейчас наступили другие времена – времена героев со знаком минус. Поэтому, народ, жди для себя новых потрясений.

Надежда на светлое будущее умирает последней – физиологически, вместе с индивидуумом, если таковой существовал. Дьявол играет на вечно светлом будущем. По мере его приближения, будущее разочаровывает все больше. И чем завлекательнее светлое будущее, тем более отвратительным прошлым оно вскоре станет. Перестройка! После нее будем жить хорошо, а может еще лучше! Ускорение, – чтобы поско-

рее наступило это лучшее. А умный человек знает, что любая попытка ускорить общественный процесс развития ведет в пропасть, точнее в – преисподнюю дьявола. Но об этих планах народ не должен догадываться. Если не строевым шагом, то нестройной толпой доберемся до сути перестройки. Все-таки народ работает на благо вождей и нельзя от него требовать строевой выучки. Пусть идет вперед толпой. Толпа никогда не понимала и не видела надвигающейся угрозы. Она идет за вождями. Те заслуги, за которые народ перевозит своих вождей, часто являются преступлениями.

Пока народу не надо говорить об угрозе. Но что же еще предложить народу, чтобы он почувствовал заботу о себе сверху? Ясно и дураку! Предложить эту заботу народу. Простое – всегда рядом! Мы заботимся о твоём будущем, народ, потому что оно, слишком далеко. Так уже заботились раньше. Главное – забота о людях, а кто в люди не выбился, пусть пеняет на себя. Но надо для народа придумать что-то новое и конкретное. Есть! Придумали! Мы заботимся о народном здоровье! Конкретно и весомо. Какой народ откажется от такой заботы? Правители понимают – в здоровом теле остается мало места для души.

Народ! Слушай?! Твое здоровье подтачивает пьянство. Понял? Пьянство делает человека хуже, но трезвость не делает его лучше. Народ не виноват, что наполовину наш бюджет состоит из алкогольных градусов. Это тебя, народ, спивал советский строй. Властители заставляли за счет тебя

формировать позорный для народа бюджет. Теперь он станет без градусов! Чистым от налогов на нечистую продукцию.

Запретить алкоголь! Ударим по пьянству и разгильдяйству плетью законов.

Дьявол знает, что делать!

Хочешь что-то разрушить, – введи запрет. Запретный плод очень уж сладок. Понятно и ежу! Поэтому еж выходит на ночные трассы, по которым ему нельзя ходить – так сладко погибнуть под колесами автомобиля. В жизни всегда есть место подвигу, но место могилы героя часто остается безмянной. Место подвигам находится там, где не хватает благополучной жизни. Народ – совершай новый массовый подвиг! Уподобляйся ежу!

Запрет – великая разрушающая сила! Сокращается производство спиртного, закрываются заводы, вырубаются виноградники – разрушение налицо. Но все во благо народа – для сохранения здоровья, укрепления семьи, ликвидации преступлений. Радуйся, народ! Вот конкретная забота о тебе. И бюджет достоин тебя... Запретный плод часто бывает червивым, но, тем не менее, вкусным. И как сладостно душе нарушать запрет.

А бюджетный пирог становится все тоньше и тоньше...

Мало запретов. Будем бороться за качество. Теперь, народ, будешь потреблять только все качественное. И водку, в том числе. Госприемка старается вовсю, – все сто процентов выпускаемой продукции в стране надо браковать. Здесь дья-

вол понял, что переборщил. Совсем заводы и фабрики нельзя закрыть – рухнет вся система заботы о народе. Пусть пока что-то работает.

А бюджет уже не пирог, а блин... С дырками. Всем блина не хватает. Народу остаются дырки! Дырки с терпким запахом социалистического прошлого и душистым ароматом несбыточного будущего. Так не пойдет. Надо что-то новое придумать.

Ура, додумались! Нужно внести в народ новое сознание или «м'ышление», с особым типом дьявольского ударения. В м'ышлении, как и в сексе, важна не глубина, а интенсивность движения. И вот, процесс пошел, на'чалась перестройка.

Дорогая, партия! Ты воспитывала меня, обучала не только уму-разуму, но и разным наукам. Неужели ты не смогла создать курсы словесности, для обучения правильному русскому языку наших вождей. Неужели ты забыла свой исторический опыт, что выходцам из народа, каковыми являются вожди, сначала необходимы курсы ликбеза для ликвидации естественной безграмотности, полученной от крови и плоти народной? Народ говорит всегда просто и красиво. Вожди коверкают могучий язык протокольной изысканностью. Кровь и плоть народного естества на бесстрастной бумажке и их лживом языке. Не о них ли говорил самый великий вождь «Как страшно далеки они от народа?» И как же надо было партии иметь свой народ, чтобы он испытывал глубокое удовлетворение от ее безумной политики социалистических ре-

форм. Народный вождь хочет найти с народом общий язык, но трудно это сделать с тем, с кем не хочешь иметь ничего общего.

Дореволюционный помещик в деревне – это народ. Деревенский выходец в Кремле – его эрзац.

А что же может дать другим эрзац? Гласность! Думай теперь народ сам, как хочешь и как сможешь. Раньше тебе не давали говорить, только разрешали думать. Сейчас говори, что хочешь. Правда, просят говорить в определенных пределах. Критикуй, но ласково – основу и верха не трогай. Середину критикуй, то есть ту среду, где ты лично обитаешь. И вот в детском садике, ребенок критикует воспитательницу, а алкаш режет правду-матку о своем бывшем директоре завода, на котором он когда-то, оказывается, работал. Критик – это тот, кто знает, что сделано плохо, но сам сделать лучше не в состоянии. Как славно быть критиком! Критик не создает шедевров, он ими кормится!

А чтобы народ правильно по-русски говорил, нужна новая бытовая культура. Безалкогольные свадьбы – веселись два дня до упаду, залив брюхо квасом. Газеты с умилением приводят многочисленные примеры безалкогольных пиршеств, печатаются сценарии подобных мероприятий, – а пьяных становится не меньше. Разводов и преступлений тоже. Народ-то недурен и как говорил поэт «тоску он заливает не квасом». Но многодневные очереди по талонам за водкой, изматывают народ так, что он готов залить житейскую

тоску чем угодно. Пьем одеколон, запивая его лосьоном и духи проходят – три дня приятный аромат из организма прёт. Нет жидкости, сойдет и зубной порошок, можно сапожный крем и конторский клей. Появились гурманы, употребляющие противотараканью жидкость и вдыхающие ароматно-ядовитые пары, убивающие всех насекомых на расстоянии. Самые привередливые туманят мозги наркотой – нет алкоголя! Свято место – пустым не бывает!

Мало материальной гадости, дадим неощутимую до самой смерти материю. И вот взрывается Чернобыль. Невидимый геноцид уничтожает народ. Спасайся народ, как можешь, – мы вожди бессмертны, мы, ради вашего процветания, обязаны жить в стерильных условиях. Ты рой тоннели под реактор, возводи вокруг него противорадиационную стену, а мы подумаем о твоём спасении от радиационного вырождения. Кстати, народ, знай, – и негативный опыт имеет положительное значение. Так говорят мудрецы. А наши вожди вхожи в их круг по должности. Поэтому и запреты у нас мудрые. Чувствуешь, народ, логику? Жаль, что зубы мудрости не прорастают в мозг, что так необходимо правителям. А если нет своих мозгов, появляется неодолимое желание выбить чужие. Береги свои мозги народ, чтобы мог продолжать мудрствовать.

Почему правители не понимают, что народ всегда найдет выход из трудного положения запрета? Неужели не читали детских сказок, где цари все показаны дураками?

Но наши правители не дураки. Они знают, чей выполняют заказ, и по какой цене, как партакадемик. Могли бы все сделать быстрее, но только им поставили одно условие – разрушать цивилизованно. А вот этой проклятой цивилизованности не хватает. Ввести табу? Но табу – уровень первобытных цивилизаций. Ничего, табу сгодится для воспитания нашего советского народа. Еще неизвестно, чей уровень цивилизации выше... – у тех или у нас. И вообще, в цивилизациях много непонятного.

Народ – быдло! Правители всех времен знают эту прописную истину. А быдло стадом погоним в новое... стойло.

Быстро! Ускоренно! По-нашему! По-социалистически! Наконец, по-русски.

Лес рубят, – щепки летят. Дрова, руководство возьмет с собой, – пригодятся для организации домашнего тепла и уюта в недалеком, лично счастливом будущем. А щепки – народу. Чем не забота о нем? Щепки сгорают быстро – правда мало тепла, но зато есть свет.

Свет народной темноты!

Народ и щепки – продукты одного труда. Говорят, что народ делает правителей, а жизнь только шлифует правителя. Но как бесстыдно правители имеют свой народ всю жизнь!

Народ – ты быдло! Говорю я о тебе с душевной болью, потому, что я сам народ! Знай, народ, – ветер перемен бывает попутным далеко не для всех! Будущее жестоко обходится с тем, кто его приближает. А народ инстинктивно борется за

его приближение... Народ, что же с тобой будет дальше?...

1

Лето и начало осени для областного партийного аппарата выдался не просто беспокойным, а прямо катастрофическим. Летняя перестроечная гроза плавно перешла в осень, но с еще большим оттенком стихии – стихия несла кадровые перестройки, прежде всего, в обкоме партии.

Первый секретарь обкома партии Столяренко сидел в своем кабинете и, в который уже раз перечитывал статью в журнале «Шахтер Украины» – заштатном республиканском журнале, который, если просматривает каждый десятый, точнее сотый шахтер, то и хорошо. От злости он постоянно скрипел зубами. Какой-то журналист из Донецка, по фамилии Бейлин, писал, что ворошиловградское партийное руководство делает вид, что перестраивается, добыча угля падает, оборудование изношено, а он, Столяренко – руководитель областных коммунистов, злоупотребляет своим служебным положением... Пока тем, что ставит на руководящие должности людей не по профессиональным качествам, а тех, кто ему лично предан. И какой-то туманный намек, насчет того, что и он имеет что-то от своей должности. Столяренко дополнительно еще несколько раз перечитывал этот абзац, где имелся намек на личное злоупотребление, но к своему удовлетворению, не находил конкретного материала. Это его успокаивало и одновременно настораживало. Неужели, в ЦК пар-

тии им недовольны и это первый сигнал о том, что пора ему освободить первое кресло области? Без разрешения ЦК такой материал в журнале не появился бы. Столяренко не просто великолепно знал партийно-советскую систему, она была частью его внутренней сущности. А, впрочем, может быть это проявление гласности? Сейчас публикуются достаточно резкие и откровенные материалы. Но внутренне он чувствовал, что здесь что-то не то. Вон, как летят со своих постов первые руководители областей и республик, как перезревший горох из сухого стручка. Может, наступила его очередь? Еще рано. Другие сидят на своих должностях по двадцать и даже более лет, а он-то всего тринадцать. Ему пока рано покидать свое место. Он не может считать себя перезревшим – ему только шестьдесят один, не то, что другим давно за семьдесят. Нет! Его еще рано менять! Надо будет позвонить в ЦК республики, – первому. Все-таки они друзья не один десяток лет. Узнать – случайность эта статья или начало неприятной закономерности.

Столяренко набрал номер первого в ЦК по прямому телефону. Ответил секретарь в приемной. Надо бы от него что-то разузнать? Даже по интонациям голоса секретаря можно определить свою судьбу. Но голос того ровен, доброжелателен, не за что зацепиться. Сейчас первый занят, но ему секретарь скажет о звонке из Ворошиловграда и сообщит Столяренко, когда надо позвонить.

– Ну, спасибо! – С искусственной веселостью ответил

Столяренко. – С меня причитается... – Шутил он дальше, – пусть знает, что подарок секретарю в приемной первого ЦК с него. – От простого секретаря многое зависит. – Жду звонка...

Столяренко положил трубку на аппарат и еще раз перечитал статью. Впервые он читал такую наглость журналиста, как он считал, о своей плодотворной работе. Но надо смириться – гласность. Он сам об этом говорит на каждом совещании. Но тогда при произношении слова «гласность» не скребут кошки на душе, а сейчас только вспоминая это слово, наоборот. Надо посоветоваться с заместителями и верными людьми и решить, что делать дальше. Но его позиции ослаблены – недавно Кревский, закончивший дипломатическую академию, покинул пост секретаря обкома по идеологии и отправился работать мелким посольским клерком в далекую африканскую страну. И Столяренко позавидовал ему – в Африке жить легче, чем в СССР. В той стране, в которую направлен Кревский не думают пока перестраивать свой первобытно-племенной строй.

«Живут там естественно. А мы должны жить цивилизованно. Значит, лучше их. А, что лучше? – Думал он. И решил, что лучше жить, как живут все в стране и как он, в частности. – Трудно. Но интересно. Правильно говорят, что революции и перестройки – двигатели прогресса».

Но статью без поддержки сверху вряд бы такой журнал напечатал. Он под надзором своего министерства – угольной

промышленности, значит и под партийным контролем. Но журналист из Донецка. Может быть там, друзья-недрузи из обкома решили его подставить. Вполне может быть! Ворошиловградская область является, как бы младшим братом Донецкой области. Там всего выпускается больше. Угля добывается больше, но самый качественный уголь – антрацит – в его области. Металла выплавляется больше, но министерство обороны для своих нужд заказывают более качественную легированную сталь именно в его, Ворошиловградской области. Город дает стране патроны и тепловозы – такой технологически сложной продукции Донецк не выпускает. Урожай хлебов выше в его области. Но здесь главную роль играет природный фактор – у него чернозем. Продовольствием обеспечиваем себя полностью, в отличие от них. Ему докладывают, что при прошлом первом секретаре, вообще с колбасами и прочими продуктами проблем не было. Приезжали за ними и из соседней Донецкой области. Правда, это было до него. А когда его назначали на должность первого секретаря обкома партии, то поставили ему задачу увеличения поставок продовольствия в республиканский фонд – мол западноукраинские области не могут снабдить себя продуктами, то надо, чтобы им их давали другие области. Хватит шахтерскому краю находиться в привилегированных условиях! И он стал это распоряжение выполнять и сразу же в области остались только два сорта колбасы: любительская и докторская, а копченая... тью-тью, исчезла с прилавков магази-

нов, хотя у некоторых горожан она всегда лежала в холодильнике. Но только у некоторых. Но Ворошиловградщина все равно качественно выше Донетчины. У нас был Даль, Гаршин, Ворошилов, Еременко... А у них? Вряд ли будут такие звучные имена. Наша футбольная команда «Заря» стала чемпионом СССР – первая провинциальная команда. А их «Шахтер» только когда-то владел кубком страны. До него в городе построили столько спортивных школ и площадок, вместо тюрьмы, что по числу олимпийских и других чемпионов Ворошиловград далеко обошел Донецк и даже всю Украину. Правда, с грустью констатировал Столяренко, это было тогда, когда был первым секретарем Владимир Васильевич Шевченко. А как он его сменил, то и «Заря» ушла в низшую лигу, о колбасе говорить не хочется... все стало хуже. Но им до сих пор были довольны вверху.

Качественнее мы, то есть его область, лучше соседей! Поэтому донецкие партийцы завидуют ему! И Столяренко решил действовать – статью обсудить с нужными людьми и, по возможности, разнузданного журналиста каким-то образом призвать к порядку – показать ему его место. Такое нельзя оставлять без ответа, а то не будет порядка ни в партии, а значит, и в стране.

«Пока никому не дано права замахиваться на партию!» – Сделал он окончательный вывод и приказал секретарю вызвать к нему руководителей КГБ, МВД и прокуратуры.

«Этот Бейлин... – Зрело окончательное решение. – Дол-

жен быть поставлен на место и публично извиниться передо мной и всем обкомом. Выяснить, кто он по национальности и может ему не место в нашей стране? Только проконсультироваться во всем, чтобы не пропасть самому».

Но на совещании с первыми руководителями силовых подразделений области, вопрос о статье в журнале обсуждали очень осторожно, даже вяло. Эти руководители явно не хотели разделять проблемы обкома – их конкретно в статье критике не подвергли. В который раз по-пустому обсудили вопросы социалистической законности. И собственно говоря – все. Но Столяренко обязал их дать свои суждения о статье в письменном виде.

Семерчук сидел у себя в кабинете и беседовал с пришедшим к нему за советом, а точнее за помощью, доцентом из педагогического института Баранским. Это был невысокого роста, полный мужчина, лет пятидесяти. Его круглое смуглое, почти без морщин лицо, казалось накачанным мячом, а из-под припухших век поблескивали узкие щелочки глаз. Когда-то черные, а сейчас с проседью волосы придавали ему интеллигентный вид порядочного человека. А картавил он так, что любой житель Ближнего Востока мог позавидовать ему. Но он всю жизнь прожил на другом Востоке – Дальнем и даже успел поработать одно время в одной из братских азиатских стран. А привело его в обком личное дело, но прямо касающееся вопроса укрепления сплоченности партии. Романа он учил в институте основам марксистской философии и сейчас надеялся на поддержку своего бывшего студента.

Баранский уже изложил суть своего положения. Оно, вкратце, сводилось к следующему. Он уже десять лет был заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии – два срока по пять лет. Так как он не защитил докторскую диссертацию, то согласно положению о заведовании, его освободили от этой должности и перевели работать простым доцентом. А он пишет докторскую диссертацию о философских взглядах великого анархиста Кропоткина уже

пятнадцать лет и не успел ее закончить.

– Понимаешь, Роман. – Мило шепелявил Баранский, обращаясь к бывшему своему студенту на «ты». – Кропоткин такая неординарная личность, что его не изучишь и за всю жизнь. Но я стараюсь добить диссертацию и представить в скором времени ее на защиту.

Роман знал такую категорию доцентов, пишущих докторские диссертации всю свою жизнь, а точнее до смерти. Вернее, они ее не писали, но делали вид, что пишут. А за этот вид научной работы они пользовались творческими отпусками, различного рода повышением квалификации и прочими научными благами, позволяющими им занимать хорошую должность. И таких потенциальных докторов в стране было много – наверное, каждый третий из четырех таким образом двигал науку вперед, вернее расширял ее, но защищался, тоже, наверное, каждый двадцатый, а может и реже того. Баранский был типично таким ученым, извлекающий из призрачного научного тумана конкретные выгоды. Роман знал об этом, но не мог прямо сказать об этом своему бывшему педагогу. Тем более, Баранский просил о большем. Роман участливо спросил его:

– А много еще работы над вашей диссертацией?

Баранский тяжело вздохнул:

– Много. Кропоткин многогранен, и я просто тону в его материале. Монография получается большая по объему, а такую книгу никто не издаст. Сокращать жалко... – Он сно-

ва тяжело вздохнул, показывая этим, как тяжело быть ученым и перешел к главному, зачем он пришел к своему бывшему студенту. – Понимаешь, Роман. – Он сощурил свои узкие глаза до ниточки. – Мне пришлось оставить пост заведующего кафедрой по этой самой причине... – Он запнулся и через силу дальше произнес. – Ну, что нет докторской... – Признался Баранский. – Вроде бы мог жить спокойно, как доцент, без всяких волнений. – Он вздохнул еще тяжелее. – Но не могу так...

Баранский сокрушенно прикрыл ладонью глаза, показывая этим жестом, как ему тяжела спокойная жизнь. И Роман решил поддержать своего бывшего преподавателя.

– Да. Все знают вашу политическую активность, Юрий Михайлович...

Баранский встрепенулся.

– Правильно ты сказал о политической активности. Но я бы сказал еще и о политической зрелости – не могу оставаться в стороне, как простой коммунист, хочется воплощать идеи партии о перестройке общества в жизнь... – Он снова глубоко вздохнул и сказал самое главное – точнее попросил. – Роман Богданович... – Обратился он официально к своему бывшему ученику. – Как вы в обкоме знаете, у нас в пединституте освободилось место секретаря парткома. Впервые объявлены выборы парторга, на альтернативной основе. Я бы хотел, чтобы мою кандидатуру поддержал обком партии... – Осторожно закончил он.

Роман, собственно говоря, предполагал, зачем пришел к нему Баранский. Все, знавшие его, знали, что он не может жить без руководящей должности. Вот и сейчас он пришел в обком не только к нему, но и к другим прозондировать мнения о себе, заручиться поддержкой.

– Насколько я знаю, никто в обкоме партии не будет против вас. Я поговорю в отделе науки обкома, чтобы...

– Не надо. – Перебил его Баранский. – Я уже там был. Мне просто хотелось знать ваше мнение по этому вопросу.

– Я не против, Юрий Михайлович, и вы всегда можете надеяться на меня...

Приоткрыв дверь, заглянул в кабинет к шефу Попов. Увидев, что у Семерчука находится посетитель, он начал прикрывать дверь, но тот махнул рукой – заходи. Роману хотелось побыстрее отделаться от Баранского и Попов бы косвенно помог ему в этом и он продолжал говорить:

– ...если понадобится моя помощь, я вам никогда не откажу.

Баранский стал приподниматься со стула, собираясь уходить. Попов сел рядом и, молча, прислушивался к разговору.

– Спасибо, Роман Богданович. Я уверен был в хорошем отношении вас к нам. – При свидетеле он говорил Роману на «вы».

– Всегда вспоминаю вас хорошо. – Подтвердил Роман. – Я уверен, что у вас не будет серьезных претендентов. Ваш авторитет и влияние в институтском коллективе так высок, что

ничто не помешает этому коллективу избрать вас секретарем парткома. – Роман, не замечая этого, говорил штампами. – и я уверен, что вы в скором времени защитите диссертацию.

– Я тоже надеюсь. – Еще уже сощурился, улыбнулся Баранский.

Он пожал на прощание руки Семерчуку и Попову и вышел.

Попов, прежде чем сказать что-то о причине своего посещения спросил Семерчука:

– А он, что еще до сих пор не защитил диссертацию?

– И не думает. – Откровенно ответил Семерчук. – Пыль в глаза пускает всю жизнь, показывая, что он умный и деятельный. Но народ-то это видит его насквозь, а он его нет. Сейчас хочет стать секретарем парткома института – не может жить без должности, даже самой маленькой. А его вряд ли изберут.

– Да. – Согласился с ним Попков. – Слишком хитрых не любят в коллективе.

– Все, кто хочет стать парторгом педагогического института, пооббивали все пороги в обкоме и всем приходится обещать поддержку. Они меня учили и считают, что я обязан для них сделать все, чтобы каждого из них избрали. Ну и приходится обещать. Что ж делать? – Пожал плечами Роман. – Что у вас?

– Я слышал ваш разговор о диссертации и хочу сказать, я уже заканчиваю писать свою диссертацию.

– А зачем вам это нужно на старости лет? – Несколько грубовато спросил Роман, имея в виду его возраст, а значит и невозможность дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

Попов понял, что имел в виду его шеф и, улыбнувшись, ответил, склонив голову к левому плечу.

– Я просто предупредил, чтобы вы были в курсе. А там будет видно.

– Хорошо. – Рассеянно ответил Роман. – Что у вас?

– Надо подготовить справку...

– О чем?

– Нас просили подготовить для газеты материал, по поводу тех злоупотреблений в области, о которых написал журналист из Донецка... – Попов выжидающе замолк.

Роман знал об этом задании, которое дал его отделу первый секретарь и приказал подготовить справку Попова. Ему не хотелось самому заниматься этим «грязным делом», так он его называл. Надо бы по этому вопросу посоветоваться с тестем. А он до сих пор этого не сделал.

– А вы подготовили такой ответ? – Спросил он Попова.

– Да. Но надо, чтобы посмотрели его вы...

– Хорошо. Давайте его мне, я посмотрю.

Попков положил перед ним на стол отпечатанные листы бумаги и вроде бы ненавязчиво напомнил:

– Просили, чтобы сегодня мы дали эту заметку первому о том, что нарушений не выявлено.

– Спасибо, я передам сегодня.

Попов вышел, а Роман подумал: «Подождут до завтра. Надо все же посоветоваться с тестем». Он не любил своего тестя, иногда даже ненавидел за то, что тот хитрее и дальновиднее его и знает о Романи то, что не знает его дочь, но всегда советовался с ним по скользким и сложным вопросам. Ему самому не нравилось такое раболепие перед родственником, но ничего не мог с собой поделать – советы и рекомендации старого партийно-советского зубра были всегда ценными.

3

Через два дня Столяренко последовал звонок из ЦК Украины. Секретарь первого секретаря ЦК республики так и не позвонил ему, чтобы сообщить, когда же тот будет свободен. И вот этот тревожный звонок от одного из секретарей ЦК последовал с советом – как можно быстрее дать ответ на статью в журнале, указав, что она в основном субъективистская, ложная и инцидент ликвидировать, как можно быстрее и тише. Открытого предупреждения не было, но Столяренко понимал, что это ему последний звонок, если он не перестроится, как вышестоящие товарищи, в своей работе. А этого, последнего звонка, он не хотел более всего. Жена после тяжелой болезни умерла и похоронена здесь, дети живут в Киеве, а он, как пришлый и одинокий варяг, тоже здесь, в чужом для него городе, ставшим ему после кончины жены – родным. Но жить здесь простым пенсионером, с персональной пенсией, ему не хотелось. Да и детям помогать надо. Но надо было с Бейлиным что-то решать. Лучше будет, если журналист сам напишет опровержение, и оно будет опубликовано в центральной республиканской газете.

Его рука потянулась к прямому телефону, и палец набрал один из написанных на диске номер – генерала, – начальника внутренних дел области. Тот был на месте.

После коротких вопросов, как дела с преступностью в об-

ласти и городе – а она, эта преступность, почему-то неуклонно росла – Столяренко спросил:

– Какие решения у вас созрели по поводу публикации в журнале?

– Решений нет. – Коротко отрапортовал генерал. – Наша функция в сборе материалов. А они следующие – сегодня Бейлин приехал из Донецка в Ворошиловград. Вот, что могу сообщить. Теперь пусть этим делом занимается прокуратура.

– Понятно. – Ответил Столяренко. – Но я попрошу вас проследить, что будет делать этот журналист в эти дни в городе или области.

– Это наша функция. – Согласился генерал.

Первый секретарь задумался – как добиться от журналиста опровержения. В простой беседе его не убедишь этого сделать. Принуждением – нельзя. Такого не допускали даже раньше. Теперь – гласность и журналисты совсем распоясались. Пишут, что попало, почти не согласовывая с вышестоящими органами – лишь бы поярче и злее. Хорошо, что пока областные газеты остаются под их партийным контролем, а центральные словно с цепи сорвались – все им в стране плохо. Но надо с этим журналистом поговорить, разъяснить ему, что он не до конца проанализировал ситуацию в шахтерских городах области, поверхностно отобразил существующее положение.

Но кому поручить эту работу? Столяренко долго рассмат-

ривал лист с номерами телефонов и фамилий работников обкома, лежащий под стеклом на столе и пришел к выводу, что необходимо посоветоваться с секретарем по идеологии. И он вызвал к себе Бурковского, занявшего недавно этот пост вместо выбывшего Кревского.

Пришел Бурковский. Столяренко знал, что он отличается прямолинейностью, собственным суждением и достаточно резковат в своих оценках происходящего. Поговорив о сложности политической и экономической обстановки в области, перешли к вопросу о Бейлине.

– А, что ему сейчас сделаешь? – Резюмировал Бурковский, не вдаваясь в обсуждение вопроса. – Не захочет он писать опровержение и будет прав. Зачем тогда он писал статью, чтобы потом написать, что он неправ.

– Да. – Согласился Столяренко. – Но надо бы с ним поговорить.

– Не вижу проку. – Ответил Бурковский.

Столяренко понял, что в этом деле секретарь по идеологии ему не помощник, и они расстались.

Выходные дни Столяренко решил провести на даче. Заканчивались последние теплые сентябрьские дни и скоро должен был наступить дождливый октябрь. Надо было отдохнуть, тем более за последние годы он практически не был в отпуске – только урывками по две недели отдыхал в санатории. А сейчас, когда надо смотреть в оба на вверенный ему регион и одновременно на вышестоящие органы, опасно и

непозволительно была отлучаться из области, можешь слететь со своего высокого места.

Раньше жена, вместе с обслуживающим персоналом, выращивала цветы, теперь обслуга дачи занималась этим. Раньше он помогал в этом жене, сейчас просто не вмешивался в проблемы ухода дачи. Поэтому ему оставалось только спать, да руководить делами области с места отдыха.

В эту субботу, ближе к полудню, видимо, чтобы не разбудить первого секретаря раньше, ему позвонил начальник УВД, с которым он вчера разговаривал по телефону, по поводу Бейлина. Сообщение содержало важное сведение – вчера вечером Бейлин посетил магазин «Океан» и у директора закупил по десятку банок черной и красной икры, печень трески и другие рыбные деликатесы. Этот магазин за последние годы проверяли не раз, причем неожиданными рейдами, но всегда там было все в порядке, лишних деликатесов, кроме тех которые предназначены для городского и областного руководства, не имелось. Директор всегда успевал получать секретную информацию о проверке, и умело прятал «рыбные концы» в воду. А о том, что он «налево» торгует икрой, имелись точные сведения.

Столяренко задумался. Это был хороший повод для разговора с журналистом. Фактом незаконного приобретения дефицита можно было шантажировать Бейлина и заставить его написать опровержение на свою же статью. Надо использовать это обстоятельство. Но как? Поговорить с ним, а мо-

жет, и припугнуть. Но кому поручить это дело? Генералу МВД и его сотрудникам? Но с ними пусть будет представитель обкома. Кого лучше пригласить? Тот, кто занимает высокую должность в обкоме, вряд ли согласится. Простого инструктора? Нельзя их допускать в это дело. Надо взять кого-то из среднего звена номенклатуры. И Столяренко стал читать список работников обкома, пытаясь найти верных людей из среднего звена. Его взгляд остановилась на фамилии заведующего отделом агитации и пропаганды Семерчуке – честолюбив до карьеризма и, кажется, готов ради этого на все. И вроде, связывает дальнейшую судьбу с ним, а значит, должен быть ему верен.

Еще с час Столяренко раздумывал над своим решением и потом распорядился, чтобы секретарь, который по штату находился с ним даже в дни отдыха, вызвал к нему на дачу Семерчука. Пусть его разыщут, где бы он ни был.

Эту осеннюю субботу и воскресенье Роман решил провести на даче, с семьей. Надо было вскопать отдельные участки земли после снятия урожая, готовить почву к весеннему севу. Может быть, он и отложил бы поездку сюда, но Лена была недовольна им, подчеркивала, что он мало внимания уделяет семейным делам и воспитанию детей. И он вчера, поздно вечером, чтобы Лена видела его мужественное отрешение от партийных дел, приехал на дачу. Собственно говоря, это была дача его тестя и здесь, как всегда, находилась теща. Фотин, как обычно, по субботам был на работе.

До обеда Роман копал огород вместе с сыном Владиславом. Ксюша тоже копалась с мамой в земле. Все были довольны. Особенно Лена, которая радовалась, что наконец-то, после летнего отдыха в Крыму, семья собралась в полном составе на даче. Теща уже приготовила обед и хотела звать всех к столу, как зазвонил телефон. Фотину, по должности, был положен на даче телефон.

Звонили Роману от имени первого секретаря обкома и просили его немедленно приехать к нему на дачу. Такое распоряжение поступило впервые в партийной практике Романа, и он не посмел ничего возразить против.

– Лена. – Сказал он жене. – Я должен ехать. – Увидев непонимающий взгляд жены, пояснил. – Вызывает сам. К себе.

На дачу.

– Неужели он не может дать вам возможность отдохнуть в выходные? Сказал бы, что занят, не можешь. Наконец, что выпил. – возмущенно ответила на это сообщение Лена.

– Я функционер. – Как всегда в таких случаях отвечал Роман. – Мне приказали, и я должен выполнять. А сказать, что выпил означает в настоящее время – вылет с работы. Сейчас за мной должны приехать на машине. Давай я лучше пообедаю, а то, кто знает, где я буду и сколько времени там проведу. Я еще ни разу не был у первого на даче. Приглашение к нему на дачу – это большая честь. Вернусь – расскажу.

Но пообедать по-хорошему не удалось. Только он приступил к котлетам, как подъехал милицейский «Газик». Роман вначале не понял, почему машина милицейская? Но решил, что в выходной день обкомовские водители отдыхают.

Через полчаса он был на даче у первого. Там находился подполковник милиции и еще один в гражданском. Столяренко уже пообедал и пригласил всех на чай. Женщина из прислуги, отвечающая за кухню, принесла всем чай и первый секретарь, не теряя времени начал давать задание. Роману, который не успел выпить дома чая, хотелось пить, но первый секретарь не пил свой чай, а значит, и не пили все остальные. Вначале Роман не совсем понимал, о чем речь, но потом разобрал, что требуется от них троих. Подполковник согласно кивал словам Столяренко, иногда вносил уточнения. Сотрудник в гражданском молчал, но Роману стало

понятно, что штатский тоже военный чин. Надо было в номере гостиницы, где остановился Бейлин, провести обыск, найти икру и рыбные деликатесы. Потом убедить журналиста в том, чтобы он написал новую статью, где говорилось бы только хорошее о Ворошиловградщине, или опровержение по своей ранее опубликованной статье. Вторым вариантом лучше – подчеркнул первый секретарь обкома.

Когда разговор закончился и все приглашенные пошли к выходу Столяренко остановил Романа.

– Роман Богданович! Как понимаете – задача перед вами стоит очень деликатная. Мы выбрали вас для того, – солгал Столяренко, подчеркивая этим фактом коллегиальность решения. – Чтобы вы проследили за товарищами из милиции, чтобы и они были деликатны с Бейлиным, а также, чтобы вы вели беседу от имени обкома партии. Вам понятна ситуация?

– Да. – Неуверенно ответил Роман, внутренне не соглашавшийся с этой миссией.

Но эту внутреннее несогласие чутко уловил Столяренко, и перевел разговор на насущные дела его семьи.

– Как дома? Как семья?

– Нормально.

– Квартиру получили?

Роман встрепенулся – раз такое деликатное поручение, надо из него выжать нужное для себя, тем более такой хороший намек на вознаграждение дает первый.

– Нет еще. Очередь давно подошла. Но сейчас в первую

очередь дают квартиры рабочим...

– Это правильно. Некоторые люди стоят в очереди по десять-пятнадцать лет. Представляете, как они мучаются, снимают квартиры, разрушаются семьи... У нас все-таки есть квартиры. Можем потерпеть. Но, мы подумаем, что сделать в этом вопросе для вас.

– Спасибо.

– Я надеюсь на вашу выдержку и такт в данной ситуации. Доложите мне лично, о разговоре с журналистом. Запишите мой телефон на даче и представитесь секретарю, кто вы и он нас соединит.

– Спасибо. – На этот раз непонятно за что, поблагодарил его Роман и вышел.

Он был горд тем, что по такому щекотливому вопросу первый обратился к нему – это сулило кроме возможного получения квартиры, еще и продвижение по партийной линии. Но в тоже время он боялся этого поручения – сейчас время безудержной гласности, и кто знает, куда эта гласность вынесет его с этим делом.

Они, также втроем, подъехали к гостинице «Советская», где остановился журналист. Но там, подошедший к машине другой человек в гражданском, сообщил подполковнику, что Бейлин ушел из номера в одиннадцать часов и еще не возвращался. Где он – неизвестно. Подполковник минуту поразмышлял и предложил попутчику в гражданском и Роману, что ему очень понравилось, дальнейший план действий.

– Давайте осмотрим его номер. А то может он эту икру уже давно унес и явемся на пустое место. У нас не будет улики для ведения с ним разговора.

Роман плохо разобрался в следственных делах и поэтому решил – пусть такими делами занимаются профессионалы, а он будет смягчать будущий разговор с журналистом. Так велел ему первый секретарь.

Подполковник пошел к администратору гостиницы и вскоре вместе с ним открыл номер. Человек в гражданском сразу же подошел к холодильнику и открыл дверцу. Там, на полках, лежали банки с красной и черной икрой, печени трески и копченые куски осетрины.

– Да. – с удовлетворением констатировал подполковник. – Даже мне это сложно достать. Фрид Борисович, – он имел в виду директора магазина «Океан», – сразу же нашу братию отфутболивает подальше, а здесь расщедрился. Что ж, будем ждать Бейлина. Незаконное приобретение дефицитного товара. – сделал он заключение.

Номер закрыли, и подполковник распорядился, чтобы на этаже остался человек в гражданском и следил за номером, чтобы никто в него не вошел. Втроем они спустились в холл гостиницы, на первый этаж. Роману хотелось пить, и он купил бутылку лимонада. Разговаривали мало, все явно тяготились этим заданием. Ждать журналиста пришлось часа два, когда он, наконец, появился в холле, взял у портъе ключ от номера и стал подниматься по лестнице на свой этаж. То-

гда подполковник кивком головы показал, чтобы все шли за ним следом. Так поднялись на третий этаж, и когда Бейлин стал открывать ключом дверь подошли к нему.

– Гражданин Бейлин? – Обратился к нему подполковник. – Открывайте дверь и проходите.

У журналиста от неожиданности ключ перестал поворачиваться в замке и дрогнувшим голосом спросил:

– А, вы кто такие?

Подполковник ответил:

– Я думаю по погонам вы уже догадались, что я из милиции. А для разговора пройдемте в номер.

Ключ, наконец, провернулся в замке, дверь открылась и все вошли в номер. Здесь, после полутьмы коридора, Роман разглядел журналиста. Он представлял его раньше молодым и романтически красивым, а перед ним был пожилой, седой, с залысынами человек, уже за шестьдесят лет. Подполковник как бы распорядился:

– Присядем.

Но все остались стоять, и тогда подполковник представился сам, а человека в гражданском представил, как работника КГБ. О Романе он ничего не сказал и его это немного обидело. Так как журналист, как и все остальные, молчал, то подполковник продолжил говорить:

– У нас есть сведения, что вчера в одном из магазинов, вы приобрели дефицитный товар, минуя прилавок.

Наконец, заговорил Бейлин:

– Что вы от меня хотите? И покажите, пожалуйста, свои удостоверения?

Подполковник и человек в гражданском сразу же поднесли к его глазам свои красные корочки, и снова убрали их в карман. На несколько секунд воцарилось молчание, и подполковник снова взял инициативу в свои руки.

– Так скажите, приобретали вы вчера товар, который является остродефицитным?

Бейлин молчал, видимо, обдумывая, что ответить. Но так как приемлемого ответа не находилось, то он уточнил:

– Какой товар вы имеете в виду?

Но подполковника нельзя было так просто сбить с толку, и он ответил:

– Пока мы задаем вопросы. Так какие товары вы приобрели с черного хода?

Бейлин глубоко вздохнул:

– Если вы считаете, что икра является дефицитным товаром, то я ее вчера приобрел. Совсем немного – несколько баночек.

– Да. Это дефицит и не каждому дано право его приобретать, тем более, используя личные связи. Покажите нам приобретенный вами товар? – кивнул головой подполковник конкретно в сторону холодильника.

– Икра в холодильнике. Откройте сами и посмотрите.

– Если мы ее сами найдем, то это будет считаться, как сокрытие вами преступления. Лучше покажите сами.

– Как я вижу, вы все и так знаете. Давайте, я сам вам покажу, как вы выразились, следы преступления.

Бейлин криво улыбнулся. Видимо, он еще не понимал, что дело закручивается серьезное, а икру, в худшем случае, могут только забрать. Он подошел к холодильнику и открыл дверцу. Все облегченно вздохнули – икра была на месте. Подполковник стал вынимать банки из холодильника и передавать их кегебисту. Тот клал их на стол.

– А это что? – Подполковник из холодильника большой кусок осетрины, потом другой. – Это потянет килограммов на пять, рублей на сто... А перепродать, то в два раза больше...

– Я не занимаюсь спекуляцией... – перебил его Бейлин. – Да и не столько здесь икры, чтобы заниматься перепродажей. Это я приготовил на юбилей...

– Какой еще юбилей?

– Через две недели мне исполняется шестьдесят пять лет. Вот решил отпраздновать юбилей и угостить друзей.

– Это хорошее дело, – согласился с ним подполковник, – только жаль, что все эти товары вы получили не законным путем. Мы вынуждены вас задержать...

Бейлин резко поднял голову, видимо, не ожидавший такого поворота событий и медленно произнес:

– Я журналист и знаю некоторые законы... За товар, даже дефицитный, я заплатил деньги. Вы можете его изъять, но ареста за покупку товара не предусмотрено.

Подполковник посмотрел на кегебиста в гражданском – действительно арестовывать Бейлина было не за что. И тогда гражданский вступил в разговор.

– Вы правы, гражданин Бейлин. Но, как журналист, вы должны знать, что КГБ расследует некоторые крупные экономические хищения. Как раз в это время идет операция в отношении магазина «Океан». Мы вас вынуждены задержать из соображений утечки информации от вас к объекту расследования. Вы, как журналист, должны понять сложившуюся обстановку. Это мера, так сказать – превентивная. На всякий случай, чтобы не было утечки информации.

– Но вы могли бы ко мне и не приходить, и никакой бы утечки информации не было. Я бы об этой вашей операции ничего бы не знал. Да и то что купил – капля в море вашей операции. – возразил Бейлин.

Подполковник обратил свое лицо в сторону Романа и тот понял, что настал его черед вести разговор с Бейлиным. Но Роман не знал, как начать этот разговор – с угроз или, наоборот, с уговоров. И он, кашлянув от волнения, хрипло начал:

– Понимаете... У нас в области идет широкая борьба с коррупцией...

– А, вы кто? – Перебил его Бейлин.

– Я работник обкома партии...

– А, что вам здесь надо? – Снова задал вопрос Бейлин и Роман от его вопроса совсем растерялся.

– Ну, так сказать, партия следит за соблюдением социали-

стической законности.

– И все, что сейчас происходит, вы считаете законным?

И Роман неожиданно для себя твердо ответил:

– Да! – И уже более уверенно продолжил теми же словами, как говорили и учили его старшие товарищи, – Партия следит за всем, что каким-то образом оградить интересы народа от разного рода хапуг. А вы сейчас именно таким являетесь!

Бейлин молчал, и Роман перешел к главному в этом разговоре.

– Вот вы написали в своем журнале, что в нашей области обком партии не перестраивается, а это не так. И вы сейчас в этом убеждаетесь. У нас идет борьба с негативными рецидивами... – он сделал паузу, прежде чем сказать самое главное. – Вот если бы вы написали наоборот, что у нас идут перестроечные процессы, то такого бы с вами не произошло.

Он закончил, как будто рубанул топором по полену, чем вызвал недовольные взгляды кегебиста и подполковника – так нельзя разговаривать с умным человеком, он не какой-то работяга или колхозник. Надо вести разговор хитрее. А Бейлин поднял голову и медленно произнес:

– Теперь я понимаю, почему вы меня хотите задержать. Ваши товарищи из обкома хотят, чтобы я написал что-то типа опровержения, или что-то такое, что у вас идет перестройка идет хорошо. Но я этого делать не буду! – Он встал и как бы свысока посмотрел на всех пришедших к нему. – Можете меня арестовать! Но учтите – вы грубо нарушаете ту социа-

листическую законность, о которой так много говорите. Но сначала покажите ордер на арест?

Видимо, арест не входил в планы кегебиста и подполковника. Они переглянулись, и подполковник ответил:

– Сейчас выпишут и принесут ордер, и вы его увидите. Вы, – обратился он к Бейлину, – останетесь здесь, никуда не выходите. Я пришлю сейчас охрану.

Он кивнул головой, приглашая всех троих выйти. В коридоре подполковник выговорил Роману:

– Так, как говорили вы, с такими людьми не разговаривают. Им не приказывают, а уговаривают и что-то обещают.

– Так я только хотел ему пообещать... – начала оправдываться Роман, чувствуя себя ниже по рангу, чем этот военный. Но тот перебил его:

– Хотел, хотел!... Что делать сейчас? Сегодня суббота и прокуратуры не работают. А я имею четкую инструкцию – если его не уговорим, то арестовать. Пойдемте, позвоним прокурорам, если они на работе.

Они подошли к столику горничной на этаже, на котором стоял телефон. Кегебист стал звонить в прокуратуру города. Видимо, трубку снял дежурный в прокуратуре, поэтому кегебист некоторое время представлялся кто он, и потом его соединили с прокурором города. Кегебист рассказал прокурору о деле, подчеркнув, что в этом заинтересован обком партии, но ответ, судя по выражению лица, его не удовлетворил. Когда он попрощался и положил трубку, то пояснил

присутствующим:

– Городской прокурор сказал, что это дело не стоит ареста. Продукцию изъять, а Бейлину выписать повестку на допрос в понедельник. Что же делать? Мы ж пообещали журналисту принести ордер на арест.

Подполковник уверенно произнес:

– Дайте я позвоню, и выясню, – может какой-то районный прокурор сегодня на работе.

Он, как понял Роман, позвонил в свою службу и, закончив разговор, сообщил:

– Сегодня на работе только прокурор Артемовского района. Остальные отдыхают. Я этого прокурора знаю – он недавно назначен. Приехал с западной Украины. Но нашу просьбу он может не выполнить, а вот если бы кто-то позвонил выше, то, я думаю, он не посмеет отказать.

Они посмотрели на Романа. И тот сразу же почувствовал себя выше их рангом.

– Да, давайте я ему позвоню от имени обкома.

Подполковник порылся в своей записной книжке, набрал номер телефона и протянул трубку Роману. Длинные гудки шли достаточно долго, и Роман успел подумать, что прокурор уже ушел с рабочего места. Но неожиданно ответил мужской голос. Роман даже растерялся:

– Это прокурор Артемовского района? – спросил он и, получив утвердительный ответ, уже уверенно продолжил, – с вами говорит заведомо обкома партии Роман Семерчук.

Я обращаюсь к вам от имени первого секретаря, с которым я только что имел разговор. Необходимо арестовать журналиста Бейлина. Вы, наверное, о нем слышали? – Роман стал рассказывать о сложившейся ситуации.

Голос прокурора Артемовского района переспросил – точно ли это просьба первого секретаря и, получив от Романа, заверения, что это именно так, спросил, – кто из правоохранительных органов придет за ордером. Роман обратился к подполковнику и кегебисту:

– Кто поедет в прокуратуру?

Подполковник указал на себя.

– Приедет подполковник... – он фамилию не назвал, так как не знал.

Разговор закончился и Роман, как бы свысока посмотрел на своих собеседников – вот он решил этот вопрос.

– Я бегом, на машине... – ответил подполковник и вышел.

Кегебист предложил пройти в номер Бейлина, но Роман отказался и остался сидеть в холле.

Минут через сорок вернулся подполковник. Они с Романом зашли в номер Бейлина, и подполковник протянул ему бумажку:

– Ознакомьтесь. Постановление о вашем аресте.

Он протянул Бейлину постановление. Тот внимательно прочитал из рук подполковника небольшую бумажку и, подняв голову, тихо и медленно произнес:

– Вы не знаете сами, что делаете... Я не совершил пре-

ступления, которое должно иметь такое последствие... Я теперь понимаю подоплеку этого... наказания для меня. Но это и для вас будет иметь печальные последствия... – Бейлин поднялся и уже твердым голосом сказал. – Ну, что же, пойдёмте!

Подполковник ответил, будто бы оправдываясь:

– Мы просто исполняем приказы... И то, что положено по ходу следствия. Сейчас подойдет служебная машина из СИЗО и вы поедете в ней. А сейчас возьмите вещи, которые вам будут необходимы... там.

Бейлин стал класть в сумку зубную щетку, мыло и что-то еще. Подполковник ему не мешал, только взял его паспорт. Роман, вообще, не знавший этой процедуры, молчал.

Через несколько минут кегебист прервал молчание:

– Кажется, подошла машина. Пойдемте.

Он пошел впереди, следом Бейлин, за ним подполковник.

Роман шел последним.

На улице уже стоял черный фургон, рядом с ним стоял полноватый, смуглолицый, в очках, тоже подполковник. Видимо, подполковники знали друг друга и вышедший подполковник, по-дружески спросил приехавшего:

– Дежуришь?

– Да. – Коротко ответил подполковник в очках. – Где арестованный.

Другой подполковник показал на Бейлина и протянул коллеге бумажки с постановлением и еще документы Бейлина.

Журналист тяжело влез в боковую дверцу, где сидело двое солдат.

Тюремный подполковник спросил другого подполковника:

– В какую камеру?

– Сам знаешь. Чтобы понял, что такое тюрьма. А то они пишут о ней, а сами там никогда не были.

– Понял! – ответил собеседник. – Ну, пока.

Подполковники пожали друг другу руки, и машина тронулась, увозя Бейлина в тюрьму. Потом подполковник и кегебист пожали, без разговоров, руку Романа, коротко бросив:

– До свидания. – И пошли к «Волге», на которой они приехали.

Его даже не пригласили в машину, что обидело Романа. Более того, ничего ему не объяснили. И обиженный он вышел на улицу Советскую.

Куда дальше идти, Роман не решил. Надо было ехать на дачу, но не сильно хотелось – должен туда приехать тесть, с которым он сегодня предпочел бы не встречаться. Домой, в квартиру – тоже не хотелось, там никого нет. Встретиться с друзьями – но с кем? Он стал думать – к кому бы зайти в гости и немного выпить. Надо было снять напряжение сегодняшнего дня. Он понимал, что произошло очень нехорошее дело и последствия для него и тех, кто его послал на это дело, могут быть плохими. Поэтому надо было немного передохнуть, приняв спиртное. Водку продавали по талонам – две бутылки в месяц. Ворошиловградцы ругали за это партию и власть, но покорно стояли в огромных очередях по многу часов, чтобы купить, этот проклятый ныне, литр животворной влаги. Но не только ценители тонкого водочного вкуса русской водки, но и запойные алкоголики, дружно отмечали, что ее качество стало намного хуже. «Обманывает власть нас, быдло несчастное! Цены загнули в два раза большие, чем были, а разливают какой-то суррогат, изготовленный из опилок! Но мы пили, и будем пить!! Нас не сломишь!!!». В партийных кругах шутили давно известной шуткой: «Как ее, проклятую, пьют беспартийные? Партийные борются с ней путем ее уничтожения». Но у партийных руководителей всегда был неприкосновенный запас и коньяч-

ка, и водочки для себя и более старших руководителей.

Он с телефона-автомата позвонил на дачу Столяренко. Но тот не подошел к телефону, а его секретарь пообещал сообщить первому о его звонке.

Невеселые думы крутились в голове Романа: жизнь, карьера, проблемы! Но эти проблемы вдруг быстро разрешились. Его окликнул женский голос:

– Рома! Привет!

Навстречу ему, с радостной улыбкой, шла Оля Кирисова.

– Здравствуй! – Ответил Роман и с удовлетворением заметил, что тягостные мысли сегодняшнего дня, уходят куда-то в даль. – Век тебя не видел! Откуда ты?

– Вообще-то из Москвы! Я защитила кандидатскую диссертацию! Можешь меня поздравить!

И Роман понял, что надо ловить миг удачи, который отвлечет его от неприятных мыслей! Встреча с Олей, как и в студенческие времена, была всегда не только приятной, но и по-мужски продуктивной. И он, как можно веселее и беззаботнее ответил:

– Поздравляю! Искренне! Давай я тебя поцелую, нового кандидата наук в нашем городе! Давай это дело отметим?

– Спасибо, за поздравление, Рома! Можно и отметить. Может, зайдем в кафе?

Но Роман думал по-иному – надо бы с Олей некоторое время побыть наедине. Вспомнить с ней прошлое. Но где? В гостиницу не хотелось, да и заметно. Его кто-то мог узнать,

к тому же, с дамой. Опасно... Но дома же никого нет! Можно старую знакомую пригласить в гости. Конечно, могут увидеть соседи, но они промолчат – все-таки он обкомовский работник и они об этом знают. И он стал такое приглашение готовить издалека, объясняя некоторые, связанные с его положением:

– Я не против поздравить тебя за рюмочкой коньяка или вина в кафе. Но ты сама понимаешь, – я работник обкома и если кто-то увидит меня за столиком кафе с рюмкой, не дай бог сфотографирует, то понимаешь, у меня могут быть большие проблемы...

Оля, кажется, все поняла:

– Так что ты предлагаешь?

Роман, немного поколебавшись, ответил:

– Если ты не против, то пойдем ко мне... У меня дома никого сейчас нет...

Ольгу Кирисову он знал со студенческих лет. Она училась курсом младше. Бойкая, живая, а главное безотказная для мужчин девушка, нравилась студентам и преподавателям. Семерчук стал находиться в близких отношениях с Олей с третьего курса. Но Оля знала себе цену и встречи их были периодическими. Но были. Оля не из тех женщин, чтобы полностью рвать связи с любимыми мужчинами – они еще пригодятся, если не сегодня, то когда-нибудь. Она искала мужа среди молодых преподавателей и нашла. Умный, знающий досконально английский язык – Гена Кирисов, проводивший

занятия в ее группе, увлекся Олей. Точнее даже не увлекся, а впервые в жизни переспал с нею и посчитал себя обязанным жениться на ней. Так она поменяла свою неблагозвучную девичью фамилию, на более приличную – Кирисова, и больше никогда ее не меняла. Она быстро родила мальчишка и вскоре, сразу же после окончания института, разошлась с Геней. Объясняла, что у того скверный характер. В этом она была права – умный Гена обладал тяжелым характером. Она осталась работать в институте – преподаватели не хотели расставаться с бывшей, но такой доступной студенткой, – а теперь она уже защитила диссертацию. Она знала, как и чем надо пробивать себе дорогу к лучшей жизни. И ей это удавалось. Мужей, после Гены, она меняла почти ежегодно, но детей больше не заводила.

– Можно и к тебе. – Легко согласилась Оля.

И они, мило болтая, двинулись к его дому – «китайской стене». В подъезде и лифте никого из соседей не встретили, что вообще успокоило Семерчука. Открыв дверь, Роман провел ее в зал, которая была одновременно его спальней с женой и предложил Ольге выпить:

– Коньяк или вино?

– Давай коньяк!

Роман заметил, что в последние годы его знакомые стали больше употреблять коньяк. Конечно, это не из-за дефицита водки, просто водка стала напоминать неопределенный химический состав, далекий по своему качеству от замечатель-

ного луганского самогона. А вина тоже почти не стало, а что было на прилавках, мало чем напоминало любимые в высоких управленческих кругах «Пино-Гри» или «Ай-Серез». А коньяк доставался, по закрытым от широкого круга потребителей, торговым точкам, и еще оставался довольно высокого качества, потому что его было пока немного. В этих магазинах обком приобретал коньяки для себя, на случай встречи гостей, но могли взять лично себе одну-другую бутылку работники партийных и советских органов.

Роман принес из холодильника бутылку пятизвездочного армянского коньяка, здесь же на столе порезал колбасу и сыр. Шоколадные конфеты взял из вазочки, которая предназначалась детям. Он налил две рюмки и произнес в виде тоста:

– За твою успешную защиту, зато, чтобы ты дальше росла по карьерной лестнице... – это выражение было в обиходе в обкоме, – в общем, за тебя, Оленька!

Оля медленно стала пить из рюмки и когда выпила все, взяв конфетку, произнесла:

– Кажется, это настоящий коньяк! Армянский... Покажи бутылку, – Семерчук подал ей бутылку, она взглянув на этикетку, воскликнула, – я ж правильно определила, коньяк армянский... – и она звонко захохотала.

Роман довольный тем, что у него имеется хороший коньяк, тоже засмеявшись, спросил:

– Откуда ты научилась распознавать коньяки?

– Жизнь всему научит! – Продолжала смеяться Ольга, – а аспирантура – особенно.

– На какую тему ты защитила диссертацию?

– О коммунистах Болгарии, Сербии балканских стран в тридцатые годы. Как они боролись против фашизма.

– Что-то, я не помню, чтобы мы этих коммунистов учили в институте...

– Толком об этих странах в истории не пишут – слишком мелкие. Но там были яркие личности. Наливай еще по рюмке?

Выпили еще по одной, весело болтая и вспоминая прошлые годы. Когда выпили третью, то Роман решил, что пора переходить к более конкретным делам, – не коньяк же он ее пригласил пить!?

– Оля! Может, вспомним молодость?...

Та сразу же ответила:

– Давно пора вспомнить. Я помню, как ты меня когда-то взял на руки и положил на кровать... Я твоей нежности, не могла сопротивляться. Повтори это снова!

Роман подошел к ней, поднял ее на руки и, повернувшись, положил ее на кровать – она была рядом, здесь они спали с Леной.

– Раздень меня... Лучше секс без любви, чем любовь без секса.

И Роман стал расстегивать пуговицы на ее блузке. Оля извивалась как змея, довольная происходящей процедурой.

Потом она обняла его и стала целовать. Ольга умела в постели делать все, и сейчас Роман просто млел под ее поцелуями и ласками. Но одновременно у него мелькнула мысль: «А с Леной я боюсь, что-то сделать откровенное. Даже нет мысли предложить ей что-то новое». Но все было прекрасно, а Оля своими криками и стонами подтверждала, что он настоящий мужчина...

Позже, оба голые выпили еще по рюмке и Семерчук стал подумывать о том, что пора заканчивать эту встречу, и он осторожно произнес:

– Оля, мне еще надо ехать на дачу. Дело идет к вечеру...

– Успеешь... – спокойно отпарировала Ольга. – Ты что хочешь двумя разами удовлетвориться? Все вы мужчины одинаковы – все стремитесь туда, откуда вышли. В этом ваша слабость и наша женская сила.

– Нет! Нет! – поспешно возразил Семерчук. – Я хочу снова тебя отнести в постель... Ты – прекрасна. С тобой я понимаю, что действительно существует невероятная женская сила. – В этом он был искренен.

...Вышли они из квартиры, когда действительно за вечерело, и красный на закате шар солнца завис над горизонтом. Он довел Олю до остановки троллейбуса, где они дружески распрощались, пообещав звонить друг другу...

Надо было ехать на дачу, трамваем или автобусом в Зеленую рощу. До трамвая и автобуса от центра города далеко добираться и Семерчук решил ехать на такси. Но, чтобы

поймать свободное такси потребовалось еще полчаса времени.

Когда он зашел в дом, то увидел тестя. Тот, поздоровавшись, сразу же спросил:

– Какая там горячка приключилась?

Семерчук стал рассказывать, а Фотин в процессе рассказа все больше хмурился и потом произнес:

– Да, закрутилось не шуточное дело. И зачем ты в него влез?

– Так мне позвонили и приказали... – стал оправдываться Роман.

– Надо было отказаться.

– А как?

– Ну, сказал бы, что у тебя гости, какое-то торжество и ты уже выпил... – он почти дословно повторил слова Лены, сказанные ему днем.

– Я об этом даже не подумал.

– Кажется, Столяренко вырыл себе яму, из которой он не выберется. И обстановка другая, не как прежде – гласность, и зря с евреями связался. Они его сомнут.

– Но Бейлин же написал плохую статью о нашей области...
Надо как-то реагировать!

– Никак не надо было реагировать. Через неделю-две об этой статье забыли бы, и жизнь пошла бы своим чередом.

– Но у вас тоже есть еврейские корни, – уколол Семерчук Фотина.

– Да, – согласился тесть. – Но только корни. Но от корня идет очень крепкий ствол, а дальше развесистая крона, – веточки гибкие и помогают другой веточке жить. Не то, что у вас, – ветка ветку душит... Большая ветвь – всеильный человек. Маленькие веточки – наша дружная семья. И когда наше дерево затрясётся в гневе, – никто не устоит. Корни никто и не никогда не сможет повредить, только может пощипать ветки. Это дерево никто и никогда не сможет срубить или даже поломать... Сейчас это дерево придет в гнев в отношении Столяренко и ему в этой борьбе не устоять... – Фотин закончил свои разъяснения насчет развесистого дерева, – Зря ты в это дело влез... – еще раз повторил Фотин. – Но ты человек маленький – исполнитель и веди так себя, если начнут разбираться с этим делом, говори, – сказали мне, но я его не исполнил. Понял?

Это «понял» очень раздражало Семерчука, но он покорно кивнул головой, а тесть продолжал:

– Но надо извлечь из этого корысть. В понедельник, то есть послезавтра, пойдешь с отчетом к первому и потребуй у него за это дело новую квартиру. Боюсь, что дни его сочтены. – И Фотин огорченно закачал головой. – Снова начнутся проверки, доклады... Нет бы жить спокойно!

До Романа стало только теперь доходить, после слов тестя, что дело разворачивается не шуточное. Надо бы успеть выбить новую квартиру, тем более ему все время обещают расширение, но все откладывают новую квартиру на потом

– есть более страждущие, живущие в полуразрушенных халупах. И он соглашается с этим, но теперь надо быть настоящим.

Они сели ужинать вдвоем – женщины и дети поели раньше. Тесть ел молча и когда стал запивать ужин компотом из свежих яблок и слив, спросил Семерчука:

– Ты слышал, что комсомолу хотят дать хозяйственные функции? Разрешить ему заниматься коммерческими делами?

– Слышал. Но документа еще не читал. Пока его нет.

– Скоро будет. Дело не месяцев, а дней. Надо нам включаться в эту коммерцию.

– А нам зачем? – удивленно спросил Семерчук.

Тесть внимательно смотрел на него.

– Неужели ты не понимаешь, что этот закон не для комсомола, а для тех людей в стране, которые имеют деньги. Проще говоря, для тех, кто имеет деньги и может их больше не скрывать, а легализовать.

– А много у нас в стране таких людей? В основном, большие деньги имеет криминал.

– Хоть ты работаешь в обкоме, но к жизни не присматриваешься. Все директора заводов, другие руководители имеют хорошие деньги, которые разбросаны в сберкассах на разных счетах, кто-то хранит их у себя дома. Сейчас их можно будет не прятать, а вложить в коммерцию. Понял? – Семерчук поморщился, услышав это слово, но Фотин не обратил

на это внимания. – Сейчас надо найти молодых, которые возглавят этот бизнес. – Фотин впервые употребил это слово. – А деньги мы дадим. Может, ты бросишь партийную работу и возглавишь торговый кооператив?

Роман обиженно посмотрел на тестя.

– Нет. Свою работу я не намерен менять на другую, тем более торговлю.

– Знай. Торговля – самый легкий и простой способ получения денег. Производство намного сложнее. Торговлю не уничтожат самые драконовские меры. Ладно, это я тебе предложил, просто так. Работай на своем месте, ты еще будешь нужен. Завтра я позвоню твоему отцу, и мы решим, каким образом создавать кооператив, а может банк.

– А что у моего отца так много денег?

Фотин снисходительно посмотрел на Романа.

– Достаточно.

– Я знаю, что у него достаточно денег, но чтобы открыть кооператив...

– Значит, мало знаешь своего отца. Я твоего отца знаю раньше, чем ты родился. И мы с ним с тех пор вместе работаем... Но сегодня мы в разных городах... – Фотин говорил туманно, не конкретно, видимо понимая, что пока Роман не должен все знать о взаимоотношениях их семей. – Ладно, поговорю со сватом, а потом что-то придумаем. Только все надо делать быстро. Давай укладываться спать.

«Так поэтому они меня женили на Лене?» – мелькнуло в

голове Романа.

Но тесть ушел, а Роман обиженный остался сидеть, – тесть своего зятя даже за компаньона не считает. Обидно! Он вышел в сад, где в беседке сидела Лена, с матерью и детьми. Владислав и Оксана уже зевали и после небольшого, пустого разговора Лена сказала:

– Дети уже приняли душ, пора им спать.

Они с детьми спали в одной комнате. Лежа в постели, Роман обнял Лену и шепнул:

– Такой дурной сегодня день. Как я по тебе соскучился.

Лена прижалась к нему:

– Я тоже. Подожди, пока уснут дети.

От обычно равнодушной к интимной жизни Лены, он не ожидал таких слов. Кроме того, его организм, пресыщенный сегодняшней встречей с Ольгой Кирисовой, требовал отдыха. Но отвергать жену было нельзя, и он ответил:

– Хорошо.

И он своей рукой прижал ее к себе. А в голове в это время мелькали сцены любви с Олей. Вот бы так все было с Леной... А то будет буднично, как всегда...

... В этот вечер Фриду Борисовичу – директору магазина «Океан» – позвонил знакомый из милиции и сказал, что Бейлин, купивший у него рыбные деликатесы, арестован именно за это приобретение, и сейчас находится в СИЗО. Но следствие идет против него, – директора магазина. Все сделано по распоряжению первого секретаря обкома. Разговор был

короток, но все было понятно. Некоторое время Фрид Борисович, сидя в кресле, раздумывал, чтобы предпринять, потом взял записную книжку и нашел нужные номера телефонов. Сначала он позвонил в Донецк, подчеркнув, чтобы об аресте сообщили семье Бейлина, потом в Киев, по двум адресам, в том числе работнику Центрального комитета компартии Украины. Он сообщил о случившемся и попросил быстрее предпринять контрмеры. Продумав еще несколько минут сложившуюся ситуацию, он встал и подошел к книжному шкафу. Взяв толстую книгу, он ее нежно погладил, потом стал листать, наслаждаясь цветом разноцветных купюр – десяти, двадцати, пятидесяти, и сторублевых купюр, лежащих между страницами. Он их не считал, посмотрел и аккуратно поставил книгу на место. Потом ладонью, нежно провел по корешкам других книг, стоящих на полке и закрыл стеклянные дверцы книжного шкафа.

Вот так, каждый вечер, перед сном, с живым человеческим чувством ласкал он своими ладонями прохладные корешки книг. От осознания своего, хотя и тайного богатства, сон был крепче.

В понедельник, утром, в половине девятого, Семерчук сидел в приемной первого секретаря обкома. Столяренко еще не появился на работе, не было и секретарши, поэтому за ее столом сидел, как всегда, Сорокин, который казалось, проводил в приемной круглые сутки. Коротко поздоровавшись за руку с Сорокиным, Роман спросил очевидное:

– Еще не пришел? – он имел в виду первого секретаря.

– Еще рано... – в тон ему ответил Сорокин. – Что-то важное?

Роман, подчеркнув важность своего присутствия здесь, – пусть Сорокин знает, что первый поручает ему важные дела – ответил кратко:

– Да.

– Тогда жди... – и стал перебирать какие-то бумаги на столе.

Без десяти девять в приемную, с портфелем в руке, вошел Столяренко. Он поздоровался за руку с обоими работниками обкома, и спросил Сорокина:

– Ничего важного нет?

– Нет. – Так же коротко ответил Сорокин и с ключом в руках, пошел открывать дверь в кабинет первого.

Слово «важное», по утрам, постоянно употреблялось работниками всеми обкома, словно они жаждали каких-то

чрезвычайных событий, которые могли бы показать, что они могут решать самые сложные вопросы быстро и главное, эффективно. И это сразу же подчеркнулось тем, что вслед за первым в приемную стали заходить секретари обкома. Роман недовольно подумал: «Тоже приперлись, будто у них важные дела!». Но Столяренко, направляясь в кабинет, обратился к нему:

– Заходите ко мне первым, – потом пояснил остальным секретарям, – я недолго поговорю с Семерчуком, он меня просил о приеме, – соврал первый секретарь, – а следом обсудим текущие вопросы на эту неделю с вами.

Роман, еле скрывая радость от секретарей – его принимает первым Столяренко, – пошел вслед за первым в его кабинет. Правда, его немного покоробили слова первого секретаря, будто бы он просился на прием, но он быстро выбросил ложь первого из своей головы.

Столяренко, поставив портфель, на стол пригласил Романа сесть: Потом сам грузно опустился в свое кресло.

– Расскажите мне, как свидетель вчерашнего, что же происходило... А то мне доложили кратко, что Бейлина арестовали. Хочу прочувствовать ситуацию из первых уст. – Поэтично закончил свой вопрос Столяренко.

– Да, арестовали, – поспешно ответил Роман. – Он сопротивлялся, говорил, что это нарушение его законных прав, но рыбные деликатесы были в его холодильнике...

Столяренко сидел молча, что-то про себя размышляя. Се-

мерчук вынужден был продолжить:

– Требовалось разрешение на арест, и его дал прокурор Артемовского района. Городской прокурор отказался, а районный проявил политическую зрелость... – и он снова замолк.

«Плохо! – думал Столяренко, – что городской прокурор не дал ордера на арест. Произошла утечка важной информации. Кто же здесь виноват? Я не могу быть виноватым. От обкома там был Семерчук. Надо бы показать, что он неправильно истолковал мое распоряжение, впрочем, не распоряжение, а мои слова».

И Столяренко вслух произнес:

– Арест, был лишним... А кто предложил его арестовать?

Роман замялся – кто же из тех двоих предложил первым арестовать Бейлина? Потом неуверенно ответил:

– Вначале об этом сказал подполковник, а потом все оформлял кегебист.

– А кто договаривался с прокурором?

– Я – глубоко вздохнул Роман, до которого стало доходить, что он сделал что-то не то и торопливо добавил – они меня об этом попросили.

– Лучше бы с прокурором договаривались они. Я же вам не говорил об аресте журналиста.

– Нет.

– Хорошо. Ничего страшного здесь для партии нет. Пусть посидит с недельку, может, одумается – подвел итог Столя-

ренко, который чувствовал опасность для себя, хоть все было сделано руками МВД и КГБ. – Вы можете идти на свое рабочее место.

Но Роман помнил наставление тестя и спросил:

– Мы говорили с вами насчет расширения моей жилплощади, – осторожно произнес он.

Столяренко, глядя в упор на него, ответил:

– Говорили... Для работника обкома есть четырехкомнатная квартира в доме, где живут наши сотрудники. Я сегодня же переговорю и в течение дня лично позвоню вам об этом решении. Свою квартиру сдадите и получите новую. Договорились?

– Да! – Чуть ли не с радостью выпалили Роман.

– Идите.

Роман пошел к двери, а Столяренко думал: «Если что, то за этот перегиб ответит Семерчук. А квартира будет ему в утешение».

В кабинет зашли секретари и сели по бокам длинного стола. Понедельник всегда начинался с совещаниями с секретарями обкома. Столяренко раскрыл папку, скользнул глазами по верхней бумажке и произнес:

– Какие вопросы наиболее остро стоят перед нашей областью? Секретарь по промышленности, – что у вас?

Встал со стула секретарь по промышленности, бывший заместитель директора одного из заводов Ворошиловграда и, заглядывая в бумажку, которую держал в руках, стал гово-

ритель:

– Директора заводов получили свободу в своих хозяйственных делах. Стали выпускать более дорогую продукцию, а дешевую – нужные народу товары, сокращают или совсем прекращают выпускать. Идет сокращение рабочего класса. В связи с введением государственной приемки промышленной продукции, у нас могут встать все заводы. Наша продукция не соответствует государственным стандартам. Вся продукция бракуется...

– Почему? – Сурово перебил его Столяренко.

– На старом оборудовании не сделаешь качественную продукцию. Надо или отменять госприемку, или, как я уже сказал, останавливать заводы...

– Заводы не будем останавливать, – перебил его Столяренко, – надо договориться с госприемкой, чтобы они... это... Вы распространите распоряжение, чтобы госприемка более доброжелательно относилась к проверке продукции... Ведь, остановить завод... – все понимаете – это безработица, народный взрыв. Мы более детально обсудим данный вопрос на этой неделе. Секретарь по сельскому хозяйству, – какие проблемы у вас?

– Проблем много. Но на сегодня, пожалуй, самая главная – это сокращение стада крупного рогатого скота, низкие надой молока...

– С чем это связано? – перебил его Столяренко.

– Слишком жарким оказалось лето. Почти засуха. Сейчас

на корм скоту косят кукурузу, пока она не засохла и поэтому кормов на зиму будет немного. А потом, как сказал предыдущий секретарь по промышленности, многие председатели колхозов, директора совхозов, почувствовали излишнюю свободу в своих действиях, в связи с гласностью и демократизацией. А животноводство, как известно, дотируемая отрасль сельского хозяйства, проще говоря, убыточная...

– Срочно подготовьте мероприятия по этому вопросу и пусть облисполком примет немедленные меры. ...Тоже на этой неделе. – Он замолчал, читая какую-то бумажку, взятую из папки, и продолжил. – Нам пришло указание из ЦК – еще более усилить работу по расширению демократизации общества, углублению гласности, укреплению социалистической законности. Надо этот документ рассмотреть в первую очередь и направить в ЦК перечень мероприятий, планируемый в области. Что скажет секретарь по идеологии?

Встал Бурковский и стал говорить о мероприятиях, которые надо провести по расширению демократизации общества...

Роман, зайдя в свой кабинет, сразу же позвонил тестю. Он не скрывал радости – новая квартира ему почти обеспечена. Но, когда он сказал, что надо сдать старую квартиру, Фотин охладил его пыл.

– Это не телефонный разговор. Зайди вечером ко мне.

Правда, душу Романа грыз один вопрос – а правильно ли он все сделал в субботу? Почему Столяренко подчерк-

нул, что он не говорил ему об аресте журналиста? Но, кажется, квартира будет, что его утешало. Он стал просматривать текущее делопроизводство и набрасывать перечень мероприятий, которые необходимы для углубления демократии и гласности...

Время шло к концу рабочего дня, и Столяренко просматривал нескончаемый ворох бумаг, пришедших как из Москвы и Киева, а так же из районов области. Сообщения и статистические цифры вызывали у Столяренко тревогу – продолжалось падение производства. Еще его возмущал тот факт, которого раньше никогда не было, – партийные органы должны были уступить часть своих властных полномочий другим, – например, предприятиям. Но он себя успокаивал – наступила перестройка, гласность и в условиях расширения демократии необходимо поделиться некоторыми руководящими функциями с другими органами, но властные полномочия должны оставаться у партии. В этом Столяренко был непоколебимо уверен. Так завещал великий Ленин. Сталин четко проводил эту линию, другие руководители после него, не упускали бразды партийного управления страной. Но сейчас наступили новые времена и надо влиться в перестроенную демократическую струю, хотя бы маленькой капелькой...

В самом конце дня последовал звонок из Киева. Звонил секретарь ЦК. Но не Енченко, который курировал Донбасс. Тот сразу же спросил о журналисте. У Столяренко заняло

сердце в предчувствии недоброго разговора. И неожиданно для себя Столяренко по-мальчишески начал оправдываться, что обком партии здесь не причем – это инициатива правоохранительных органов. Но вопрос секретаря из ЦК опрокинул все его оправдания:

– При аресте присутствовал работник обкома и делал ему недву­смысленные предложения...

Столяренко понял, что в ЦК все знают. Но кто успел до­ложить? Время для раздумий не было, и первый секретарь обкома потерянно ответил:

– Я возьму это дело под свой личный контроль и разбе­реть...

Из ЦК телефонный голос сухо произнес:

– Мы уже в этом разбираемся.

Еще после некоторых фраз, разговор прекратился.

Столяренко аккуратно отложил все бумаги на край стола и позвонил секретарю в приемной, чтобы подавали машину – рабочий день для него закончился, и он понимал, что пла­чевно. Надо было все, не торопясь, обдумать.

... А Роман после работы пошел к тестю. Фотин внима­тельно выслушал его сообщение насчет квартиры и сделал вывод, который собственно говоря, Роман и ожидал.

– Квартиру не сдавай. Завтра-послезавтра пропишем в ней племянницу с дочкой.

– Это сложно.

– Я позвоню начальнице паспортного стола – Феодосовне

– и она все сделает. Старых друзей не забывают. А ты завтра постарайся взять ордер на квартиру. Надо спешить... Что-то неприятное надвигается на область...

– Что именно?

– Пока еще толком не знаю. Но тебе надо поспешить с квартирой.

Они еще поговорили немного, и Семерчук пошел домой.

Но завтра выдалось горячим. Утром Столяренко сообщили, что к ним едет комиссия ЦК с проверкой работы обкома. Понятно – разбираться с журналистом. Хорошие новости распространяются быстро, но плохие их опережают. Днем в республиканской газете «Правда Украины», которую принесли Столяренко, была статья о злоупотреблениях в органах власти в Ворошиловграде. Обком не обвинялся, но демократические перемены еще в области не наступили – такой делался вывод. Столяренко понял, что руководящее кресло под ним не просто пошатнулось, – где-то дало трещину. А на поломанном кресле долго не усидишь. Только его брала злость – откуда вверху все так быстро разузнали? А он не хотел покидать свою должность до того времени, пока его торжественно отправят на пенсию. А сейчас, каким бы хорошим объяснение не было, всем будет понятно, что его сняли, как не сумевшего перестроиться к новым, демократическим условиям жизни общества. И он сделал неожиданно для себя злой вывод: «Нельзя было допускать Горбачева к руководству партией! Ведь все члены союзного ЦК знали, что он отказался в Англии возложить цветы на могилу Карла Маркса. Это делали все советские делегации. Тогда это всех насторожило и его хотели исключить из ЦК – не коммунист он. Но этот меченый гад, как по вазелину выполз из этой си-

туации. Да и работники ЦК уже староваты, чтобы предпринять что-то энергичное... может надо было остановить мещенного, пока все не разрушил».

И он стал думать, как можно исправить это положение. В конечном счете, пришел к выводу, что надо всю вину постараться возложить на Семерчука – он превысил полномочия. Но как это сделать?

По телефону, секретарь из приемной сообщила, что с ним хочет поговорит прокурор города. Столяренко устало согласился

– Соединяйте...

Городской прокурор докладывал четко, почти по-военному – ему пришло указание из Киева срочно освободить Бейлина и он начал его выполнять. Сейчас журналиста привезут к нему, он с ним поговорит и выпустит на свободу.

– Но он же был арестован по решению прокуратуры? – попытался возразить Столяренко.

– Да. Но это было незаконно, и я уже временно отстранил прокурора Артемовского района от работы.

Столяренко помолчал несколько секунд и ответил:

– Да. Поступайте по закону...

Разговор был закончен, но Столяренко понял, что к делу Бейлина подключаются солидные государственные и партийные органы, а он против них бессилён. Еще день назад он был полным хозяином Ворошиловградской области, а сегодня в этой области он стал зверьком, которого кругом обло-

жили сильные, матерые охотники, готовые его прикончить. Конечно же, не убивать. Как поступать со своими врагами показал еще Хрущев, который в пятьдесят седьмом отпустил с миром Молотова, Кагановича и Маленкова. Только исключил их из партии. Но его из партии не исключают, он антипартийного проступка не совершил – только нарушил социалистическую законность, за укрепление которой он постоянно боролся. И Столяренко горько вздохнул – столько сил он вложил в развитие области, а уйдет бесславно. Он уже ясно понимал, что его «уйдут». Это дело недолгого времени. В этом шахтерском крае, он все-таки оказался чужим – не понял рабочую душу Донбасса, не осознал особый, отличный от других областей дух Новороссии. Хотя это – вроде бы Украина. Куда податься – в Киев, к сыновьям, благо они всем обеспечены – работой и жильем, и материально. Но нужен ли – пенсионер им? Жена похоронена здесь, в Ворошиловграде. «Хватит думать о плохом!» – Решил Столяренко. Пора и отдыхать, рабочий день закончился.

Но и дома его не покидали тягостные думы. И он решил, что надо комиссию из ЦК встретить очень хорошо, может, удастся смягчить их честные души, и они напишут заключение о работе обкома помягче.

Роман Семерчук в этот день был очень занят, но не партийными делами. Он оформил соответствующие бумаги в хозяйственном отделе обкома и побежал получать ордер в горисполком. Но там его пыл охладили – необходима снача-

ла сдача старой квартиры и решение городской жилищной комиссии. А комиссия заседает один раз в месяц. Это не удовлетворяло Романа. Он помнил слова тестя, что нужно сделать все быстро. В горисполкоме он не стал заходить в кабинеты знакомых, чтобы воспользоваться их телефоном, а позвонил на улице с телефона-автомата. Фотин, выслушав его, сказал, чтобы шел он на работу, а он ему позвонит позже.

В обкоме он узнал, что к ним едет комиссия из Киева и надо подготовить всю документацию на случай проверки. Семерчук про себя выругался – нет, чтобы отдыхать в бархатный сезон где-то на юге, ищут они себе отдых на работе. Он знал, как принимают и обхаживают подобные комиссии – для проверяющих, это приятное времяпровождения. И работа и отдых. Но бумаги надо было привести в порядок, чем Роман и занялся. И тут до него дошел смысл вчерашних слов тестя о каких-то готовящихся неприятностях. «Вот, гад! – подумал восхищенно он тесте. – Все знает и чувствует раньше других!»

В дверь кабинета заглянул Попов. В руках его были какие-то бумаги.

– Можно подписать...? – как всегда осторожно спросил он у своего более молодого начальника.

– Да. Давайте. Все правильно написано? А то сейчас у меня нет времени читать. Видите, весь зарылся в бумаги.

– Да. – понимающе ответил Попов. – Эти проверки только мешают нам работать.

– С одной стороны – правильно, – ответил Семерчук, зная, что Попов «стучит» на своих коллег старшему начальству, – но с другой – контроль необходим и нам.

– Конечно! – согласился Попов.

Роман не читая, стал подписывать какие отчеты, сделанные Поповым. Когда он протянул подписанные документы обратно Попову, тот сказал:

– Роман Богданович, вы знаете, что я хочу уйти из обкома?

Роман, так же как и Попов, осторожно ответил:

– Я знаю, что вы защитили кандидатскую диссертацию и думал, что вам у нас дадут новую должность, и вы будете продолжать работать... А куда вы хотите уйти?

Попов неожиданно снисходительно улыбнулся:

– В сельскохозяйственный институт. Буду преподавать там экономику студентам.

– Но у вас же не экономическое образование, а техническое.

– Ну и что. Мы ж в институте изучали экономику.

– Я надеялся на дальнейшую нашу работу. Ну, что ж, идите на преподавательское поприще.

Внутренне Роман даже был доволен, что Попов уходит из его отдела, хотя писать отчеты и какие-то другие бумаги он был мастер. Попов серьезно ответил:

– Вы же видите, что партия теряет свою руководящую роль. Ликвидируется комсомол, сокращаются партийные

штаты. Скоро в партийных органах нечего будет делать. Извините меня за такую откровенность. Надо искать что-то другое и во время найти.

– Ну, насчет партии вы не правы. Мы ж перестраиваемся, и роль партии изменится. Но руководящей она будет всегда. В этом я уверен.

Попов снова снисходительно улыбнулся:

– Я пойду, надо еще написать кучу бумаг.

И он ушел. Роман недовольно думал о нем: «Бегут, как крысы с тонущего корабля! Ничего, – у партии были трудные времена, но она все выдержала. – Потом еще пришла мысль, – надо бы доложить о Попове секретарю по идеологии, тогда он не только уйдет, а вылетит из обкома, и никакой ему преподавательской работы больше не видать! Вот немного освобожусь и займусь этим».

Но доложить о Попове, ему так и не удалось. Сначала позвонил тесть и сказал, чтобы он зашел горисполком в конце рабочего дня, и там будет ждать уже готовый ордер на квартиру. Сейчас он у начальника отдела Пикалина. А вечером Фотин зайдет к ним домой, проведает внуков. Дедушка Фотин очень любил внуков. Но Семерчук понимал, что внуки – это отговорка, разговор будет с ним. И он снова, но уже по-доброму подумал о тесте: «Вот, черт! Все знает, все умеет делать, быстро и уверенно!»

В пять часов, за час до окончания рабочего дня, Семерчук пошел в горисполком. Секретарша Пикалина по телефо-

ну доложила своему начальнику о пришедшем, и тот сразу же пригласил его к себе. Они раньше не были знакомы и, пожимая друг другу руки, представились по имени и отчеству. После нескольких обязательных фраз о жизни и здоровье, Пикалин протянул ему лист бумаги, который назывался ордером и пояснил:

– По просьбе заместителя председателя облисполкома Фотина, мы собрали срочно жилищную комиссию, которая разрешила вам выдать ордер, – он сделал многозначительную паузу и пояснил. – Иногда кому-то срочно нужно дать ордер на вселение в квартиру. Вот как было с нашим известным эстрадным певцом, который переехал жить в Ворошиловград. Если бы мы ему срочно не дали квартиру, то его могла бы взять другая филармония. Вот так собираются срочные комиссии...

Роман не верил, что собиралась комиссия. Это просто дело рук Пикалина, но выяснять не стал – начальству виднее, как все дело сделать. Он коротко поблагодарил Пикалина:

– Спасибо! Если что-то вам нужно, обращайтесь.

– Конечно! У меня встречная просьба. Зная Леонида Михайловича, – он назвал Фотина по имени и отчеству, – он человек благодарный, хочу вас попросить, чтобы он ускорил продвижение моего дела в облисполкоме. Он все знает...

– Хорошо. Скажу... – Семерчук, по опыту собственной работы знал, что не стоит вдаваться в подробности дел других людей и поэтому не стал расспрашивать Пикалина о его

деле.

На том расстались, крепко пожав друг другу руки. Семерчук как на крыльях летел домой, крепко держа портфель-дипломат, в котором находился такой желанный ордер на квартиру. Открыв дверь, он радостно закричал Лене:

– Ура! Переезжаем на новую квартиру!

Он обхватил жену за талию и приподнял в воздух. Поставив на пол, поцеловал. Лена радостно ответила на поцелуй, но произнесла:

– Тише! Дети видят.

Действительно на них глядели, вышедшие из соседней комнаты – Владислав и Оксана. А Владиславу, как никак, уже тринадцать лет, многое понимает, и Роман счел нужным пояснить детям и, в первую очередь сыну – дочери всего шесть, много не понимает.

– Дети! Знайте! Скоро мы переедим на новую квартиру. У тебя – Владик и у тебя – Ксюша, будут отдельные комнаты. Ура!!

– Ура! – подхватили дети. Кажется, они правильно поняли, почему он поднял их маму в воздух – теперь у них будет отдельная комната.

Лена произнесла:

– Я очень рада. Наконец-то перестанем тесниться в двух комнатках. А когда перейдем в новую квартиру?

– Скоро. Но я там еще не был. Завтра посмотрю. Может, там необходим ремонт. Что у нас на ужин?

– Овощи с дачи, да пожарила котлеты, купленные в магазине...

Роман поморщился – он не любил магазинные полуфабрикаты, но весело произнес:

– Раз котлеты, то давай котлеты.

Когда они заканчивали ужин, пришел отец Лены. Было уже семь вечера, и он пришел рано – на работе он задерживался дольше.

– Папа! Садись ужинать. – Пригласила Лена.

– Это нужно. – Согласился Фотин.

На маленькой кухне всем не хватало места, и Лена распорядилась:

– Дети вы уже поели, чай идите пить в зал.

– Ксюша иди ко мне. – обратился к внучке Фотин. Он обнял ее за плечи и протянул шоколадку.

– Спасибо, дедушка! – ответила радостная Оксана и потянулась поцеловать деда. Он наклонился, и она его поцеловала в щеку.

– А это, Владик, тебе. – Такую же шоколадку он протянул внуку.

– Спасибо. – ответил внук, но деда не целовал за подарок – вырос уже.

Дети ушли в зал, а Фотин присел к столу.

– У тебя есть коньяк? – обратился он к зятю, вместо того, чтобы сразу же перейти к деловому разговору. – Устал сегодня. Знаешь, что едут проверяющие из Киева?

– Знаю. Готовлю бумаги. Есть две бутылки коньяка – молдавский и армянский. Какой будете?

– Молдавский. Армянский сейчас массово подделывают.

Видимо, разговор предстоял серьезный. Роман открыл бутылку молдавского коньяка и налил две рюмки. Лена была равнодушна к спиртному, употребляла изредка и немного. Она поставила перед отцом тарелку с котлетой. Фотин взял рюмку и произнес:

– К чему привела борьба с алкоголизмом? – и сам себе ответил. – меньше пить народ не стал. Все пьет и бормотуху, и одеколон, и ацетон, и другую всякую гадость. Отравили этой борьбой народ. Хорошо, что у нас еще есть что-то приличное... Не прав в этом отношении Горбачев! Не продумал результаты. – он замолк, видимо, не стал намекать на то, где Роман и другие отцы города употребляют нормальный алкоголь. – Ну, выпьем, за все хорошее!

Они выпили. Фотин быстро съел котлету и, наконец, спросил Романа:

– Покажи ордер? – он уже знал, что этот документ у зятя. Видимо, Пикалин успел ему доложить.

Роман открыл дипломат и достал столь дорогую для него бумагу и протянул тестю. Тот внимательно просмотрел документ и протянул обратно Роману.

– Завтра же иди и вселяйся. Не тяни время. Может, у нас очень скоро в области сменится власть.

– Сейчас работы много. Проверка. Знаете сами...

– Отложи все это на второй план, а завтра же возьми ключи, да и надо поменять замки в дверях.

– Пикалин просил вас ему в чем-то помочь...

– Он просит выделить участок земли в десять соток чернозема практически в заповедной зоне. Все оформляет на своего отца, инвалида. Но у него вторая группа инвалидности, не положено таким земля. Но вскоре вопрос будет решен положительно. Поможешь человеку – он поможет тебе. Жизнь такая. – он задумчиво потер подбородок. – а может и тебе взять участок земли?

Роман отрицательно покачал головой. С сельским хозяйством он себя не связывал, да и не любил работать на земле – там много физической работы.

– Ладно, я подумаю, – не дожидаясь его ответа, произнес Фотин. – На тебя нельзя оформлять, тебя многие знают. А вот на Лену можно попробовать. У нее уже не моя фамилия. Но я еще об этом подумаю. Теперь дальше... В этой квартире пропишется на днях моя племянница. Ты ее хорошо знаешь, и будет здесь жить с дочерью.

Роман знал Ларису. Она была в разводе. А тесть пояснил для чего за их семьей останется старая квартира.

– Я хочу открыть дело. Но руководить мне им нельзя. Лариса будет заниматься этим бизнесом. Мы с ней обговорили коммерческие вопросы.

Роман даже несколько был обижен, что Фотин не ввел его раньше в курс дела. И он спросил:

– А что это за бизнес?

– Пока это будет запись и продажа магнитофонных кассет. Одновременно начнем организовывать продажу самих магнитофонов. Но это будет позже. Лариса будет возглавлять это дело. Уже договорились об аренде площадей в Доме Быта.

– А прилично ли нам, коммунистам, этим заниматься?

– Там, где деньги, там все прилично. Прилично жить – это естественное состояние человека. Скоро все займутся предпринимательством. И коммунисты, и диссиденты. Понял?

Это слово «понял», всегда раздражало Романа, но он смолчал.

– Хотелось бы тебя привлечь к этому делу, но пока нельзя.

– Почему пока?

– Кто знает, что будет вскоре. Социализм идет к закату, может, и партия скоро не будет нужна. Ладно, еще много неясного. Поживем, увидим. Пойду домой, завтра много работы.

Фотин попрощался со всеми и ушел. Лена мыла посуду и спросила мужа:

– Я завтра снова уеду на дачу. Ты будешь приезжать ночевать?

– Наверное, нет. Ты слышала наш разговор – едет какая-то комиссия с проверкой, будем все в обкоме сидеть до позднего вечера.

– Знаю, ты ж функционер партии, – едко ответила Лена. –

но я рада, что у нас будет новая квартира. Наконец-то ты ее заработал.

– Если бы ты знала, за что я получил квартиру... – произнес Роман, и у него защемило сердце, в предчувствии надвигающихся неприятностей. Но он дальше не стал объяснять. – Посмотрю телевизор и будем спать.

– Ты с детьми поговори. А то они тебя так редко видят.

– Конечно, я сейчас иду к ним.

...Когда они легли спать, Роман спросил Лену:

– Давай пофункционируем?

Этот термин, который вначале произносился в шутку, теперь вошел в их интимную жизнь, обычным рабочим словом.

– Хорошо. – Ответила Лена и как всегда добавила, – давай подождем немного, пока дети крепче заснут. Я так рада, что у нас будет новая квартира. Дети растут, и пора Владике и Оксанке иметь по отдельной комнате. – Она обняла Романа. – Молодец, что выбил четырехкомнатную квартиру. Столько сразу проблем снимается. – И она с женской благодарностью прижалась к нему.

8

Комиссия приехала и, как все поняли, проверяла работу обкома бескомпромиссно. Такая была дана ей установка в ЦК. Столяренко понимал, что приходит конец его работе в должности первого секретаря обкома.

Руководитель комиссии лично беседовал с Семерчуком. Разговор шел по делу журналиста Бейлина. Роман рассказал все честно и главное, что он исполнял личное распоряжение первого секретаря обкома. И когда работник ЦК спросил его:

– Вы понимаете, что нарушили социалистическую законность?

Роман ответил:

– Понимаю. Но мне приказали и я исполнил.

Работник ЦК покачал головой:

– Надо все-таки думать, что и как надо исполнять...

Этот разговор встревожил Семерчука, но не на столько, чтобы признать его опасным. Но на следующий день его вызвал к себе секретарь обкома Бурковский. Он начал разговор прямо, с самого главного:

– Почему вы сказали, что приказ об аресте вам отдал первый?

– Было так... – неуверенно ответил Семерчук.

– Он, что вам говорил, надо арестовать журналиста? Он,

наоборот, говорил вам, чтобы вы проследили за действиями милиции и не дали им возможности нарушить закон.

Роман неуверенно ответил:

– Да, так мне говорил первый. Но он мне сказал, чтобы я поговорил с ним об отказе от статьи... – Семерчук запутался, – что же конкретно тогда говорил ему первый.

– Но он вам не сказал, что надо арестовать журналиста?

– Вроде, нет? – уже неуверенно ответил Роман.

Бурковский удовлетворенно вздохнул:

– Получается, что вы не удержали милиционеров от нарушения законности, уговорили прокурора дать ордер на арест, то есть вместо того, чтобы быть сдерживающей силой в этом деле, вы выступили активной силой нарушения законности.

– Но я выполнял приказ... – еще более неуверенно произнес Роман.

На этом разговор закончился и Роман понял, что козлом отпущения хотят сделать его. Вот это было опасно. Работу вне партийных органов, Семерчук не мыслил. И снова он пришел к заключению, что надо посоветоваться с тестем.

Поздно вечером он зашел к Фотину. Тот был уже дома. Теща жила на даче, и тесть был дома один. Выслушав Романа и его разговор с Бурковским, Фотин сделал вывод:

– Это уже сложнее. На тебя хотят спихнуть свои ошибки. Это умеют делать в наших кругах. Даже не знаю, что делать. Я подумаю, кое-что завтра разузнаю, и что-то решим. – Зная,

что Лены дома нет, она тоже на даче, Фотин предложил, – может, останешься ночевать у меня?

Но Роман категорически отказался и Фотин спросил:

– Посетил новую квартиру?

– Да.

– Замки не сменил.

– Нет. Времени не хватает.

– Ладно. В квартире надо провести ремонт. У тебя я вижу, нет времени. Я сам займусь этим вопросом. Надо оборудовать на всякий случай квартиру, как и положено хозяевам.

На этом расстались, и Роман пошел домой.

После недельной работы, руководитель комиссии зашел к Столяренко на последнюю беседу. Недостатков было много. Вопросами перестройки, гласности, развития демократии обком занимался недостаточно. О деле Бейлина договорились так, – работник обкома партии Семерчук превысил свои полномочия и надо сделать в отношении его оргвыводы, то есть освободить от работы. Такое заключение удовлетворяло Столяренко – недостатки всегда были. Договорились окончательный вариант заключения о работе обкома согласовать завтра, и комиссия уедет из Ворошиловграда.

Но к вечеру пришла печальная весть. Бейлин, который после освобождения уехал домой в Донецк, сегодня умер. У него было больное сердце, и перенесенные переживания завершили его жизнь. Он несколько дней не дождал до своего шестидесятипятилетнего юбилея, к которому готовился.

На следующий день руководитель комиссии, который узнал о смерти журналиста, отказался согласовывать окончательный вариант заключения со Столяренко, и комиссия уехала в Киев. Начались тревожные, томительные дни ожидания окончательного решения.

Столяренко сам не смел позвонить по этому вопросу в ЦК. Оттуда ничего не сообщали. Такое положение болезненно воздействовало на первого секретаря. Да и работоспособность не только его, но и всего обкома значительно снизилась. Столяренко злился, и на ум приходило известное в партийных кругах выражение: «Если в Москве стригут ногти, то в Киеве отрезают пальцы». Действительно, киевские товарищи, готовились отрезать его от партийной работы. Это понимал с каждым днем все яснее.

Семерчуку о его полной вине в деле Бейлина, сообщил Фотин – откуда он только узнал – и сказал:

– Вот ты и стал козлом отпущения. Не мог ты мне на даче сказать об этом звонке? Я бы тебя не пустил.

– Но вас не было тогда на даче... – оправдывался Роман.

Но тесть был все-таки настроен оптимистично:

– Подождем. Столяренко уже обязательно снимут с должности, и твоя роль окажется в тени. Должен приехать Енченко – он курирует Донбасс. Может мне удастся встретиться с ним? – Фотин с сомнением покачал головой. – Сложно. Меня могут просто не подпустить к нему. А у нас с ним была деловая дружба. – Какая деловая – Фотин не объяснил. – По-

пал ты, Рома, по своей неопытности. Но будем надеяться, что удастся все решить хорошо. Подождем. – Заключил Фотин.

Роман был недоволен этим разговором. Он привык, что тесть может решить все вопросы, а здесь оказался бессилён. Но больше всего тревожило то, что никто из секретарей с ним больше не говорил об аресте журналиста. Эта неопределённость выматывала нервы.

А ещё через неделю из ЦК пришла телефонограмма, чтобы назначили пленум обкома через десять дней. Столяренко понял, – его работе в Донбассе – конец. На пленум приезжал секретарь ЦК Енченко. Вскоре он и сам позвонил Столяренко. Ничего об отставке не говорил и тогда Столяренко сам задал вопрос – кого они прочат ему в преемники? Енченко уклончиво ответил, что разговор на пленуме будет идти о работе обкома. Это взбодрило Столяренко, и он вызвал к себе Семерчука. Разговор Столяренко начал с квартиры:

– Вы получили ордер на квартиру? Помощь нужна? – доброжелательно спросил он.

– Да. Получил, – Роман не стал уточнять, когда и как он взял ордер.

– Вселились?

– Нет. Пока решили сделать ремонт.

– Хорошо. Главное, что вы улучшили жилищные условия и это большое дело. Вы понимаете, что сложно было с квартирой, но мы все делаем для улучшения быта своих работников. – Столяренко по привычке говорил казенными фра-

зами.

Некоторое время помолчали перед переходом к главному вопросу, и Столяренко, перебирая листы бумаги, и не поднимая глаз от стола, произнес:

– Конечно, с журналистом получилось не совсем удачно. Получается, что обком партии участвовал в правонарушении, – он пожевал толстыми губами. – Существует мнение, что вы лично превысили полномочия...

– Нет! – перебил его Роман. – Вы мне сами сказали во всем помогать правоохранительным органам.

– Но я не говорил вам, что вы должны были от имени первого секретаря обкома звонить районному прокурору. Он сейчас оправдывается тем, что ему приказал обком и ссылается на вашу фамилию. Присутствовать при аресте вам не было необходимости, это не функция партии. Видите, сколько ошибок вы совершили.

Семерчук молчал. Тогда он искренне выполнял поручение первого, а теперь вышло, что превысил какие-то полномочия. И он спросил:

– Что будет мне за эти нарушения?

– Пока не решили. Все зависит от ЦК партии, – уклончиво ответил Столяренко. – Но я считаю, что ваша новая квартира является хорошей компенсацией за не совсем удачное ваше участие в деле журналиста. Вам надо будет выступить на пленуме с признанием указанных ошибок. Подготовьте текст выступления и дайте его мне посмотреть.

На этой неопределенности и расстались. Столяренко все еще лелеял надежду, что все обойдется указанием на недостатки в его работе, подкрепленное партийным выговором. «И надо же было журналисту умереть? – Недовольно думал он. – Был бы жив, ситуация была бы помягче». Но во второй половине дня позвонил Енченко и по-дружески сообщил ему, что на его место есть кандидатура. Он назвал фамилию кандидата и сказал, что завтра тот приедет в Ворошиловград для встречи со Столяренко. Пусть он вводит его в курс дела о положении на Ворошиловградщине. Вот и весь разговор – ясно и по партийному дружески. Мало-мальские надежды, мелькавшие в голове первого секретаря на возможность спасения своей должности, рухнули.

А Семерчук с отрешенным видом сидел в своем кабинете и писал свое выступление на пленуме. Тестю он не звонил, и появилась безнадежная мысль – что будет, то и будет! Полнейшая апатия к своему будущему. И возникла неожиданная злость на жену: «Меньше бы капала на мозги насчет квартиры, может бы, он и не стал бы выполнять поручение первого!» Но сразу же появилось и рабская мысль, – нет, он бы выполнил поручение, так уж привык к жизни в верхах.

Вскоре стало известно, что завтра прибывает в Ворошиловград новый первый секретарь обкома. Семерчук вздохнул свободнее. Теперь он посчитается со Столяренко. Он отнес текст выступления в приемную первого, пусть читает, где он его хвалит. Но сам выступит по-другому. Уходить – так с

музыкой, перефразировал он известную фразу.

На следующий день прибыл Поляков. Он был местный, родился на Ворошиловградщине в шахтерском городке. Этот факт рождения, сразу же вызвал к нему симпатию работников обкома. Хотя, честно говоря, был бы не местный уроженец, его бы все равно подобострастно приветствовали местные партийные руководители. Тезис – партия всегда права прочно вошел в их сознание.

А еще через два дня приехал Енченко с сопровождающими его лицами. Завтра должен был состояться пленум обкома партии. Столяренко встретил его на вокзале, вместе доехали до обкома и прошли в его кабинет. Беседовали с глазу на глаз почти три часа. Енченко сообщил, что в условиях гласности, дело о журналисте невозможно спустить на тормозах, надо принимать кадровые решения, наказывать всех виновных, вплоть до снятия их с работы. Столяренко допустил огромную оплошность в этом деле. Так же наказывать непосредственного исполнителя Семерчука – тоже освободить от занимаемой должности. Поникший Столяренко спросил о своей дальнейшей судьбе:

– На партийной работе, Павел Трифионович, тебе больше не быть. Есть несколько предложений твоей дальнейшей работы – можешь остаться в Ворошиловграде и руководить областным профсоюзом. Там как раз освободилось место. Желаешь?

– Нет. – Замотал головой Столяренко. – Как я могу, с пер-

вого лица в этой области, уйти на более низшую ступень. Меня же заключают мои бывшие подчиненные. Куда-то подальше. Может в ЦК найдется должность?

– В ЦК и так идут сокращения. Ты же знаешь сам. Если хочешь подальше, то есть места в международном торговом представительстве. Сейчас свободно место в Монголии. Желаете туда поехать?

Столяренко тяжело вздохнул:

– Давайте в Монголию. Подальше отсюда.

– Договорились. Теперь зови секретарей, я им объясню ситуацию.

Семерчук видел, что в обкоме находится Фотин. Он приободрился – тесть не даст его в обиду. Но Фотин, зашедший в его кабинет разочаровал своим известием. Ему не удалось встретиться с Енченко. Сразу после совещания с секретарями обкома, секретарь ЦК, сославшись на плохое самочувствие, уехал на дачу в районе сельхозинститута. А потом Фотин добавил:

– Ты знаешь, что с ним приехала Галина Давыденко?

– Нет. – напрягся Роман, – а она здесь, в обкоме?

– Не знаю. Я ее видел здесь часа три назад. Она сейчас работает в ЦК у Енченко. Поговори с ней. Может она чем-то поможет. А я пойду к себе на работу в облисполком.

Фотин ушел, а Роман, подождал несколько минут, чтобы тесть мог уйти с этажа подальше. Потом взял папку с какими-то бумагами, чтобы все видели, что он не просто ходит

по коридорам, а куда-то конкретно идет по работе, выско-чил из кабинета, и почти побежал по этажам обкома в поис-ке Галины – может, действительно она ему поможет. Вско-ре ему подсказали, что Давыденко сидит в кабинете у своей старой подруги, – инструктора отдела культуры, находится там давно, если уже не ушла. Роман подбежал к нужному ка-бинету, приоткрыл дверь, и услышал голос Галины. Сердце его затрепетало, как в юности, при первой встрече с люби-мой девушкой. Правда, это была тогда не Лена – его жена. Ему сейчас казалось, что страсть и даже некоторое чувство любви к Галке, не пропали. Но надо было подождать, когда она выйдет из кабинета, и Роман стал ходить по длинному коридору. Было несколько неудобно, – проходили знакомые, здоровались, возвращались обратно, а он все ходил по кори-дору. Но минут через двадцать Галина вышла из кабинета вместе подругой, которая решила ее проводить. «Не нагово-рились еще!» – недовольно подумал Роман и, сделав вид, что идет по каким-то делам, пошел им навстречу. Поравнявшись с ними, он поднял глаза и постарался своему лицу придать изумленный вид:

– Галя! Ты ли это?

Она остановилась и тоже с удивлением ответила:

– Рома?!

Дружеское обращение Галины, приободрило Семерчука – может она его спасет? Подруга-инструктор, увидев их встре-чу, заторопилась:

– Пойду работать, а то мы с тобой заболтались. Но ты меня не забывай, звони, еще встретимся, – и пошла обратно в свой кабинет.

Они остались одни. Роман не знал, что сказать и предложил:

– Пойдем, где-нибудь присядем и поговорим.

Галина согласно кивнула, и они прошли в рекреацию коридора и сели в кресла за маленький журнальный столик. Оба молчали, не зная с чего начать разговор, ведь между ними когда-то были не только рабочие отношения, а более близкие. Но вспоминать о близости никто не хотел, а по работе поговорить можно. Галина первой так и спросила:

– Как тебе работается на руководящей должности?

Нет, она ничего не забыла и вопрос задала такой, чтобы и он почувствовал, что она сделала для него два года назад доброе дело.

– Работаю, – просто ответил Семерчук, – сама знаешь, что эта перестройка дала нам столько работы, что разгребаешь ее и никак конца не видать. Ну, а как ты поживаешь в столице?

– Ты же, наверное, знаешь, что заканчиваю заочно высшую партийную школу, работаю в секретариате Енченко, его помощником...

– Знаю. Но вообще-то, как складывается твоя столичная жизнь?

– Благодаря тебе, хорошо. – Съязвила Галина. – Я тебе

даже в некоторой степени благодарна, что ты сделал для меня два года назад.

Роман смущенно опустил глаза – благодарность за подлость. Так может говорить только очень сильная натура, да и благородная душа. И Роман ответил:

– О твоей работе я знаю. А как складывается личная жизнь? Ты замужем?

– Снова же, благодаря тебе – я не замужем. Не буду скрывать, ты все понимаешь, я любовница своего начальника. Учусь, получила квартиру. Но не замужем. Меня секретарь всегда берет в командировку. В Киеве у него мало времени для меня – работа, семья. И сын у меня уже вырос – не могу представить, чтобы рядом с ним появился чужой мужчина. Так что в личной жизни у меня полный тупик. Пока будут только любовники. Я тебе Рома все открыто говорю, как старому другу. Все как есть. – И Галина горько усмехнулась.

Роман заметил горечь в словах Галины, и ему захотелось ее как-то успокоить:

– Галка! Я верю, у тебя все еще наладиться... Может, мы сегодня встретимся... – Роман не уточнял где и как.

Галина распрямилась, и глаза ее гневно сверкнули:

– Не называй меня больше Галкой. Не хочу вспоминать прошлые времена. Галя, Галина. Так обращай ко мне! И никогда не смей мне больше предлагать возвращения к прошлому. Я сейчас не дешевая проститутка, а женщина при должности. Ты мне нравился, но поезд для нас ушел...

Роман трусливо замолчал. Больше вспоминать прошлое было нельзя, и так разбередил ее душу. Он должен прикинуться обиженным на судьбу:

– А у меня сплошные неудачи. Вот освободят первого и меня тоже, – начал Роман, понимая, что надо жаловаться на свою горькую участь.

– Кто ж тебя туда посылал? – с осуждающим участием спросила Галина. Она была в курсе дела, приведшего к смене руководства обкома.

– Сам первый и посылал. Вот и сделали козлом отпущения.

Выражение «козел отпущения» уже закрепилось за ним в кулуарных кругах обкома.

– Неужели ты до сих пор не понял сущность партийной жизни, да и вообще нашей руководящей элиты. Это люди без стыда и совести. Поверь мне, я за два года в верху на них нагляделась. Здесь все друзья до поры до времени. Стоит только совершить ошибку, так эти же друзья тебя закопают.

Разговор пошел в нужном для Романа русле, и нужно было его поддержать:

– Знать-то это, я знал. Но партийная дисциплина не позволяет перечить старшему.

– Это нас губит и погубит...

– А ты не можешь чем-то помочь мне?

И Галина неожиданно для него согласилась:

– Попробую тебя еще раз выручить, хоть ты этого не за-

служиваешь. Но я больше ненавижу тех, которые портят жизнь не только отдельным людям, но и всему народу. Я сегодня поговорю с Енченко, чтобы он вычеркнул твое имя из этого дела с журналистом. Только пойми – я ничего не могу полностью обещать, но я попробую.

Она замолчала, и Роман понял, что пора заканчивать разговор:

– Спасибо тебе. Я всегда знал, что у тебя добрая душа...

– Только к тебе. Я все-таки тебя, хоть ты и негодник, любила. И это чувство сейчас у меня перебороло неприязнь к тебе.

Разговор был закончен, и они пошли к лестнице, где расстались.

А следующим утром начал работу пленум обкома. Енченко, плохо выговаривая слова, мямлил о недостатках обкома по перестройке работы, особо остановился на случае с журналистом, приведшем его к смерти, подчеркнул, что это недоработка Столяренко. Роман ждал, когда он назовет и его фамилию, но Енченко о нем и не вспомнил. Что-то говорил о дальнейшем развитии социалистической демократии. Роман злился: «Сорок лет на этой работе, но так и не научился выступать!» И когда цековский секретарь закончил выступление, то Семерчука возникло чувство благодарности к Галине Давыденко. Наверное, она уговорила Енченко, чтобы он не трогал Романа. Она присутствовала на пленуме, Роман ее видел, но не подошел к ней. Потом начались выступления –

вялые, но самокритичные, где каждый ставил себе и обкому политические задачи по развитию демократии. Когда объявили выступление Семерчука, то он быстрым шагом пошел к трибуне. Пытался говорить сдержанно, но иногда прорывалась злость на Столяренко. И в отличие от других выступающих он сказал, что очень хорошо, что областную партийную организацию возглавит человек, родившийся и выросший на Донбассе. Он не смотрел на президиум и поэтому не видел устало-укоряющий взгляд Столяренко, который будто говорил: «И ты здесь, Брут! А получил ты от меня более, чем другие». Потом Енченко предложил от имени ЦК освободить Столяренко от занимаемой должности, и все дружно проголосовали «за». Рассказал о новом кандидате Полякове, который некоторое время работал секретарем обкома в западной области, и предложил проголосовать за него. Все дружно проголосовали «за». Пленум закончил свою работу и в душе Семерчука пели трубы – он остается на занимаемой должности.

В коридоре он подошел к Галине, которая стояла и разговаривала с несколькими знакомыми. Улучив момент, он бросил ей:

– Спасибо, Галина!

Она улыбнулась в ответ и шепнула ему на ухо:

– Всю ночь старалась, ради тебя негодяя. Живи и помни.

Прощай.

И снова стала разговаривать со своими знакомыми. По-

дошел Фотин, который видел, как Семерчук разговаривал с Галиной, и пожал ему руку:

– Помнишь, я говорил, что все обойдется. Обошлось, но молодец, вовремя подстраховался.

Что это за страховка, он не пояснил, но Роман понял, что тесть обо всем догадался. Теперь надо было уйти в отпуск, чтобы все, что связано с последними событиями, улеглось. Так решил Роман.

Спустя несколько дней Столяренко, сдав дела, уезжал в Киев. Он поехал на кладбище, чтобы попрощаться с женой. Зайдя в оградку, он присел на скамейку у могильного холмика. Долго смотрел на портрет жены на памятнике и неожиданно для себя стал разговаривать с ней. Внутренний голос шептал: «Сорок лет мы прожили с тобой вместе. Даже, когда ты ушла навсегда от меня, ты была рядом. Я чувствовал тебя всегда в себе. Теперь пришла пора расстаться. Думал, уйти с достоинством на пенсию и жить здесь, рядом с тобой, а потом меня похоронят в этой же могиле, и останемся навсегда вместе. А теперь я вынужден уехать. Буду далеко-далеко от тебя. И где меня похоронят – не знаю. Конечно, буду приезжать к тебе, но это будет редко, возможно, раз в году. Прости меня, любимая. Прости!» – и горькие мужские слезы просочились сквозь крепко сжатые веки. Слезы безнадежно одинокого будущего...

Роман ушел в отпуск. Ремонтно-косметические работы в новой квартире были закончены. По настоянию Лены, реши-

ли купить новую мебель. Мебель в старой квартире оставалась их родственнице Ларисе, которая уже начала заниматься продажей кассет. Денег не хватило на мебель, но помог Фотин, который просто оплатил часть мебельного гарнитура, не требуя отдачи денег.

И вот вся их семья собралась в новой квартире. Лена радостно говорила:

– Вот, Владик, твоя комната, а вот Ксюша – твоя. Будете в них жить. Но уборка комнат теперь будет вашим делом. А вот наша спальня с папой. Рома, к сожалению, тебе отдельного кабинета не получается. В зале я не хочу, чтобы были разбросаны твои бумаги, будешь работать в спальне. Я так рада, Рома, что у нас начнется новая жизнь в новой квартире!

И она сама обняла Романа. Он обнял ее, а потом усталое сел на диван. После передрыг последнего месяца ему хотелось не просто отдохнуть, а забыть работу и ни о чем не думать.

1989

Перестройка движется к своему логическому завершению – краху. Где в планах есть слова «быстрыми темпами», «семимильными шагами», «догоним и перегоним» и еще что-то подобное, следует знать, что это мероприятие ждет крах. Так и перестройка идет под лозунгом «ускорение», а значит, и к своему краху, которого еще не знала российская и совет-

ская история.

«Меченый совка» и партийный академик разрушают партию – становой хребет тоталитарной системы. Но, неужели они не видят, что партия так тесно срослась с государственным аппаратом и это ведет к краху государства – уникального многонационального государства, прообраза будущей человеческой цивилизации. Один – с крестьянской темной душой желает властвовать, другой – проживший и работавший долгое время в других странах, хочет перестроить Россию на западный лад. А ее на другой лад не могли перестроить ни Петр Первый, ни Екатерина Вторая, и никто другой. Забыли, что «Умом Россию не понять...» Но западная цивилизация во всю поддерживает перестройку, зная, что их модель развития никогда не привьется в СССР и у русского народа. И запад приветствует демократические процессы в СССР и кричит, что еще мало у нас демократии, ожидая краха советского общества.

А кто знает, что такое демократия? Рассуждают просто – это власть народа. Демократия – это пустое пространство, прозываемое народом, между охлократией и плутократией. Не верите? Посмотрите на европейскую или американскую демократию – сильно плутократы прислушиваются к голосу охлократов, то есть, так называемому демосу? И сделаете собственный короткий и емкий вывод – нет.

Теперь эту охлократию надо вывести на улицу – важная задача демократов. Выведем – это умеют делать демократы.

Попутно надо внедрить в массы понятие – электорат. Понятие народ – вообще убрать из обихода. Быдло должно называться красивым словом – пусть будет электоратом. И, опираясь на эту амебообразную субстанцию – все ломать, крушить, но только так, чтобы была личная польза.

Демократия вышла на линию огня с тяжелыми орудиями либерализма, разрушающими все и вся. Демократия, ты сильна, пока у тебя есть враг. Пусть это будет тоталитаризм, коммунизм, интернационализм и прочие «измы» – вперед на врага, уничтожим и разрушим до основания... А затем?.. Врага – нет. Либералы развращают человечество. Придумали права человека. Неважно, что термин человек – понятие физиологическое. О понятии личность – лучше не говорить, чтобы каждый из толпы электората не догадывался, что он личность! Человек – это звучит гордо! Звучало, пока человек выходил из природы, отличался от животного зверья. Сейчас человека надо опустить до его первобытного состояния. Что же ему внушить? Что ему еще нужно подкинуть в безмозглый черепок? Надо что-то сильное, естественное от природы. Есть! Чувства и инстинкты! Это самое естественное в правах человека. Что хочешь, то и делай. Как зверь в природе. Что хочу, где хочу, как хочу... Но этого мало. Надо подкинуть самые низменные извращения, которые не предусмотрела природа. Опускайся человек ниже зверя – еще ниже... Создавай меньшинства и их узаконят. Теоретически обосновывай, что это естественная потребность чело-

века. Так надо тем, кто управляет людьми. Не надо человеку думать – за него подумают властители мира.

Из подполья выходят самые агрессивные демократы, в виде национальных, а точнее националистических движений. Их организационные структуры начинают действовать легально. Они тоже объявляют себя демократами. Их главная цель – выделиться из СССР, а потом – натурализовать остальные некоренные народы, в рамки коренного народа. Эти – страшные демократы выступают от имени народа, но народ их пока не знает. Он скоро узнает их демократические методы по перестройке своего угла бывшей империи и будет тогда действительно страшно.

Но уровень образования у советских людей, так называемых «совков» достаточно высок, да и русский человек веками жил по-человечески, несмотря на дикий лес, болота, медведей и прочее жестокое природное окружение. Надо срочно вырвать его из обитаемой природы, понизить его советский образовательный уровень. И вот на экраны телевизоров полезли шарлатаны, вроде бы от медицины: «даю установку на хорошее», «заряжаю воду от телевизора», «оживляю умерших». В ясновидящие полезли вышедшие в тираж актеры, телеведущие и прочие известные народу проходимцы от культуры. Что самое болезненное у человека? Конечно же, – сама болезнь. Что может быть страшнее болезни? И вот телеведущий внушает переполненному залу – молитесь Богу и все болячки пройдут сами собой, даже не заметите. Освободив-

шаяся от оков «советского воспитания», другая практикующая физиологические акты, рассказывает со сцены, что не умеет советский человек заниматься правильным сексом, – у него это дело проходит скучно, без ума и фантазии. Вот вам фантазии секса!.. Объясняю за деньги. За дополнительную плату обучу практически... Здесь ума не надо! Раскрепощайтесь и вводите плюрализм в секс! Пусть самое сладкое для человека, станет сладким и для «совка»! Секс – по научному!

Но этого мало. Надо народу подкинуть в его темные мозги потусторонние силы. НЛО летает, параллельные миры существуют, полтергейст буйствует, твоя судьба кем-то определена заранее. И тиражируются в газетах объявления от провидцев и ясновидящих: сниму сглаз, порчу, отворот от всех болезней – для всех. А для девчонок: присушу, отсушу, насушу – женихами и мужьями будете обеспечены. Сухими мозгами легче манипулировать в дальнейшей сушке всех желаний. А потом выносится окончательный вердикт – были бы мозги – давно бы нашла жениха! И получается в итоге – высохший от сомнений и душевных метаний народ. Туда тебе и дорога – в мир усеченных желаний: еда, секс и зрелища. Этого для тебя, народ, хватит.

Чем больше пустоты в головах, тем громче и продолжительное эхо, которым они отзываются на всякую провозглашаемую дурь.

И тут выясняется, что и культурный уровень народа доста-

точно высок. Действуем по нескольким направлениям для понижения этого уровня. На уровне обыденном – что приятнее слышать человеку – симфонию или песню? Конечно, – песню. Она трогает за душу и сердце, а симфонию надо не только слушать, но и думать – да и нужны некоторые знания в понимании серьезной музыки. Песней оглушим советский народ! И как из дырявого мешка посыпались в страну иммигранты-певцы. И придумали название жанру песни – шансон, произнося это слово в нос. Песня – шансон – масло масляное! Но народ не знает перевода этого слова, да и не надо ему это знать. И запела иммигрантская голытьба дворовые песни пятидесятых-шестидесятых годов, – не романтические песни бардов, – а простой блатняк. Такие песни пела сопливая молодежь, готовящаяся отправиться на зону. Серьезные люди, уже побывавшие там, пели более суровые песни. Слушай народ блатной шансон! Новое, подобное старому, мы уже написали. Слезливо, тоскливо, но быстрее трогает душу. И поющие иммигранты уже не голытьба – там, где-то на западе, они нищенствовали и пели на улицах. Сейчас для них открыты просторные концертные залы, заработки, которые на демократическом западе им не могли присниться в самом радужном наркотическом сне, и деньги потекли в их карманы тугим потоком. Теперь они очень состоятельные люди. Ничего, что они иностранцы – но Россия для них – поле для зарабатывания денег. Они, не стесняясь, говорят об этом и в интервью, и по телевидению.

А заодно надо опошлить советскую песню. И писаки-либералы со злобным воодушевлением изгаляются над прошлым. Вот песня – «Отряд не заметил потери бойца, и яблочко песню допел до конца»... Ага! Большевики не обращали внимания на потери, даже не хоронили убитых! Вот их античеловеческая сущность! «Нам разум дал в стальные руки крылья, а вместо сердца пламенный мотор!» Вот, смотрите! Вместо сердца мотор! Какую человечность можно ожидать от коммунистов!?! «Звенем читаем книжки мы, звеном идем на пруд». Чувствуете, как советские воспитатели подавляли в детях индивидуальность?! С малолетства насаждался порочный коллективизм. И сердце либерала радостно вибрирует при нахождении еще чего-то «советского», отличающегося от демократического. Издевайся над советским прошлым – гуляй демократия по-русски, разухабисто, употребляй вслух народные выражения, за которые по губам бьют детей – тебе, демократ, все сегодня разрешается, на твоей улице праздник!

Гласность набирает обороты, заполняет пространство между мышлением и трудом. Кто-то трудится мышлением, большинство с мыслями в голове трудится руками, созидая продукты труда для потребления мыслящими. Надо в их головы внести мысль – гласность тебе нужна, чтобы понимал, что трудился ты в несправедливой стране.

Начали гласность журналисты и литераторы. Кого надо обхаивать? Ага, пока самое безобидное для них – начать со

Сталина. Он уже давно умер, не страшно на него бочку катить – не сможет им отомстить. Плохой он? Нет! Еще хуже плохого. Страшный режим сталинизма. И хлынул поток разоблачения советского прошлого. Еще живы жертвы сталинского террора – каждый из них стремится написать о кровавом прошлом. Более молодые – обосновывают это теоретически. Теперь вместо сталинизма виноват во всем плохом весь русский народ, а попутно коренные народы, живущие в СССР. И всё в голову народа – ты такой народ, что достоин таких руководителей! Мало Сталина – берем более позднее, даже древнее время – там тоже правители были не мед для народа. Всё вспомним о них, конечно же, – самое плохое. Но помалкивают, например, о Мао Цзе-дуне. Он тоже натворил немало бед для Китая. Но нынешние правители Китая не будоражат народ его ошибками – говорят скромно – наряду с плохим, у Мао есть и заслуги. Но нашей интеллигенции надо бить по мозгам самым больным и обидным, и разоблачение культа личности станет постоянным. Но, если бы народ кроме самой статьи или книги, прочитал бы фамилию автора, то мог бы убедиться, что авторы – практически все не русские. И доставляет большое удовольствие им критиковать именно русский народ. Недоделанный он – так и не воспринял европейские ценности, в их демократическом обрамлении.

Но русский народ похож на медведя: зимой он спит, проснется – пойдет голодным медведем-шатуном крушить все вокруг. А вот это надо использовать в нужном русле –

пусть русский народ сломает себя своими руками, то бишь, – лапами. Его устремления надо направить именно в это русло. Гласность – вперед! На линию огня! Разряжай! А тебя – народ мы уже зарядили надеждами на светлое будущее, да так, что ты и не заметил. Мы умеем это делать – с шумом, но не заметно. Власть громко обещает многое, а тихо забирает последнее...

Ну что, безмозглый народ! Ты получил то, что мы хотели. Но мы получили больше. Главное – власть! А остальное – приложится.

Народу принадлежит мудрость: «На чужом несчастье, счастья не построишь», а его слугам во власти – опровержение этой мудрости.

1

Партия, как руководящая сила советского общества, решила создать новый демократический орган – Съезд Народных депутатов. Это решение в местных органах было воспринято неоднозначно. Съезд должен стать законодательным органом и многие считали его излишним – есть же Верховный Совет. Как они будут делить законодательные функции? Вроде в документах все прописано, но тревожное чувство непонимания оставалось. Настораживало еще то, что выборы должны быть альтернативными – то есть на одно место могли претендовать несколько кандидатов. Хотя партия застолбила себе места в будущем органе, но два секретаря Ворошиловградского обкома, все-таки решили сделаться депутатами. Понимая, что в шахтерских городах, в условиях борьбы с рабочими кандидатами в депутаты, им не победить, они баллотировались в сельских, северных районах области. А в сам Ворошиловград из Москвы повалили кандидаты в будущие депутаты – высокопоставленные чиновники и демократы. Это естественно – их в столице много и всем места депутата в новом парламенте от Москвы и Подмосковья не хватит, и вот они расползлись по стране, как тараканы по разным избирательным округам. А главное, что они обещают народу, то есть, округу, где живет народ... Голова идет у народа кругом от их подарков-обещаний. Один

начальник обещает почистить речку Лугань, да так, что по ней будут ходить пароходы, как до революции! Ура! Радуются ворошиловградцы. Другой, вылупив, как у жабы глаза, заикаясь, обещает народу много демократии и культуры. Чего-то материального не может – он журналист-писатель и попутно ищет свою родословную на Тамбовщине, хотя по типу рожи, надо эту родословную искать в другом месте. Правда, он прислал театр-капустник для окультуривания ворошиловградцев, почему-то названный – экспериментальным. Третий, четвертый, пятый и остальные кандидаты тоже обещают народу всякие блага и клянутся твердо стоять на защите его интересов... А народ, раскрыв коробки ртов, ждут, когда туда польются полным потоком материальные блага. И вот уже кандидаты чуть ли не пророчат народу давно обещанный коммунизм – партия не смогла его построить, а мы демократы его вам подадим ко рту без всякой стройки! Знай, народ – для этого задумана перестройка! Только жуй – не ленись!

Народ! Тебя скоро облагородят по полной! Имеется ввиду – по полной демократической программе – и материально, и морально и тогда с тоской вспомнишь свое тоталитарное социалистическое прошлое!

Весна оказалась горячей для партийных работников всех рангов. Роману Семерчуку, как и другим работникам пришлось много поездить по сельским районам. Раньше он толком и не знал сельскохозяйственного производства, сейчас

ему в разговоре крестьяне задавали такие вопросы, на которые он не знал, что ответить. Как раньше ответить односложно – партия приказала и надо делать – не проходило. Ответить жизненно мудро – он не мог – не позволяла партийная идеология. Даже были оскорбления в адрес партии. Люди, почуяв гласность, били по самым больным местам развития общества. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что и раньше рабочий люд и цехе, и на селе не стеснялся задавать острых вопросов.

Но более всего его тревожил тот факт, что из партии стали выходить ее члены-коммунисты. Кто-то из них объявлял об этом, кто-то – просто не платил взносы, а это означало молчаливое расставание с партией. Уже объявили, что может интеллигенция без всякой очереди вступать в ее ряды. Но раньше интеллигенция стремилась в партию и не все могли в нее попасть, то сейчас руководители-интеллигенты не желали разделить перестроечные заботы партии.

Но обоих секретарей удалось протолкнуть в депутаты Съезда Народных депутатов. Роману хотелось отдохнуть, но покой партийному работнику, как выразился один поэт – «только снится». В мае забастовали шахтеры. Ситуация складывалась грозная. Падение производства, в том числе и в добыче угля, продолжалось. Народ стал жить хуже. В результате борьбы с пьянством и алкоголизмом, денег в местном бюджете не было. Москва и Киев сократили дотации области. А отсутствие денег, сказывалось на всех сторонах

жизни города и области: и культурной, и материальной. Партийные ряды не просто редели. Коммунисты поменяли свое сознание на какое-то оппортунистическое, а может ревизионистское. Как понимать эти термины, никто толком даже в обкоме, не знал, хотя ими пользовались все предыдущее время. Но явно было видно, что идеологический уровень партии рухнул от марксизма-ленинизма в противоположную сторону – не пролетарскую.

Пролетариат Донбасса вышел на улицу.

Надо было что-то предпринимать, и первый секретарь Поляков собрал совещание. Весеннее солнце ярким светом освещало зал заседаний и казалось, что лысина первого отражала этот теплый свет и давала дополнительное освещение комнате, в которой должны были решаться застывшие во времени проблемы социалистического общества.

Поляков, что нравилось многим, сразу начал говорить о непростом текущем моменте.

– Слышите? – спросил он присутствующих, – это шахтеры стучат касками об асфальт перед облисполкомом. Мы находимся рядом и тоже слышим. Сейчас нам даст полную информацию, что происходит в шахтерских коллективах, председатель профсоюза шахтеров области, товарищ Олесенко.

Встал шахтерский председатель и грузно пошел к массивной трибуне. Он разложил перед собой какие-то бумажки и начал говорить:

– Ситуация сложилась достаточно сложная. Какие-то по-

литические силы подняли шахтеров на забастовки. Не пока не буду уточнять – какие силы, только подчеркну, что требования шахтеров касаются только увеличения заработной платы. Никаких политических требований они не выдвигают. Бастуют практически шахтеры всех шахт области. И что очень плохо, бастуют шахтеры Свердловска, Антрацита, Ровенек, где добывается антрацит. А это самый ходовой уголь и потребители покупают его по самой дорогой цене... – Он начал перебирать бумажки, лежащие перед ним, чтобы подкрепить указанные им данные цифрами.

– Это мы знаем... – перебил его Поляков, – шахты, добывающие курной уголь, в основном убыточны. Вы скажите, почему шахтеров довели до того, что они забастовали? Такого в Донбассе не наблюдалось с двадцатых годов.

– Я уже говорил, – продолжил Олесенко, – крикуны подбили шахтеров на такое выступление...

– А я вам и всем скажу, что крикуны здесь не причем. – снова перебил его Поляков. – Вы часто опускаетесь в шахту, чтобы посмотреть на труд членов своего профсоюза?

– Периодически я встречаюсь с шахтерами...

– Я спрашиваю – вы часто опускаетесь в шахту?

– Да. Несколько раз в году я опускаюсь в шахту.

– А в лаве или в проходке бываете?

– Реже. Но бываю. Я еще не успел сказать, что добыча угля не прекратилась. Это, так сказать, перманентная забастовка. Шахтерские смены работают по добыче угля, а свободных

от работы шахтеров привозят сюда стучать касками. Но все равно надо часть их требований удовлетворять, но это уже – государственное дело, ни профсоюза, ни даже областного руководства... – заискивающе произнес председатель областного профсоюза.

Поляков был родом из шахтерского города и, пожалуй, не хуже других знал труд и жизнь шахтеров.

– Насколько мне говорили, вы спускаетесь на козе только на первый заезд в шахте...

«Коза» – это шахтерское название крохотного вагончика, на котором на тросе шахтеры опускаются в шахту, а заезд – место пересадки шахтеров на другую «козу», чтобы опуститься еще ниже – вглубь земли. Эти термины применил Поляков:

–... а в забое вы давно уже не были. Я проясню всем житейские проблемы шахтеров, и станут понятны их требования. У шахтеров шестичасовой рабочий день, всем известно. Теперь посмотрим, что получается фактически. Рабочий очистного забоя, проходчик, такелажник, а так же другие рабочие должны за час до начала работы прийти на наряд. Считаем часы. Потом они спускаются в шахту, идут или их везут к месту работы – в лаву для добычников, или в забой для проходчиков. Получается часто больше часа. А всего – уже два часа. Смена у шахтеров происходит на лопате. – Имелось в виду, что шахтер отработавший смену, должен передать лопату вновь прибывшему сменщику, – потом шесть часов от-

работать, час подниматься на-гора, час мыться. Итого получается, что шахтер работает не шесть часов, а десять. А еще можно подсчитать, что шахтеру надо из дома добраться до работы, а потом обратно. Получается, что половину суток шахтер находится вне дома. А за эти лишние часы шахтер не получает денег. Поэтому они справедливо требуют, чтобы им оплачивали часы, которые они тратят в шахте, добираясь до места работы. Всем это понятно?

Олесенко, стоящий за трибуной, начал было возражать:

– Я это тоже знаю. Недаром пять лет работал в самой шахте, пока меня не избрали в партийные органы, а потом назначили в профсоюз. Но что может поделать профсоюз, если государство устанавливает такие порядки? Итак, шестичасовой рабочий день, но зарплата, по сравнению с другими категориями рабочих, работающих на поверхности, высокая. Труд тяжелый, но и шахтеры тоже не подарок – пьют по-черному...

Поляков перебил его:

– Труд шахтеров, особенно рабочих очистного забоя, – очень тяжелый: в пыли, что лопату не видно, без достаточного количества кислорода, выкинуть лопатой на конвейер тонн пятнадцать-двадцать угля, для передвижки комбайна... После такого труда хочется, естественно, забыться. Пива недостаточно продается, и обезвоженный организм травят сейчас не водкой, а разным суррогатом. Надо начистоту говорить об этом не только здесь, но и на шахтах. – Он немного

помолчал и стал подводить итог этому вопросу. – Нам надо выйти к шахтерам и поговорить с ними. Надо быть ближе к ним, а то мы боимся встретиться с ними лицом к лицу...

Олесенко перебил его:

– Шахтеры приняли решение никаких агитаторов у себя не принимать...

– Вы садитесь... – Ответил ему Поляков, – я это знаю. Но все равно надо идти к ним. Я лично тоже пойду. – Он помолчал и продолжил, – сейчас на Украине активизировались националистические силы. Кстати, они тоже работают среди шахтеров, раскачивают обстановку. Нам надо нейтрализовать националистические элементы в городе и области. Пока я не получал по этому поводу распоряжений, но надо им противостоять. Это очень опасная сила для общества. Я некоторое время работал в западной Украине, могу сказать, что население там мыслит совершенно по иному, чем у нас на востоке. Пока я углублять эту тему не буду, подождем, что скажет секретарь ЦК по идеологии Кравчук.

Он помолчал, словно думая, говорить или не говорить об этом и задал вопрос, севшему на свое место Олесенко:

– Скажите, кто снабжает шахтеров продовольствием, дает транспорт? Ваш профсоюз?

Олесенко отрицательно замотал головой:

– Нет, не мы! Руководители отказались от нашей помощи. Их снабжают благотворительные организации...

Поляков молча смотрел на него и после, небольшой паузы,

начал отчетливо говорить:

– Как мне доложили из КГБ, руководит финансированием шахтеров одна из правозащитных организаций...

Все в зале напряглись – скажет или не скажет первый, что это за организация? И Поляков сказал:

–...хельсинская группа. Она привлекла к этому неожиданно появившиеся благотворительные организации, националистические группы. Я не зря об этом только что сказал. И деньги, как мне сказали в органах безопасности, идут из-за рубежа. И перекрыть этот денежный канал сейчас у наших органов нет возможности. Теперь, кто хочет выступить по текущему моменту?

Никто не задавал вопросов. Все находились в угнетенном состоянии. Начались выступления. Роман обязан тоже был выступить, как заведующий отделом, и он думал – о чем же сказать? Он сейчас жалел о том, что ни разу не спустился в шахту. А в шахтерских городах, где он бывал по работе, ему предлагали посмотреть труд шахтера, но он неизменно отказывался. Как бы сейчас ему бы эта шахтная наглядность пригодилась, так бы и сказанул, что я тоже знаком с шахтерским трудом... Но ничего конкретного, кроме обычных методов партийной работы, не приходило. Поэтому и выступление получилось вялым и не конкретным. Но он призвал всех, как и первый секретарь, идти в массы. Так он выразился. Решили, что после обеда все выйдут на беседу с шахтерами и пообещают, что власти в Москве и Киеве удовлетворят

их требования. Главное – лишь бы шахтеры разошлись. А то руководство ЦК проявляет недовольство обкомами Донбасса.

В столовой обкоме за время перестройки, хуже кормить не стали. Но буфет, в котором раньше можно было купить копченую колбасу фирменные ворошиловградские конфеты, «Шахтерский торт», убрали. Это было сделано по распоряжению Полякова – пора забыть о партминимуме, который был введен еще в двадцатые годы – дополнительном пайке партработникам. Пайков уже давно не было, но купить за свои деньги какой-то деликатес в буфете, было даже удобно – не стоять же в очередях в магазинах. Теперь этого не было.

После обеда действительно чуть ли не весь обком вышел в сквер, где шахтеры поставили палатки. Стук пластмассовых касок об асфальт производил впечатление – глухой и раскатистый. И тут в голову Романа пришла мысль надо попросить шахтеров не стучать – так они не дают покоя жильцам ближайших домов. С Романом были еще два работника его отдела. Поляков пошел разговаривать с руководителями шахтеров.

Но когда они подошли к палаткам, их остановила охрана, которая, оказывается, уже была сформирована бастующими.

– Мы из обкома партии. Хотели бы поговорить с шахтерами, – обратился к охраннику Роман.

– А из обкома? Долго к нам собирались. Говорите, я шахтер из Краснодона.

– Мне бы хотелось, чтобы было больше людей... – пояснил Роман.

Охранник насмешливо крикнул кому-то:

– Петр! Иди сюда. Здесь пришли из обкома. Им люди нужны для разговора. Создадим толпу.

Издвка была явная, но Семерчук смолчал.

– А, может, позовете тех, кто в палатках?

– Им запрещено говорить с представителями всех организаций, в том числе, и с работниками из партии. Я знаю, о чем вы будете говорить. Мол, расходитесь, все ваши требования выполним. Как только повысите нам ставки и будете оплачивать нахождение под землей, мы сразу же уйдем.

– Насколько я знаю, ваши требования будут удовлетворены...

– Вот, когда удовлетворят – уйдем... – перебил его охранник, – а сейчас уходите. Нам никакие партии не нужны.

Охранник, показывая, что разговор закончен, повернулся к ним спиной. Семерчук должен был что-то сказать на прощание, и он, не зная, что говорить дальше, попросил:

– Просьба к вам: не стучите громко касками. Мешаете людям работать и отдыхать после работы.

– Мы стучим до восьми часов вечера. Потом у нас тишина – бросил через плечо, не оборачиваясь к нему, охранник.

Роман, понимая, что больше разговора не получится, пошел со своими коллегами в обком. Настроения не было. Он видел, что партия неотвратимо теряет свой авторитет. С ни-

ми даже говорить не захотели. До конца дня его никто не вызывал и он перебирал текущие бумажки. Уже шел разговор о сокращении штата партийных органов. Хотели ликвидировать отделы по различным отраслям промышленности и сельского хозяйства, а сокращение штатов отделов – вопрос был решенный. Но его отдел – организационно-пропагандистский, не подлежал сокращению. Он это твердо знал и пока за свое будущее не беспокоился. Да и повышения в должности в таких условиях не светило. Но он был уверен, что партия снова возьмет инициативу в свои руки – в ее руках целый государственный аппарат. С охлократией он может и должен справиться.

По роду работы и по разговорам со старшими товарищами, Семерчук знал, что шахтеры по своей сути аполитичны. Хорошая зарплата по советским меркам, месячный отпуск и прочие блага от государства они имели. Следует учитывать еще один важный момент – шахтерские города – это на девяносто процентов частный сектор и большинство шахтеров жили в своих домах. Так повелось с дореволюционных времен и традиция держаться за землю, за свой дом была сильна в душах шахтеров. Поэтому они и выдвигали только экономические требования – политика их интересовала в рамках телевизионных новостей. Поднять их на забастовку – сложное дело. Шахтеры знают, что день простоя лавы может закончиться тем, что ее просто задавит земной груз, а тогда не будет толком работы, а значит и заработка. И Романа насто-

раживал только тот факт, что шахтеры были хорошо организованы. А для этого нужны лидеры, которые, мягко говоря, не испугаются осложнений в жизни.

2

Все требования шахтеров были беспрекословно выполнены. Стук касок об асфальт прекратился, но тревожное чувство чего-то плохого в будущем осталось в душах обывателей. Это тревожное чувство уже не покидало работников обкома, да и все руководство, как в партийных, так и в государственных органах.

В это воскресенье Фотин отдыхал у себя на даче. Он приехал еще вчера после работы, немного с внуками покопался в земле – рассаживал последнюю рассадку помидоров и капусты, а сегодня после завтрака, он сел проверять свою личную бухгалтерию. Дело по продаже магнитофонных кассет шло хорошо, за эти два года Фотин открыл два небольших отдела в больших магазинах по продаже магнитофонов. Кассетные магнитофоны долго не залеживались на прилавках – торговля шла бойко. Официально вся торговля была оформлена на племянницу Ларису. Она с увлечением вела его дело, как говорят, работала на совесть, но Фотин чувствовал, что Лариса кое-что от него утаивает, продает магнитофоны от себя. Но по бухгалтерским документам все было правильно. Пока такие действия Ларисы не очень сильно тревожили Фотина. Если и что-то продает от себя лично, то пусть будет так – главное, чтобы его не обижала. С Ларисой Фотин связывал расширение своего дела. Светиться в этом деле ему бы-

ло нельзя – все-таки один из бывших руководителей обкома партии, ныне один из руководителей области.

Посидев еще с полчаса над бухгалтерскими бумагами и, оставшись довольным их результатами, Фотин вышел из дома. Он помог полить грядки водой из шланга, весело поболтал с женой, дочерью и особенно с внуками и пошел в беседку, где сидел Роман. Необходимо было поговорить с зятем, которого Фотин, честно говоря, недолюбливал. Но он ценит старшего Семерчука и всегда их отношения были не просто теплыми и добрыми, главное – деловыми, а значит полезными для их семей. Спросив зятя, как дела на работе и, получив ответ, что дела идут все хуже, дисциплина в партии катастрофически падает, из партии массово выходят коммунисты, в том числе с солидным партийным стажем, Фотин, как бы подвел итог:

– Демократия наступает и главный враг у нее партия, которая должна потесниться, и дать ей место во власти... – он не стал пояснять свою мысль дальше и перешел к конкретному разговору, – ты же знаешь, что государство каждому желающему хочет дать пять тысяч рублей в кредит?

– Знаю, Леонид Михайлович. Но кредит брать не хочу.

– Значит, ты мало знаешь, – Фотин поджал губы, показывая этим, что переходит от конкретного к серьезному разговору. – Ты вникаешь в повседневную жизнь? Слышишь, какие разговоры идут о переходе к рынку?

– Не только слышу, а знаю. Нам один лектор из Киева объ-

яснял, что перейдем к хозрасчетному социализму. Пока малопонятно, но социализм останется, только видоизменится. Возможно, будут элементы капитализма...

– Не возможно, а точно будет капитализм. И возможно – с элементами социализма. Прошлое сразу же не откинешь... А эти пять тысяч получит не каждый желающий, а только те, кто ближе к власти. Социалистическое государство дает эти деньги своим приближенным, чтобы они быстрее вошли в капитализм. Это называется в политэкономии – первоначальное накопление капитала. Бери эти деньги и заведи свой бизнес или вложи их куда-нибудь...

– Куда? – переспросил Роман, – я не представляю, что делать с этими пятью тысячами.

– Пока построй хороший дом, этажа в два, а может – три. Сейчас дают участки в десять соток в районе Раевки – это очень хорошее место с чистым черноземом и недалеко от Ворошиловграда. У тебя есть дети – мои внуки, надо обеспечить им будущее. Так, что не раздумывай – бери эти деньги, а отдавать их, возможно, и не придется. Или отдашь какие-то копейки...

Фотин замолк, а Роман думал, что как всегда в словах тестя есть не просто рациональное зерно, а глубокая практическая выгода и надо ей следовать. И он ответил:

– А как оформить на себя участок?

– Мы оформим участок пока не на тебя, а на Лену, чтобы не бросалось другим в глаза. Ты это понимаешь. Участок

оформим на этой неделе, да и деньги надо получить на этой неделе.

Роман молча кивнул головой в знак согласия. В деловых вопросах он во всем соглашался со своим всезнающим тестем. А Фотин, расслабленно развалившись в прохладной беседке, благодушно продолжил разговор, открывая не которые тайны своей деловой жизни:

– С твоим отцом мы уже организовали кооператив по реализации бетонных конструкций. Приносит неплохую прибыль. Но вопрос стоит – куда девать прибыль? Вот это главный тупик социализма, который закончится для него плачевно. Присутствует явное ограничение в экономической сфере социализма, а экономика не терпит ограничений, – он глубоко вздохнул и пояснил дальше. – У многих советских людей, – простых работяг – рабочих и колхозников есть все: квартира или дом, автомобиль, телевизор и все остальное. Он откладывает деньги на сберегательную книжку под три процента. Это очень низкий процент. А мог бы вложить эти деньги в более прибыльное дело. Но при социализме этого нет. И эти заработанные деньги лежат мертвым грузом. Вот почему я сказал, что это тупик социализма. Ни Маркс, ни Ленин этого вопроса до конца не продумали, – что делать с лишними деньгами?

– Но это показатель материального благосостояния людей, – осторожно возразил Роман, но Фотин его перебил.

– Как перейдем к капитализму, у этих зажиточных совет-

ских людей деньги отнимут.

Увидев удивленный взгляд Романа, Фотин удовлетворенно усмехнулся:

– Этого вы, в партии не видите, заняты теоретизированием, а процесс ликвидации партии запущен с началом перестройки, и Горбачев с Яковлевым ловко, но четко проводят этот курс. А не будет партии – будет капитализм.

– Мы, конечно, часть власти уступим, но партия останется руководящей силой... – как всегда в этих случаях, а сейчас с неприкрытой обидой, ответил Роман. – Семидесятилетнюю историю партийного руководства страной, никак не уберешь.

Фотин снова снисходительно улыбнулся и ответил:

– Партия потратила силы на то, чтобы потакать слабостям своих руководителей. Как приходил новый генсек, так вся партия работала на него – от проведения реформ, до создания образа харизматического лидера – лучшего из лучших. Вместо того, чтобы развивать собственную волю, партия подавляла волю других, прежде всего, народа, навязывая ему ненужные идеи и дела. Вот и докатились до того, что вся партия стала служанкой ее лидера и его окружения, потеряла железную стойкость и стала каким-то аморфным для народа существом. Поэтому вопрос о партийной власти уже практически снят с повестки дня. Если правитель допустил трещину во власти, то она увеличивается в геометрической прогрессии и разрушает не только власть, но и все вокруг.

Семерчук недовольно слушал рассуждения тестя.

– Партия сильна, а сейчас очистившись от своих случайных попутчиков, станет еще сильнее. Не надо нас хоронить...

– Уже все рушится: комсомол рухнул, экономика рушится, союз разрушается – уже Прибалтика и Грузия фактически вышли из Советского Союза. Все рушится... – с горькой интонацией в голосе произнес Фотин.

– Конечно, – осторожно ответил ему Роман, внутренне не желавший соглашаться с той очевидностью, о которой говорил тесть, – есть некоторые потери, но они не смертельные.

Фотин знал внутреннюю сущность партийных работников – стоять только на позициях, которые им предписывает на данный момент партия и не стал спорить по этому вопросу с Романом. Он вернулся к разговору о входящем в жизнь стране новому явлению – рынку.

– Нам – я имею в виду не только себя, но и твоего отца – нужны помощники – молодые и энергичные. Самим нам пока неудобно становиться бизнесменами или, как вы говорите – капиталистами. У нас солидные должности, да и возраст уже пенсионный. Деньги у нас есть – и им надо найти пристанище. Так требуют рыночные отношения.

– Но согласится ли народ с таким выбором? – осторожно возразил Семерчук. – Как ни как, он семьдесят лет прожил при социализме... Он же создал народное достояние и не захочет им делиться с капиталистами.

– А народ, кто-то и когда-нибудь спрашивал? – вопросом на вопрос ответил Фотин. – Народное достояние – это то, что принадлежит всем, а пользуются им немногие. Примеров тебе приводить не буду, ты их сам знаешь. А скоро народное достояние будет принадлежать немногим, а народ станет это достояние обслуживать. Народу нужны хлеб и зрелища. Тот, кто устраивает зрелища станет богатым, а тот, кто растит хлеб или вкалывает у станка – никогда не разбогатеет.

И тут Семерчук, неожиданно для себя самого, возразил:

– Но при капитализме рабочие живут лучше, чем у нас при социализме. Может не стоит его бояться?

Фотин заметно развеселился:

– Вон куда тебя занесло, партийного функционера. Они потому живут лучше, что у них есть хозяин, а у нас была идея. Народ легче заставить поверить в светлое будущее, чем конкретно дать хлеба и зрелищ. – Фотин немного помолчал, будто обдумывая что-то важное, и продолжил, – не надо наш народ сравнивать с европейскими народами. Русский народ, – особый народ. Суровая природа приучила их довольствоваться самым малым – главное для него было выжить. Им было не торговли. Они только мечтали о лучшей жизни для себя. А предпринимателями, торговцами становились другие народы: евреи, немцы, кавказцы и прочие. Ты обратил на это внимание? Если нет, то сходи на наш городской рынок и увидишь, кто там торгует, в основном, приехавшие с юга.

– Я это знаю... – перебил тестя Роман, но Фотин не обратил на его слова внимания.

– Славянские земли очень удобны для жизни, ведения в них торговой, производственной, политической, культурной деятельности, представителям других народов. До революции, как я уже сказал, это были в основном немцы и евреи, как бы власти последним не препятствовали в их деятельности. В советское время – такая же картина. И вскоре будет так, что во всех сферах деятельности, будут на первом месте не русские народы.

– Выходит, что Советский Союз, Россия, Украина – выгодное место для паразитирования других народов?

– Я бы так прямо не говорил, но правда в том, что другие народы определяют во многом жизнь славянства.

– Но вы же – еврей? – Решился на такой вопрос Семерчук, в отношении тестя.

– Да. Но не совсем чистый. Слава богу, что мой дедушка был наполовину евреем и дал нам эту фамилию, не похожую на еврейскую. Да и Лена, более русская, чем еврейка. – зачем-то подчеркнул Фотин. – Но хватит этого разговора. Теперь конкретно – на этой неделе надо оформить тебе и Лене получение по пяти тысяч, закрепить участок земли и давай строиться.

– Потом что? – спросил Семерчук.

– Будете жить, сдавать в наем, можно продать. Недвижимость – лучшее вложение денег. Земля – это капитал! – за-

кончил Фотин.

Роман недовольно молчал – вот он лик бывшего партийного работника. Как унюхал запах денег, так сразу же забыл о пролетарском интернационализме. Изменилась обстановка и любой народ может паразитировать на русских землях. А что будет вместо интернационализма? Национализм, что ли... Непонятно. Но в словах тестя был глубокий смысл, прежде всего, материальный и грех было этим смыслом не воспользоваться. И Роман ответил:

– Завтра же займусь получением кредита. А вот участок земли помогите получить вы...

– Тоже завтра же начну вплотную заниматься этим делом. Только, Роман, у меня просьба... – Фотин на секунду замолк, – пусть Лена касается меньше этого дела. Сам бери ее документы и оформляй. Не надо ее загружать такими делами... У нее чистая душа... – как-то неуверенно закончил Фотин.

Его слова о чистоте души прозвучали диссонансом, в беседе о материальной выгоде, которая всегда присутствует в душе человека. Получение личной выгоды позволяет выкинуть из головы глупые мысли о справедливости. А тем более о каком-то пролетарском интернационализме. Это утверждение немного успокоило душу Семерчука. Должности приходят и уходят, а дома остаются. Эта мысль окончательно успокоила его.

И тесть с зятем пошли к женщинам и детям – надо было

им помочь в огороде.

3

Баранский в последнее время прослыл непримиримым демократом. И всему этому послужила неудовлетворенность своим служебным положением. Когда-то заведующий его кафедрой философии стал ректором института, и следом его выбрали депутатом Верховного Совета СССР. А заведовать кафедрой он назначил Баранского. Спустя три года, ректор неожиданно умер. Баранский считал, что он должен теперь идти в карьерном росте по следам бывшего заведующего и занять более высокую должность, а значит, упрочить свое положение. Но секретарем парткома педагогического института его не избрали. Так же не избрали ректором института. Он злился на демократические процессы – уже не назначали на должность, а избирали демократическим путем, но только не его, а других. Но это была социалистическая демократия, – не настоящая, – успокаивал себя Баранский. А при социалистической демократии народу позволено подавать голос только в урну. А при настоящей демократии – народ должен громогласно кричать о своих бедах везде, где только захочет, избирать на должности публично, но с одной поправкой – там, где власть определит ему место для крика.

И вот он прочитал статью Нины Андреевой, которая не хотела поступаться коммунистическими принципами, и понял, что пришло его время двинуться во власть. Его гневный

ответ Нине Андреевой напечатала местная газета и демократы поняли, что в Ворошиловграде появился еще один настоящий демократ. Баранский почувствовал это и решил взять быка за рога, – пора оформиться лидером документально. Конечно, это не будет записано в трудовую книжку, но общественность будет знать своего лидера. А там, гляди, демократы победят и ему дадут государственную должность.

Теперь встал перед ним вопрос – к кому примкнуть? В партии появились какие-то демократические платформы. Но Баранский носом чуял, что время партии ушло, и примыкать к этим платформам бесперспективно. Пойти к диссидентам? Но их никогда не допустят к власти – они способны только плевать антикоммунистической и антироссийской слюной. Да и у многих диссидентов – уголовное прошлое. С ними не стоит связываться – это не реальная сила и никогда не придет к власти. А больше-то в стране нет демократических сил. Есть какие-то неформалы. Но это совсем не серьезно – идиотизм в их мозгах заложен со дня рождения, если не генетически.

Баранский жадно прислушивался к сведениям, которые поступали из западной Украины. И когда появилась возможность поехать во Львов на научную конференцию, он сразу же отправился туда. Там он вошел в контакт с известными национальными деятелями, которые позволили ему встретиться с Чорновилом и Лукьяненко. И здесь Баранский неожиданно для себя выяснил, что в Ворошиловграде дав-

но существует националистический центр, а он думал, что станет первым организатором в демократическом движении города. Но ему пояснили, что он может возглавить «Движение за перестройку» или по-украински – Рух. А затем, когда руховцы придут к власти, он получит хорошую должность – от губернатора области, до правительства. Это удовлетворяло Баранского – он не так стар, чтобы находиться в стороне, а возраст – это мудрость и опыт, который очень необходим руководителю.

Так он с новыми соратниками, стал бороться за создание украинского государства, которого ранее никогда не существовало. Но западенцы, всю свою историю бывшие рабами других государств, сейчас четко нацелились на захват всей Украины и, естественно, быть в ней не просто руководителями, а хозяевами всей многонациональной территории и заполнить ее своей примитивной идеологией. Националист считает, что страна, в которой он появился на свет, принадлежит ему по праву рождения. И местечковость начинает доминировать над здравым смыслом. Баранский это понимал, но жажда стать высоким начальником и доказать своим коллегам по институту, что они ошибались в его деловых качествах, владела им полностью. Правда, оставался моральный аспект – он всегда был правоверным коммунистом – это подтвердит любой партиец педагогического института – он был постоянным выступающим на партийных собраниях. Но стремление доказать, что он лучше, чем о нем кто-то по-дру-

гому думает, превалировало в его душе. А он считался большим моралистом. Но моралист не считает необходимым для себя лично придерживаться принципов морали. Это утверждение успокаивало Баранского.

Ему было дано задание вести подбор верных людей демократической направленности и совместно, с имеющимися националистами в городе, подготовить организационное собрание по созданию ячейки Руха. И что самое главное – он должен стать руководителем не только городского, но и областного руховского движения. Мораль оказалась закрытой, перед перспективами карьерного роста на безбрежно-подлой ниве политики.

Для проведения организационного собрания был арендован зал заседаний в Доме Техники. К удивлению Баранского пришло около ста человек – на такую численность он не рассчитывал. Пришли известные в городе интеллигенты, студенты, рабочих он не увидел. Но, собственно говоря, он их и не знал. В своем институте он уговорил явиться человек пятнадцать, и они пришли. Но он знал подноготную их жизни и понимал, что они пришли не просто для самоутверждения своей личности в борьбе за независимость Украины – их привело сюда, как и его, желание получить какую-то известность, а еще лучше – должность. Большинство из пришедших желали получить свою долю власти в этой борьбе. Но провинциалы не понимают, что под лучшей долей их руководители понимают львиную долю. А провинциалам доста-

нутся не имеющие ценности испражнения льва.

Вот Ольга Кирисова. Не так давно защитила диссертацию по прославлению зарубежных коммунистов. Но этого ей мало – она не скрывает, что хотела бы занять какую-то более высокую политическую должность. До научных вершин ей путь закрыт – проще говоря, мозгов не хватает. А в политической сфере могут открыться административные вершины. Но Оленьку знают все – не изнурительной работой мозга она пролагает себе путь к вершинам, у нее есть более привлекательные для мужчин места. Вот Алла Циткина – тоже кандидат исторических наук. Но она полный антипод Ольги Кирисовой – умная девушка, в совершенстве знает английский язык, но во время не вышла замуж, и теперь у нее появилось много свободного времени, что можно заняться и политикой. А вот с суровым выражением лица сидит Саша Смирный. Его так и не приняли в ряды коммунистической партии, и он решил поискать счастья в других политических организациях. И следует отметить, что он неожиданно для окружающих превратился в яркого галицийского националиста. Вот незаметно зашел и тихо сел в кресло Володя Семиструй. Он историк. Был в аспирантуре, но не защитил диссертацию. Потом работал в горкоме комсомола, но его оттуда попросили за никчемность, но он успел получить квартиру на льготных условиях как комсомольский функционер. Сейчас преподает в педагогическом институте. Почувяв откуда ветер дует, он стал заниматься историей «Молодой гвар-

дии» из Краснодона. Оказывается, Александр Фадеев в своем романе неправильно отобразил их деятельность – руководили юными патриотами не партия и комсомол, а создали «Молодую гвардию» оуновцы. Поэтому нельзя считать эту организацию советско-патриотической – она была с момента создания националистической. Володе Семиструю уже было за сорок лет, и он до сих пор был не женат, что вызывало некоторые толки в отношении его сексуальной ориентации. Его достоинством было глубокомысленное молчание и веские рассуждения на любые темы. «Надо бы прилипнуть к его работе, – подумал Баранский, – публикации по теме молодогвардейцев в национал-патриотическом духе могут принести пользу в дальнейшей карьере».

А вот творческая интеллигенция, если так можно назвать, местных поэтов и прозаиков, которые страстно хотят народного признания. Но народ их творений не знает и они считают, что русский язык не дает развернуться их таланту. Вот, если бы был только один украинский язык, то народ вместо Пушкина и Есенина стал наизусть заучивать их вирши.

А там еще сидят какие-то неизвестные лица Баранскому, но их привел сюда убежденный националист, преподаватель машиностроительного института Филиппенко. И вот он заходит с приезжими из Львова в зал, а Баранский, как бедный родственник пока стоит в стороне. Но ничего, утешает он сам себя, – скоро придет его время. Явных нацистов не поставят к руководству областью, а он – умеренное крыло

национализма, ему пока доверяют высокую должность на областном уровне, потом и выше...

Он подошел к гостям, которые приветствовали его улыбками и крепкими рукопожатиями.

– Мы немного задержались, – будто бы извинился Кудривский, писатель из Киева. – Спасибо, что смогли собрать аудиторию, сейчас начнем.

Баранский крепко пожал руки остальным гостям и все прошли к столу президиума.

Кто здесь был старшим, Баранский не знал, но судя по тому, как Кудривский взялся председательствовать, решил, что старшим должен быть писатель. Всего приезжих было шестеро и, кроме Кудривского, известным был еще один – Туча. Он когда-то был дантистом и ставил золотые зубы своим пациентам, за что и был судим. Но, как водится, на следствии он начинал ругать советскую власть и коммунистическое руководство и получил вторую статью – пятьдесят четвертую, за антисоветскую деятельность, по которой положен был штраф в сто рублей. В суде проходил по двум статьям, но срок получил за золотые зубы. Но вторая статья фигурировала в решении суда, что позволяло Туче забыть о первоначальной статье и объявить себя диссидентом. Впрочем, подавляющее число диссидентов, – если внимательно посмотреть их биографии – тянуло первый срок по уголовной статье.

Остальные гости были пока еще малоизвестными пар-

тийно-националистическими деятелями – их политический взлет только начинался.

Кудривский поднял руку вверх, призывая к тишине, которая впрочем, была в зале. Большинство присутствующих напряженно ожидали начала заседания и поэтому вели себя тихо. Кудривский начал с приветствия и перешел к объяснению программы деятельности, которая сводилась к их приходу к власти. Баранскому некоторые тезисы очень понравились. Кудривский говорил об исторической роли украинства в мировом масштабе.

– Мы, украинцы, – почему-то так называл свою национальность галициец, – горский народ. Проживание в Карпатах, наложило на нас непередаваемый словами дух свободы и жажду нести эту свободу другим народам, в том числе и украинцам, проживающим на равнине, которую москали презрительно называют Малороссией и непонятно почему – Новороссией. Из истории вы должны знать, что горские народы всегда подчиняли себе народы равнин. Поэтому мы обречены на победу. Если вас не удовлетворяют исторические примеры, которые я не назвал, то посмотрите на сегодняшнюю Московию – там горцы с Кавказа заволокли города и скоро придут к власти. И у нас их полно. Появились даже целые поселки в предместьях городов, населенные выходцами с Кавказа. Но, придя к руководству Украиной, мы быстро исправим это положение и отправим их обратно в Московию. Нам осталось немного времени до создания собствен-

ного независимого от России государства...

Еще немного рассказав об исторической роли украинства в мировой истории, Кудривский разрешил задавать ему вопросы, если кому-то что-то непонятно или кто-то хочет что-то уточнить. Присутствующие старались задавать вопросы на украинском языке, но у некоторых плохо получалось, что вызывало кривые улыбки приезжих – все-таки Донбасс – русскоязычный регион, отданный недальновидными большевиками Украине. Но Кудривский отвечал на все вопросы. Первой вопрос задала Алла Циткина.

– Некоторые ваши рассуждения о роли украинства в мировой истории не подтверждаются историческими данными... – она не успела закончить формулирование своего вопроса, как ее перебил Кудривский и стал пояснять.

– Я понял, о чем вы хотите спросить. Пока вы все находитесь под влиянием коммунистической идеологии. А идеология, как известно, отмечает то, что ей не подходит. Уже печатаются работы о значении украинства в истории. Наша украинская диаспора помогает в их написании и издании. Но, конечно же, их пока мало. Скоро, я уверен, будут изданы учебники для школ и институтов, где будет показана истинная роль украинства. Они уже написаны, только ждут своего времени, когда их можно издать.

Но Алла продолжила задавать вопросы:

– Украина – многонациональная республика. И если она отделится от СССР, как в будущем она будет построена – на

федеративных началах, как говорит пан Чорновил, или как унитарное государство?

Кудривский незамедлительно ответил:

– Чорновил, хоть и говорит о федерализации, но на ней не настаивает. Это тактический ход Руха, чтобы не вызвать негативной реакции со стороны пророссийских сил. Украина будет только унитарным государством. Федерализация может привести к распаду Украину, как это происходит с Советским Союзом. Уже фактически отделилась Прибалтика, Грузия, Молдавия и когда отделится Украина, то это будет означать крах СССР.

Раздался голос из зала:

– Русских достаточно много проживает в других республиках, и они вернут их в состав СССР...

– Никогда не вернут. Русские поддержали демократические движения в Литве, Латвии и других республиках, которые борются за выход из СССР. За время правления большевизма русская нация деградировала, потеряла свою национальную сущность. Сейчас – это аморфная, гнилая нация. Поэтому перенастроить ее несложно, и мы не считаем русских, проживающих на Украине – большой для себя проблемой. Здесь остаются только некоторые вопросы, связанные с Крымом и Донбассом... – но, далее он не стал разъяснять этот вопрос – все-таки он находится в Донбассе – русскоязычном районе и не стоит обострять сейчас этот вопрос.

Там, где компактно сидели поэты и писатели послышался

неодобрительный шум. Вскочила Татьяна Денежкина. Раньше она писала неплохие стихи на русском языке. Сейчас она стала говорить по-украински:

– В свете того, что вы сами сказали, что Донбасс русскоязычный район – вам вопрос. А какая поддержка будет в нашем районе поэтам и писателям, которые пишут на украинском языке?

Кудривский поднял руку вверх, будто бы призывая творческую интеллигенцию к спокойствию.

– Кто пишет на ридной мове – тому зеленая дорога в публикациях произведений. Я сам писатель и хорошо знаю, что книги на украинском языке плохо раскупаются в магазинах. Поэтому первая задача поэтов и писателей Донбасса – помочь в вытеснении русского, чуждого нам языка, и тогда у нас появятся свои шевченки и леси украинки. Вот вы, – активная часть демократов должны возглавить борьбу с чуждым нашей державе языку. А там будет и ваше признание. А материально мы всегда поддержим литературу на украинском языке.

Денежкина, удовлетворенная ответом села на место, а творческая интеллигенция так же удовлетворенно заурчала.

Встала Ольга Кирисова:

– Вы сами подчеркнули, что наш регион настроен про-российски. Нам необходимо вести большую пропагандистскую работу для того, чтобы перенастроить, как вы сказали, наш народ в украинском духе. Какую конкретную помощь

вы сможете нам оказать в этом?

– Уже оказываем. Ваша комсомольская газета «Молодогвардеец», в связи с окончанием деятельности комсомола, финансируется сейчас нами. В ней уже печатаются нужные нам материалы. Поэтому я приглашаю вас всех давать свои заметки в эту газету. Вот, видите, сидит в зале главный редактор газеты – пан Никитин... Встаньте? – Поднялся с места редактор газеты, – видите его? – продолжал Кудривский, – он получил задание печатать все материалы, которые вы подадите. Мы снабдим тех, кто по роду своей научной деятельности публикуется в периодической печати необходимыми материалами, которые можете переделывать под особенности своего региона. А вам, конкретно скажу, – обратился он к Оле, – вот свяжитесь с паном Дзюком, вот он – указал, на сидящего в президиуме мужчину, Кудривский, – он вам даст нужные статьи и брошюры. Не смотрите на его короткую и звонкую фамилию, – на самом деле он добрый и отзывчивый человек, уже отсидевший, несмотря на свою молодость в мордовских лагерях. Он стойкий борец за независимость Украины.

– Хорошо, – ответила неожиданно покрасневшая Кирисова.

– Еще вопросы? – обратился к залу Кудривский.

Вскочил Саша Смирный:

– Я понял, что коммунистическая система – античеловеческая. Я работаю в школе и сейчас провожу занятия на род-

ном языке, а не на ворожей мове. Меня хотят заставить проводить занятия на русском языке, но я не иду на уступки. Можно мне опубликовать короткое письмо в газете – почему я антикоммунист?

– Можно, – с довольной улыбкой согласился Кудривский, – подойдите к главному редактору газеты и он решит этот вопрос.

Тихо поднялся Володя Семиструй:

– У меня есть новые данные по подпольной организации «Молодая гвардия». Ее создало не коммунистическое подполье, а «Просвита» – непоколебимая организация за свободу украинского народа. Можете мне помочь в обнародовании этого нового материала?

– Конечно, можем. – утвердительно ответил Кудривский. – Все сделаем для вас. – Потом он устало вытер лоб и обратился к залу. – Я вижу, у вас еще есть вопросы. Но это может продолжаться бесконечно. Давайте вопросы отложим на будущее. А то мы не сможем решить главные вопросы. Надо переходить к организационным вопросам.

Кудривский перешел к непосредственным задачам, стоящими перед Ворошиловградщиной. Надо избрать руководителя областного руха. И он сразу же предложил Баранского, пояснив, что он в области лидер демократизма. Но промолчал, что Баранский до сих пор является членом коммунистической партии и предоставил ему слово. Баранский решил говорить по-украински, хотя плохо знал этот язык. Но его

картавость, некоторые нюансы этого незнания, скрывала. К своему удивлению он говорил недолго. «Не хватает материала» – по въевшемуся в мозг педагогическому опыту, констатировал он. Но никто не требовал говорить что-то больше. Главное он сказал, что надо создавать независимую украинскую державу, что понравилось, судя по их довольным улыбкам, приехавшим гостям. Проголосовали за избрание Баранского головой местного руха, единогласно.

– А теперь надо избрать руководителя боевой дружины, – обратился к залу Кудривский, – поясняю для чего. Вам придется проводить различные мероприятия, в том числе, массовые. Нужен человек, который бы мог сплотить наших единомышленников, повести их за собой. Я предлагаю, – он показал пальцем в сторону Саши Смирного, – вот его. Судя по его выступлению, он бескомпромиссный человек, сумеет повести всех вас за собой. Здесь нужна железная дисциплина. Нас критикуют, что мы, осуждая коммунистический принцип демократического централизма, сами его используем. Но на первых порах без него нам не обойтись. Вам придется организовывать не только свои мероприятия, но и ходить на собрания и митинги наших противников и срывать их. Здесь без лидера, без жесткой дисциплины, не обойтись. Согласны, избрать его! Пусть он выступит.

Покрасневший от такой похвалы Саша, пошел к трибуне. Говорил он на чистом украинском языке и коротко, не хватало от неожиданно предложенного места, слов.

– Я согласен возглавить боевую дружину. Я буду бороться против коммунизма изо всех сил!

Он не колебался в том, что выполнит возложенные на него задачи. Он был горд, что станет руководителем одного из подразделений руха.

Кудривский встал и произнес:

– Судя по вашему одобрительному шуму, вы согласны избрать... – он запнулся и обратился к Саше, – представьтесь всем...

– Александр Смирный!... – выпалил Саша.

Его фамилию сразу же подхватил Кудривский:

– Несмотря на его очень тихую фамилию, я надеюсь, что он станет настоящим вожаком боевой дружины. А сейчас заканчиваем общую часть собрания и давайте поступим таким образом – записывайтесь в боевую дружину. Здесь инструкции даст пан Туча, он большой специалист в этом деле. Кого интересуют какие-то вопросы – подходите к нам, и будем решать эти вопросы индивидуально.

Присутствующие, с шумом вставали с мест. Но Баранский заметил, что некоторые пошли к выходу из зала. Он обратил внимание, что Кудривский, тоже видел уходящих, и недовольно морщился – не понравилось, что были на собрании люди, не верящие в национальные идеалы. «Надо запомнить, кто уходит, – подумал Баранский, уже как руководитель областного руха, – еще придет время, и мы с ними серьезно поговорим». Но запомнить уходящих он не смог, потому что

его Кудривский усадил рядом с собой, чтобы разъяснить вопросы национальной политики, если кто-то их не понял.

Туча подошел к Саше и крепко пожал ему руку:

– Поздравляю! Не отпускай из зала тех, кто на твой взгляд готов записаться в дружину. – И он зычно крикнул, – увага! Молодь ходи до мэнэ!

Возле них собралось человек пятнадцать, среди них несколько девушек. Туча начал давать инструкции.

– Никаких послаблений нашим врагам! – Так он назвал оппонентов руха, – слушаться, вот этого человека, – видимо, он не запомнил фамилию Саши, – все должны выступать всегда едино и громить врагов... – и он перешел к конкретным вопросам организации боевой дружины.

Кудривский с Баранским отвечали на вопросы и давали инструкции, подходящим к ним, уже членов руха. Наконец подошла очередь Ольги Кирисовой. Черные глаза искрились в предвкушении новой бурной жизни – политической. Она обратилась к Кудривскому, называя его паном:

– Пан Володимир! Я кандидат исторических наук и хотела бы помочь в создании новой Украины, как ученый. Вы говорили, что можете дать материалы по настоящей истории Украины. Не могли бы мне их дать?

– Дадим. У нас они есть. Только они остались в гостинице. – Кудривский вроде бы размышлял, как помочь Ольге, – а завтра утром мы уезжаем. А вас надо поддержать в научном плане публикациями. Вы сейчас можете сходить в гостини-

цу? Вам дадут нужные книги и журналы.

– Смогу...

– Тогда идите с паном Зоряном в гостиницу. Она недалеко, – он крикнул Дзюку, – Зорян! Иди с этой пани в гостиницу и дай ей агитационные материалы...

– Можно немного позже? Я сейчас занят. – Ответил Дзюк.

– Иди сюда. Ты не только дай ей журналы. Скажи в ресторане, чтобы подготовили банкетный зал. Ты об этом днем договорился. Нас будет человек десять. Мы через час-полтора здесь закончим и будем там. Вот это главное. Ну, и дашь даме, что нужно.

Дзюк оценивающим взглядом посмотрел на Кирисову и неожиданно согласился:

– Гарзд! Пойдемте. Как вас кличут?

– Ольга.

– Красивое имя, как у великой украинской княгини Ольги.

Кирисова зарделась и так же, как недавно Дзюк, оценивающе оглядела его. Статная фигура, усы до подбородка, немного лысоват, но лысина – первый признак высокой потенции мужчины. Правда, ему уже лет под сорок, но не возраст определяет настоящего мужчину, а его умение овладеть неожиданно возникшей ситуацией и извлечь из нее пользу.

И они пошли на выход из зала. Минут через двадцать поток жаждущих получить совет от руководителей руха иссяк. Только в зале пан Туча продолжал инструктировать Сашу

Смирного и с десятков молодых людей. Кудривский обратился к Баранскому:

– Оргсобрание закончилось, теперь вы беритесь за дело.

– Сложно, – ответил Баранский, – у нас слишком русскоязычная область и связи у людей с Россией более тесные, чем с Украиной. Об этом свидетельствуют социологические данные...

– Знаем... – перебил его Кудривский, – поэтому мы руководителям украинского движения на местах, дадим хорошие должности. Я думаю, что должность губернатора области вам обеспечена. Завтра утром едем в Донецк. Тоже сложная область...

– Поездом поедете?

– Нет. Вчера нас встречал один из руководителей облисполкома, и он дает автобус. Отъезд – в восемь утра. Вот, видите, нас уже уважают руководители областей. Боятся за свое будущее...

Подошел Туча и объявил:

– Основные указания я дал. Отпечатанные инструкции получил Александр... Хороший парень. Сейчас записывает адреса и номера телефонов, тех, кто вступил в дружину.

Действительно, Саша, блестя глазами из-под очков, делал какие-то записи в своем блокноте. Организаторы собрания не стали ему мешать, и пошли в гостиницу.

Идти было недалеко, по старой дореволюционной улице, которая сейчас носила имя Ленина. Туча, прочитав название

улицы, распушил усы:

– Скоро все такие названия улиц, городов, уйдут из нашей истории. Будут только наши имена.

Какие наши, он не пояснил, а Баранский не стал поддерживать разговор на эту тему.

Поднявшись в свой номер, они увидели, что на кровати сидят Дзюк и Кирисова. Они о чем-то говорили, и при этом ладонь Дзюка поглаживала ее бедро. Увидев вошедших, Дзюк испуганно убрал руку от бедра Кирисовой и отодвинулся от нее. Видимо, увлеченные разговором, они своевременно не заметили прихода соратников по национальной борьбе. Но соратники сделали вид, что будто бы ничего не видели. Дзюк быстро поднялся и первым начал разговор:

– Мы, с Ольгой, говорили о том, как строить нашу тактику на Донбассе. Она активный член нашего движения и ей надо поставить факс, как и другим местным руководителям... – он замолчал, переводя бегающие, нечистоплотного человека глаза, с одного лица собеседников на другое.

Кудривский устало согласился:

– Всем, кому будет необходимо, мы поставим факс. Садитесь, панове. Когда можно идти на ужин? – обратился он к Дзюку.

Ольга Кирисова продолжала сидеть на кровати, только смуглое ее лицо немного покраснело. Как-то переменить место, ей не хотелось – все равно все поняли, что с Дзюком они познакомились тесно, крепко и, возможно, на долгое время.

Ведь он обещал ей блестящие политические перспективы и, при том, в ближайшее время.

– Через десять минут... – ответил Дзюк.

Номер был большой, но не люкс. Зато стол был большой, но стульев на всех не хватало. Поэтому Баранский с Филлипенко сели на кровать. Кудривский сел в кресло и произнес:

– Я обратил внимание, но не стал делать замечание – у всех не чистая украинская мова. Надо энергичнее продвигать нашу певучую, находящуюся на втором месте в мире по мелодийности, после итальянской, нашу украинскую мову. А то вы говорите на суржике.

Баранского интересовал один вопрос – финансовый и он решил задать вопрос:

– Организация такой работы требует денег. И как я думаю не малых. Нам, кроме факсов, еще будут выделяться денежные средства?

– Будут! – уверенно ответил Кудривский, – нам хорошо помогает украинская диаспора Канады и Америки. Эти страны, а так же европейские, через различные фонды выделяют нам хорошие суммы, обеспечивают нас множительной техникой. Но все равно, этих денег мало. Наши сторонники уже достигли соглашения с правительством Франции об открытии счетов Петлюры. Он сумел вывезти деньги Директории в гражданскую войну и положил на свое имя. После его подлого убийства, Франция отказалась передавать их Советскому Союзу или Советской Украине. Сейчас они снимают запрет.

Поэтому финансирование нашей деятельности будет основным. . . – и Кудривский неожиданно для себя подумал – участок земли в Конча-Заспе возле Киева им уже куплен, пора начинать строительство дома, не всю же жизнь ему жить в советском пятикомнатном скворечнике на шестом этаже, и он после небольшой запинки продолжил, – так что оборудование и оплату основных мероприятий мы берем на себя.

– А местным руководителям будет какая-то плата? – осторожно спросил Баранский.

– Такой вопрос практически проработан нашим проводом, – имелось в виду руководством руха, – и с нового года отдельные руководители, но не все, будут получать денежное вознаграждение. Какое – пока не определили, но оплата за работу будет происходить с учетом конкретного вклада руководителя в наше дело. Остальное будем оплачивать централизованно через счета в банках, которые будут открыты на имя местного лидера.

Волна благодарности прошла по душе Баранского – будет дополнительный заработок, а с банковским счетом он что-то придумает, чтобы не обижать себя и своих соратников. А Кудривский продолжал:

– Наше движение поддерживают на самом верху. . .

– Кто? – неожиданно вырвалось у Баранского.

Кудривский словно ожидал этого вопроса и с удовольствием ответил, повторив последние слова:

– . . .на самом верху, в ЦК партии. . .

– Но Кравчук, как секретарь по идеологии, ведет дискуссии с Черновилом, Лукьяненко и другими лидерами руха?

– Да, это так. Но, прежде всего, вы должны все помнить, что Кравчук выходец с западной Украины. А это означает, что в душе он истинный украинец, а не какой-то коммунист. И мы поддерживаем эти дискуссии, создавая ему имидж борца с национальным движением, чтобы он вскоре стал руководителем Украины. Знайте, он не сильно симпатизирует России. С ним Украина должна обрести свою независимость...

«Выходит, что Кравчук тайный националист? – задал сам себе вопрос Баранский и подвел итог, – сколько же подонков в партии! Надо выходить из нее и как можно быстрее сдать партийный билет!»

Наконец Дзюк сказал, желанное слово для многих:

– Панове! Мне, кажется, пора идти на ужин...

Все, как по команде поднялись и пошли к двери. Первым шел Кудривский с Баранским, немного далее Филлипенко. Последними шли Дзюк с Кирисовой. Оля, будто нечаянно прижалась к попутчику и шепнула, называя его на «ты»:

– А мне, ты какую зарплату назначишь?

И Дзюк шепнул ей на ухо:

– Это определяю не я. Но я буду стараться, чтобы она была тебе чуть меньше, чем у Баранского. Я человек благодарный. Может, ты останешься у меня сегодня на ночь?

– Не могу. Дома сын ждет.

– Может поехать к тебе в гости?

– Нельзя. Там ждет меня муж, – какой по счету, она не уточняла – сама путалась, кого называть мужем, кого близким приятелем.

– Но жду тебя в Львове в ближайшее время.

– Хорошо!

Все вошли в небольшой банкетный зал, и расселись вокруг стола. Налили в рюмки коньяка и Кудривский, встав, произнес тост:

– За наш украинский Донбасс! Он будет наш! Есть люди в Ворошиловграде, готовые бороться за новую Украину! Я поднимаю тост за Юрия Михайловича Баранского – лидера нового Донбасса! За успех в нашей работе на Ворошиловградщине!

Все выпили и торопливо стали закусывать. У Баранского, после коньяка, снова поднялась теплая волна благодарности к своему новому политическому положению и перестройке, в результате чего он стал пока руководителем национального движения, но вскоре получит административную должность. Надо бы сказать тост в адрес приезжих подумал он, но это позже.

Дзюк после первой рюмки положил свою горячую руку на теплое бедро Кирисовой, а после второй рюмки – она, как бы в ответ положила свою легкую ладонь на внутреннюю сторону его бедра. У многих мужчин на уме то, что у женщины под платьем. Женщины любят героев, но замуж выходят за тех, кто предложит им беззаботное существование, даже на

короткое время.

В этот осенний день Семерчук недолго задержался на работе. В обкоме уже давно – наверное, уже год, если не больше наблюдалась нервозность в работе, неуверенность в действиях, переходящая в уныние. И сегодня, в отличие от прошлых лет, работники не стали задерживаться на работе, а пошли почти вовремя, и так же поступил Роман. Его уже посещали пораженческие мысли, – а не поменять ли работу? В обкоме сократили штат сотрудников, но ему, как руководителю агитационно-пропагандистского отдела, сокращение не грозило. Все-таки была надежда, что кризис в стране, а значит и в партии, – временный и вскоре все вернется на круги своя, как было раньше. Он шел домой и мысли о партийной работе сменились бытовыми, жизненными размышлениями. Участок земли он оформил. Пять тысяч рублей, данных государством в кредит, он получил. Уже началось строительство дома. Но дом будет не простой, а двухэтажный. Так решил тесть. Роман был несколько раз на участке, но в основном там все вопросы решал тесть. Он нашел бригаду строителей с бригадиром, которого знал лично, и полностью положился на его добросовестность.

На полпути к дому ему встретились знакомые – бывшие однокурсники. Эта троица, казалось, была неразлучна. Вместе учились, вместе работают в сельхозинституте, уже все

кандидаты исторических наук. Они были большими любителями выпить, и это скрепляло их дружбу. Увидев их, Роман неожиданно подумал: «А может и мне податься в науку? Хватит быть партийным функционером! – Но он сразу же отбросил эту мысль как капитулянтскую, – партия еще возродится, и будет продолжать в полном объеме, как и до перестройки, руководить народом и строить новое общество будущего».

Милюк уже был заведующим кафедрой – хитрый и осторожный, Матвеев – наиболее умный из них, но прямолинейный, и одноглазый Краснецов – верный друг, идущий в фарватере своих товарищей.

– Рома, привет! – приветствовал Семерчука Милюк.

Он поздоровался с каждым из них за руку.

– Как дела в партии? – серьезно продолжал спрашивать Милюк.

Роман понял, что подковырки в вопросе нет и честно ответил:

– Не все так хорошо, как было раньше.

– Пойдем, поднимем настроение. У нас есть пара бутылок водочки. Соглашайся...

Семерчук, планировавший раньше прийти домой, неожиданно согласился.

– А где выпьем?

– А вот зайдем в кафе «Театральное», возьмем закуски и раздавим эту парочку...

Но Роман категорически возразил:

– Ты что! Там обкомовских работников знают. Неудобно выйдет – идет антиалкогольная борьба, а я буду пить...

– Уже провалилась борьба с пьянством и алкоголизмом. Можно пить свободно, только водки не хватает. Водочные заводы не могут выйти на прошлую мощность.

– Заводы не могут, а борьба с пьянством не закончилась.

И Матвеев предложил:

– Роману действительно в кафе нельзя. Давайте зайдем к Оле и Коле Михайловским. Они рядом живут. Только закуски надо купить.

Роман как-то безвольно согласился. Тем более, с Олей они однокурсники, Лена в хороших отношениях с Олей – почему бы не отвлечься от тоскливых забот по работе. Они зашли в магазин. Колбаса была только вареная – «Отдельная», поэтому купили ее, почти килограмм, и пять банок рыбных консервов. Вовремя вспомнили, что надо купить хлеб. С этими незатейливыми закусками, они пошли к Оле и Коле. Если Оля была их однокурсница, более того, училась в одной группе с Матвеевым и Милюком, то муж ее – Коля был инженером и работал на заводе, где делали патроны. Собственно говоря, с этого завода началась история города Луганска. Знакомые их называли обычно совместно – Оля и Коля – очень удобно рифмовалось. К тому же Коля, был компанейский парень и сразу же вошел в их компанию педагогов, хотя, как уже сказано, он закончил не педагогический, а маши-

ностроительный институт. У них было двое детей – десятилетняя дочь и трехлетний сын.

Хозяева были дома и встретили такую большую компанию, приветливо. Матвеев сразу же от порога пошутил:

– Оля! Тебя становится все больше и больше.

Он имел в виду, что Оля после рождения сына, стала быстро полнеть. Оля в ответ улыбнулась:

– Ты всегда скажешь какую-нибудь гадость. Нет, чтобы со-
врать, и сказать, что я стройная...

– Хорошего человека должно быть больше. – Отшутился
обычной шуткой Матвеев, – гостей примешь?

– Конечно! Проходите в зал, – Оля обратилась к Семер-
чуку, – век тебя не видела. Как поживаешь, как Лена, дети...

Вся компания прошла в зал и расселась за столом. Милюк
произнес:

– Мы не сами пришли – мы с закуской.

Они выложили на стол колбасу и консервы. Николай
Михайловский, – высокий, смуглолицый мужчина сразу же
предложил:

– Слава, ты открывай консервы, – это он сказал Красно-
цеву, – Витя! – Это было сказано Милюку, – режь колбасу,
а я пойду, возьму в холодильнике сало...

Сало, особенно с прорезью мяса, было любимой закуской
любой выпивающей компании.

В течение пяти минут стол был готов и Милюк, открыв
бутылку «Оковитой» разлил ее в шесть рюмок – Оля тоже не

отказалась от выпивки.

– Маловата бутылка для нашей компании, – резюмировал Краснецов, – за что выпьем? Кто скажет тост? Давай, Оля, говори! Ты единственное украшение нашего перестроечного стола.

Оля не заставила себя больше упрашивать и, взяв рюмку в руку, произнесла:

– Ничего нового не скажу. Тост за то, чтобы мы встречались чаще. А то время наступило какое-то смутное. Нам надо быть дружнее. Короче – за нас и чтобы мы всегда приходили друг к другу в гости!

Семерчуку не понравилось слово «смутное» время. Но он промолчал, тем более, остальные уже опрокидывали рюмочки в рот, и надо было ему поспешить. После закусывания начались, пока еще неохотно-робкие, обсуждения текущей обстановки. Вообще-то за годы перестройки советское общество стало страшно политизированным. И до этого народ напихивали нужной для партии политикой, теперь сам народ стал находиться в центре политики. При том, его никто не заставлял, может быть, власти уже не хотели иметь политизированного народа, но их неумелые действия, толкали народ в гущу политических событий, недовольство которых подкреплялось ростом цен на продукты питания и ширпотреб, и их нехватку. Эта политизированность пугала партию, а сейчас конкретно Семерчука, в предчувствии неудобного для него разговора. И действительно начал такой разговор

Николай, муж Оли.

– Кажется, Советский Союз разрушается. Уже Прибалтика вышла из его состава, Грузия, может еще кто-то?..

Семерчук понял, что надо отвечать ему, как партийному функционеру.

– Пока до конца они не выделились из состава СССР. Там есть здоровые силы в партии, которые выправят положение...

– Никто уже не выправит! – Перебил его Николай Михайловский. – Раз разрушительный процесс пошел, то его не остановить. Как инженер скажу – дырку в металлической конструкции можно заварить, еще каким-то образом заделать, но это временно – куски металла силой притягивают друг к другу, и эта же сила рвет металл.

Милюк предусмотрительно не стал вмешиваться в столь неприятный для него разговор, только кивал головой в знак согласия, но не говорил и не спорил. Матвеев пока молча переваривал выпитое и закуску, зато Краснецов ответил:

– Скоро и у нас на Украине западенцы захотят отделиться от России. Их за годы перестройки столько понаехало в Киев, что уже все административные места в столице заняли.

– Они организованнее остальной украинской массы и навяжут нам свою волю. – Подхватил Николай Михайловский, – да и русские тоже какой-то аморфный народ. Поддержали народные фронты в Прибалтике... Они думают, что их потом зауважают? Ничего подобного! Предателей всегда

выкидывают на свалку, а некоторых, наиболее рьяных, убивают. Предателей не любят, но все пользуются их услугами. Так что русские услужили националистам...

Поднялся небольшой шум. Милюк произнес:

– Каждый ищет себе место, где лучше... – он не уточнил, какое лучшее место ищут, но его фраза вызвала возражение.

Матвеев, наконец, видимо закончив переваривать пищу, ответил:

– Сейчас места под солнцем определяют те, кто затаился в тени. Я имею в виду, что с переходом к рынку, определять жизнь страны будут не политики, а их хозяева, которые не любят публично красоваться.

– Ты не совсем прав, – обратился к Матвееву Семерчук, – будет больше демократии, толерантность во взаимоотношениях...

– Демократия, толерантность, – неожиданно зло отозвался Матвеев, – идеология правителей, для обмана людей, таких как мы. Новое словечко появилось – толерантность. Бряцают им ежечасно по телевидению, в каждой газете пишут о толерантности. Это тоже обман. Толерантность – это состояние, когда задница кипит от злобы, а морда улыбается собеседнику. Это происходит тогда, когда противники равны, но стоит одному из них стать выше, так он съест своего соперника, в любви к которому он недавно признавался, а сейчас готовится убить.

Матвеев замолчал. Оля нарушила возникший разговор-

ный вакуум за столом:

– Что-то серьезные разговоры вы затеяли, – она обратилась к мужу, – Коля! Наливай! А то они мало выпили, что повели серьезные разговоры.

Коля согласно кивнул и открыл вторую бутылку. Снова целая бутылка «Оковитой» оказалась разлита в рюмки, хотя Оля попросила налить самую малость.

– Маловата тара, – резюмировал Николай Михайловский, – но давайте выпьем все-таки за лучшее, не все еще так печально!

Снова выпили, и больше у пришедших не осталось выпивки. У Романа после второй немного зашумело в голове, а в душе появилась теплая, добрая эмоция к старым товарищам. Захотелось поделиться наболевшим о своей работе, рассказать о семейной жизни. Но рядом был Матвеев и он не решился рассказывать о Лене и детях, а неожиданно сказал, что он получил пять тысяч рублей и строит дом. Это сообщение вызвало оживление, сидящих за столом. И Милюк спросил:

– А что ты, Роман, нам не подсказал, как получить пять тысяч рублей?

И Семерчук понял, что сболтнул лишнее и надо срочно исправлять свою оплошность:

– Но вы ж знали об этом?

– Знали. Но там такие были сложные условия, что я и не стал оформлять кредит.

Семерчук ухватился за его мысль:

– Витя! Ты знаешь, с каким трудом я оформил эти проклятые пять тысяч. Если бы вы только знали. – Сокрушенно покачал головой Семерчук. – У нас в обкоме не все получили кредит, – соврал Роман, – я честно признаюсь – мне помог получить этот кредит тесть. – Сейчас Семерчук сказал правду. – Но вы знаете, где он работает. У него возможностей больше, чем у меня.

Николай Михайловский, как бы подвел итог этого разговора:

– Получили кредит те, у кого больше возможностей. Есть предложение еще одну бутылочку раздавить...

Все головы за столом повернулись в его сторону с выжидательными взглядами – предложение было хорошим, учитывая, что принесенную водку уже выпили.

– Можно! – чуть ли не хором ответили, сидящие за столом.

– Оля! – попросил Коля жену, – принеси бутылочку из холодильника...

Оля послушно пошла на кухню и вернулась с запотевшей от мороза бутылкой водки и поставила на стол. Николай, словно извиняясь, произнес:

– Мы и по стакану не выпили. Непорядок какой-то...

– Слишком много нас, – поддержала мужа Оля, – мне немного налей в рюмку.

Снова выпили, и разговор пошел веселее, а главное, рас-

кованее. Все-таки, работник обкома партии, хоть и их студенческий товарищ, влиял на обстановку за столом. К тому, кроме хозяев – Оли и Коли, все были коммунистами. Оля, сморщившись, выпила капли водки из своей рюмки и предложила:

– Все разговоры серьезные – расскажите лучше, как живете?

– Живем, Оля, хлеб жуем, иногда водочкой запиваем. Хотелось бы вином, но его не достанешь. Виноградники повырубали... – ответил Краснецов.

– Это все Горбачев с Яковлевым творит. Доиграются они... – Ответил Николай Михайловский, – Они будто бы живут в другом мире.

Семерчук понял, что надо защитить своего вождя:

– Антиалкогольную кампанию начала партия, а Горбачев только указал на это. Вы все знаете, что алкоголизм – это смерть, болезни, разрушенные семьи... – Семерчук говорил теми словами, которые были написаны в многочисленных агитках, распространяемых среди населения.

Николай его перебил:

– Я, как работник завода, в отличие от вас интеллигентов от педагогики скажу так: антиалкогольная пропаганда путь к уничтожению нашей экономики. Мы, работники завода, больше вас чувствуем нехватку денег. У нас снова срезают финансирование. А завод то оборонный и патроны нужны не только нам, а всему миру. Замечаю, что экономика идет

к краху.

– Эти явления есть, не будем скрывать, – защищал партийную линию Семерчук, – действительно есть некоторый спад производства. Но рабочий класс еще себя покажет, как он умеет работать. – Что конкретно должен показать рабочий класс, Семерчук не уточнил. – И партия из этой борьбы выйдет более сильной, крепкой, настоящей пролетарской партией. – Закончил он, чуть ли не с пафосом.

И тут снова заговорил Матвеев:

– Наша партия никогда не была пролетарской, с самого своего зачатия...

– Почему? – Перебил его Роман, – Ленин же сразу же строил партию рабочего класса и крестьянства.

– Я в отличие от других защитил диссертацию по гражданской войне и перечитал много дореволюционной литературы. И тогда была совершенно иная точка зрения на большевистскую партию. Все началось с того, что в конце девятнадцатого века, наш бесславный царь Николай Второй посетил Францию. И в Париже он встретился с Ротшильдом. Тот попросил нашего царя отменить черту оседлости для евреев, а взамен он выкупит все царские долги у французского правительства и отдаст России все долговые бумаги. Очень хорошее предложение – нам не надо оплачивать свой долг. Но Николай ответил, что российская буржуазия только нарождается и если будет отменена черта оседлости для евреев, то они займут все торговые и доходные места. То есть,

он просто отказал Ротшильду. Как писали, – наш царь понял, что это конец ему, но пока не думал, что будет конец России. И сразу же после этой встречи царя с банкиром, как по мановению волшебной палочки появилась российская социал-демократическая партия, в которую, как приказу ринулись российские евреи, – они до революции составляли абсолютно численное большинство в партии, а в процентном отношении еще больше. Как пишут – нашелся Ленин, личную жизнь и революционную деятельность которого финансировал Ротшильд. Ему никто не отказывал в аналитическом уме. Он сразу же пресек попытки создать реформаторскую партию по европейскому примеру и взял за основу революционные идеи Нечаева. Если вы обратили, что в своих трудах, он всего несколько раз ссылается на Нечаева, зато много ссылается на народолюбцев, анархистов и других. Он просто завуалировал нечаевский принцип создания боевой партии. Принял вредоносную программу самоопределения наций, абсолютировал плановую экономику. Ну, и закончу тем – если посмотреть внимательно классовый состав партии, который объявляет на каждом съезде мандатная комиссия, то пролетариата там немного, крестьянства вообще мизир, в основном управленцы и функционеры. Так, что надеяться на перерождение партии не приходится.

Семерчука эти рассуждения не только возмутили, но даже оскорбили. И кто говорит – Матвеев, которому он хотел помочь!

– Откуда у тебя такие данные? – Спросил Семерчук Матвеева.

– Я ж уже сказал, что мои научные интересы – период революции и гражданской войны. Вот оттуда я эти данные и подчеркнул. Тогда было много умных и честных людей, которые многое знали, но не смогли спрогнозировать будущее...

– Я не верю твоим рассказам, – резко заявил Роман. – Вот такие, как ты и разрушают нашу партию!

Беседа приобретала скандальный характер. Милюк благо- разумно не вмешивался в разговор, Краснецов – не знал, что нужно делать – то ли поддержать Матвеева, то ли возразить. Оля поняла, что надо прекратить этот разговор и предложи- ла, обращаясь к мужу:

– Коля! Там у нас есть еще самогон. Может, поставить его на стол.

Николай сразу же согласился. Но Семерчуку стало не по себе находиться в компании бывших однокашников и ска- зал:

– Мне пора домой, – и чтобы было видно, что он не убе- гает из-за стола, пояснил, – мы функционеры партии и нам надо быть всегда на рабочем месте. Могут вызвать... Я пой- ду. Спасибо, Оля и Коля за прием, за то, что отвлекли меня от мелких забот.

Он пожал всем руку, в том числе и Матвееву и пошел к входной двери. Оля его сопровождала и говорила:

– Рома! Приходи к нам с Леной и детьми. Пусть играют с моей дочерью и сыном. Может, подружатся...

– Хорошо. Я передам Лене. Но и вы заходите к нам. Вот построим дом, приезжайте, как на дачу.

Он еще раз попрощался с нею и вышел. Оля пошла на кухню, из шкафа достала бутылку самогона и поставила на стол гостям. Потом укоризненно обратилась к Матвееву:

– Ты мог такое не говорить работнику обкома? Выложил свои знания! Появилась идея и сразу же ее выложил! Лучше бы придержал язык за зубами!

– Ты, Оленька, как всегда права. Ничто так не загрязняет окружающую среду, как витающие в воздухе идеи. Вот и сейчас моя идея испортила атмосферу общения. Идея тогда приносит удовольствие, когда заканчивается мордобитием. Наливай, Коля, самогона. К черту наши идеи и знания – лучше напиток и думать о сущем.

... Семерчук шел домой и в душе возмущался Матвеевым: за такие разговоры надо привлечь его к партийной ответственности! Но по мере того, как он подходил к дому, появились другие мысли, – а что сейчас они могут сделать Матвееву? Да, ничего. Он просто сам выйдет из партии, и никто в этом не будет разбираться. Надо пока молчать. Но партия выйдет из кризиса и посчитается со всеми оппортунистами, которых, к сожалению, появилась много в партии.

Семерчук сидел в своем кабинете, просматривал пришедшие за эти дни деловые документы, но мысли были о другом. Если раньше он равнодушно относился к самой идее строительства собственного дома, то сейчас он был этим делом увлечен – очень хотелось построить, именно построить, а не купить, собственный дом. Но в этом году снег выпал в конце октября – рано для этих мест и строительство дома затормозилось. Выходило так, что крышу надо сделать до морозов, а внутреннюю отделку отложить до весны. Домов, – а это были очень солидные, двухэтажные постройки – на этих, когда-то заповедных черноземах, строилось много. Руководители города и просто авторитетные люди Ворошиловграда знали, где брать места для загородного отдыха. Но вышла задержка – прокладку газа решили отложить до весны. Дело в том, что Раёвка была газифицирована только наполовину и чтобы как-то прикрыть газификацию новых коттеджей, решили попутно дать газ и другой половине села. Получалось для руководителей города хорошо – и себе будет проведен газ в дома и селян не забудут – все будут с газом и все будут довольны. Но на этот год деньги не были выделены для газификации, но их срочно выделили на первое полугодие следующего года. Семерчука и других владельцев домов, тревожил тот факт, что строительство придется отложить, потому

что без проведения газа в дома, невозможно проводить отделочные работы.

Второй момент, который отвлекал его от стройки и семьи, был следующим: тесть купил ему автомобиль – «Жигули», чтобы он чаще мог ездить на стройку и лично контролировать ход работ. Автомобиль был приобретен вне очереди, благо у тестя, как зампреда облисполкома, такие возможности были. У Романа были права на вождение автомобиля – он получил их еще во время учебы в институте, но практических навыков не было. Поэтому он нанял инструктора и три раза в неделю выезжал с ним за город, в частности, на стройку своего дома, и там он учился вождению машины за рулем. Уже получалось неплохо и он после очередного празднования годовщины октябрьской революции, хотел полностью перейти к самостоятельному вождению автомобиля.

И третья проблема, которая вызывала беспокойство – нехватка денег. Тех пяти тысяч рублей, данных ему государством в кредит, на строительство дома явно не хватало. За последний год очень сильно подорожали строительные материалы – в области, впрочем, как и по всей стране начался строительный бум – кто имел деньги, срочно вкладывал их в строительство собственных коттеджей. Обещал дать деньги тесть, но Семерчуку брать у него не хотелось. Собственных подработок в виде предпринимательства, как у тестя у него не было. Он решил занять деньги у отца – тот открыл собственный кооператив и вел общий бизнес, со своим сватом

– Фотиним. Но денежный вопрос он оставил открытым до весны.

Семерчук ждал совещания, которое было назначено на пять часов вечера у первого секретаря, и с тоской думал, что опять придет домой поздно. Последнее время, такие задержки на работе его стали тяготить – раньше за собой он такого состояния не замечал. И он приходил к такому, неутешительному для партийного функционера выводу, что виной этому – строительство дома. Личным он стал увлечен больше, чем общественными и партийными заботами. А партийных забот становилось все больше, и самое плохое было в том, что становились все масштабнее. Сегодня на совещании должен был обсуждаться вопрос о праздновании семьдесят второй годовщины октябрьской революции. Этот вопрос усложнился – не все советские люди хотели идти на демонстрацию, в отличие от прошлых лет. Роману надо было выступать на этом совещании, соответственно его должности, и он на всякий случай решил набросать тезисы своего выступления, на бумажке.

На совещании первый секретарь обкома Поляков вначале своего выступления обрисовал политическую обстановку на Украине и сделал неутешительный вывод:

– Как видите обстановка на западной Украине совершенно иная, чем у нас на востоке. Во Львове, Ивано-Франковске и других городах уже демонтировали памятники Ленина. Местные националистические силы ограничили деятель-

ность партии, отобрали у нее часть рабочих площадей, даже зданий, где располагались райкомы партии, переориентируют деятельность партийных газет, в общем ситуация на Украине складывается не совсем хорошая. Это я мягко говорю...

Так как это было совещание, то можно было встретить в разговор, не дожидаясь, пока об обсуждении вопроса другими, попросит первый. И, прокашлявшись, бросил реплику секретарь обкома Бурковский:

– Эти факты показывают, что Украина не едина. Там всегда был силен галицийский национализм. Мне кажется, что надо западные области укрепить партийными кадрами из других мест...

Поляков, покачав лысой головой, возразил ему:

– Я сам некоторое время работал в тех местах и скажу, что нам, приедем с востока было трудно работать с местными партийцами. Они были хоть партийными руководителями, но все равно в их душе был силен дух национализма. Мне, лично было трудно с ними работать, все время с какой-то оглядкой, чтобы не сказать лишнее. Поэтому, как вы сказали, укрепить эти области крепкими кадрами – невозможно. Эти люди окажутся в одиночестве, окруженные враждебной силой. Это совершенно иная среда – и политическая, и культурная. Я даже скажу и в социально-экономическом плане.

– А что здесь может быть иное? – задал вопрос Бурковский.

– Они все советское время не слишком-то стремились развивать свою промышленность. Им бы больше торговать, заниматься сферой услуг, иметь свое маленькое хозяйство на селе... То есть, я скажу так, что их местечковое сознание, в корне отличается от нашего пролетарского сознания, я имею в виду, от Донбасса. Но западным областям всегда выделялось больше денег из союзного и республиканского бюджета. Вот они и привыкли жить во многом, как говорится, на халяву. Это совсем другой народ. Я позволю так себе выразиться... – Поляков помолчал несколько секунд, словно собираясь с мыслями и, наконец, произнес, вроде бы показывая, что он сказал лишнее, – прекратим говорить о глобальном, о всей республике, давайте перейдем к нашим делам. У нас тоже внутрипартийная обстановка не совсем здоровая. Вы читали в газетах, как стал выступать наш новый мэр города – Пентюхов. Мы недавно перевели его из должности первого секретаря Артемовского района в мэры города и смотрите, как он заговорил, – Поляков взял со стола, видимо, заранее приготовленную для этого совещания газету и стал не то, чтобы читать, а передавать своими словами содержание статьи. – Так вот, теперь Пентюхов выступает за то, чтобы свернуть партийное руководство над хозяйственной деятельностью в городе и местными руководителями. Ленин всегда подчеркивал необходимость партийного контроля. И здесь такое антипартийное выступление бывшего партийного руководителя. Надо дать его заявлению оценку. Кто жела-

ет выступить?

Желающих не было, но выступить было надо. И тогда Семерчук решился сказать критическое слово в адрес бывшего товарища по партии. Поляков кивнул, разрешая ему говорить.

– В отношении Пентюхова я скажу так, что новая должность заставляет и мыслить по-новому. Мы все знаем, что он не сильно горел на прошлой работе – мы не раз сталкивались с недостатками работы Артемовского райкома партии. Поэтому идеалы ленинизма в его душе угасли с получением новой должности. Но мне кажется, что с ним надо провести беседу, напомнить, что партия до сих пор остается руководящей силой и никто не отменял шестую статью конституции. Надо с ним поговорить. – закончил Роман.

Поляков удовлетворенно кивнул в ответ на слова Семерчука.

– Я поговорю с ним. Пусть не забывает, где он работал раньше. А то сейчас многие примеряют рясу демократов. – Он провел ладонью по лысой голове, – перейдем к следующему вопросу. Через десять дней семьдесят вторая годовщина октябрьской революции. Надо провести праздник, как и раньше, чтобы народ, жители Донбасса, видели, что ничего не изменилось, все идет по-прежнему. Какие будут предложения.

Встал Бурковский:

– У нас готовы мероприятия по празднованию октяб-

ря. Это, собственно говоря, прошлые мероприятия: демонстрация трудящихся, а потом праздничные мероприятия в парках. Культурные силы знают свои обязанности и готовы обеспечить культурный отдых трудящимся. Но появился новый момент... Националистические силы, в лице местного руха, хотят пройти отдельной колонной с желто-блакитными флагами и своими речевками. Вот с ними надо что-то делать, как-то их нейтрализовать.

Поляков ответил:

– Это дело поручим милиции. Она не должна допустить их прохождения мимо трибуны, где будем стоять мы... Они останутся на том же месте, где соберутся и потом разойдутся.

– Они ведут себя очень нагло, – ответил Бурковский, – у них недавно прошло учредительное собрание и создан местный рух. А они получили инструкцию действовать наступательно, с опережением наших действий. И обратите внимание – они все время твердят о толерантности – где-то нашли новое слово...

– Толерантность нужна агрессивному меньшинству, чтобы их не раздавили с момента зарождения, – перебил его Поляков, – а когда они наберут силу, то всю толерантность и демократию выкинут на свалку истории, на которой уже будут лежать прошлые политические силы. Я видел их толерантность на западной Украине... – добавил с огорчением в голосе Поляков, – чтобы у нас этого не случилось... Продолжайте. – Обратился он к Бурковскому.

– Собственно говоря, вы дополнили, что я хотел сказать. Только бы надо против них, – руководители партии избегали употребления слова «национализм» – вести более предметную контрпропаганду, разоблачать их связь антисоветскими силами... Пусть по этому вопросу выскажется товарищ Семерчук, как руководитель агитационного отдела.

Предложение Бурковского разозлило Романа – с какой стати он должен выступать по этому вопросу – это дело Бурковского, как секретаря по идеологии – и он неожиданно для себя и других ответил:

– Пусть по этому вопросу скажет заведующий организационным отделом!

Бурковский сразу же парировал его выпад:

– Заведующий находится в отпуске. И вы могли взять часть его работы на себя. – Бурковский явно хотел уйти от проблемы борьбы с национализмом, что было его прямой обязанностью и переложить часть этой борьбы на других. В данном случае, на Семерчука.

Роман понял, что надо быть помягче со старшими товарищами по должности, да и по возрасту.

– Наш отдел не остался в стороне от этого вопроса, – он, как и его вышестоящие товарищи не употреблял конкретных слов и избегал говорить слово «борьба». Все-таки националисты – советские граждане и бороться со своим народом, нельзя. – Так рекомендует ЦК партии из Москвы – подчеркнул Семерчук Москву, а не Киев, – нам следует вести про-

паганду и агитацию по следующим направлениям: разъяснение нового тезиса о гуманном демократическом социализме; развернуть работу в защиту Ленина. На Украине, особенно в западной ее части, идут страшные нападки на нашего вождя, – надо его защитить. Есть указание о противодействии национализму и широкой пропаганде истории родного края, как пролетарского района, противостоящего украинскому национализму...

Его перебил Поляков:

– Вы согласуйте совместный план действий с другими отделами и разработайте мероприятия по противодействию националистическим силам. – И первый секретарь сам про себя подумал: «Все разрабатываем мероприятия, а враги партии уже ведут против нас борьбу не на жизнь, а на смерть... Почему этого не видят в ЦК в Киеве и в Москве?» – Задал он сам себе риторический вопрос и не получив внутри себя на него ответа, произнес, – переходим к другим вопросам...

Вскоре совещание закончилось, и Семерчук отметил, что раньше подобные совещания длились дольше. Он шел домой в расстроенных чувствах. Все-таки Бурковский навесил свою работу на него. Да и в последнее время партийная работа вызывала в нем все большее чувство неудовлетворенности и, даже, тревоги. Недалеко от дома ему встретился его бывший однокурсник Анатолий Дропан. Они поздоровались и немного поговорили. Как и положено, в это время боль-

ше всего говорили о политической обстановке в стране. Роман знал, что Дропан хитер, и сейчас заведовал кафедрой истории в пединституте, и интересно было узнать его мнение о текущей обстановке. Обменявшись привычными словами: «Как жизнь?», перешли к политике.

– Как дела на партийном фронте? – со своей обычно-хитровой улыбкой, первым задал вопрос Дропан.

– Нормально, – ответил Семерчук, – только больше приходится воевать, чем просто работать.

– Снова становимся партией меченосцев?

– А ты что – не коммунист уже? – прямо спросил, облившийся на его вопросы Семерчук.

– Я из партии не выходил, – поспешил ответить Дропан, заметив недовольство бывшего однокурсника, но ныне работника обкома партии – надо с ним быть осторожнее. – Я просто хотел сказать, что ситуация меняется... – он остановился, ожидая ответа Семерчука.

– Да, меняется и нам приходится уже не проводить партийную линию, а приспособливаться к обстановке.

Дропан понял, что надо поддержать эти слова Семерчука и забудется его неловкая фраза, сказанная только что о партии «меченосцев»:

– У нас, Рома, тоже изменения, – пришла из Киева бумага из министерства, где сказано, чтобы при изучении истории СССР, больше внимания уделяли истории Украине. Сколько времени уделять не написано, но устно мне сказали, что

процентов до пятидесяти должна занимать история Украины, в рамках общей истории СССР. Вот и прошу преподавателей уделять больше внимания украинской истории, а они не хотят – отвечают, что Украины раньше не было и создание Украины, как и других республик – это выдумка большевиков. Тяжело перестроить старые кадры... – вздохнул Дропан.

– Кто сказал, что это выдумка большевиков? – возмутился Семерчук.

– Сам знаешь... Наш единственный на кафедре беспартийный доцент.. – и Дропан назвал его фамилию.

– А откуда этот документ о расширении преподавания истории Украины? Из ЦК или министерства образования?

– Из министерства. Но там есть ссылка на решения пленумов партии, последней конференции о справедливом решении национальных вопросов в интересах интернационализма.

– Не знал я этого...

– Вам же другие документы поступают... А нам – из нашего министерства.

– Плохо. – Резюмировал Семерчук. – А у нас в обкоме, ликвидировали отдел науки и образования. Вот и нет партийного влияния на учебные заведения! – Сделал вывод Семерчук и стал прощаться с Дропаном, – Ну, Толя, пока. А то я устал сегодня...

– Пока... – Ответил Дропан и они пошли в разные стороны.

Дома Лена спросила Романа:

– Как прошел сегодня день?

– Как всегда. Встретил я сейчас Толю Дропана. Он сказал, что пришло распоряжение увеличить в преподавании истории СССР, историю Украины. У вас в школе этого еще не требуют?

– Сказали нам, чтобы больше внимания уделяли местной истории, но пока не требуют этого выполнения.

– Наверное, директор не руховец?

– Нет. Но он будет выполнять, что ему прикажут. Наверное, еще не приказали. А что имел в виду Дропан?

– Мне показалось, что он уже готов сделать так, как прикажет министерство образования.

– Ты ж знаешь Толю Дропана – он будет служить любому, где ему будет гарантирована должность и деньги. Запах денег он чует за много верст... Ты ж сам знаешь, что его не очень любили на курсе за его подловатость... Садись ужинать.

Но Роман пошел в спальню, переоделся в домашнюю одежду, пообещал Ксюше посмотреть ее тетради с домашним заданием, – Владик уже большой, его тетради стыдно проверять, – и только потом сел за стол.

– Как идет строительство дома? – Спросила Лена.

– Нормально... Вот в воскресенье съезжу впервые на своей машине на стройку. Поедешь со мной? Детей возьмем.

– Нет! Не поеду. Тем более с детьми. Как научишься хорошо ездить, так повезешь нас туда.

Семерчук понял, что Лена не хочет ездить на стройку дома, а опасения за детей только отговорка, но обострять разговор не стал, только ответил:

– Как хочешь... Стройкой заправляет твой папа.

Настроение после ответа жены еще более ухудшилось, и Роман подумал: «Что-то давно я ни с кем не встречался. Все времени нет. А с кем можно встретиться?» – Он задумался. – «Старые связи утеряны. Может, Олю Кирисову пригласить на свидание? Но она вступила в националистический рух. Ну, и что?» – Успокоил он сам себя. – «Женщина же не пахнет национализмом? Она бывает противной или ласковой. А с Олей можно отдохнуть на полную катушку, не то, что с женой. Завтра с ней созвонюсь и договорюсь о встрече. Никуда она не денется – придет миленькая, пока я занимаю эту должность!»

За своими размышлениями, он как-то прослушал, что еще говорила Лена, но услышал ее слова:

– ...приходил папа и сказал, что им в облисполком привезли жовто-блакитные флаги. Ждут распоряжения, когда их надо вывесить...

– Неужели, это правда?! – Возмутился Роман.

– Папа врать не будет. – обиженно ответила Лена. – Додай все, чтобы тарелки было легче мыть.

«Тарелки ей нужны! – В душе возмутился Семерчук, – А партия все дальше отстраняется от руководства обществом! А ей все равно – лишь бы тарелки были чистые».

Но он аккуратно доел все из тарелки, выпил чай и сказал жене:

– Пойду поработаю. Надо подготовить новый план мероприятий.

И, забыв о том, что он хотел позаниматься с детьми, пошел за свой рабочий стол в зале. Свой домашний кабинет в новой квартире так у него и не получился – надо еще одну комнату. А он хотел иметь его, как у вышестоящих товарищей по работе. Но в новом доме он обязательно оборудует одну комнату под свой кабинет.

1991

Год назад Ворошиловград снова стал называться Луганском. Верится, что это уже навсегда. Луганск – граница Новороссии и Всевеликого Войска Донского, город прекрасных людей – луганчан. Лучшего названия города, чем первоначальное, историческое – Луганск, – не имеется.

Заканчивается перестройка, а вместе с нею и социалистическая жизнь. А советский народ – «совки» пока не понимают, чем это закончится. Русский народ, как всегда, надеется на авось, – все пройдет и перестройка когда-нибудь закончится, – неоднократно были тяжкие времена, но выжидали. Одного он не понимает, – конец перестройки близок. Народа, то есть людей, много. Миллионы, десятки миллионов, сотни миллионов... И в будущих гражданских войнах народу выпадает роль баррикады. А бороться за народную власть будут другие, но только не народ.

Но все более и более плодятся ряды демократов. Их уже много. Они наглы, бескомпромиссны и обязательно с кем-то борются. Без этой борьбы демократия не существует. И они раздувают резиновую куклу демократии, которую использовать будут другие – те, кто дает деньги на надувание куклы. Больше надо дать народу информации и, чем глупее и грязнее будет информация о твоём тоталитарном прошлом, тем увереннее демократы приблизятся к своей разрушительной

роли в истории. Все глупости делаются экспромтом, они такие привлекательные, что на обдумывание нет времени. А народ не должен обдумывать глупости, он их должен принимать за истину. А чем глупее человек, тем больше уверенности в его поступках. Демократы вперед! На митинги! Демонстрации! На собрание! Свои идеи в массы! Повторим опыт большевиков, которые уверенно пришли к власти в семнадцатом! Но мало кто, даже из рьяных демократов понимает, что демократия больше всего похожа на акционерное общество, контрольный пакет которого принадлежит теневым политикам.

А акционерное общество нуждается в массовой продаже акций. И демократы выводят толпу на улицу! Бросим в толпу яркий лозунг против существующего строя! Повторим его еще пару раз! Толпа начинает верить любой лжи – только повторяй это многократно. И толпа непроизвольно начинает повторять брошенный лозунг, дополняя его своими криками, похожими на рык. Толпа доверчива и поняла, кто виноват. Виноватый ответит по полной! Толпа эмоционально звереет и уже не крики, а слышен звериный рев. Она готова крушить вся и всех. В толпе можно кричать только хором со всеми и нельзя идти своим путем – толпа растопчет. Никто из одиночек не способен на зверство, но одиночки, собравшись вместе, чувствуют свою всеильность, а главное безнаказанность, и начинается массовое помешательство. В толпе умный человек глупеет и ожесточается, дурак выходит из

своего ничтожества и становится бескомпромиссным рыцарем в борьбе со злом. Глупость заразительна особенно в толпе. И по мере роста толпы увеличивается ее глупость. А все вместе умные и дураки, объединенные в толпу, становятся судьями и палачами. И самое опасное – толпа не чувствует своей вины. А демократы упиваются от радости – их примитивные идеи разделяет народ – толпа же часть народа. Но не понимают демократы – толпа носит своих кумиров на руках, а потом этими же руками закапывает их в землю. Придут еще более яростные демократы, и толпа пойдет за ними, расправившись с прошлыми кумирами. Не будите толпу, ради собственной безопасности. Тот, кто мечтает об обожании толпою, должен быть готовым к ее презрению.

Интеллигенция... Как ее только не называют! И гнилая, и паршивая, и вшивая!... Самое безобидное – продажная. И, как не странно – все верно. Снова перефразируя выражения великого классика: «...они страшно далеки от народа»! Интеллигенция подбивает народ на бунт, для того, чтобы стать его первой жертвой. Перестройка! И интеллигенты распадаются на подонков и ничтожества. Подлецов немного, но их всегда хватает. Кто идет в первых рядах разоблачителей тоталитарного прошлого? Пишет об этом, снимает фильмы, лезет в экраны телевизоров? Интеллигенция... И те из интеллигентов, кто прославлял советских лидеров, стали ярыми противниками своего же безбедного прошлого! И вот обласканные партией и государством режиссеры, обладатели

многочисленных социалистических наград, а с ними и актеры принялись яростно обличать советское прошлое. Раньше они снимали фильмы по книгам классиков, по талантливым сценариям, показывали реальную жизнь в возвышенном человеческом понимании. Действительно получалось что-то талантливое. А сейчас – обличение прошлого. Но сразу же выяснилось, – режиссеры не знают реальной жизни. Надуманные сюжеты, схематические персонажи, блеклые актеры. Они же не знают жизни народа! Выдумывать в прошлом прославление социализма – это получалось! А взамен – премии, лауреатство... А показать народ – слабо! Трепаться о роли народа – это одно, а знать его жизнь – другое. Но чуть ли не все они вдруг заявили, что их когда-то зажимала советская власть: не дала снять фильм, актерам – не дали роли... И все оказались обиженными существующей властью. Раньше кормились от этой власти – теперь стали рвать ее отмирающие куски. Но это уже не свежее мясо, а тухлятина. Жизнь народа пропитана потом и кровью, болью за свою великую страну, а жизнь интеллигенции – это словоблудие в творческих тусовках, где они сами себе присваивают титульное имя «талант». Как сладко услышать это слово из уст интеллигента, хоть паршивого, но тоже талантливого, как и свежеиспеченный талант. Обнаруженный талант можно продать, пропить или закопать. Лучше продать. Интеллигенция всегда находится в оппозиции к власти, для того, чтобы продаться подороже. Интеллигент – звучит гордо и безнадежно. А партия

нам внушала, что интеллигенция – выходцы из среды рабочих и крестьян. Ничего подобного – гнилая интеллигенция – выходцы из продажной интеллигенции, а те – из паршивой!

Зарабатывать деньги будет талантливая бездарность, объединившаяся в негласный союз и не пропускающая в свет настоящие таланты. А учителя, врачи, ученые и прочие интеллигенты-работяги будут существовать на мизерную зарплату и с тоской вспоминать советское прошлое – небогатое, но достойное. Бездарность не в состоянии сделать свой вклад в культуру и науку, зато умеет получать проценты по чужому вкладу.

Но есть и другая интеллигенция, которую скромно называют национальной. Но их скромность проявляется в творчестве – ничего толкового и значащего они не создали. И кто в этом виноват? Конечно, Россия и русский язык. Именно он мешает проявиться национальному таланту даже в своей национальной среде. Читатели почему-то читают русских и зарубежных классиков. Вот бы запретить русский язык, чтобы его совсем забыл народ, тогда ему ничего не останется, как читать литературу на местном языке местечковых авторов и автор почувствует, что пришло к нему народное признание. Как к Гомеру, Сервантесу, Хемингуэю, Пушкину... Нет! Последний не должен входить в этот список, ему не место рядом с национальным автором. Почему? Так в поэме «Полтава» он неправильно изобразил гетманов Украины. Пушкину не место рядом с национальными дарованиями. Может,

в этот ряд с собой поставить Тараса Шевченко? Можно! В его стихах много поэтической безграмотности, а проза никогда им не была не дописана – плохо анализировал действительность. Вот его можно поставить рядом с собой, чтобы твои произведения на его фоне выглядели шедеврами. Но для этого в народ надо влить как можно больше ядовитой ненависти к старшему брату, избавиться от него навсегда. Больше яда народу, больше ненависти к другим народам и он тогда больше полюбит твои самодельные вирши и не доделанную прозу. Ты народу внушаешь местечковую истину, а плодишь мировую ложь! Но в политике быстро гадость делается, а потом долго сказки сказываются.

А что же власть? Порядочных, высокоморальных людей нельзя допускать к власти, иначе хороших людей в стране не останется. И чем больше у человека власти, тем меньше он соблюдает правила приличия. В социалистической стране появился союзный президент. Не нашли русского слова для новой должности. Но рядом появился еще и российский президент. И началась грызня между ним и союзным президентом. Кто важнее для страны и народа? И российский президент, поддерживаемый западными политиками, становится сильнее. Не нужен братский союз – заключаем двусторонние отношения с республиками, некоторые из которых уже стали независимыми. Уверенно разрушает российский президент-алкаш великую страну. А союзный президент пытается склеить остатки союза, выбирая для этого клей само-

дельного производства – клейстер. Но народ давно знает, что клейстер недолговечный продукт, его любят и клопы и тараканы – будущие независимые государства, которые будут не просто кусать Россию, но и питаться ее кровью.

Власти народ необходим так же, как мошеннику проstack-лох. Снова жди, народ, светлого будущего! Власть над народом получает тот, кто умеет лучше его обмануть.

Демократия обладает теми же недостатками, что и люди, приходящие к власти. Демократия далека от совершенства, потому что большинство не бывает лучшим.

Сколько светлых личностей было в нашем темном прошлом, а сколько темных личностей обещают нам светлое будущее!

1

На февраль был назначен пленум обкома партии. Распоряжение о подготовке пленума пришло из ЦК. Обычно такое указание было связано с серьезными кадровыми изменениями. Обком планировал пленум на март. Вскоре стало известно, что ЦК принял решение освободить Полякова от должности первого секретаря. Правда, об этом говорили шепотом, только в узком кругу обкомовских работников. Приехал Енченко – куратор Донбасса от ЦК. Но с ним не было Галины Давыденко, и Семерчук сделал вывод, что она ушла от своего всесильного опекуна. Это умозаключение даже обрадовало Романа – если Галка давно не с ним, то пусть не достанется и этому старому пердуну. Действительно, Енченко за последние годы сильно постарел, но так и научился связно говорить. Так же, как и прежде, смоктая слова, Енченко начал объяснять, почему необходимо снять Полякова с должности: в области социально-экономические показатели ухудшаются, народные массы все меньше верят партийным органам, но когда он сказал, что снятие Полякова – политическая уступка новым силам, зал недовольно загудел. Какие конкретно политические силы имел в виду Енченко, он толком не объяснил, употребив популярное ныне слово – демократические. Но было ясно, что новые политические силы могли быть только националистическими. Западная Украи-

на начала захват остальной части Украины, которая называется Малороссией и Новороссией, и перед их напором партия уже не может устоять. Но потом, неожиданно, Енченко процитировал слова из какой-то работы Ленина.

– Вот что говорил по поводу Украины Ленин... – Енченко нашел нужную фразу в листах бумажек, которые держал перед собой и процитировал, – «Независимость Украины признана ... Только сами украинские рабочие и крестьяне на своем Всеукраинском съезде Советов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и в последнем случае какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией». – Он пошамкал губами и стал разъяснять написанное Лениным. – Как видите, и Ленин признавал независимость Украины. Для чего я это вам говорю?... Сейчас некоторые политические силы на Украине активно используют, так сказать, эти тезисы Ленина. Они стараются добиться независимости Украины, отделения ее от России. Я хочу, чтобы все коммунисты правильно понимали и разъясняли, что Ленин имел в виду все-таки Украину в союзе с Россией... Это очень важно в преддверии референдума о сохранении Советского Союза... – Но о референдуме Енченко больше ничего не сказал.

Но у сидящих в зале занозой засели слова Ленина о том, что вождь видел Украину независимой. А если так говорил Ленин?.. Он же всегда прав! Семерчук сидел в зале, и по-

следние слова вызвали в его голове вопрос: «А зачем он все это говорит? А когда это Ленин говорил?». Но под рукой не было полного собрания сочинений Ленина, и проверить его фразу об Украине, прямо сейчас не представлялось возможным. И Роман решил, что обязательно найдет это указание Ленина, чуть попозже. Он видел, как сидящий в президиуме Поляков недоуменно качал своей лысой головой, будто бы говоря: «К чему это секретарь ЦК готовит коммунистов – к выделению из Союза Украины, а может к полному развалу Советского Союза?» Перспективы вырисовывались страшные. Семерчук так же заметил, как Бурковский недовольно сжал губы, слушая Енченко. И судя по шуму в зале – многие были недовольны такой позицией секретаря ЦК, который, вроде бы не сам, но словами Ленина, давал коммунистам Украины направление их дальнейшей деятельности – стоять за независимость Украины. Но Енченко больше ничего не пояснял, а предложил перейти к выступлениям участников пленума.

Роман знал, что выступающие уже подготовлены, и он принимал в этом непосредственное участие. Но в отличие от прошлых лет, когда от текста выступающий не имел права отходить, сейчас это были тезисы выступления, и докладчики могли самостоятельно выражать свое мнение. Все-таки гласность, к которой уже привыкли, как к затертому слову, сыграла свою роль – можно было говорить, что думаешь и как считаешь. Но, правда, так свободно говорить могли ра-

бочие и колхозники. Управленческая номенклатура, в том числе партийная, никогда не пользовалась гласностью в полном объеме, всегда будет говорить с оглядкой на свою должность и вышестоящее руководство, хотя бы для сохранения сложившегося положения. Так же было на пленуме. Секретари обкома хвалили первого секретаря, но одновременно звучала и осторожная критика – критикуешь первого, ты критикуешь сам себя – вместе же работали. Употребляли, ставшие уже привычными термины «старые стереотипы», как будто выступающие нашли новые стереотипы, «кризис доверия», – а откуда он мог быть, если работники обкома в последние годы боялись посещать партийные собрания на заводах, и только вынуждены были ходить на их отчетно-выборные собрания. Прозвучали проблемы экономические – темпы экономического роста замедлились, но зато происходит рост заработной платы, от борьбы с пьянством и алкоголизмом местный бюджет не досчитался более трети бюджета... В общем в социально-экономической сфере положение аховое. Но и в областной партийной организации дела не лучше – ряды партии покидают, в первую очередь, рабочие, в шесть раз увеличилась сдача партийных билетов и что прискорбно, – это коммунисты, имеющие партийный стаж двадцать, тридцать и даже более лет. Можно было сделать такой неутешительный вывод по всем направлениям работы. Но слово предоставили и рабочим-коммунистам. И здесь прозвучала наиболее резкая «гласность» – все бюро обкома

должно уйти в отставку, за неспособность к руководству в области, сократить штат партийных работников, заставить партийных работников залезть в шахты или, хотя бы, постоять у станка, чтобы они увидели, как работают рядовые коммунисты, составляющие стеновой хребет партии...

«Какой вы стеновой хребет партии? – со злом размышлял над словами выступающих рабочих Семерчук, – вы злостные вкрапления в гранит партии! Вы бежите из партии в первых рядах!». Но при голосовании предложение об уходе в отставку партийного бюро не прошло, но зато открытым голосованием, Поляков был освобожден от должности первого секретаря обкома. Снова слово взял Енченко.

– ЦК партии в новых условиях, – почему-то в партии всегда были новые условия, – приняло решение не торопиться с выборами первых лиц в партийном руководстве областей. Выборы первого секретаря проведем через три месяца...

– Но мы же с вами говорили, что у нас есть три кандидата на эту должность, для проведения альтернативных выборов?! – перебил его Бурковский.

– Это я знаю. Просто в спешке обсуждения этого вопроса, я не полностью донес вам линию ЦК. Так вот, три месяца дается кандидатам для того, чтобы о них и их будущей деятельности узнали не только коммунисты, но и народ. А коммунисты через три месяца сделают свой выбор.

«Это ж обезглавить обком на три, а может более месяцев, в это самое трудное время! Это ж предательство!» – мельк-

нуло в голове Семерчука. Но следом подумалось, что может и есть смысл в этом деле – пусть народ лучше узнает своих руководителей.

Пленум закончился и присутствующие разошлись. Семерчук пошел в свой кабинет. От предыдущего состава агитационно-пропагандистского отдела осталось вместе с ним четыре человека, а раньше было – двенадцать. Роман сел за стол и стал перебирать бумаги. Читать их, тем более вникать в их смысл, ему не хотелось.

А в это время, в кабинете первого секретаря сидели двое – бывший первый секретарь обкома Поляков и секретарь ЦК Енченко. Разговор шел в нормальном тоне, без всяких вскриков и надрывов. Конечно, Полякову было обидно, что его сняли с должности по политическим соображениям, но эту, плохо скрываемую обиду, он не выражал ни лицом, ни словами. Енченко, будто извиняясь, говорил:

– Понимаете – новые условия. Украина пробуждается, а вы в Донбассе не хотите даже видеть этого пробуждения...

Его перебил Поляков. Раньше бы он такого бы не сделал, а сейчас – нечего терять:

– Хотите сказать, что украинский национализм побеждает?

– Я бы так не сказал, но он набрал силу.

– Вижу. Ивашко убрали только потому, что он был против национализма – он же из Харькова. Поставили другого первого секретаря, который из Львова...

– Не совсем правильно вы трактуете эти назначения – теперь перебил Полякова Енченко, – Ивашко не удовлетворял Горбачева, и он его взял на должность своего заместителя, чтобы тот не мешал расцвету наций на Украине. Это я коротко объясняю...

– Вы ж тоже родом с западной Украины? – утверждающе-вопросительно упавшим голосом спросил Поляков. Он хорошо знал, откуда родом Енченко, но вопрос как-то вырвался сам собой.

Енченко недовольно нахмурился:

– Для коммуниста, как и для украинца, не имеет значение место рождения. Главное – убеждения... – На некоторое время разговор прервался, никто не пытался его возобновить и, наконец, Енченко произнес, – на какую работу вас направить? Хотите на дипломатическую?

Поляков, склонив лысую голову к столу, вроде бы задумался над этим вопросом, потом медленно произнес:

– Не хочу на дипломатическую работу. Моя родина – Донбасс и я останусь здесь.

– А есть в области достойное место для вас? Я не в курсе этого вопроса...

– Есть. Должность начальника пожарной охраны области. Если не будете возражать...

Енченко, широко распахнул руки, довольный тем, что эта щекотливая проблема трудоустройства бывшего первого секретаря решена самим им.

– Не будем возражать. А теперь не мешало бы пообедать.

В обкоме столовую ликвидировали, и остался только буфет. Поляков понял намек Енченко, что нужно пообедать в ресторане, но не стал его предлагать.

– Пойдем-те в буфет. Там есть горячие блюда.

И Енченко, внутренне недовольный таким приглашением на обед, тем не менее, пошел вместе с Поляковым в буфет.

Дом был построен. Роман уже самостоятельно ездил на собственных «Жигулях» – вроде бы все было нормально в личной жизни. Правда, Лена периодически не совсем ласково и по-доброму относилась к мужу, но это было временами, когда у нее не было работы. А так Лена с удовольствием занималась подготовкой огорода при новом доме к весне, и эта работа приносила ей удовольствие. Дети росли и радовали своим поведением и оценками родителей. Владик должен был поступать в университет в Москве. Дедушка хотел, чтобы он стал экономистом, но учитывая его очень хорошие математические способности, решили – пусть поступает Московский университет на прикладную математику.

Тесть с отцом Романа задумали создать собственный банк. Благо государство давало деньги, – так называемый, первоначальный капитал, который надо было отдавать, как минимум через пять лет. Инфляция была налицо, и отдавать по кредиту пришлось бы номинальную сумму, которая должна стать через пять лет намного меньше, даже, копеечной. Но дела с созданием банка продвигались очень туго, что злило тестя.

Сказать, что с сокращением штата обкома, работы прибавилось – нельзя, меньше стало документов, идущих сверху и снизу, меньше стало отчетов. Ликвидировали в городе Ле-

нинский райком партии, а его новое здание отдали под станцию «Скорой помощи». Этот партийный подарок по-доброму оценили луганчане. Надо было передавать городу и другие здания, принадлежавшие партии, но с этим вопросом почему-то тянули. Вообще-то в этом году стал часто подниматься вопрос о партийном имуществе – кому оно должно принадлежать, но окончательного решения так и не приняли.

Сейчас Семерчук закончил расписывать партийных работников по избирательным участкам – 17 марта – референдум по сохранению Союза. Надо окончательно подписать эту раскладку, но первого секретаря обкома еще не было, поэтому по вопросам подписания бумаг обращались к тем секретарям, которые были ближе по роду работы отделов. Семерчук пошел к Бурковскому, предварительно позвонив ему. Сейчас очереди на прием к секретарю по идеологии не было, как в старые времена, и секретарша молча кивнула, разрешая войти в кабинет. Бурковский сидел за столом и, показав рукой на стул, напротив себя, пригласил Семерчука сесть. Руку не подавал, они виделись утром. Бурковский молча посмотрел список распределенных коммунистов по участкам и так же молча подписал его. Потом спросил Семерчука:

- Все ответственные за свои участки знают свои задачи?
- Вроде, все... – осторожно ответил Семерчук.
- Чтобы людей не запутал еще один бюллетень, подготовленный на Украине...

И тогда Семерчук решил сказать то, о чем недавно ему говорил всезнающий тесть:

– В основном бюллетене говорится... – он раскрыл лист бумаги и прочитал, – «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Это можно понимать, как будто Советский Союз ликвидирован, – но Бурковский молчал и Семерчук продолжил, мысль сказанную ему тестем, – а вот в дополнительном украинском бюллетене говорится следующее: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины?». Вот это непонятно: в главном бюллетене говорится о республиках, в украинском – о государстве...

Бурковский прикрыл глаза, словно пригорюнившись от сказанных его подчиненным неприятных слов, потом отняв руки от головы устало произнес:

– Происходит великий обман советского народа. Уже шесть республик объявили о своей независимости, на очереди теперь, хотелось бы сказать – все остальные, но это не так. На очереди сейчас Украина. Москва теряет контроль за положением в стране. Горбачев с Яковлевым потакают националистическим движениям. Недаром Яковлев ездил по Прибалтике и создавал националистические народные фронты.

У нас – на Украине, верхушка партии сплошняком состоит из галицийцев, Кравчук – тоже западенец, все против интернационализма. Вот, вторым бюллетенем, националистическая верхушка конкретизировала условия, на которых Украина готова войти в состав обновленного Союза. Только на правах государства. А народ не заметит подмены слова «республика», на слово «государство», то есть практически независимую Украину. Не заметит, что голосует уже не за СССР, а за что-то другое. Теется огромный обман народа... – заключил Бурковский.

Так откровенно никогда в обкоме не делились мыслями – боялись друг друга. Видимо, накипело на душе у Бурковского и он, когда нет первого секретаря, идет развал партийной работы и партийного аппарата перестал скрывать свои мысли перед подчиненными.

– Ну, что ж, идите, контролируйте референдум. Да и не забудьте потом подготовить отчет о референдуме.

Семерчук понял, что разговор закончен. Они попрощались, пожав друг другу руки, и Семерчук пошел в свой кабинет.

17 марта – день референдума в Луганске выдался пасмурным. Дождя не было, но небо затянулось тучами. Народ шел голосовать непонятно за что – то ли сохранение Союза, то ли за какое-то обновление Союза. Любой вариант удовлетворял народ – лишь бы жили вместе. Все народы Советского Союза связаны крепкими узами между собой и, в первую оче-

редь, родственными. Мало кому в голову приходило, что это народное решение ведет к развалу СССР. Но главное слово «сохранение» стояло перед глазами народа, и он не старался вникнуть в слова «республика» и «государство». Великий обман народа вступил в свою заключительную фазу, и этот обман подготовила правящая верхушка – партийно-номенклатурная и демократы различных мастей.

Семерчук должен был объезжать участки для голосования в Жовтневом районе, хотя жил в другом, и зафиксировать те нарушения, которые могли бы произойти. Агитация в день референдума запрещалась. Ему должны были выделить служебную машину, но он от нее отказался – решил проехать по участкам на своих «Жигулях». Он отказался еще и потому, что в служебную машину должны были сесть еще какие-то работники обкома для наблюдения за голосованием, а ему в такой день не хотелось на их фоне выделяться – надо было бы показывать свою партийную принципиальность. А так он просто посетит участки, и не будет задавать лишних вопросов.

Сначала он отвез Лену с детьми на свой участок голосования, сам бросил бюллетень в урну. Потом Лена с детьми пошла по магазинам, а Роман поехал по участкам доверенного ему района. Что его удивило – народ шел, нет, – спешил, отдать свой голос и, конечно же, за сохранение Союза. Это было слышно по разговорам людей. Но еще более удивил Семерчука тот факт, что на каждом участке для голосо-

вания находились представители руха – демократы националистической масти. Они дежурили на всех участках с начала открытия голосования и до его конца, и собирались присутствовать на подсчете голосов. К своему огорчению, Семерчук многих местных руховцев знал лично и удивлялся – откуда их столько набралось в Луганске. Но потом, услышав галицийскую речь, понял, что большинство наблюдателей приехало из западной Украины. «И здесь хотят держать все под контролем!» – зло подумал о них Семерчук. Знакомые руховцы подтвердили, что много наблюдателей прибыло из Львова. Эти наблюдатели не просто наблюдали, а еще и поставили тематические стенды и разъясняли их назначение избирателям. Так в интернате для слабослышащих, приезжая из Галиции, – судя по ее пропольской речи, – объясняла группе окруживших ее избирателей красоту украинского языка. Семерчук подошел ближе и прислушался. Женщина на украинском языке объясняла, что самый певучий язык в мире – это украинский. Но потом пояснила:

– По спивучести мы на втором месте в мире после итальянского...

О спивучести украинского языка постоянно твердили по телевидению уже года два, что надоели с этим разъяснением, на каком месте находится украинская мова по спивучести. Правда, с засильем в последние годы на телевидении галицийцев, с экрана звучал не украинский язык, а какой-то диалект польского языка, разбавленный немецкими слова-

ми. И этот язык признавался украинским, а остальной украинский язык по различным областям назывался презрительным словом – суржик, что понималось, как смесь украинского и русского языка. Семерчук уже хотел отойти от галицийского филолога, но в это время в разговор вмешалась женщина и как, позже стало Семерчуку понятно, тоже филолог, так как хорошо знала вопрос о языках.

– А кто смог определить место по спивучести языка?

Галицийка быстро ответила:

– Це була создана спеціальна комісія из наших известных лингвистов...

– А там кто-то знал итальянский или другой языки? – перебила ее женщина.

– А как же! Там были представители нашей диаспоры за границей, а они поверьте моему слову, знают много языков. – Победно закончила эту часть разговора львовянка.

– Понятно, что специалистов не было. Хотя справедливости ради, следует отметить, что в украинском языке много открытых слогов и, благодаря этому, на этом языке легче написать песню...

– Шо я вам говорю, – победно подхватила галицийский пропагандист, – вот вы сами подтверждаете, шо наша мова дуже спивуча и мелодийна, с ней сравниться разве итальянская. – не отступала от второго место львовянка, но не смея поставить украинскую мову на первое место, в силу привычного преклонения перед Европой.

Пожилой мужчина, пока не участвовал в разговоре, но вдруг громко произнес:

– Вы, западенцы, как дети, сравниваете то, что не поддается сравнению. Вы спросите папуаса – красивый его язык или нет? Он ответит, что самый красивый. Спросите об этом негра из африканских джунглей, и он ответит, так же как папуас. Глупости вталкиваете людям в голову, а сами же бестолковые – лишь бы занять выгодную должность или жить за счет других. Да и язык у вас не украинский! – огорченно закончил мужчина.

– Вы – великодержавный шовинист! – Обозвала мужчину галицийка.

Семерчук уже обратил внимание, что националисты, не имея в споре серьезных аргументов, всегда обзывали оппонентов шовинистами. Это слово было их главной затычкой рта своим противникам. Его можно сравнить со словом «антисемитизм» в споре с евреями.

Но мужчину нельзя было так просто убить этим словом.

– Вы даже не знаете смысл слова «шовинизм» – ответил он пропагандистке, – я не унижаю другой нации, а вот вы стараетесь стать первыми среди народов, выдумывая для украинского языка мнимые преимущества, перед другими языками.

Львовянка сжав тонкие губы до ниточки с ненавистью смотрела на мужчину, не зная, что ответить – по сути, он прав, шовинисты приезжие с западной Украины, а не жители

Донбасса, которым все равно на каком языке им разговаривать. Но западенцам плохо, что это – русский язык.

Хмурое молчание прервала женщина, которая начала разговор:

– Конечно, глупо распределять языки по какому-то рейтингу. Если в украинском языке взять все слова и всевозможные производные от них, то получится около трехсот слов, а в русском языке – более полутора тысяч слов. Может, поймете разницу и убедитесь, что нельзя отрывать украинский язык от русского. А то ваш язык станет хуторянским в европейском обществе.

Галицийка продолжала со злобой смотреть на окруживших ее мирных луганчан. Наконец, произнесла:

– Я устала, недавно с поезда, поэтому пока не могу вам возразить. Я пойду, отдохну... – и она, повернувшись спиной к собеседникам, не извинившись и не прощаясь, со злым выражением лица пошла куда-то по школьному коридору. Видимо, в класс, который был выделен для отдыха наблюдателей.

Говорившие с ней пошли к выходу – они проголосовали. Семерчук подумал, что приезжие из Галиции хорошо подготовились к референдуму, в смысле, пропаганды национализма. А партия – все более и более становится мальчишкой для битвы – во всем виноваты коммунисты.

Семерчук, не торопясь, объезжал избирательные участки. Все было нормально, нарушений не было. Единственно, что

бросалось в глаза, в отличие от прошлых лет, люди были морально напряжены, веселости не было – такой референдум угнетал людей – как понять, что поставлен вопрос о сохранении Союза? Еще недавно все казалось незыблемо крепким, и такой вопрос еще недавно не мог даже придти в голову. А сейчас, понутив голову, люди шли сохранять ту жизнь, которая у них сложилась за десятки лет их обывательской жизни. Где партия – защитница народа, создатель Союза? Ее как будто нет. Зато много на участках лиц, провозгласивших себя демократами. А на самом деле их немного, в несколько раз меньше чем коммунистов, но они сумели сконцентрироваться в нужный день, в нужном месте и их влияние на народ растет.

В машиностроительном институте на участке Семерчук встретил Володю Семиструя. Он сидел на стуле, рядом со стендом о «Молодой Гвардии». Но люди на стенд не обращали внимания, и поэтому Володе оставалось сидеть. Увидев Семерчука, он встал со стула, но не пошел навстречу, а стал ждать на месте, немного расставив руки. Ничего не оставалось делать, как пойти к нему. Они знали друг друга со студенческих лет, хотя Семиструй учился на три курса старше.

– Добрый день! – поприветствовали они друг друга одинаково и почти одновременно.

– Что ты здесь пропагандируешь? – Спросил Семерчук.

– Сам видишь... Правду о «Молодой Гвардии».

– А разве это правда?

– Я работаю сейчас в архиве КГБ, и там имеются материалы о том, что подпольную организацию создали патриотические силы Украины, – Семиструй осторожно обошел термин «националистические», заменив его словом «патриотические».

– Ты ж был коммунистом, работником комсомола... – Семерчук хотел далее сказать и как ты пошел против партии, но Семиструй его перебил.

– Я и сейчас коммунист, – и увидев удивленный взгляд Семерчука, пояснил, – в рухе не требуют обязательного выхода из партии или другой организации. Сейчас все партии и организации работают на перестройку. Так что мы все находимся в одной упряжке.

Семерчук только и смог возразить:

– Только вы кони пристяжные, и все норовите увести повозку в сторону от дороги, в кювет.

Он все же попрощался с Семиструем за руку и поехал дальше.

В одной из школ, где находился избирательный участок, Семерчук увидел Олю Кирисову. Она стояла в стороне от столиков и разговаривала с неизвестными Семерчуку женщинами. Но, увидев Романа, она широко улыбнулась ему, и черные глазки заманчиво замерцали при виде знакомого мужчины. Она отошла от собеседников и быстро пошла к Семерчуку. В ответ он радостно улыбнулся ей.

– Привет! Ты тоже наблюдатель?

– Привет! Да! Все демократические силы брошены на чистоту проведения референдума.

Семерчуку не понравилось, что говорит она о демократах, но спорить он не стал. Оля стала городским депутатом и на сессиях совета отличалась тем, что пока требовала демократических перемен в городе, но скоро объявит себя ярой антикоммунистской и галицийской националистской. Она не говорила, что защитила диссертацию о коммунистах, а скромно поясняла, что ее диссертация по истории балканских стран. Из всех видов проституции, политическая оплачивается наиболее высоко.

– Что-то мы редко стали с тобой видеться... – произнес Роман.

– Так ты не звонишь, ты весь в работе. Не можешь выделить часок-другой для меня.

У Семерчука неожиданной волной прокатилось в душе чувство страсти к Оле, и он лихорадочно стал думать о том, где бы уединиться с Кирисовой. Но пока конкретного места придумать не мог:

– Да я бы нашел часок-другой для тебя, но, я знаю, ты сейчас круглосуточно занята политикой.

– Есть и такое, но не круглосуточно. Меня выдвигают в депутаты самого высокого уровня.

– Но у нас ты вряд ли пройдешь в депутаты...

– А я во Львовской области. Не знал?

– Слышал... – и Роман решил, что в это воскресенье ему

не дали отдохнуть, то он должен сам организовать себе, хоть небольшой, отдых. – А ты не хотела со мной встретиться?

– Можно. Только когда? – Сразу же положительно откликнулась на его мужской зов Кирисова.

– Да, хоть сейчас!

– Не знаю. В этой школе я толком никого не знаю. Хотя бы можно было уединиться... Ты думай!

И Семерчук придумал:

– У тебя дома можно?

– Можно. Но трамваем долго добираться.

– А я на машине. Бегом к тебе домой и обратно.

– Хорошо. Пойду, оденусь, а ты жди меня здесь.

Семерчук взволновано задышал – получалось и в такой всенародный день немного отдохнуть. Минут через пять из дверей зала для голосования вышла Кирисова.

– Договорилась и меня отпускают на три часа. Поедем!

Они двинулись к выходу, но одновременно навстречу из входной двери вошла фигура какого-то мужчины. Он резко остановился, глядя на Кирисову и Семерчука. Роман не приглядывался к нему, находясь в упоенном состоянии скорой любовной утехы. Но мужчина вдруг обратился к Кирисовой по-украински:

– Ольга! Здравствуй!

Кирисова остановилась, вглядываясь в вошедшего мужчину, и вдруг восторженно вскрикнула:

– Зорян! Видкиля ты прибув? – Она перешла на украин-

ский язык, и Семерчук понял, что мужчина с западной Украины.

Кирисова бросилась к Зоряну, обняла за шею и страстно поцеловала в губы, не обращая внимания на Семерчука и других присутствующих. Роман стоял рядом и не знал, что делать. А они быстро перебрасывались словами, из которых Семерчук понял, что мужчина только что приехал в Луганск и сразу же бросился разыскивать Кирисову. Наконец, Оля поняла, что надо бы, стоящим рядом мужчинам, объяснить кто же они?

– Зорян! Знакомься – мой товарищ по институту Роман. А это – Зорян Дзюк, руководитель провода руха на Украине, – и Кирисова затараторила, и как понял Семерчук, эти разъяснения предназначались ему. – Ты, Зорян, хочешь разъяснить ситуацию с моими выборами у вас? Что еще хорошего?

Дзюк свысока посмотрел на Семерчука, хотя Кирисова не представила место его работы. Он, видимо, понял ситуацию, – Ольга остается с ним, а у Семерчука, как говорится, получился облом.

– Да, моя зозулечка, зараз введу тебя в курс дела. Но у меня документы и материалы остались в номере гостиницы, поехали туда. Надо поймать такси.

Семерчук поморщился, когда Дзюк, назвал Ольгу зозулей-кукушкой – такое сравнение ему не нравилось. Но он понял, что здесь он не нужен и может ехать дальше проверять участки – не получилось сексуальной паузы. Кирисова

обратилась к Семерчуку:

– Рома, извини, но у меня важные дела с Зоряном. – Потом обратилась к Дзюку. – У меня три часа времени, успеем обо всем поговорить?

– Успеем, успеем! – торопливо ответил Дзюк, – пойдем, швыдко поймаем такси!

Но Кирисовой в голову пришел более эффективный план. Призывно блеснув черными цыганскими очами на Семерчука, будто обещая себя на будущее другу студенческих лет, она попросила:

– Рома! А не мог бы ты нас довезти до гостиницы «Луганск»? Это тебе по пути домой... – пояснила она, томно-сексуально, закатывая глаза. Но этот взгляд своей подруги по политической борьбе, Дзюк не видел – он стоял за ее спиной.

И неожиданно для себя, может быть под воздействием ее любовных чар, Семерчук ответил:

– Без проблем. Довезу. Я уже и так собирался домой.

Но внутренне его брало зло – выхватил галициец кость прямо из его рта. Но, ладно, он еще ему наставит вместе с Олей рога. Этим успокаивал он сам себя.

В машине ехали молча. Попутчики сели на второй ряд и он их не видел даже в зеркало, но слышал их страстные поцелуи и тяжелые, в предчувствии необузданной любви, вздохи. Но это уже его не касалось. И он злился, обзывая в своем мозгу Кирисову, разными словами: сучка, стерва, курва

и еще более откровенными, правописание которых, не употребляется при письме. Но потом стал успокаиваться размышляя – чем хуже у женщины репутация, тем больше мужчин желают с нею познакомиться. А Оля Кирисова со своей репутацией – далеко пойдет!

Они вышли у гостиницы, бросив Роману на прощание слова: «До встречи!» и пошли на подземный переход на Советской и Оборонной, что перейти на ту сторону улицы, к гостинице. А Семерчук поехал в обком. Там, раздевшись в своем кабинете, он взял какую-то папку со стола, чтобы выглядеть работающим человеком даже в воскресенье и пошел к Бурковскому. Тот разрешил войти, где уже сидели, такие же, как и он, уполномоченные обкома по референдуму. Уполномоченные говорили вяло, и когда подошла очередь Семерчука, он коротко сказал, что нарушений не отмечено. Бурковский, выслушав всех, устало произнес:

– Нарушений, по-вашему, нет, а вот разрушение – началось, – он не стал пояснять, что это за разрушение и пока не все поняли это разрушение. – Давайте, поступим так: я не стану вас задерживать, тем более день выходной, а завтра подготовьте небольшие справки о том, что видели на избирательных участках. Договорились?

Все были согласны и, облегченно вздохнув, пошли из кабинета секретаря. Семерчук сел в машину и поехал в гараж. В душе крутились противоречивые мысли: зачем надо было проводить этот референдум? Можно было более прият-

ней провести день, с досадой вспоминал он Олю Кирисову. А потом появилась мысль – она же идейный враг, националистка... Можно ли иметь с ней что-то совместное, прилично ли это будет? И он приходил к оптимистическому выводу – своими ногами женщина способна раздвинуть любые рамки приличия. И эти ноги женщину не только кормят, как волка, но и позволяют доить разных козлов. Даже если козлы из противоположных политических сил. Недаром в наших парламентах так много симпатичных депутатш-доярок!

Результаты референдума принесли прогнозируемый результат, – народ Украины проголосовал за сохранение Союза. Но совершенно противоположные результаты оказались на Востоке и западе Украины. Восток – за Союз, Запад – против. И получилась патовая ситуация для Украины – чтобы быть независимой, ей надо быть в составе Союза. Полная независимость приведет к гражданской войне и краху Украины. Народ это чувствует всем сердцем и душой, политики – бесчувственные люди. Их будущее им видится таким: должность – материальное обеспечение – и мечта – слава, пусть будет геростратова, но слава.

В политике в первых рядах очень много последних мерзавцев.

3

В середине мая состоялся пленум обкома партии, на котором был избран первый секретарь Луганского обкома партии. Сначала были три претендента, но один попросил самоотвод, осталось два. Но один был издалека и совсем никому неизвестен, – кстати, он лениво и с неохотой выступал, показывая всем своим видом и словами, что ему этот пост не нужен, а он остался в списке для голосования, чтобы соблюсти партийную демократию, или как говорили, обеспечить альтернативные выборы. Избрали третьего – местного, из шахтерского городка, по фамилии Попищенко. Соблюди интересы Украины – первый секретарь должен быть украинцем. Семерчук его знал ранее по партийной работе и считал Попищенко бледной личностью. Он не только по работе был бледной личностью, но и физически – его глаза выцвели до такой степени, что зрачки казались тенью на фоне белого глазного яблока, их почти не было видно. Как понял Семерчук из немногочисленных разговоров с коллегами по работе, многие разделяли точку зрения о том, что Попищенко не годится на роль первого секретаря. Но вросшая в плоть система исполнения указания старших товарищей, не позволила никому выступить критически. Но Семерчук понимал, что никто из его коллег по работе никогда не скажет правды до конца. Всегда срабатывал инстинкт личной безопасности –

общественное подождет, до тех пор, пока не придет указание сверху.

Через два дня состоялось совещание у первого, где он должен был выступить с конкретной программой деятельности обкома. В малом актовом зале собрали все работников обкома, и зал оказался почти на половину пуст. Раньше он был заполнен только секретарями, заведующими отделов, и некоторыми другими руководителями. Инструктора не ходили – места не было в зале, да их и просто не приглашали. Каждый из сидящих в зале, обзревая сидящих вокруг произвольно думал: «Досокращались, уже и некому работать». И действительно, последние год-полтора работники обкома редко выезжали в города и районы области, – не о чем было говорить с народом.

Попищенко начал выступление, как и положено в нынешних условиях, с критики положения в области и работы партийных организаций. Социально-экономическое ухудшалось, шло падение производства, срочно налаживали работу водочного завода, чтобы пополнить местный бюджет, но восстановление оказалось более сложным процессом, чем свертывание производства водки пять лет назад и надеяться на быстрый приток денег, не приходилось. Политическая обстановка тоже не радовала – никак не можем дать отпор националистам, в партии появились демократические платформы, в общем, забыли ленинскую резолюцию десятого съезда «О единстве партии». Но вывод сделал оптимистический – го-

товится новый союзный договор и надо развернуть работу по его разъяснению. Но конкретно, как разъяснять все это, первый секретарь не пояснил.

Выступающих было немного и заинтересованности в решении острых политических вопросов не наблюдалось. После заседания Семерчук, как руководитель отдела, набросал план агитационной работы и решил, что в ближайшие дни он его доработает.

Последнее время он приходил после работы домой вовремя. Если дети хорошо учились, и с ними больших проблем не было, то в отношениях с Леной чувствовался холодок. Чем была недовольна жена, Роман понять до конца не мог. Пока получали квартиру, строили новый дом, они жили душа в душу, если так можно выразиться. А потом снова появилась отчужденность к нему. Правда, смутно Роман понимал, что и он сам виноват в холодности Лены, он ее чуть ли не силой взял в жены, но прошло уже столько лет и пора бы позабыть ей старое и строить жизнь, которая идет своим чередом. И он все чаще думал, что надо бы завести любовь на стороне, чтобы меньше зависеть от Лены. Встречи со старыми знакомыми были, но уж очень редко и чаще всего – одноразовыми – продолжения встреч не было. Но такую постоянную любовь было уже сложно найти – сказывался возраст и потенциальные подруги были или замужем, или не могли обеспечить постоянство. Да и он сам в этом виноват, корил он сам себя, не целенаправленно работает в этом направлении.

В эту субботу приезжали его отец и мать. Отец встречался по делам со сватом – Фотиным. Тесть Романа уже как год не был заместителем председателя облисполкома – вышел на пенсию, но остался там же работать – советником по капитальному строительству. Все-таки опыт административной работы у Фотина громадный и ему есть, что подсказать более молодым соратникам по работе. Решили родителей принять в новом доме – все правильно – на субботу и воскресенье они ездят сюда, отдохнуть на природе. К тому же служебную дачу Фотина должны были забрать, так что сюда он стал ездить чаще с женой. Но пока дачу не забрали, да и он сам не стремился ее кому-то передать.

Отец приехал на служебной машине и из багажника достал фруктовые саженцы:

– С Ломоватского питомника мне привезли, – пояснил он, – редкие сорта. Немного поздновато высаживать, но давайте посадим. А пока саженцы опустите в воду. – Распорядился он.

Действительно весеннее время посадки деревьев закончилось, но на Луганщине такой плодородный чернозем, что на нем будет расти все, что не посади.

Фотин и Семерчук-старший сразу же ушли в комнату, которую Роман приспособил под кабинет. Решили поговорить по делам, пока женщины подготовят то ли поздний завтрак, то ли – ранний обед. А вопросы были серьезные. Роман хотел уйти, но отец ему сказал, чтобы и он остался. Обычно

в таких встречах, сваты по рюмочке выпивали, но сейчас о водке или коньяке не вспомнили.

– Суть разговора ты знаешь, Богдан Романович! – обратился Фотин к свату. – Боюсь по телефону разговаривать, кажется, все прослушивают, поэтому и приходится нам здесь встречаться. Кстати, как новый дом?

– Молодцы! Дом хороший, но скоро будут строить настоящие дворцы. Правильно сделали, что приобрели хороший кусок земли. Здесь еще что-нибудь постройте. Но давай, сват, о делах... Я почти договорился с государственным банком о предоставлении нам кредита для создания своего коммерческого банка. Кредит на десять миллионов рублей...

– Это хорошая сумма... – с удовлетворением ответил Фотин и, обратившись к Роману по имени и отчеству, произнес, – Роман Богданович! Иди ближе к нам, включайся в разговор. Скоро тебе придется заниматься этими делами.

Этим обращением тесть как бы подчеркнул тесную взаимосвязь сына и отца, – у них имя и отчество одинаковы, только поставлены наоборот, и никуда им не деться от совместной работы. Роман придвинулся к столу и стал слушать их разговор, пока не вмешиваясь. А разговор шел о деньгах и таких больших, которые никогда не могли присниться Роману. Смысл состоял в том, что госбанк дает им первоначальный капитал, но не все здесь было гладко. Управляющий областного отделения банка требовал с них, так называемый «откат», который составлял почти третью часть кре-

дита, точнее – три миллиона рублей.

– Наглец он! – гудел Семерчук-старший. – Раньше им давали десять процентов, а сейчас они совсем охамели! – Как понял Роман, он имел в виду государственных банкиров, которые оказывается и раньше, при честной советской власти, имели хороший куш от финансовых сделок, при финансировании предприятий. Вот этого Роман не знал. И, вообще, когда он слушал разговоры тестя, отца, знакомых о ситуации в стране, то все более и более убеждался, что мало он знает о жизни страны, тем более народа. Настоящую жизнь страны заслонили руководящие партийные документы, мероприятия, в разработке которых он принимал самое непосредственное участие. И он решил вставить свое слово в деловой разговор старших родственников:

– Вы так рассуждает, будто у нас уже строится капитализм...

Старшие прервали деловую беседу и после некоторой паузы, Фотин ответил:

– Ты что не слышал, что Ельцин заявил о переходе России к рыночным отношениям в одностороннем порядке? Не будет ждать другие республики, когда они соизволят начать строить рынок...

– Слышал... – даже немного обиженно ответил Роман.

– А сие означает, что социализму конец.

– Так будет другой социализм, хозрасчетный...

Семерчук-старший вступил в разговор:

– Неужели вы в партии не видите, что конец идет не только социализму, но и партии!

– Это ты, папа, загнул. Партия сейчас успешно обновляется. Выбывают из партии, так называемые попутчики, а вступают в партию новые люди и очень много рабочих. Руководителей, практически, нет среди вступающих.

– Вы партработники, я имею в виду действительно преданных идеям коммунизма, живете, как будто бы в другом мире. Все разваливается, а вы этого не замечаете...

Его перебил Фотин:

– Видел, над зданием облисполкома уже целый год висит жовто-блакитный флаг и партия не может его снять...

– Так распорядился центральный комитет Украины... Надо развивать национальное самосознание народа... – перебил тестя Роман.

Тот махнул на него рукой – мелко мыслишь, и продолжил:

– ...а это уже означает распад Советского Союза. Понятно?

– Уже почти подготовлен новый союзный договор...

– А как он будет называться?

– Союз Суверенных Государств... – как-то не совсем уверенно ответил Роман.

– Вот-вот! Видишь слово – государств. Уже не республики! Каждый будет жить отдельно, непонятно, чем связан с другими. Вот Украина как выйдет, то и конец Союзу. Все идет к тому...

Роман обиженно надулся:

– Рано хороните нашу страну. Народ, особенно славяне, не пойдет на такое разрушение.

– Уже и народ обработали в духе разрушения, – веско ответил сыну Семерчук. – Вон смотри, как уже рвут социалистическую собственность разные руководители, комсомол перешел в рынок, самое прискорбное, сват, что криминал у нас оказался необыкновенно силен, рвет свою часть народного достояния, и ему мы ничего не можем противопоставить. У них вооруженные ребята, у нас нет подобной силы, и мы не можем даже попросить защиты у милиции или еще у кого-то, потому что мы все похожи друг на друга. Ладно, сват, будем давать откат? – вернулся Семерчук-старший к деловому разговору.

– Нам некуда деваться. Дадим, что он требует. Идет инфляция, и я думаю, что мы отдадим этот кредит в новых деньгах и намного меньше. Теперь я договариваюсь, чтобы город нам тоже подкинул миллионов десять. Почти тридцать миллионов – хороший уставной капитал. И нам поставлено условие – взять на работу зятя председателя исполнительного комитета... Я склонен согласиться. Пусть он будет работать в банке. Нам пока не резон светиться...

– Лучше бы кого-то своего... – протянул Семерчук-старший, – а впрочем, пусть пока будет он. Деньги мы будем брать на свое имя, капитал наш, а с ним и дивиденды. Плохо, что у нас нет своих, семейных кадров. Дочь с зятем, как я

вижу, не приспособлены к предпринимательству. Рома – занимает такую должность, что пока не может активно помочь нам... – он глубоко вздохнул, – надо подключать племянников к бизнесу. Один у меня – хваткий парень, но любит погулять, хочу его привлечь...

Фотин так же вздохнул, но было видно, что вздох, как подражание Семерчуку-старшему, был наигранным:

– Я уже привлек к бизнесу своих родственников. Работают неплохо, – ему хотелось сказать «и честно», но язык не смог произнести этого слова. – Но давай обсудим дальнейшее. Надо провести учредительное собрание акционеров банка... А это столько мороки...

Роман больше не вмешивался в их разговор, тем более, вопросы касались таких деталей, о которых он не имел представления. Так прошло более часа, когда сваты – будущие банкиры обговорили самые важные вопросы. Этот факт подчеркнул Фотин:

– Значит так! Основные вопросы мы обсудили, более мелкие – будем решать по ходу дела. Но теперь, сват, только не отступать от нашей линии. Провести ее в жизнь. И победить... – последнюю фразу он произнес тише, будто бы не уверенный в успехе своего предприятия.

Семерчук-старший громко рассмеялся:

– Я не отступлюсь. Недаром у меня не тридцать два, а тридцать четыре зуба. Когда я еще был ребенком и жили мы в Карпатах, мне хотели удалить два лишних зуба. А как раз,

отец завербовался работать на шахту в Донбассе и семьей переехали сюда. Так он запретил мне выдергивать лишние зубы. Сказал, что я должен до смерти загрызть своих врагов. Вот и здесь я не отступлю... Надо взять свое и не дать его взять чужим!

«Каких врагов он собирается грызть?» – подумал Роман, но не стал у отца уточнять врагов. Хотя отец был раньше партийным работником, но Роман знал, что он, как и уже умерший дед, не любили Сталина, социализм и русских. Как понимал Роман – это чувство ненависти к другим народам генетически присутствует в душе западенцев. Но это не помешало отцу занимать высокие посты партийные и советские в большом шахтерском городе Луганщины. А сейчас, он мог стать полным хозяином этого города.

– Рома, – обратился к сыну отец, – распорядись, чтобы накрывали обед, да покормили моего шофера. А мы еще немного поговорим со сватом.

Роман понял, что они хотят что-то обсудить без него, и пошел на кухню. Стол для родственников был накрыт в зале. Осталось поставить на него готовые блюда.

– Водителя покормите... – коротко бросил жене и теще Роман и вышел в сад. Кончался май, и сорная трава лезла великанскими темпами, по сравнению с одомашненными овощами, из благодатного чернозема.

«Надо бы прополоть. Этим займутся родители Лены, а мы с ней посадим деревья...» – с рабочим равнодушием поду-

мал он. Его позвали обедать где-то, через полчаса. Столько еще времени беседовали партнеры по бизнесу.

Водителя накормили на кухне, и он отправился на свое место в машине.

За столом старшие много шутили, внуки отвечали им смехом. Только Роман чувствовал немного чужим на пиру победителей, где он оказался в стороне от победы.

Потом отец Романа заторопился с отъездом. И неожиданно для Романа Фотин попросил довести его с женой до своей дачи. Он пояснил:

– Дачу я пока не сдаю облисполкому. Но и они не требуют. До осени забирать дачу у меня станут, а там, может быть, я ее или выкуплю, или оформлю на себя. Место больно хорошее – Зеленая Роща. Там всегда много отдыхающих.

Они уехали, и в доме остался Роман с Леной и дети. Роман был раздосадован, что огород придется приводить в порядок ему – он надеялся в этом деле на тестя с тещей. Поэтому с недовольным видом, он с сыном Владиславом сажал саженцы яблук, груш и слив, каких-то лучших племенных сортов. А Лена с Оксанкой пололи огород и пикировали помидоры.

Поздно вечером, когда дети легли спать, Лена спросила мужа:

– Рома! А зачем нам такой большой дом? Я в нем боюсь находиться одна, мне страшно.

Роман не знал, что ответить:

– Родители твои так захотели... – только и смог ответить

он и, помолчав, добавил, – в нем хорошо в прятки играть. Давай поиграем? Мы, как поженились, никогда не занимались любовными играми.

– Ты, что дурак! – возмутилась Лена, – Детей разбудишь! Давай спать.

– Лена! А знаешь, что надо сделать, чтобы не бояться?

– Что?

– Завести собаку. Я куплю породистого щенка, пусть охраняет дом и верно служит нам. Правильно?

– Может, и правильно. Но кто-то должен жить здесь постоянно, чтобы этого пса кормить...

– Я думаю вообще сюда переехать жить...

– А дети, а школа! – Возмущенно возразила Лена. – Нам надо жить в городе. Иди в спальню спать, а я пойду спать к Оксанке.

Роман со злостью замолчал – опять нашла повод для размолвки, чтобы не спать с ним. И впервые он мстительно подумал о ней: «Дождешься ты от меня... – чего дождешься еще не оформилось в его сознании и неожиданно мелькнула мысль, – пусть только отец окончательно встанет на ноги в бизнесе, я тебе и твоему папе покажу...» – но что покажет то же не уточнил и со злым чувством неудовлетворенного самца он пошел спать в одиночестве в их семейную спальню.

Лето выдалось жаркое. Июль беспощадно сжигал степи Донбасса. Даже на деревьях появились сухие, но пока еще зеленые листья. Воздух был такой горячий, что обжигал горло при глубоком вздохе. Природа жаждала живительной влаги, но ее в ближайшие дни не предвиделось.

Но еще более иссушающимися, чем природная жара, на мозги людей сыпались все новые и новые проблемы и заботы, которые народ должен был разделить с правящими силами в стране. Народ должен был одобрить работу, уже непонятно какой верхушки – то ли партийно-советской, то ли – националистической, которые провозглашали себя толерантными демократами. Счастлив тот народ, который не видит и не чувствует своих правителей – так говорил Конфуций. Но у нас демократия и ты, так называемый демос, должен благословить своих правителей, которые являются слугами народа, на великие дела, даже если эти дела направлены против народа. Так демократия делает слуг народа его хозяевами. Но демократия нужна хозяевам, при ней народу невозможно найти конкретного виновника своих несчастий.

И люди смотрели телевизор, слушали радио и надеялись, что правители все-таки направят жизнь на привычные уже народу вековые традиции – немного подправят СССР и будем жить почти, как прежде. Народ понимает, что к старому

на сто процентов уже не вернешься. Эх, народ, как ты наивен и не можешь понять, что встретился со всеразрушающей силой, прозываемую средствами массовой информации – демократией.

Наступил последний месяц лета – пора бы и отдохнуть. Вроде бы Горбачев с сотоварищами подготовил новый союзный договор и все они, утомленные государственной работой по развалу страны, решили отдохнуть – массово уезжают из Москвы. Горбачев, со своей верной советницей – Раисой Максимовной, построил новую дачу в Крыму и всей семьей уехал туда покататься на море. Плохо деревенский хлопец Миша учил историю, а то бы знал, что у последнего царя лучшей советчицей была его жена. Чем это для России закончилось? Знают все. История развивается как бы по спирали и прошлые события повторяются на новом, более высоком витке спирали. Не повторится ли эта ситуация спустя почти три четверти века?

А пока, от естественной и политической жары верхушка страны решила спрятаться, где попрохладней, да и потише. Такой сплав жары опасен для правителей – как бы их не переплавили в антидемократический материал.

Обком партии притих. Собственно говоря, так было всегда – летом партработники находились в отпуске. Но эти дни были какими-то особенными – все чего-то ждали. Более конкретно, – ждали подписания нового союзного договора, хотя к нему отношение было неоднозначным. На одном из сове-

щаний первый секретарь Попищенко позволил себе критику в адрес вышестоящих товарищей, назвав договор не союзным, а конфедеративным. Но, тем не менее, ждали его подписания. После этого планировали дальнейшую партийную работу по сплочению нового союза.

Но за день до подписания нового договора в обком поступила зашифрованная телеграмма из Москвы. Пока Попищенко расшифровывал ее, по радио и телевидению стала поступать информация о создании нового органа руководства страной – Государственного комитета по чрезвычайному положению. Первый секретарь обкома срочно собрал совещание. Что докладывать он точно не знал, но сообщил о зашифрованной телеграмме, где предлагалось поддержать ГКЧП.

– Какие будут мнения? – спросил Попищенко, заканчивая свое краткое выступление.

Ответил Бурковский, как секретарь по идеологии:

– Мне, кажется, надо поддержать ГКЧП. Этот комитет, возможно, спасет Советский Союз. Хотя, кто знает, как дальше будет развиваться ситуация... – как-то безнадежно закончил Бурковский, хотя все знали его боевитую, напористую, в некотором роде, прямолинейную натуру. А здесь – и мало сказал и что дальше делать – не сказал. Не похоже на него.

Попищенко немного помолчал, ожидая продолжения выступления Бурковского, но его не последовало, и тогда первый секретарь обратился к другим:

– Кто еще хочет оценить ситуацию?

Семерчуку показалось, что Попищенко смотрит на него и ждет его выступления, и он поднял руку, спрашивая разрешения для того, чтобы что-то сказать. Именно сказать – какого-то плана выступления у него в голове не было. Что-то конкретное для этой ситуации он не мог придумать. Но, раз поднял руку – надо было говорить.

– Конечно, ситуация неоднозначная, – осторожно начал Семерчук, – такой ситуации в нашей истории еще не встречалось. Были сложные моменты, но мы узнавали о них, когда они были разрешены. То есть, я хочу сказать, что партийное руководство само разрешало сложные ситуации. Сейчас мы не имеем распоряжений свыше, Горбачев, как говорят по телевизору, болен. ГКЧП в Москве, а мы на Украине, – неожиданно сам для себя Семерчук отделил Украину от Москвы, – давайте, как сказали ранее, подождем еще некоторое время.

Больше выступающих не нашлось, хотя между собой шепотом работники обкома продолжали обсуждать ситуацию. Попищенко предложил всем разойтись, но находиться на своих местах до особого распоряжения.

Семерчук пошел в свой кабинет. Работать не хотелось. Он включил телевизор. В кабинетах, где были телевизоры, все смотрели их. Такого раньше никогда не было. Телевизоры включались только во время работы съезда, да и то – отчетного доклада Генерального секретаря или его похорон. Сейчас все ждали команды сверху, не важно – партийного или еще какого-то – даже чрезвычайного.

Наконец, в два часа дня по телевидению выступил Кравчук. Теперь он был председателем верховной рады. Уйдя из ЦК партии, он неожиданно приобрел облик уверенного главы еще не состоявшейся, но в будущем державы. Но привычка глядеть не прямо в камеру, а в вниз, влево свидетельствует о его подлости, как человека. Но народ на эту мелочь не обращает внимание, он помнит, что Кравчук когда-то спорил с рухом, публично, по телевидению. Ползучесть гада прекрасно демонстрировал Кравчук. От политиков всегда ожидаешь какой-то подлости, только не знаешь ее масштабов. И сейчас, глядя в угол экрана, Кравчук сказал, что на Украине не будет введено военное положение, у нас есть документ о суверенитете и надо соблюдать спокойствие.

После его слов у Семерчука, собственно говоря, как и у других стало спокойнее на душе – соблюдаем спокойствие дальше. Он еще смотрел телевизор, видел, как Ельцин с кузова автомобиля, объявил путчистов вне закона. Ему сразу же на ум пришла историческая аналогия – в семнадцатом году Ленин тоже выступал, стоя на броневике и Ельцин только повторил то, что уже когда-то было.

«В ГКЧП вошли все силовые министры, они быстро раздавят Ельцина и всех, кто будет против» – подумал про себя Семерчук. Но к его удивлению, силу путчисты не применяли. Так он просидел в кабинете, ничего не делая, до семи часов вечера. Все ждал, что состоится какое-то совещание, но команды не поступило и он, увидев, что другие уходят,

тоже пошел домой.

Он пошел через сквер возле обкома, где собралась большая толпа. Подойдя ближе, Семерчук увидел телекамеры – шла прямая передача событий с улицы Луганска. Он увидел, что в первом ряду, перед телекамерами Баранского, который задавал какие-то вопросы телеведущему, а так же Кирисову, Смирного и других деятелей, уже в открытую демонстрирующих свою политическую силу луганчанам. Баранский явно красовался перед камерой, задавая вопрос, как потом выяснил Семерчук начальнику внутренних дел области:

– Как посмел милиционер арестовать студента, который вышел с плакатом против ГКЧП на перекресток Оборонной и Советской? У нас что – снова вернулись сталинские времена?

На небольшом экране монитора генерал-лейтенант обещал разобраться с этим случаем и даже наказать милиционера, который задержал протестующего против ГКЧП. Видимо, такой чрезвычайный случай был единственным, то руховцы продолжали его муссировать. Вмешалась Кирисова:

– Это студент нашего пединститута. Его позиция выражает чувства, если не всех, то большинства студентов. Наши студенты хотят полной демократии! А милиция препятствует выражению демократических взглядов!

Начальник областной милиции мужественно отбивал натиск демократов. Он говорил, что возьмет этот случай под личный контроль и больше никогда над демократами не бу-

дет проявлено насилие. Баранский, картавя, повторял один и тот же вопрос:

– Вы, генерал, должны понимать, что есть и национальная демократия. И вы должны этот факт учитывать. Мы Украина – и мы отличаемся от других народов Советского Союза. Украинская демократия берет свое начало от запорожских казаков, она старше других демократий и имеет свою особенность – украинскую...

И эти тезисы, пока еще неизвестные луганчанам, он повторял много раз, в разных вариантах, областному генералу.

Семерчук решил, что хватит слушать эту националистическую ересь, а то его кто-то узнает и, как работника обкома, попросит что-то прокомментировать, и он, потихоньку выскользнул из толпы, и пошел домой. Дома, за ужином, Лена его спросила:

– Не жизнь, а какой-то кошмар! Что же будет дальше?

Роману не хотелось признаваться в том, что в обкоме не знают, что будет дальше и поэтому он ответил более оптимистично, чем думал:

– Перемелется все, и снова будем работать. Может, не так, как раньше. Меньше переживай по этому поводу. Надо в отпуск. Может, поедem в Крым?

Лена передернула плечами – воспоминания об отдыхе в Крыму часто уязвлялись у нее с выходом замуж за Семерчука, и ей это было неприятно. И она возразила:

– Я уже в отпуске и мне хорошо в новом доме. А тебе бы

надо отдохнуть. А то последнее время ты отдыхаешь осенью.

– Завтра же напишу заявление на отпуск. Но боюсь, что не дадут.

Настроение у обоих было подавленное из-за того, что в стране нет порядка, а у Лены снова возникла боль за свое замужество. Она стала многое в этом замужестве понимать, потому что видела дружбу своего отца и свекра – кажется, они устроили ее будущую жизнь.

На следующий день Роман просто не смог зайти к Бурковскому, чтобы решить вопрос с отпуском. Сначала его не было, а потом он долго находился в кабинете у первого. Советаний не было – партработники сидели в кабинетах, иногда быстрым шагом проходили по коридору, забегая на минутку к коллегам, чтобы обменяться мнениями по сложившемуся положению. Семерчуку даже стало казаться, что этот большой дом, в котором он работал более десятка лет, стал для него чужим. С тяжелым сердцем обкомовцы расходились вечером по домам, не зная, что будет завтра.

Но через день прилетел в Москву с отдыха Горбачев. Он с женой с удовольствием рассказывали, как их полностью изолировали на новой даче. Жена поведала, что нашли на чердаке старый детекторный приемник и слушали его и поэтому были хоть в курсе основных дел в Москве. Но пронырливые журналисты задали резонный вопрос – как на только что построенной даче оказался приемник пятидесятых годов? И Горбачевы замолчали, довольные тем, что в скирде

сена, по-крестьянски, пережили трудные дни и теперь можно и покрасоваться, да и занять какую-то должность. И вот Генеральный секретарь Горбачев публично бросает на стол свой партийный билет и заявляет, что он понял, что партия – преступная организация, а он перестроился. Только как перестроился – морально или материально – он не пояснил. Недаром при социализме, каждый новый правитель по своим моральным качествам, ниже предыдущего. И вот венец морального разложения – Горбачев – совка меченый. А девятнадцать миллионов коммунистов так и не смогли перестроиться, оказались честными дураками – своими вносами кормили эту высокопоставленную партийную гниль. В партии, где много членов, мало ума у каждого. А если у партии не хватает ума, то с лихвой хватает наглости, чтобы объявить себя честью и совестью народа. Народ! Смотри на своих правителей! Они же утверждают, что они твоя совесть! Смотри, громче!

А на следующий день Ельцин прекратил деятельность КПСС. Он, как бывшая партийная совесть народа – запретил партию, которая вывела его, пьяницу, на самую высокую политическую орбиту и своей грязью облил народ. Эта грязь, превращаясь в семейную, потом в организованную преступность, стала подгрывать под себя богатства народа. В этот же день работники МВД в обкоме забрали стрелковое оружие – десять пистолетов, которые всегда находились в сейфе в одном из отделов – на случай какой-либо опасности. А сей-

час оружие изъяли – партия уже не боевой орган. Положение стало серьезным.

Но, тем не менее, Семерчук и другие его работники обкома вышли на работу. В коридоре их встречал Бурковский:

– Заходите в малый зал заседаний...

В зале собрался последний, неполный штат обкома. Кто-то уже не вышел на работу. Пришел Бурковский. Он прошел за стол президиума. Он не сел на стул, немного постоял, будто собираясь с мыслями и начал тихо и медленно говорить:

– Как вы все знаете, вчера бывший партийный руководитель, ныне президент России – Ельцин обнародовал документ о запрете коммунистической партии. Горбачев, публично выбросил свой партбилет, и объявил свою партию преступной. Наша партия не существует. Мы с вами честно работали по построению нового общества, как бы его не называли – социалистическим или коммунистическим. Нам нечего стыдиться. Нас, коммунистов, предали переродившиеся в буржуазном духе, руководители.

– Под суд их! – раздался чей-то голос.

Бурковский вытер пот на лбу:

– Пока суд над предателями невозможен. Они перешли на новый, более высокий уровень власти. Но они еще будут судимы. Скоро сюда должны придти какие-то власти. Они хотят забрать имущество партии...

– А где первый секретарь? – снова раздался чей-то голос,

человека не привыкшего сдаваться ни при каких обстоятельствах.

– Вы, наверное знаете, что вчера Попищенко уехал домой, в Красный Луч. У него там семья. Есть семейные сложности. Здесь, как вы тоже знаете, он до сих пор не получил квартиру. Точнее не стал получать. Сейчас он с семьей, решает какие-то личные дела... Он обещал завтра прибыть в Луганск.

Бурковский не стал обострять вопрос о бегстве первого секретаря со своего рабочего места. Тот, как и Горбачев, решил на деревне пережить труднопонижаемое время. Но и он-то всего секретарь несколько месяцев, толком не вошел в курс руководства областью. Но вопросы оставались сугубо утилитарного характера

– А кто в отпуске не был, как им будет компенсирован отдых?

– Пока не знаю. Но все получают зарплату за август, а кто не успел воспользоваться отпуском, то дадим компенсацию. А сейчас к вам такая просьба – возьмите свои личные вещи из кабинетах и расходитесь.

Пора было расходиться, потому что во входную дверь заглядывали двое представительных мужчин и один из них призывно махал рукой Бурковскому, приглашая на выход.

– Спасибо, друзья, за работу... – Еще раз попрощался с бывшими соратниками Бурковский и быстро пошел к двери. Уже в коридоре он поздоровался с пришедшими за руку. Одного из них Бурковский знал, второй, пожимая руку,

представился:

– Полковник КГБ...

Они быстро прошли в кабинет Бурковского. Там, видимо, старший кегебист спросил Бурковского:

– Все документы передал Попищенко вам?

– Все. – Он открыл металлический сейф, и достал синюю папку. Потом открыл ее и кивнул одному из чекистов, чтобы подошел – вот все счета партийных денег нашего обкома, которые находятся на депозитах сберегательной кассы. А вот счета в австрийских банках. Счета в долларах...

Он не договорил, его перебил кегебист:

– А в каких еще европейских банках хранятся партийные деньги?

– Нам дали только счета австрийских банков. Но здесь очень солидная сумма в долларах и ваша задача сохранить эти деньги для будущего возрождения партии... Местные партийные счета, переданы вчера финансовым структурам области. Их партия уже не вернет.

– Нам поручено эти деньги сохранить, и мы это сделаем. – по-солдатски послушно ответил чекист. – Если вы отдали все, что есть, то давайте прощаться, а то скоро сюда придут и обыщут все кабинеты. Спасибо вам. Доложим, что передача счетов прошла оперативно и полно...

– Нет! – Возразил Бурковский, – напишите мне расписку, что я вам передал папку с финансовыми документами.

Чекист поморщился:

– Машинистки нет, поэтому я могу написать расписку только от руки.

– Пишите от руки.

Кеgebист не спорил. Бурковский протянул ему лист бумаги для печатной машинки, и чекист стал быстро писать. Потом протянул бумагу Бурковскому:

– Извиняюсь, что нет печати, – как бы сострил чекист, – но подпись моя и есть расшифровка фамилии. А теперь – до свидания.

Оба протянули руки для прощания Бурковскому, которые он машинально пожал и чекисты быстрым шагом пошли на первый этаж к выходу.

Это была последняя финансовая операция партии по сохранению партийных денег. Она была разработана еще зимой, знали о ней немногие, и исполнена в последний момент жизни партии. КГБ обязаны были хранить эти деньги для лучших времен. И кеgebисты эти деньги честно хранили более десяти лет. Но когда стало понятно, что времена коммунистической партийности никогда не вернуться, у генералов КГБ, которые в момент передачи счетов были полковниками и подполковниками, появились многомиллионные счета в иностранной валюте и некоторые из них стали публично, в наглую бросаться этими деньгами. Таких, просто будут увольнять без выяснения, откуда появились эти деньги. Огласка здесь не нужна. Партийные деньги распределены между властителями и чекистами. Все честно – как у воров

на сходке поделен «общак». А эти деньги, – партийные взносы коммунистов. Бывшие коммунисты – вы тоже народ и вас обокрали, как минимум на один раз больше, чем остальной народ.

У Семерчука в кабинете практически не было личных вещей. Он собрал в портфель шариковые ручки, карандаши, начатую пачку писчей бумаги – пригодится детям. Что-то из документов он не стал брать. Сняв галстук и положив его в портфель, он даже с внутренним удовлетворением подумал о том, что закончилась его партийная жизнь и не надо уже соблюдать официальный формализм в одежде. Он стал свободен. Но, чтобы освободиться от идеологии, необходимо некоторое время. Для руководителей партии – время короткое, иногда изменяется мгновенно, для рядовых коммунистов обида за свое партийное прошлое может не пройти никогда – всю жизнь. Его будет грызть мысль – как это его могли долгое время обманывать партийные правители и чувствовать боль за их предательство. Где личная выгода – там предательство. Все предательства, которые творят правители, они называют заботой о народе. Жаль, что среди тех, кому за державу обидно, редко можно обнаружить правителей.

Семерчук вышел из обкома. Его недавние коллеги частично расходились по домам, частично ради любопытства остались в скверике с голубыми елями. А посмотреть был на что – возле входа телевизионщики разворачивали свою аппаратуру, телеведущие давали какие-то указания. Рядом с вход-

ными ступеньками в обком стояла толпа националистических демократов. Впереди стоял Саша Смирный. Но это был не тот забитый учителяшка, умоляющий знакомых помочь ему со вступлением в партию. Сейчас он отрастил рыжие усы, которые широкой полосой из-под носа, двумя ручьями стекали к подбородку. Когда-то блеклые от постоянных неудач глаза, сейчас горели ярким непримиримым огнем национальной идеи, за которую он был готов стоять до конца. Он отдавал команды и напряженно ждал продолжения, где бы он сам и его ребята проявили бы свою демократичность. Реяли желто-синие флаги, транспарант: «Пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС!» Все замерли в ожидании начала или продолжения действия.

И вот оно настало. Подъехала «Лада», и из нее вышли трое человек – все депутаты городского совета. Им Луганский горсовет поручил опечатать здание обкома. Впереди, радостно блестя цыганскими черными очами, шла Ольга Кирисова. Рядом еще двое депутатов от демократов города. Когда троица подошла к массивным входным дверям, толпа по взмаху руки Смирного затянула «Ще не вмерла Украина...», но пропели только один куплет, потому что по мановению руки Кирисовой, замолкли.

Депутаты перекинулись несколькими словами с телевизионщиками и вошли во внутрь здания. Впереди уже шла поэтесса Татьяна Денежкина с микрофоном в руках вела прямую передачу, за ней оператор с камерой на плече, потом

остальные. Денежкина уже два года, как стала работать на телевидении, и сейчас была горда той ролью, которая предназначалась ей – партия ее стихи раньше не замечала, то сейчас увидит ее саму, лично. Но в здании было тихо. Ручки дверей, которые трогали пришедшие, оказались закрыты. На втором этаже они увидели Бурковского, который вышел из своего кабинета, услышав шум в коридоре. Он первым коротко спросил пришедших:

– Что вам нужно?

Денежкина сжав губы до двух ниточек, не отвечая на его вопрос, сурово спросила его:

– Что вы здесь делаете? Здание сейчас будет опечатано.

Все должны покинуть его!

Бурковский будто не слыша ее, ответил:

– Идите отсюда. Здание охраняется милицией и не надо его опечатывать. Кстати, а у вас есть хоть какой-то документ?

Кирисова вышла вперед и с сияющей улыбкой протянула ему постановление горсовета. Бурковский взял бумажку в руки и прочитал, потом спросил:

– Но такое серьезное мероприятие, как опечатывание, должно быть подкреплено постановлением прокуратуры.

– Это единогласное решение городского совета и ему надо подчиниться, без всякой прокуратуры.

Бурковский остался один в обкоме партии лишь для того, чтобы удостовериться, что имущество не растянут демократы и, вроде бы, документально передать это здание другому

органу. Денежкина продолжала говорить суровым тоном:

– Немедленно покиньте здание. А то мы вынуждены будем вас арестовать за неподчинение...

Какое неподчинение она не уточнила. Бурковский развел руками:

– Что ж, берите здание на хранение. А я на минуту зайду в кабинет и возьму свои вещи.

– Мы идем с вами!

– Зачем?

– Чтобы вы не взяли чего-то лишнего и не испортили имущество!

Бурковский даже рассмеялся:

– Пойдем-те! Смотрите, не заложу ли я бомбу... Все кабинеты закрыты. Нечего вам долго ходить.

Вместе с Денежкиной и Кирисовой он вошел в кабинет и стал складывать личные бумаги в дипломат. Денежкину он видел раньше. Про себя думал: «Это – поэтическая подстилка успела залечь в демократическую постель. Вторая...» Но о второй – Ольге Кирисовой он знал немного, поэтому не мог придумать никакого сравнения. Но, если бы знал, то эпитеты были бы более красочные. Он взял дипломат в руки и обратился к присутствующим:

– Пошли...

Он шел впереди, остальные позади и получалось, как будто это его охрана. Бурковский вышел на крыльцо и толпа по знаку Смирного закричала:

– В мордовские лагеря его! Палач! Сталинист! На гиляку его!

Но Бурковский, не обращая на них внимания, прошел по скверу и пошел вниз по улице мимо драматического театра.

Семерчук видел, как радостно смеясь, городские депутаты во главе с Кирисовой, вкладывали внутрь замка бумажку со своими подписями и закрывали амбарный замок. Представление закончилось. Но на что обратил внимание Семерчук, кричала только толпа у крыльца, остальные собравшиеся молчали. Народ, как у Пушкина, безмолствовал. Он до конца так и не понял, что же произошло.

А спустя еще два дня на Украине, за подписью бывшего партийного секретаря по идеологии Кравчука, вышло постановление о прекращении деятельности партии на Украине. Пусть все видят, что Украина не зря только что провозгласила свою независимость и ей не нужны постановления центра или другой республики.

После августовских событий Семерчук не работал два месяца. Хотя прежняя работа была ликвидирована – лучшего слова не подберешь, он считал, что ему положен отпуск, хотя компенсация за него была выплачена. Он в Крым или еще куда-то отдохнуть не поехал, – не было настроения, – а провел осень в своем новом доме. Ему даже стало нравиться собирать поздние помидоры, кабачки и еще какие-то овощи, и он даже стал жалеть, что фруктовые деревья молодые и на них пока плодов нет. А то было бы еще интереснее жить на даче, как он выражался, и консервировать плоды природы на зиму.

Его товарищи по работе находили себе работу, в основном, в частных компаниях, – торговых, транспортных, посреднических... Бурковский пошел работать в бюро по трудоустройству, которое располагалось в левом крыле здания, бывшего обкома партии. И работал он не руководителем, а заведующим небольшого отдела. Из всех бывших работников обкома, он, наверное, единственный, работал в государственном органе. Не нашел более доходного места, – шептались между собой его бывшие товарищи.

Украина гудела в ожидании референдума о независимости и выбора президента. Скрытому бандеровцу Кравчуку противопоставили открытого нациста Чорновола. Кого на-

род изберет? Ясно, как дважды два! Советский народ никогда не изберет открытого бандеровца. Но Кравчуку этого мало – он вспоминает, что когда был учеником в школе, то носил еду каким-то партизанам. А это было на западной Украине, то там не было красных партизан, были свои – местные из украинской повстанческой армии. Поэтому жители Галиции должны понимать, что Кравчук свой, но об этом пока не надо громко говорить. Но народ не даже не обращает внимания на то, что оба главных кандидата в президенты выходцы с западной Украины. Но он знает общую оценку западенцев, – честных людей среди них нет. Все известные выходцы оттуда были стукачами КГБ и служили верно коммунистической партии. Даже Чорновил, будучи коммунистом и инструктором райкома комсомола сидел первый раз за попытку изнасилования симпатичной комсомолки. Но петух Воркутинской зоны потом сидел за антисоветскую деятельность, и первая уголовная судимость оказалась прикрытой сидением за демократические идеалы в тоталитарное время. Но этого народ не знает, потому что существует табу на уголовные преступления кандидата и лепится из преступника образ великого демократа, борца за независимую Украину. Кто проводит избирательную кампанию понимает, что народ за этого независимца не проголосует. Кравчуку открыт прямой путь в президенты. Тем более, такая умилительная черточка из его биографии – он любит лепить вареники и есть их. А кому не нравятся вареники? Это обычная еда народа. Когда

ему нечего есть, он лепит вареники из самых дешевых продуктов: ягод, картошки, капусты и другого, что есть в доме или на огороде. Пусть у народа закрадется в его недалекую голову мысль, – может, и Кравчук иногда голодает? И народ через вареники понимает, – он свой в доску, временами, как и он, не доедает. Правда, упитанность у него намного выше средней, чем в свиноводстве.

Семерчук отдыхал на даче до ноября. Но приходилось в будние дни приезжать в город – дети пошли в школу, и Лене нужна была помощь. Она с сентября вышла на работу. В ноябре отец и тесть оформили все документы на деятельность банка и арендовали несколько комнат в одном из зданий в центре города. Так возник банк «Селенга». Совет директоров возглавил Семерчук-старший. В него вошел Фотин. Но директором банка стал Кушелер – молодой экономист, возраст – немного за тридцать, имеющий опыт работы в финансовой сфере. Вот тогда-то Семерчук-старший сказал Роману, с гоголевским пафосом:

– Ну, сынку, давай берись за работу. Надо делать деньги. Будешь в этом банке, пока, заместителем директора по кадровой политике...

Кадров в банке было немного и у Романа работы практически не было, но зарплата была намного больше, чем в обкоме, шла. Но отец подчеркнул:

– Пока приглядывайся к работе, а на следующий год поедешь учиться в Москву или Киев на менеджера банка. А

пока учишь здесь. Помни, – не в деньгах счастье, но они обеспечивают его полноту. – мудро подчеркнул отец.

Теперь при разговоре о семейном бизнесе обязательно должен был присутствовать Роман. Старшие вводили его в курс своих бизнес-дел. Пока что-то намечали и ждали окончательного перехода к рынку на Украине. Ельцин в России уже объявил о переходе к рынку с первого января. Правда, депутаты высших органов, возмущенно возразили – первого января праздник для народа и не надо его народу портить. Ельцин вынужден был прислушаться к их крикам, и перенес переход к рынку в России на второе января. А народ молчал. Если молчание золото, то наш народ самый богатый в мире.

Но Роман заметил, что коммерческие планы его отца становились все более масштабнее. Фотин же, наоборот, как-то не стремился к большому бизнесу, предпочитая оставаться в тени Семерчука-старшего. Это беспокоило Романа, как бы один сват не подставил другого свата. Но с отцом он своими мыслями не делился. Зная генеалогические корни Фотина, он успокаивал себя известной поговоркой: «Где хохол побывал, там еврею делать нечего». Под хохлом он имел в виду отца.

Так Роман стал работать в банке. По сравнению с работой в обкоме партии, эта работа его как-то унижала. Если говорить высоким словом и с пафосом – раньше он пропагандировал всеобщее равенство во всем, то теперь взял на вооружение другой лозунг – пусть каждый лично обеспечивает се-

бя во всем. Но когда он получил первую получку, которая оказалась в несколько раз больше, чем он получал в обкоме, то совесть его как-то забыла о всеобщем равенстве. Деньги – лучшее снотворное для совести. И в этом Роман все более и более убеждался.

Референдум его все-таки интересовал. Идя утром на работу, вечером – возвращаясь домой, он с большим интересом читал листовки, расклеенные на столбах и фонарях. Он видел, как руховцы агитировали народ – молодые люди раздавали газеты и листовки прохожим. В стороне стояли их руководители – Баранский – он всегда был с ними, видимо, охранял. Иногда были Кирисова, Смирный. В листовках писалось, сколько чего Украина производит. И действительно по металлу, продовольственным товарам Украина была на первом или втором месте в Европе. Сахара на душу населения производила 118 килограммов, а потребляла только 50. Сахар будет на Украине дешевым, конечно, не бесплатным. Но обязательно ниже себестоимости. Так будет и по другим продуктам. Их будем продавать по мировым ценам России и другим государствам. Это обеспечит дешевизну товара на внутреннем рынке. И это вдалбливалось народу Украины всю осень. Только голосуй за независимость.

Когда Роман приходил домой и смотрел телевизор, то украинские каналы только и внушали зрителям, что в независимой Украине будет жить лучше, чем в Союзе. Агитаторы всех мастей – от националистов, до демократов твердили,

что Советский Союз – тюрьма для всех народов, кроме русского. Не осталось национальной культуры и литературы – все вокруг партийно-советское. Россия – вечный угнетатель народов. Надо ее разрушить – раз и навсегда. Да здравствует независимость!

В Луганске приезжие демократы включились в разрушение страны. Виктор Щекочихин – журналист, а попутно писатель из Москвы. Его в Луганске избрали депутатом союзного съезда народных депутатов. Чуть позже, за это он луганчан отблагодарил. Дал интервью, где сказал, что когда его демократический штаб в Москве послал баллотироваться в Луганск, то в первую очередь он схватил карту, и стал искать, где находится этот город Луганск. Луганчане его избрали и обеспечили хорошую зарплату, и сейчас и в будущем. Обидел нас демократ, но и показал уровень своей наглости. Так теперь этот журналист выступал по телевидению для Украины и Луганска, где выпучив жабыи глаза, заикаясь, внушал: «Не бойтесь развала Советского Союза. Пусть на месте империи появятся отдельные государства. Все будет, как в Европе. Границ не будет. Будем передвигаться из государства в государство, как и раньше. Как я сказал, будем жить как в цивилизованной Европе». И при этом глаза на вылупку народного депутата не выражали никакого интереса к судьбам народа. Он и при новом строе хорошо устроится – будет снимать фильмы, как плохо живется людям, что появились границы между Россией и Украиной, и это большое

препятствие для народа. Но это будет потом. На всем сумеет заработать демократ!

К пробиванию совкового сознания жителей Украины, подключилась более крупная шишка от демократии. С концертами по Украине ездил Кобзон и агитировал народ голосовать за независимость. А чтобы охватить большую народную аудиторию, он выступал по телевидению. Грассирующим голосом партийно-комсомольского певца, он внушал гражданам Украины:

– Это хорошо, что Украина хочет стать независимой. Ей давно надо ее получить. Я родился на Украине и украинский дух из меня не выветрился. – Бил себя в грудь Иосиф Давыдович, – Голосуйте за независимость Украины!

Потом он будет говорить по другому, но это будет потом. А сейчас он разрушал Советский Союз, но не собирался переезжать жить на Украину – из России более эффективно можно руководить постсоветской эстрадой. Ни одно более-менее крупное культурное мероприятие не обойдется без Кобзона. А попутно в Государственной Думе, Иосиф Давыдович будет руководить развитием русской культуры и многонациональной культурой России. Он даже песню споет на бурятском языке – в первый раз депутатом его избрали буряты. Что не сделаешь для того, чтобы попасть на сытную должность депутата Государственной Думы! И закукарекаешь кукушкой! Главное кукушке – положить яйца в нужные гнезда. И безбедная жизнь обеспечена на всю жизнь! И депу-

таты каждый сезон, то есть в новый созыв, откладывают яйца в большущее гнездо, называемое парламентом, и неважно от какой партии. Наиболее выгодно заниматься такой ерундой, как политика, которая приносит значительный доход.

Накануне референдума в банке состоялось совещание, на котором присутствовали Фотин и Семерчук-старший. Обсуждали текущие вопросы, но не могли обойти референдум. И тут, к удивлению Романа, мнения разошлись. Кушелер – директор банка стоял за независимость Украины. За это же готовился проголосовать Семерчук-старший. Их убежденность строилась на том основании, что в независимой Украине будет больше простора для предпринимательской деятельности местным предпринимателям. В России есть более финансово крепкие люди, и они подомнут под себя украинских банкиров и капиталистов. Фотин не соглашался с ними, считая, что надо привлечь в свою компанию кого-то из Москвы, чтобы быть крепче, надежнее и иметь больше возможностей для расширения своего капитала не только на Россию, а, возможно, и на другие страны. Но к общему мнению не пришли, но этот разговор, особенно позиция отца, заронили в душу Романа сомнение о целесообразности сохранения Союза. Но дома, он Лене твердо говорил, что будет голосовать против независимости, и жена соглашалась с ним.

Тем более, украинские политики стали объяснять, что итоги мартовского референдума о сохранении Союза никто

не отменял, и голосовать украинцы будут за подтверждение декларации от 16 июля 1990 года о суверенитете Украины и вхождение ее в состав обновленного Союза – неизвестно, как он еще будет называться. А акт о независимости Украины от 24 августа 1991 года, только подтверждает, что Украины войдет в состав нового Союза, как независимое государство. И народ, который не хотел развала СССР охотно верил в эти лживые разъяснения подлых политиков. Уж, очень не хотелось плохого...

Бандеровец Кравчук обратился к народу, где пообещал не ущемлять русских людей и русский язык. Но для этого надо за него проголосовать, чтобы он стал президентом. И народ ему верил – все-таки недавно был партийным работником и еще не забыл об интернационализме. Но мало кто знал, что он западенец – а они и родную мать продадут...

1 декабря народ шел голосовать. Везде, на избирательных участках висели два документа – декларация о суверенитете, где говорилось о вхождении Украины в новый союз и акт о независимости. Но когда людям давали бюллетень, – страницу заполненную текстом и кто-то читал, написанное на украинском языке, то он вначале читал ссылку на декларацию, где говорилось о вхождении Украины в обновленный союз. Но концовка противоречила декларации – надо было голосовать за независимость Украины.

Роман с Леной пришли на участок голосования часов в десять. К их удивлению, к столам за получением бюллетеней

стояла очередь. Они тоже встали к своему столу. Он слышал недоуменные возгласы: «За что голосуем! За новый союз или независимую Украину!» Большинство непонимающих были люди старшего возраста – «Обманули!» Но за отдельными столами сидели наблюдатели, которые разъясняли непонимающим, за что они голосуют. Роман обратил внимание, что наблюдатели говорили на украинском языке, точнее – галицийском. Сразу пришла мысль, что наблюдатели приехали на Донбасс с западной Украины. «Повсюду расплозились националисты» – недовольно подумал Роман, но вслух не стал об этом говорить, даже Лене. А наблюдатели по-украински объясняли непонятливым луганчанам:

– Вы голосуете за незалежность Украины. А потом она будет выбирать – выгоден ей союз... – и дальше замолкали, оставляя остальное на раздумье людей.

Получив бюллетени, Роман и Лена зашли в разные кабинки. Дома они говорили, что проголосуют против независимости. Лена так и сделала, зачеркнув слово «так», что означало «да». Роман, помнил слова отца, что он будет голосовать за независимость, и решил, что отец прав – они выходцы с Карпат. Он зачеркнул слово «нет» и оставил слово «так». Вышел из кабинки и бросил бюллетень в урну. Лена спросила:

– Я проголосовала против, а ты?

– Я тоже, – не дрогнувшим от лжи голосом ответил Семерчук, – против незалежности.

А народ добавлял в бюллетени свои уточнения. В основном они были такими: «За независимость, но в составе обновленного союза». Потом их уточнения, которые были написаны на лицевой части бюллетеня посчитали испорченными, а кто написал на обратной стороне, – посчитали «за».

Как водится при демократии, большинство проголосовало за то, что выгодно меньшинству. Захотелось народу бесплатного сахара. Но чрезмерное употребление сахара приводит к болезням и часто неизлечимым. Будешь ты, народ, вскоре болеть не от поедания бесплатного сахара, а от недоедания хлеба. И болеть всеми болячками, присущими недоделанной, но независимой «державы». И еще, народ, прежде чем заболеть, стоило бы тебе поинтересоваться стоимостью лечения. Народ, чем больше и дольше тебя лечат, тем выше вероятность того, что ты никогда не выздоровеешь.

Тупой ты, народ! Это я и про себя говорю. Если не разобрался в первоначальном массовом обмане себя, то ждет тебя лживая жизнь и в дальнейшем. Власть, замешанная на лжи и обмане, никогда не станет народной! Сила власти определяется слабостью и глупостью подвластных! И ты, народ, оказался глуп.

А через неделю на народ свалилась новая неожиданность. 8 декабря в Беловежской Пуще, собрались три «зубра». Они внешне похожи – сальные, толстомясые и толстокожие. Как настоящие зубры – каждый из них хотел урвать для себя большой клоч сена – должность, а с нею – материальную вы-

году. От польской границы недалеко – всего восемь километров. Если вдруг армия или еще какая-то политическая сила захочет арестовать их, то можно пешком убежать в Польшу. Но армия духовно сломлена, чекисты преданы правителями. Они не способны защитить тебя, доверчивый на обещания, народ. Но понимали, подонки, что совершают огромную подлость для народа. А коллективная подлость намного мерзостнее индивидуальной!

И посмотри, народ, был ли среди этой троицы русский человек? И ты убеждаешься, что не был. Ельцин – алкаш, с замаскированной под русского человека фамилией, за рюмку страну продаст; подлый бандеровец – Кравчук; лицемерный лис – Шушкевич. Пишут, что омерзительную роль сыграл какой-то Бурбулис. И эти подонки решили судьбу огромной и уникальной по своему этническому составу страны! Они объявили, что СССР создавали четыре республики, но Закавказской Федерации давно нет, поэтому оставшиеся три республики вправе распустить Союз. Врут, сивые мерины! СССР создавался всеми народами. В 1922 году прошли по всей Советской России собрания, начиная с трудовых коллективов и, заканчивая съездами республик, и венец нового государственного образования – съезд Союза Советских Социалистических Республик. СССР – создавал народ, а ликвидировали три не русских холуя, ничего общего не имеющие с многонациональным советским народом. А раз народ создавал уникальное государство, то надо было бы и его еще

раз спросить о его сохранении.

И пусть демократы пишут, что народ формально участвовал в создании СССР, был тоталитаризм. Народ, смотри на фамилии, кто это пишет! Русский человек или нет?! Не страшно, если в стаде заводится паршивая овца – страшнее, что она ведет стадо за собой! Козлы повели за собой народ. А лучший козел отпущения – бессловесный народ.

На десятки лет вперед посеяли кровавую вражду между народами.

И будут судимы народами те, кто ликвидировал СССР! Даже после их смерти!

Все равно славянские земли сольются в единое целое. Украина, освободившись от мрази бандеровщины станет единым телом с Россией. Белоруссия и Казахстан, избавившись от диктаторских режимов, так же волеются в Россию.

Смерть страны удовлетворила личные амбиции меньшинства, чтобы заставить страдать большинство!

1993

Самое страшное у человека – память. Память подводит нас не тогда, когда мы что-нибудь забываем, а когда мы вспоминаем то, отчего нам становится больно, становится не по себе. Возвращаясь к временам перестройки, задаешь себе мучительный вопрос – как получилось, что противники России так легко смогли обмануть народ? Перестройка задумывалась, как очередная реформа, а превратилась в обман народа. Началась перестройка, вроде бы, с искренних побуждений – сделать общество лучше. Но, чтобы обмануть народ, необходимо быть предельно искренним. А были искренними властители? Можно говорить безапелляционно – нет! Когда-то батюшка Махно сказал: «Власть рождает паразитов!» Неграмотен был крестьянский вождь, но по-народному мудр. Советские правители не приобрели народной мудрости. Человек тогда становится мудрым, когда его желание знать превосходит желание иметь. А как при социализме можно что-то заиметь? Один путь – паразитировать на народном теле. А все наши правители кичились тем, что вышли из народа, начинали рабочий путь на заводе или колхозном поле. Но, как только выбивались в начальники, то находили место у корыта иждивенчества. А к иждивенчеству, как форме паразитизма, привыкаешь быстро. Так возник класс паразитов и социальная паразитология. А где по-

является слово «социальная», то жди обмана. Все социальное для народа было обманом. Незаменимых людей нет, кроме начальников. И они непременно должны быть впереди всех у государственного корыта и только по ранжиру – а то не будешь начальником. И у этого корыта густо толпятся социальные паразиты.

Разорвали Союз. Кому от этого стало лучше? Естественно, меньшинству – демократам и либералам разного политического толка. Криминалу – несомненно. Вместе с ними криминал полез во власть. И все у них получается хорошо, правда, бывают мелкие ссоры, перестреляют друг друга, и снова мир. Проиграло пассивное большинство, прозываемое народом. Цены – до небес, заработная – на уровне дна, и ее платят нерегулярно, каждодневная инфляция, безработица и прочие отрицательные прелести. Но, чтобы сделать послушным народ, надо его поставить на грань выживания. Поэтому терпи, народ, лучше не будет. Это апробированная в мире политика по отношению к населению. И вот уже народ не доедает, не работает, потому что нет работы, но молчит и только недовольно сопит. Выступить против нельзя – власти просят немного потерпеть, – потом будем жить лучше всех в мире. Правда от инфляции нет никакого ущерба тем, у кого нечего есть. Народ и без хлеба выживет. Были более трудные для народа времена, и не умер же он – успокоительно-спасительная мысль для власти. Сопим и терпим.

А так ли необходимо было разрушать Союз? Может быть,

стоило агрессивному демократическому меньшинству выделить какие-то территории, чтобы удовлетворить их личные амбиции? Вполне возможно. Раз Союз создавал народ, то стоило и его спросить – согласен ли он на его ликвидацию? Не весь советский народ спрашивать, а только в приграничных областях России, Украины, Белоруссии, Казахстана. Провести референдум, – в каком государстве они хотят жить? И три четверти украинских областей, отданные когда-то Украине Российской империей и большевиками, захотели бы жить в России, вернув себе исторические названия Новороссия и Малороссия, выделив отдельное «рогульско-бандеровское» государство – Галицию. Все шесть белорусских областей не захотели бы создавать искусственную Белоруссию, и ушли бы жить в Россию. Не было раньше такого государства – Беларусь. И не вспоминали бы сейчас позорный случай 1926 года, когда ЦК ВКП(б) распорядился срочно создать белорусский язык, взяв за основу местные русские говоры. Советская власть дала Казахстану огромную территорию – куда забредал с отарой овец заблудший казах, там и провели линию границы. А северные области Казахстана, где проживают уральские, сибирские, семипалатинские казаки – это чисто русское явление, – вошли бы в состав России. Но боялись спросить народ кравчуки, ельцины, шушкевичи. Очень боялись! Поэтому все сделали явочным путем – на тебе народ независимость. А народу нужна независимость? Маленьким государствам независимость нужна лишь

для того, чтобы свободно выбрать себе хозяина. Смотри народ, кого выбрал в хозяева твой правитель? Увидел? Вот и вся независимость.

Но новые маленькие государства нужны Европе и Америке, как клопы, воши, блохи для постоянного кусания России. И вот они изгаляются в том, как бы укусить Россию, даже не больнее, а ядовитее. И брызжут ядом уста малых правителей, а они оглядываются на запад – как там оценили их подлые старания. Нужны эти страны только однополо-бесполой Европе, сладострастно умирающей в мусульманских объятиях.

Забыли на западе Бисмарка, который говорил, что если разъединить Россию, то она вскоре сольется вновь в единое целое.

Так и будет! Верь в это, народ, и стремись к восточнославянскому единству.

1

Роман Семерчук с осени прошлого года, учился в Киеве в университете менеджмента и бизнеса. Отец и тесть сдержали свое слово об обучении бывшего партийного функционера капиталистическому бизнесу, послав его получать профессию экономиста. Этот университет был выбран потому, что в нем преподаватели, в основном, были из Канады и Штатов. В названии университета и рекламе все выглядело солидно, но в преподавании, как понял Роман, было много пустоты. Преподаватели, тоже в основном, были выходцами из украинской диаспоры. Преподавали на украинском языке, но это был уже устаревший диалект, какого-то польско-галицийского говора. Да и экономических знаний у этих преподавателей было немного – как убедился Роман. Все, что рассказывали они, было уже в учебниках. Но ему нравилось учиться потому, что просто хотелось узнать что-то новое, и вспомнить свою студенческую молодость.

Сначала он поселился жить в общежитии. Условия для проживания были неплохие, но, как он обратил на себя внимание, его тяготило большое количество людей и их глаз, которые всегда наблюдали друг за другом. И он решил снять квартиру. Благо банк, где он работал, за нее заплатит. Да и была другая, тайная мечта – ему еще нет и сорока лет, – почему бы не отдохнуть на полную катушку, может быть, послед-

ний раз в жизни. Квартиру подыскал двухкомнатную, хозяйка приходила, убирала в ней и меняла постельное белье. Все было хорошо. Тайная мечта об отдыхе с женщинами, осуществилась довольно быстро. Даже не с одной, а двумя. Но с этими женщинами, так же слушательницами этих курсов, Роман расстался быстро, но приятное впечатление о самом себе, как мужчине, в его душе торжествовало.

В сентябре, еще вначале обучения, он встретился с Галиной Давыденко. Она работала в книжном издательстве и он, узнав ее место работы, дождался Галину на улице, с букетом цветов. Была мужская мысль на возобновление с ней прошлых отношений. От неожиданной встречи, Галка даже остановилась. Роман был осторожен – ждал ее реакции. Но, увидев ее положительное отношение к нему, сразу же протянул ей букет цветов:

– Здравствуй!

– Здравствуй! – Галина была рада неожиданной встрече. – Ты, откуда?

– Я живу в Киеве. Учусь. – Роман не стал уточнять, на кого он учится. Все равно чуть позже придется рассказать, и он сразу предложил, – зайдём в кафе или ресторан? Поговорим...

– Только в кафе. У меня немного свободного времени.

Они спустились в подземный переход через улицу. На каждой ступеньке, возле каменной стенки, стояли нищие. Большинство были старушки, которые протягивали сухие

ладошки рук, в надежде, что кто-нибудь положит им в руку денежный купон и таким образом они наберут себе к вечеру денег на хлеб. Роман хотел дать что-то бабушкам, но передумал – слишком их много, а купоны обесцениваются ежедневно, и может завтра карманных денег у него не хватит на обед. Они зашли в кафе, и Галина заказала мороженое, а Роман – бутылку сухого вина и мороженое себе. Они сели друг против друга и Семерчук с каким-то мужским удовольствием самца рассматривал Галку. Конечно, за эти восемь лет, когда они расстались, Галина постарела – это было видно по морщинкам вокруг глаз, которые невозможно уже спрятать ни тенями, ни пудрой. Появились морщинки вокруг полных губ. Да и сама Галка немного пополнела, и ее знаменитый бюст стал менее заметным на фоне расширившегося тела. Такие неутешительные мужские выводы сделал Роман о своей прошлой любви. Женщины быстрее становятся старухами, чем мужчины импотентами. И морщины – следы неизгладимых впечатлений от жизни. Но, тем не менее, он должен был признать, что Галина все еще привлекательна. И он почувствовал ее привлекательность неосознанным влечением к этой женщине. Он глубоко вздохнул и спросил:

– Ну, как ты живешь? Замужем?

А вот этого ответа он не ожидал – она коротко и прямо ответила:

– Замужем...

– Давно? – только и смог неожиданно высохшим языком

спросить Семерчук. Он как-то привык, что она не должна быть замужем – не для семьи создана. И вот – ошибся.

– Скоро два года. Как ликвидировали партию, я стала свободной от тех обязательств, которые ты на меня наложил. Помнишь?

– Я не накладывал... – стал возражать Семерчук. Ему очень не хотелось вспоминать прошлую историю их взаимоотношений.

– Енченко сразу же бросил работу, ушел на пенсию, и я осталась без патрона.

– Он, что тебе не помог с работой?

– Нет. Я же отработанный для него материал. Он решил посвятить себя полностью семье, и мне места при нем уже не было. Но я, к этому времени, стала встречаться с одним мужчиной. Он развелся с женой, но учти, не из-за меня. У них давно отношения были не очень хорошими. И в девяносто первом он ушел из партийных органов и основал издательство. Ну, а после того, как Енченко плюнул на меня, я перешла жить к нему...

– Поздравляю, – только и смог прохрипеть Семерчук. – А фамилию оставила свою?

– А мы с ним не расписывались. Он бы не против зарегистрировать наш брак, но я не хочу. Он бы хотел ребенка, но я не хочу. Мне уже за сорок лет – есть муж и не надо мне никаких бумажек. Скоро закончит университет сын и перейдет жить в мою квартиру, в которой я жила раньше – Галка

вздохнула, – стану бабушкой... А где ты учишься?

– В одном недавно созданном экономическом университете. Там половина преподавателей – иностранцы. Я ж теперь работаю в банке, который создали мой отец и тесть. Образование у меня историческое, а надо знать экономику. Вот учусь.

– Да... Твой тесть, – Галка имела в виду Фотина, – всегда был хваткий мужик. Где что-то денежное, там и он. Я его помню, как работника облисполкома. А слухи о нем ходили, что он и при советской власти прокручивал финансовые аферы.

– Я точно не знаю, чем он занимался. Но, не пойман, не вор! А сейчас рынок и все прошлое забылось. Тем более, он старается не афишировать свою нынешнюю деятельность, ничто не возглавляет, но является хозяином многих дел.

– Хватит о нем. Как жена, дети?

– Нормально. Лена так же работает учительницей в школе, дети растут. Старший сын учится в Москве в университете, будет математиком. Дочка – отличница в школе. Здесь у меня полный порядок.

– Лена у тебя замечательная жена, – похвалила Галина его жену.

Семерчук недовольно поджал губы – не все у него в порядке в отношениях с женой, но этого другие не должны знать. И, собравшись духом, он, стараясь глядеть на Галину влюблено-страстными глазами, он медленно произнес:

– Галка! – так он ее назвал впервые, с тех пор, когда они были любовниками, – как ты смотришь на то, чтобы мы с тобой снова начали встречаться?

Он произносил эти слова с таким усилием, что от напряжения слезная влага выступила на глазах. Галина улыбнулась одними губами, а глаза остались серьезными:

– Я тебе, Рома, отвечу однозначно – нет! К прошлой любви не возвратишься. Хотя у нас никогда не было любви, были партнерские отношения между женщиной и женщиной, которые закончились твоим предательством. Мне ты нравился тогда и сейчас, как второй мужчина в моей жизни. После развода с мужем, ты был у меня вторым. После того события я на тебя сначала злилась, даже презирала. Но потом до меня дошло – где выгода, там и предательство. И я тоже воспользовалась тогда общим предательством всех моральных устоев, ради выгоды, – она поднесла к губам фужер с вином и выпила его. – У меня сейчас хороший муж. Прекрасно относится ко мне и к моему сыну. Он достаточно богат. Я могу не работать, но работаю в его издательстве простым редактором. Большого не хочу. Хочу семью, мужа и не хочу никаких интрижек. Поэтому, Рома, извини, но никаких встреч.

Семерчук сидел молча, поджав губы. Он не знал, что ответить, да и мыслей в голове о продолжении встреч с Галиной, не осталось. Молчала и Галка. Наконец, она решила разрушить молчание:

– Рома, налей мне еще вина?

Семерчук молча налил ей половину фужера и долил себе.

– Давай, Рома, выпьем за наше прошлое, чтобы оно больше никогда не вернулось к нам. Я тогда, кажется, любила тебя. Я пью за наше невозвратное прошлое! Чтобы его забыть!

И Галка медленно допила фужер до дна. Потом, молча доела мороженое и обратилась к Семерчуку.

– Спасибо за встречу и цветы, Рома. Но мне пора домой. Я, как видишь, машиной не езжу, хотя бы могла, а поеду метро.

Если прошлое кажется лучше настоящего, значит стала изменять память. Они расстались, сухо, без лишних слов, только чувство горечи осталось от прошлого у Галины, а у Романа – чувство неудовлетворенности – мужской и немного душевной. Больше он с Галиной не встречался, хотя хотелось ее увидеть, даже случайно. Но Киев – город большой и их пути больше не пересекались.

Наступила весна и слушатели стали готовиться к написанию дипломных работ. Научным руководителем у Семерчука стала пани Кристина. Она была из Канады, из украинской семьи. Говорила по-украински очень быстро и Роману с трудом приходилось переводить в мозгах ее речь на русский язык. Украинский язык он знал с детства, но долгое время отсутствовала языковая практика, и ему пока приходилось раздумывать над смыслом, что говорили украинские преподаватели. Женщины-преподаватели просили называть их «пани» и по имени. Объясняли это тем, что в Канаде не

обращаются по имени-отчеству. Кристина просила называть ее на украинский манер – Хрыстя, что Роман и делал. Общаясь с Хрыстей, Роман заметил, что она проявляет к нему не только учительский интерес. Ей было больше сорока лет, разведена, двое детей живут в интернате, а на каникулах с ее родителями. В конце концов, Семерчук набрался смелости и пригласил ее к себе домой, чтобы она помогла в написании дипломной работы. Помощь получилась всесторонняя и они стали встречаться, а на выходные Хрыстя жила у него три дня, с пятницы до понедельника. Романа распирала гордость – у него в любовницах иностранка, а не местная слушательница. Он готовился к выпускным экзаменам. Но пани Хрыстя предложила ему еще поучиться год и получить специальность финансового менеджера. Роман был согласен, но думал, как решить этот вопрос с отцом и тестем – пойдут ли они на продолжение его учебы?

2

Наступила весна. Очень красива ранняя весна в Луганске. Уже хорошо пригревает солнце, набухли почки на каштанах и кленах. Скоро природа, как всегда, внесет духовные силы во все живое. А воздух по утрам чист и свеж, будто это не промышленный Донбасс, а степные луга и черноземы источают из себя жизнь, заряжая своей жизнью людей. Чисто убранные скверы Луганска прекрасны в своей композиции. Ни один из них не похож на другой. И памятников в парках много и они разнообразны. Вот бюсты молодогвардейцев, вот монументальная статуя «Мужика, который не пьет» на Советской улице, вот танки гражданской войны, вот танк Великой Отечественной войны – все дышит историей Советской страны и Донбасса. Сквер Великой Отечественной войны – любимое место отдыха луганчан. Здесь – одни цветы и раньше не было памятников. Но в 1988 году сведомые украинцы решили поставить памятник Тарасу Шевченко. В Луганске до сих пор не было памятника Великому Кобзарю! Не порядок! Даже позор для Луганска. Но на Красной площади, у Дома Техники, где проходит улица Тараса Шевченко, с советских времен стоял камень, на котором было выбито, что здесь будет стоять памятник великому украинскому поэту. Правда, профессионалы от литературы не считают его великим виршиником, так – подрифмовка слов, а проза – сплошь

незаконченная – не хватало жизненного материала бывшему крепостному. К тому же прозу он писал исключительно на великорусском языке. Местным свидомым тогда приехала подмога с западной Украины, и местная власть дрогнула – разрешила поставить памятник на главной улице Луганска. Скульптор, набивший руку на памятниках Ленина, подобным же образом изобразил Кобзаря – прижавшим руку с листами бумаги к сердцу, – вождь революции сжимал у груди кепку. Сложнее скульптору далось лицо – если у Ленина открытое лицо, смотрящее вперед в будущее, то у Шевченко – наклоненная вперед голова, взгляд исподлобья – «смотрит, как корова из-под доски», так говорят о таком взгляде простые люди. И Шевченко, буравит тяжелым взглядом зрителей, будто спрашивая: «А вы с Украиной, луганчане?» Но вряд бы, так спросил поэт русских людей, только потому, что всю жизнь прожил в России и его там знали больше, чем в Малороссии. И вот стоит в сквере Великой Отечественной войны единственный памятник Кобзарю.

Лена Семерчук радовалась весне, чувствовала непонятный прилив душевных сил. Хотя жить сейчас тяжело, но она переживала трудное время, благодаря помощи ее отца и отца мужа. Они давали ей деньги на детей и, вообще, на жизнь. На весенних каникулах Лена должна была поехать на курсы повышения квалификации. Последние два года министерство образования серьезно взялось за преподавателей-историков. Надо было преподавать истинную историю Украины, а не со-

ветскую. Курсы были продолжительностью пять дней – считай рабочую неделю, в шахтерском городке Антраците, на базе местного школьного интерната. Название города говорило само за себя, что здесь добывают самый лучший уголь в мире – антрацит. Еще только в двух соседних городках добывали антрацит, а в остальном Донбассе – курной уголь. Роман звонил и сообщил, что приехать на каникулы не сможет – у них нет каникул и к тому же он начал писать дипломную работу, и у него нет времени. Лена решила отправить дочь на время учебы к своим родителям. У них квартира большая и Оксана будет под присмотром бабушки. Так же договорилась со своей студенческой подругой Тоней Захарошко, которая тоже ехала на эти курсы, что будут жить вместе и поедут в понедельник. Отец выделял машину – всего семьдесят километров от Луганска – быстро доедут.

С Тоней они приехали рано, раньше многих, им дали маленькую комнатку на двух человек. Здесь жили школьники и кровати были маловаты, но для их роста длины кровати хватало. Проживание было бесплатным. Кормили в столовой только утром и днем. Ужина не было, так как показала предыдущая практика, на ужин мало кто приходил. Порции были ученические, но основной контингент учителей были женщины, и им еды хватало.

В десять часов началась первая пара – переподготовка шла по институтскому образцу – урок по два академических часа. С первой лекцией выступал писатель из Львова

Плакундра. Он был уже в солидном возрасте – по внешнему виду, за шестьдесят лет, седой, полный. Здесь же за столом учителя, лицом к аудитории, сидел приехавший с лектором крепкий мужчина средних лет. Писатель читал лекцию о происхождении украинцев. Некоторые учителя о происхождении украинцев уже знали. Например, о том, что почти все народы – от ирландцев на западе, до японцев на востоке произошли от древних укров. Но писатель Плакундра копал, в прямом смысле, уж очень далекие времена, и везде у него были укры, которые благотворно повлияли на другие народы. Лена с Тоней слушали арийские откровения писателя, переговаривались между собой и подсмеивались над новыми открытиями в истории Украины.

– Эту историю, о которой я сейчас вам расскажу, – торжественно провозгласил писатель на галицийском языке, – старательно замалчивали московские колонизаторы. Они обрубали нашу древнюю историю, исторические корни нации, изуродовали преемственность в происхождении и жизни украинцев. А наша национальная история насчитывает сорок тысяч лет.

Аудитория, состоящая из историков, стала прикидывать – эпоха неандертальцев, появление кроманьонцев, – но тогда же не было ни народностей, не говоря о нациях. А писатель продолжал удивлять своими открытиями:

– Некоторые национально-осведомленные историки считают, что украинцы появились 140 тысяч лет назад. Сейчас

эта теория подтверждается археологическими находками и данными из легенд и мифов. Но пока эта теория находится в стадии разработки.

Учителя раздумывали – было великое оледенение, первобытные люди бродили стадами, а первобытные укры знали свою национальность. Занятно! Но как дошли мифы до нас с эпохи оледенения? Загадочно для нормального человека, – понятно для сведомого украинского историка.

– Москвины начинали нашу историю с девятого века, княжения Олега Украинского. Они боялись нашей первородной истории, поэтому на место древних укров ставили выдуманных ими славян и норманов.

А потом лектор стал рассказывать, что Черное море появилось искусственно, благодаря таланту и труду древних укров. В незапамятные времена, когда наши соотечественники возвращались домой из дальних странствий и рассказывали о больших пространствах воды в закордонных землях, было принято решение создать море и для себя. В результате героического труда не одного поколения наших предков и было вырыто огромное озеро. Еще одним доказательством его искусственного происхождения является скопление сероводорода в нижних слоях этого водоема, что объясняется интенсивным использованием щелочи для стирки и помывки наших предков. Арии или ории – древнейшее название украинцев. Гитлер заимствовал этот термин у Украины. Древние укры – первые пахари мира, они

приручили коней, изобрели колесо и плуг. Потом писатель перешел к оригинальности украинской мовы. Древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков. В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык «сансар», занесенный на нашу планету с Венеры. «Не об украинском ли языке речь?» – задал риторический вопрос Плакундра. У слушателей вдруг появилась мысль о внеземном происхождении украинского языка. «Это – язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков».

А потом писатель стал внушать о мессианской роли Украины в мире. Будто она с древнейших времен возглавляла цивилизационное развитие людей белой расы в Европе, всячески обеспечивала это развитие, благоприветствовала ему, даже пребывая в неволе у России. На сегодня Украина является дирижером развития последней цивилизации человечества.

Заканчивал писатель тем, что все великие люди были украинцами, только их творческое наследие украли другие народы и назвали своими именами, чтобы менее было заметно их творческое воровство. Овидий писал стихи на древнем украинском языке, Гомер – украинец, греческий историк Лисий, на самом деле по фамилии Лысый – тоже украинец. И закончил Плакундра удивительным открытием:

– Иисус Христос – украинец. Его отец – украинец по

фамилии Бандура, служивший в римском легионе. Поэтому украинцы должны знать, что молятся и поклоняются не еврею, а своему соотечественнику – украинцу.

Он закончил лекцию вовремя, оставив время для вопросов слушателей. Но, учителя, подавленные новыми историческими открытиями, молчали. Но, наконец, раздался женский голос, задавший вопрос на русском языке:

– Скажите, а это надо рассказывать на уроке ученикам?

Видимо, учительница не могла взять в свою голову то, что сейчас говорил лектор.

– Я для того и рассказывал вам все это, чтобы вы это донесли до своих учеников. – жестко ответил писатель, – А вам делаю замечание – надо говорить на державной мове – украинской. Вы ж учитель! У нас один государственный язык. Кроме того, на чужинском языке не донесешь всю глубину истории древних украинцев. Здесь необходим украинский язык.

Грубый ответ писателя явно настроил аудиторию против него. Аудитория зашевелилась после первого вопроса и решила показать ему свои знания в истории Украины:

– В «Повести временных лет» галичане отнесены не к славянам, а другим народам, как вы говорите – европейцам. О древних украх он не вспоминает. Может галицийцев нельзя считать украинцами? Вы другой народ?

Лицо писателя покрылось красными пятнами, и он почти закричал:

– Автор этой повести был неграмотным человеком, просидевшим всю жизнь в темной пещере. А если бы он вышел на свежий воздух, то узнал, что в Карпатах живут истинные укры. Эта повесть – полная ложь о нашей истории. И истинную правду, о которой я говорил в лекции надо доносить ученикам!

Он вытер вспотевшее от гнева лицо платком и с горечью произнес:

– Вы еще заражены совковой идеологией. Избавляйтесь от нее, как можно быстрее. Скоро мы будем проводить аттестацию учителей, и кто не овладеет украинской идеологией, может расстаться с работой. – В его голосе прозвучала угроза, – еще есть вопросы? – недовольно спросил он учителей.

Последовал осторожный вопрос:

– А откуда у вас такие данные?

Плакундра даже написал на школьной доске мелом фамилию шведского ученого, который, оказывается, сделал эти исторические открытия.

– А почему эти открытия сделали не украинские ученые, а швед? – Послышался вопрос.

– Наши ученые боялись Москвы, и свои изыскания отправляли этому ученому. Так что, это открытия наших ученых. А швед только их использовал.

– Это древний мир. А есть ли что-то новое в истории Украины в двадцатом веке?

– Нас приехало восемь групп в вашу область. Каждый

день мы выступаем по школам, институтам. И мы каждый день меняем аудитории. У меня сегодня еще две лекции. Я знаю, – у вас еще будут занятия, которые проведут наши ученые.

Все поняли, что охват учительской аудитории в русскоязычной Луганщине, – приличный. За неделю, эти историки такое могут внушать учителям, что их сознание может качнуться в сторону национализма. Но были среди слушателей учителя-мужчины и вот один из них громко произнес:

– Ну, и бред! Такое нельзя рассказывать даже в психбольнице! Больные никогда не вылечатся, останутся вечными психами!

Психиатрическая больница – убежище для людей, обладающих необузданной фантазией. Приезжие агитаторы из Галиции, явно обладали недюжинной фантазией – это мог диагностировать любой психиатр.

Плакундра резко взвинтив голос, прокричал:

– Вы, великодержавный шовинист!

Этой кличкой украинские националисты награждали всех, кто был с ними не согласен.

– Пусть буду шовинистом, – согласился учитель, – но не рогулем с усеченными укромозгами!

Тут стал вставать из-за стола, молча сидящий всю лекцию, плечистый мужик с казацкими усами. Стало понятно, для чего он был нужен на лекции.

– Я бы не стал оскорблять нашего уважаемого писателя.

А насчет мозгов, то их можно усечь любому... Особенно за такое оскорбление... – Видимо, мужику не понравилось слово – рогуль, так унизительно поляки называли галицийцев до присоединения западной Украины к Советскому Союзу. – Если вы хотите, мы сейчас можем с вами поdiskутировать, по вопросу мозгов... – в словах рогуля слышалась угроза и узкоплечий учитель-историк замолчал. Присутствующий, видимо, был телохранителем писателя, и его обязанностью было затыкание рта «шовинистам», то есть – несогласным с трактовкой такой истории.

Плакундра удовлетворенно вздохнул и на прощание сказал:

– Если нужно, мы еще приедем к вам, поговорим...

Неожиданно в ответ раздались возгласы из зала:

– Не надо! Не треба!

Писатель попрощался и ушел со своим телохранителем, – поехали на следующее просветительское мероприятие по древним укррам.

Во время перерыва, Лена с Тоней подошли к расписанию занятий. Сегодня было три пары, потом три дня – по четыре и, в пятницу, день отъезда – две. Они читали расписание и вдруг Тоня воскликнула:

– Смотри! Завтра лекцию читает Матвеев. Кандидат исторических наук и доцент. Растут наши сокурсники, а мы, Лена, все остаемся учителями.

Лена взгляделась в расписание, действительно – Матвеев и

она вдруг возразила Тоне:

– Может, это не тот Матвеев?

– Тот! Смотри инициалы – Николай, ну а отчество должно быть Иванович! Я не знаю его отчества...

– Иванович! Ты правильно сказала. Наш сокурсник, достиг таких вершин, что учит нас... – криво усмехнулась Лена, произвольно повторяя отчество сокурсника. – Читает методику преподавания истории. Он, наверное, завтра придет. Видишь, у него вторая пара.

После занятий они прогулялись по городу. Шахтерские города Донбасса считаются небольшими по численности населения, но занимают большую площадь, за счет частного сектора. Поэтому гуляли они достаточно долго. Купили печенье с кефиром на ужин и вернулись в интернат. Там всех пригласили в актовЫй зал на вечер знакомств. Было приятно и весело. Стоял титан и каждый мог пить чай. Учителя принесли печенье, конфеты, что купили себе на ужин. Рассказывали о своей работе, о себе, под магнитофон начались танцы. Но из сорока слушателей оказалось всего пять мужчин, которые почему-то предпочитали танцевать с более молодыми учительницами. По этому поводу Тоня пошутила:

– Лена! Нас не приглашают танцевать. Мы уже старухи... – и удовлетворенно засмеялась.

А потом все разошлись по своим комнаткам. Но Лена, после ознакомления с расписанием и с известием о том, что завтра придет Матвеев, находилась в состоянии душевно-

го неравновесия. Почему-то она думала только о том, что завтра увидит Николая. Она уже много лет чувствовала себя виноватой перед ним. Они случайно встречались на улице, говорили, но это были минутные встречи равнодушных людей: «Привет! Как дела? Как работается?» и они расходились по своим домам, чтобы снова случайно встретиться через год или два. А завтра он будет читать две пары лекций, а послезавтра – проведет методический семинар и уедет. А она останется здесь до конца недели.

«Отчего я так разволновалась?» – спрашивала сама себя Лена, «Просто учились с ним вместе, в одной группе и все!». Но душа отвечала: «Нет! Не все! Ты обманула его и должна повиниться перед ним!» «В чем виниться?...». Действительно, в чем? И этого Лена так и не могла понять и заснула тревожным сном.

С утра Лена находилась в нервно-взволнованном состоянии. На это обратила внимание Тоня:

– Ты, что мечешься? Ну, приезжает твоя старая любовь. Но, сколько уже времени прошло? У нас всех – семьи, дети... Успокойся и учись. Тебя для этого сюда послали.

Лекция Матвеева была на второй и третьей паре. Когда он зашел в класс и поздоровался с аудиторией, Лена не подняла на него глаза и посмотрела на него тогда, когда он стал диктовать план лекции. Но он на нее не смотрел, а она его жадно разглядывала с ног до головы, готовая мгновенно опустить голову, если он взглянет на нее. Вот он начал рассказывать и Лена, опустив голову, делала вид, что записывает его лекцию. Наконец, она подняла голову, поглядела на Николая, но увидела, что он смотрит в другую от нее сторону. Но вот их глаза встретились, и Лене показалось, что он запнулся, но нет – Матвеев отвел от нее взгляд и продолжал читать лекцию. В перерыве Матвеева окружили слушатели, что-то спрашивали, но Лена к нему не подошла. Тоже повторилось после третьей пары, где он остался отвечать на вопросы слушателей, а они с Тоней пошли обедать. В столовую Николай не пришел, потом она узнала, что он пришел позже, когда они пошли на занятия.

После занятий Лена узнала, что Матвеев пошел гулять по

городу. А она его ждала! Надеялась, что он первый подойдет к ней! А он не подошел, а она все равно безнадежно ждет встречи с ним. Чем безнадежнее ситуация, тем крепче тяга к подвигам. И это внезапно вскрывшееся желание встречи, – она его хочет увидеть, и поговорить один на один, – заставила ее замереть, но не испугала. Она предложила Тоне погулять по Антрациту, и они бродили по улицам и паркам до самого вечера, пока не начало темнеть. Теперь она была уверена, что Матвеев сидит в своей комнате, которая выделена ему в интернате. Ночью он не будет гулять по городу.

Когда они зашли в свою комнату, Лена, как можно равнодушнее произнесла:

– Я сейчас пойду к Матвееву. Надо посетить старого товарища, с которым учились вместе. А сейчас он учит нас... – но получилось фальшиво, что это заметила сама Лена.

Антонина сразу же ответила:

– Что, не можешь забыть старую любовь? Зачем он тебе нужен?

– Просто. Поговорить...

– Вряд ли ты будешь много говорить с ним... Посмотри на себя – какая ты возбужденная. Пойдем вместе к нему. Я ж тоже с ним вместе училась, хочу поговорить.

Лена тихим голосом ответила:

– Не надо. Я сама схожу к нему. Час-полтора посижу с ним, и вернусь. А ты ложись спать, вдруг я позже вернусь.

Она встала и пошла к двери под неодобрительное покачи-

вание головой Захорошко. Комната Матвеева была в конце коридора, и она осторожно постучала в его дверь. В душе Лены все же тлела маленькая надежда – его нет, и она вернется к себе. Но из-за тонкой двери она услышала голос:

– Да. Заходите.

Надежда испарилась, не успев нагреться. Лена так же, как стучала, осторожно открыла дверь и вошла в маленькую комнату. Комната была для двух учеников, но Матвеева, как лектора, поселили жить одного. Увидев Лену, он приподнялся со стула у столика, за которым что-то писал в тетрадь, и произнес:

– Заходи, Лена! Добрый вечер! – Голос его был обыденно ровен, не выражал ни удивления, ни радости от неожиданной встречи. Так же он говорил, встречаясь случайно в городе.

– Добрый вечер, Коля! – прошелестела она в ответ одними губами. Неужели он не видит, не понимает, что они встретились не на улице, а в помещении, и в достаточно интимной обстановке, один на один? Но Матвеев, кажется, не обращал на какую-то интимность обстановки внимания. Он взял от соседнего столика стул, подвинул его к своему столику:

– Садись. Рассказывай, как жизнь? – это были обычные слова, их случайных встреч. Лену такое равнодушие даже обидело. – Я сейчас уберу со стола, – продолжал Матвеев, – и мы выпьем.

И только сейчас Лена увидела, что на столе стоит начатая бутылка коньяка и лежат россыпью шоколадные конфеты.

Матвеев убрал со стола бумаги, переложив их на тумбочку, и стол стал чист.

– Ты выпьешь? – спросил он Лену.

– Да! – неожиданно для себя коротко ответила Лена и, поняв, что уж слишком быстро она согласилась и это может неверно истолковать Матвеев, добавила: – Мне только надо что-то закусить.

– У меня есть немного колбасы и сала – из дома взял. – Он открыл дипломат и достал нехитрую закуску. – На столе конфеты и минералка. Я думаю, хватит.

– Ты уже выпил? – укоризненно спросила Лена. Она знала, что Матвеев большой любитель выпить.

– Немного. Но одному как-то не лезет даже коньяк в горло. Все-таки нужна компания.

– И ты хочешь, чтобы я составила тебе компанию? – Неожиданно для себя уколола она его. Она ни в коем случае не хотела его обижать. Но Матвеев ее слов будто бы не заметил и ответил:

– Всё! Вот порезанное сало и колбаса. Садись ближе к столу.

Лена села на стул. Матвеев взял еще один стакан с другого столика и налил по четверти коньяка и произнес что-то типа тоста так серьезно и душевно, что у Лены в груди сладко защемило сердце:

– Редко мы, Лена, с тобой видимся. Давай выпьем за эту неожиданную встречу, поболтаем, и не будем вспоминать

прошлого.

Лена не поняла – почему не будем вспоминать прошлое? Как приятны воспоминания, которыми ты не делишься с другими, а хранишь только для себя! А сейчас, так хотелось вспоминать человека, которого когда-то любила, не мысленно, а реально – вот он, перед тобой! И не только вспоминать, но и почувствовать реальную любовь прошлого сейчас.

Но Матвеев уже поднес свой стакан к губам, и она тоже поспешила выпить этот, уж очень крепкий для нее, коньяк. Внутри ее сначала все свернулось, даже дышать стало тяжело, но Матвеев подал ей пятак колбасы, который она засунула в рот и запила минеральной водой прямо из бутылки, которую он тоже ей подал. Стало легче дышать и теплей в груди, а голову стал окутывать приятный розовый туман. И Лена задала первой вопрос, опередив его:

– Расскажи, как живешь, чем занимаешься?

– Живу нормально, закончил докторскую диссертацию...

– А когда защита?

– Должна быть осенью, в сентябре или октябре. Сейчас решается вопрос по срокам.

– Ты ж диссертацию написал в духе украинской истории?

– Нет! Написал объективно, чего я и боюсь. Сейчас в Киеве все государственные места заняли западенцы. Они как тараканы проникли во все государственные структуры. Рядом с ними, бывшие партийные деятели, которые быстро перекрасились в жовто-блакитный цвет. То есть, на сегодняш-

ний день вся Украина построена по национал-фашистскому принципу. Жди беды...

– Ты не говори так, Коля. А то тебе припишут, что ты шовинист. Вчера у нас выступал писатель. Так он такую ахинею нес по истории Украины, что на голову не оденешь.

– А как его фамилия?

– Не помню точно. Плакундра, кажется. Такая фамилия, явно западенская.

– А! Я этого писателя знаю. Точнее не знаю, а спорил с ним по его выдумкам в истории. Так он меня тоже назвал шовинистом. Когда у них нет аргументов, они обзывают других, притом без всякого стыда и ума, различными непонятными словами, без смысла, но чтобы было звонко. Из своей истории сделали анекдот, чтобы люди потешались. Но на это они не обращают никакого внимания. Они упрямые люди и, в конце концов, внушат своему народу, что он всему этому бреду поверит. Пока Украина не поняла сущность галицийцев, они ни перед чем не остановятся, чтобы добиться своего. Они зальют кровью Донбасс, а потом всю Украину. Мы этого дождемся.

– Не делай таких страшных прогнозов. Ты, Коля, на себя обрати внимание и продумывай каждый свой шаг, чтобы защита диссертации состоялась, и ее утвердили... – заботливо посоветовала Лена.

– Кто продумывает каждый свой шаг, далеко не уходит. А я хочу пройти дальше, чем все, кто меня окружает.

– Ты всегда был таким, хотел большего, но не всегда его получал, – проговорила Лена, с каким-то намеком, который был понятен только им двоим.

Николай, кажется, понял ее слова, но не стал выяснять, что же она имеет в виду. Он налил еще коньяку и подвинул стакан Лене. И только тогда он произнес, снова же понятное, для них двоих:

– Обиду легче простить, чем забыть. Давай выпьем. – Он уже не произносил тост.

«Что я делаю? – Испугалась Лена, – напьюсь!» Но после слов Николая об обиде, она, молча взяла стакан, и выпила. Этот глоток коньяка пошел легче, она уже не так задохнулась и спокойно запила водой и закусила конфетой. В душе возникла желанная тревога – что же будет дальше?

А дальше они рассказывали друг другу о своих семьях, особенно выделяли детей, о мелких проблемах на работе. Но постоянно беседа возвращалась к положению на Украине. Лена отказалась дальше выпивать, и ей Матвеев наливал ей одну капельку коньяка, чтобы она поддерживала компанию. И когда Матвеев произнес, что он был в Молдавии и видел молдавский национализм, она насторожилась:

– А что ты там делал?

– Сначала был в Кишиневе, потом в Дубоссарах... воевал...

– По людям стрелял?

– Стрелял, но не по людям, а по фашистам, которые гнали

впереди себя на наши позиции женщин и детей. – Жестко ответил Матвеев.

– Расскажи подробнее?

– Не буду. Это страшно. Я расскажу тебе другое, что видел в Кишиневе. Там я стал свидетелем бракосочетания. Одна поэтесса, ей уже за сорок лет, разошлась с мужем, потому что он русский. Она осознала, что жила двадцать лет с оккупантом ее страны. Говорили, что у них двое детей. И их не пожалела. Но бабе хочется замуж и вот она решила выйти за памятник кесаря Стефана, который находится в Кишиневе. Были католические священники, невеста в подвенечном платье с фатой, обменялись с женихом-памятником обручальными кольцами, но кольцо с мизинца кесаря сразу же сняли, видно, золота жалко. Кто из зрителей смеялся, получил в морду от друзей невесты. Театр абсурда – такое ни Кокто, ни Ануй выдумать не смогут. А это – реальная абсурдность или абсурдный реализм.

– Я уже убедилась, что у националистов мозги свернуты набекрень, как у вчерашнего писателя.

– Этот писатель прославлял советскую власть, колхозы, космос, но нутро оставалось национал-фашистское. Я таких людей просто ненавижу. В Молдавии Михай Волонтир с экрана телевизора, на митингах кричал, что русские оккупанты. А актерскую славу ему дали советские фильмы...

– Надоела эта политика. Давай о чем-то другом?

– Давай, – Матвеев взял бутылку, где коньяка оставалось

на доньшке, налил себе в немного стакан и в стакан Лены. Она отрицательно замахала руками, но Матвеев ответил на ее безмолвный возглас, – последнее... А последнее – надо выпить.

– Но я напьюсь?..

– Я тебе только что рассказывал об изнанке мира. А если ты замечаешь несовершенство мира, значит ты еще не пьян. Давай по последней...

И Лена выпила последнюю каплю коньяка в этот вечер. Стало еще приятнее и тревожнее, – что же дальше? Выпивка закончилась. В голове бегали абстрактные мысли, похожие на броуновское движение и Лена решила заговорить, наконец, о том, ради чего она пришла к Матвееву. Если чувствуешь свою вину – подсказывать, что делать, – не надо. И Лена ощущала вину перед Матвеевым почти двадцать лет, и пыталась каким-то образом искупить эту вину.

– Ты, Коля, на меня до сих пор обижаешься?

– За что? – переспросил Николай, будто бы не понимая, о чем идет речь.

– Ну, за то, за прошлое... – осторожно произнесла, не зная как объяснить главное, о чем она хочет вести разговор.

– Ты имеешь в виду, учебу в институте? – снова уклончиво переспросил Матвеев, не переходя к конкретному разговору.

«Может, он не хочет вспоминать прошлое?» – мелькнуло в голове Лены, и она с досадой ответила:

– При чем здесь учеба? Помнишь, мы с тобой дружили, встречались... Или всё наше у тебя из памяти стерлось?

– Память, память... – с досадой ответил Матвеев, – иногда не стоит копаться в памяти, чтобы не наткнуться на какую-то благополучно забытую гадость.

– Ты, что считаешь наши встречи, наше прошлое, гадостью?

– Нет. Это я просто сказал общую фразу. Сожалеть о прошлом так же нецелесообразно, как и радоваться будущему. Я помню тебя, юную, милую, наивную девчонку, которая вдруг проявила какие-то чувства ко мне – человеку прошедшему армию, познавшему не только радости, но и гадости жизни. И я тебя вспоминаю всегда с чувством благодарности. Ты ж была из состоятельной семьи, твой папа руководил областью... Я даже вспоминаю, как один парень из вашего круга, сказал, что вы – патриции, а мы, – не имеющие высокопоставленных родителей, – плебеи. То есть и тогда была между нами разница.

– Коля! Зачем ты так говоришь – патриции, плебеи... Я никогда себя не относил ни к тем, ни к другим. Ты во многом не прав.

– Может и не прав. Но такие как ты, родились на этот свет на все готовое. А таким, как я пришлось бороться за место под солнцем. А солнце светит всем по-разному: место под ним имеют все, а греют руки – единицы. Чего добились те, кто имел привилегированных родителей? В лучшем случае,

солнечные места в партийных и советских органах, некоторые защитили кандидатскую, но докторские диссертации не станут писать – понимают свою умственную ущербность... Но руки греют до сих пор. Ты, Лена, в этом окружении была светлым человечком... – смягчил тон Матвеев, – поэтому ты мне нравилась... – неожиданно признался он в добрых чувствах к ней. Но, как это было давно...

Лена молчала, его признание было ей не просто приятно, а теплой волной прошло в ее груди. И она, немного заикаясь, спросила:

– А как ты сейчас относишься ко мне?

– Как ко всем... Дружески.

– Как-то равнодушно ты это сказал.

– Прошло много лет и многое просто на сердце притихло, забылось. Обычно у человека бывает больше друзей, преданных им, чем преданных ему.

Лена поняла его намек:

– Мне все сделали так, чтобы я предала тебя.

– Не стоит вспоминать прошлое, а то от воспоминаний мы становимся старше.

– Да, мы постарели, – она поколебалась – говорить или не говорить, и продолжила тихим голосом, от которого у нее слезы выступили на глазах. – Но, Коля, поверь, – я любила тебя. Я всегда вспоминаю тебя. Ты мне до сих пор снишься по ночам. Я тебя продолжаю любить. – И слезы несостоявшейся любви безмолвно потекли по ее щекам.

Матвеев, а это было заметно, испугался ее слез. Слезы женщины не следствие ее поражения, а причина поражения мужчины. Он придвинулся к ней, обнял ее за плечи и нежно поцеловал ее в мокрую от слез щеку.

– Перестань плакать, – прошептал он, – ты мне тоже снишься по ночам. Я часто тебя вспоминаю. Нашу дружбу, а может и любовь...

Она его перебила:

– Это была любовь, Коля. Только мои родители и родители Романа, сделали все, чтобы я не была с тобой. Как они говорили – безродным человеком. Ты многопил, почему ты никогда не воспользовался своей пьяной силой, чтобы я стала твоей?

– Я тебя любил. Поэтому боялся тебя тронуть раньше времени, наверное, даже до свадьбы. Но, как ты отдалась Роману?

– Не считай так. Все было по-другому. Он меня напоил, когда мы сидели в компании отдыхающих, ну, а вечером, он мною овладел. Я это практически не помню. Не испытала даже радостной боли расставания с девичеством. Ну, а потом пошло и сразу же беременность.

– Я знаю, что у пьяной женщины мужчина быстрее находит понимание.

– Нет! Не так! Я ничего не помнила. Только на утро плакала и била себя кулаками по больной похмельной голове. А плакала от того, что потеряла тебя. Я это поняла. Но только

утром.

Они замолчали. Он гладил ее по спине руками, а она своими руками крепко сжала его голову и своими губами нашла его губы.

– Прости... Не считай меня предательницей. Не надо было тебе уезжать тогда в стройотряд.

Николай молчал, словно собираясь с духом и, наконец, произнес.

– Ты хочешь сегодня остаться со мной?

– Да... – не колеблясь ответила Лена.

– Давай ляжем...

– Хорошо... – прошептала она.

... Они лежали на узкой кровати, тесно прижавшись друг к другу. Лена находилась в приподнятом состоянии – наконец-то, она соединилась с любимым человеком, она искупила свою вину перед Николаем. Но она понимала, что невозможно исправить ошибку, чтобы все стало так же, как до нее. Она понимала, что влюбленную юность – не вернешь. Она замужем, он – женат. У них дети. Не вернешь прошлое. Но она была счастлива настоящим – рядом с ней лежит ее любимый мужчина. Правда, он немного холоден, не готов на полную любовь. Ну и пусть! Счастье жизни – в мгновениях любви. Она обняла Николая:

– Коля! Как я счастлива, что нахожусь рядом с тобой.

Он приподнялся и закурил сигарету.

– Ты до сих пор наивная девочка. Знай, счастливых лю-

дей нет – есть только более или менее несчастные. А я сейчас счастлив. Вернулась ко мне молодость, правда поздно, но лучше поздно, чем никогда.

– Ты, кажется, ко мне и сейчас немного равнодушен?

– Нет. Просто я такой человек, который не умеет радоваться вслух.

– А я – в радости... От того, что ты хоть на небольшое время – мой. Я давно стремилась к тебе. Сейчас ты для меня, как свет в туннеле.

– Не радуйся, увидев свет в конце туннеля, – это могут быть огни встречного поезда.

– Какой ты стал рациональный. Раньше ты был другим – грубоватым, но ласковым.

– Старею. Жизнь научила рационально расходовать силы, – и вдруг без всякого перехода спросил: – Ты останешься у меня на всю ночь или уйдешь?

– А как ты хочешь?

– Хочу на всю ночь. Только кровать узкая... И выпить уже нет.

– Кровать – то, что надо. А выпивать больше не надо.

Она обняла его и крепко поцеловала...

... Проснулись они рано – еще не было семи утра. Лена распухшими от любви губами, произнесла:

– Мне надо идти. А то соседка, наверное, обо мне переживает.

– А с кем ты здесь живешь в комнате?

– С Тоней Захорошко.

Николай нахмурился:

– Я помню, она в институте была болтушкой и сплетницей.

– Ошибаешься. Если и могла что-то лишнее сболтнуть, то теперь она замужем и как ты сам говоришь – стала рациональнее. Тем более, она продолжает оставаться моей подругой, хотя мы видимся с ней редко.

Николай нежно поцеловал ее – теперь все его действия выглядели искренними. И он чувствовал по себе, что чувство обиды на когда-то любимую девушку – прошло. И это была не минута искренности, а возрожденное чувство любви к прошлому. А прошлое – это любимые женщины.

Лена поцеловала его:

– Я пошла. Встретимся на занятиях.

И она, как показалось Николаю, с сожалением, вышла из комнаты. А он думал, что же произошло? Он отомстил ее мужу – Семерчуку, а может, простил ее предательство? Гораздо легче прощать, после того, как отомстил. Но все произошло одновременно – и месть, и прощение. Но, он не прав – он, конечно, обижался на Лену, но никогда не желал ей плохого. «Спасибо ей за прекрасную ночь!» – так думал Матвеев. Все-таки лучше всего выглядит жизнь в мечтах и воспоминаниях. Он решил не спать, скоро у него занятие – а еще немного полежав в кровати, где постель все еще источала тепло и запах любимой в эту ночь женщины, встал и открыл конспект

занятия. Надо повторить то, что он хотел сегодня рассказать слушателям.

...А Лена подошла к двери своей комнаты. Но она оказалась закрыта изнутри, пришлось стучать. Сонная Тоня открыла дверь и спросила:

– А сколько времени? Уже светло за окном.

– Скоро семь.

– Ты что – у него провела всю ночь? – удивилась Тоня.

– Да. И счастлива, как никогда.

– И как ты могла? – не переставала задавать вопросы Тоня.

– Смогла. Ты ж знаешь, что мы в институте с ним встречались. И если бы не Семерчук, – она назвала мужа по фамилии, – то я бы, наверное, была бы женой Матвеева. И фамилия приятнее, чем у мужа.

– Я бы так не смогла, – с чувством зависти ответила Тоня.

– Что поделаешь. Когда-то нужно было и это... Только ты никому об этом ни слова, – Лена вспомнила слова Николая.

– Что ты, Лена. Я – могила. Такое никто кроме нас не должен знать.

– Я пойду в душ, обмоюсь, пока еще другие спят.

Она взяла полотенце, белье и вышла. Души был общий, один на этаже и, конечно, надо было помыться, пока не стали просыпаться другие.

Матвеев провел две пары методической игры с историками-учителями. Его, как всегда, окружили слушатели, зада-

вали вопросы и, так как большинство были женщины, то Лена даже стала испытывать чувство ревности. Она смотрела на Матвеева и думала, а все-таки он красив: правда, постарел, но все равно привлекателен своей мужской уверенностью и человеческой простотой, что так любят женщины. Он сейчас должен был уехать из Антрацита. Она не подошла к нему в аудитории – пусть другие видят, что они не знакомы. Дождалась, когда он выйдет из класса, и пошла следом. Она постучала в дверь его комнаты и, услышав: «Да! Войдите» – вошла. Матвеев сидел на том же стуле, что вчера и держал в руках портфель.

– Ты уже собрался? – удивленно спросила Лена.

– Я был собран с утра. Сейчас положил в портфель конспект и готов к отъезду. Я уже должен идти – идет машина в Луганск и меня подбросит. Это лучше, чем ехать автобусом.

– Конечно, лучше... – Лена замялась, – говорить или не говорить и все же решилась, – Мы с тобой еще встретимся? И, вообще, будем встречаться?

Он поднялся со стула и подошел к ней. Он был выше ее и поэтому обнял ее за шею, прижав лицо к своей груди.

– Обязательно встретимся и не раз, а постоянно. Я все же люблю тебя, – признался он.

От этих слов Лена еще теснее прижалась к его груди, и невольные слезинки навернулись на глаза. Она подняла голову и своими губами дотянулась до его губ. Поцелуй их затянулся. А она в это время думала – невозможно разлюбить

любимого мужчину. Пусть будет сейчас любовь, а ее последствиях не надо думать.

– Когда мы встретимся?..

– Скоро. Как ты приедешь в Луганск.

– Вот, я написала на бумажке свои телефоны: домашний и рабочий. Пока звони домой – муж учится в Киеве, а дети позовут меня к телефону. Дай свой телефон.

Матвеев открыл портфель, достал лист бумаги, написал номера телефонов – тоже рабочего и домашнего и протянул листик Лене. Она взяла, взглянула на номера и положила бумажку в карман.

– Мне уже надо идти. Машина ждет... А тебе надо идти на занятия. – произнес он.

– Поцелуй меня еще раз.

Он наклонился и нежно, но коротко поцеловал ее в губы.

– Я пойду, и ты иди.

Они, не опасаясь, что их увидят, вместе вышли из комнаты. Николай закрыл дверь ключом, чтобы потом отдать его вахтеру, и они пошли в разные стороны. Лена несколько раз оглядывалась и махала ему пальчиками: «До свидания!». И он один раз оглянулся и тоже махнул ей в ответ рукой. Он ушел по лестнице вниз. А она пошла на занятие, которое уже шло. У Лены на душе было радостно и тревожно. Сердце сжималось от счастья неожиданной встречи, а в голове тревога – к чему приведет вновь воскресшая любовь? Капля камень точит, а любовь – душу.

Роман Семерчук заканчивал учебу в Киеве. Надо было написать дипломную работу, что оказалось довольно сложно, а главное хлопотно. Дипломная занимала много времени, надо было составить бизнес-план, произвести математические расчеты и еще много чего-то другого. А Семерчук хотел еще немного отдохнуть, расслабиться перед тем, как окунуться в банковскую деятельность. Кристина, или на украинский манер – Хрыстя, помогала ему писать дипломную. Как выяснил Роман, у себя в Канаде она имела с мужем небольшую посредническую в торговых делах фирму. Но эти дела стали идти все хуже и хуже и, в конце концов, пришлось фирму объявить банкротом и закрыться. Здесь Роман узнал такую тонкость, – чтобы сохранить часть капитала, Кристина, по договоренности с мужем, разошлась с ним и сохранила, таким образом, часть денег. Двое детей – мальчик и девочка оформлены в школы-интернаты и о них заботятся отец и бабушки с дедушками, берут их к себе на каникулы. Бывший муж ликвидировал это дело с долгами, но уже успешно с ними рассчитывается, более того, – он уже снова создал фирму по продвижению инновационной продукции. Этот бизнес сулит хорошие деньги. Это хорошо, как говорила Хрыстя – бывший муж будет больше помогать детям деньгами. Но она сама, некоторое время была безработной, пока ей не

предложили отправиться на историческую родину преподавателем экономических дисциплин. Она раньше не занималась преподаванием и не сразу согласилась ехать на Украину. Да и теорию экономики она совсем не знала. Но она знала украинский язык и ее убедили, что со всеми проблемами собственного незнания она легко справится – местным аборигенам достаточно пояснять, что рынок – это свободная стихия и как говорил великий Адам Смит – невидимая рука рынка, сама все урегулирует. Собственно, так и преподавала Кристина, не утруждая себя чтением научной литературы – хватит для преподавания ее практических навыков продавца и бухгалтера малого предприятия. К тому же, она преподавала первый год, и некоторые незнания теории ей были простительны. Вот с этой точки зрения, Хрыстя толково не могла помочь Роману в написании дипломной. Но ее присутствие в квартире Семерчука, уже было стимулом к учебе. В перерывах между любовными утехами, он усердно готовил дипломную работу. Хрыстя в это время готовила что-то перекусить. Именно – перекусить, а не полноценный обед или ужин. Она покупала в магазине полуфабрикаты: мясо, салаты, отварную картошку и дома только были минимальные затраты энергии на их приготовление – обычно разогреть, и готово. От такой пищи у Романа появлялась изжога, и болел желудок, но, тем не менее, он терпел – пусть готовят другие, а не он. Дома Лена обычно готовила полноценные борщи и супы из свежих продуктов, а на второе шло натуральное мя-

со. Особенно все любили ее пельмени – готовые в магазине не покупались. А дома лепили пельмени всей семьей, даже Роман принимал в этой лепке участие. Но это было дома, а сейчас в Киеве жизнь его радовала. Общаясь со своим отцом и тестем, он понял, что жизнь – не секс; несколько раз в разных позициях ее не осуществишь. И глупо жаловаться на жизнь, которая досталась ему без всякого труда. И он наслаждался жизнью в Киеве, периодически, по вечерам, звоня домой, интересуясь у жены, – не скучает ли она там без него, и как растут дети. Жена – не скучала, дочь – росла, сын – учился в Москве, и он мог продолжать учиться спокойно и размеренно. Но скоро учеба должна была закончиться.

Хрыстя, приехав менее года назад на свою историческую родину, хотела ее увидеть изнутри. И она по выходным посещала музеи и выставки, и брала с собой Семерчука. Ему не очень хотелось посещать музеи – в некоторых из них, он бывал раньше. Но энергичная Хрыстя вытягивала его из дома, и они шли смотреть спектакли в украинский театр Ивана Франко. В русский театр Леси Украинки, Хрыстя не ходила принципиально – она считала русский народ – азиатским народом, в отличие от украинского – европейского народа. Она говорила с ним по-украински, и он тоже перешел на разговор с ней по-украински. Правда, его уши слышали, что это какой-то устаревший вариант украинского языка, больше похож на польский, который законсервировала украинская диаспора в Америке. Да к тому же, было видно, что их

горловые связки настроены на английский язык, что еще более искажало ее мову.

И вот на майские праздники Хрыстя сказала Семерчуку:

– Рома. Завтра встреча местных украинских сил с украинской диаспорой из Канады. Мы на эту встречу пойдем вместе. Приедут мои знакомые, поговорим, а потом посидим в ресторане, отдохнем.

Роману не нравились эти, как их называл – посиделки, с националистами. Он все еще ощущал себя партийным работником, который, если не хочет открыто бороться с украинским национализмом, то, по крайней мере, не должен этот национализм поддерживать своим присутствием. И он возразил Хрысте:

– У меня много работы. Я еще не брался учить вопросы к экзаменам.

Кроме дипломной работы были экзамены. Особенно Роман боялся экзаменов в виде тестов. Это что-то новое в уже привычном ему образовании. Из-за тупости предложенных вариантов ответов, он часто выбирал неправильные, исходя из своей логики, полученной в советском институте. Зато он пришел к выводу о поверхностности зарубежного образования. Но ему нужен был диплом экономиста и Роман не спорил и не критиковал эффективность американско-канадского образования.

– Успеешь все подготовить и сдать. Не бойся. – ответила Хрыстя, – я буду во всех комиссиях и помогу тебе. Хотя тебе

помогать не надо, – сам справишься. Ты не глупый парень. Недаром столько лет проработал в обкоме партии...

Его трудовая биография была в документах университета и руководство, несомненно, знало, где он работал раньше. Но он еще и рассказывал о своей прошлой работе Хрысте. И она временами то ли подшучивала, то ли подкусывала его, упоминанием о его работе в обкоме. Вот и сейчас припомнила ему партийную работу. Но на многие ее ехидные выпады, Семерчук просто не обращал внимания.

Они вместе пошли на встречу с этнической украинской диаспорой из Канады. Этот вечер проходил в актовом зале института повышения образования при Киевском университете. Правда, это было далековато, но новый корпус института был красив, да и зал – вместительным. Но он был заполнен чуть более, чем наполовину, о чем сожалела Хрыстя – много еще на Украине неосведомленных украинцев. Но те, кто пришли, были явно осведомленными. Это было видно по их одежде – мужчины, чуть ли не все, были в вышиванках. Многие женщины, тоже были в вышитых блузах. Оказывается, встреча была не просто деловой, а с музыкой. Фольклорный ансамбль периодически выходил на сцену и рядом со столом ведущих, исполнял народные песни, что было для Романа самым приятным.

Начались выступления канадских украинцев. В суть их выступлений Семерчук старался не вникать – всё одно и тоже твердят уже несколько лет, – надоело. Но выступление

старого, – о нем нельзя сказать пожилого, украинца, – с седыми усами и бородкой, привлекло его внимание. Он вдруг сказал, что украинский язык по мелодийности и спивучести находится на четвертом месте в мире. До этого свидомые в украинстве утверждали, что украинский язык по этим показателям был на втором месте. Роман даже немного задумался – неужели за два-три года он смог опуститься ниже в рейтинге мировых мов – но ответа так и не смог найти. Не смышленные дети, решил он – разве можно меряться языками – родной язык самый красивый для любого человека. Но в сегодняшних условиях, лучше держать язык за зубами, во рту он дольше сохранится.

Выступали многие украинцы из Канады и местные, точнее приехавшие из Галиции. Это определил Роман по их мове. Он смотрел на Хрыстю и удивлялся – с каким интересом она слушает про украинство. Выступал один киевлянин в вышиванке:

– Для того, чтобы внедрить украинский язык в повседневную жизнь – пропаганды мало. Здесь нужны меры не только административного характера, но и уголовные, за неисполнение статьи конституции. На Украине один государственный язык – украинский. Тот, кто принципиально не желает переходить на украинскую мову, должен быть изолирован от других украинцев, чтобы не развращать их российским языком. – он не пояснил, какие могут быть уголовные меры, но продолжал, – сейчас в Киеве, в школах создаются националь-

ные патрули их осведомленных учителей и старшекласников, которые на перерывах будут следить, чтобы в школах на переменных говорили только на украинском языке.

Зал ему аплодировал. И Хрыстя старательно отбивала свои ладони, в знак солидарности с выступлением этого оратора. Роман тоже похлопал для приличия – не отставать же от своей канадско-украинской подруги. Выступил ученый, видимо, гуманитарий, судя по характеру речи.

– Я с предыдущим выступающим в некоторых вопросах не согласен. Все это частные решения украиномовной политики. В Украину регионы включались постепенно. В двадцатые годы Московия отдала нам южные и восточные области, говорящие на русском языке. Это очень опасные районы для нас, особенно Донбасс, заселенный отребьем без национальности со всех концов Московии. Надо ввести предлагаемые меры, для всех регионов Украины, а не только для Киева. Понятно, что рабочий и селянин от этого просто отмахнутся, а вот администрация обязана розмовлять на украинской мове. Тогда и простой народ вынужден будет учить украинский язык.

Он закончил, и слово взял председательствующий. Как шепнула Хрыстя, – это известный украинский историк из Канады, который написал несколько учебников для Украины и по ним уже ведется преподавание в школах и институтах. Председатель-историк начал комментировать выступающих.

– Хочу поправить пана. Московия не отдала, а вернула

Украине исторически принадлежащие ей области. Вспомним, что Центральная рада в революцию, объявила эти территории украинскими. А президентом рады был великий украинский историк – Михайло Грушевский. Он знал, кому принадлежат эти земли. И здесь не должно быть никаких споров. Но спор остается за другими территориями, которые в свое время отняла Московия от Украины. Это – Ростов и Кубань, черноземы Воронежа и Белгорода. Нам нельзя забывать, что этнические украинцы живут на Дальнем Востоке и Сибири. Это тоже территории освоенные украинцами. Пока вернуть эти земли в лоно Украины достаточно сложно, но мы их вернем, так же, как вернули батькивщине независимость. Мы – украинцы, народ терпеливый, дождемся конца Московии. Поможем ей рухнуть!

Эти слова профессора, вызвали бурные аплодисменты и крики-речевки, где часто звучало: «Слава Украине!» Семерчук, впервые попавший на такое сборище, с удивлением рассматривал присутствующих. Поражали их глаза – они казались красными в полутемном зале, горели огнем ненависти к какому-то врагу, хотя врага нигде не было видно. Наклоненные вперед головы готовы были уничтожить любого врага. Женщины, с покрасневшимися от внутреннего гнева лицами и непроницаемыми от ненависти глазами, готовы были уничтожить не только врага, но и самого близкого для себя человека. Таких женщин, готовых влить яд в чашу любимого, описывали украинские писатели и писательницы. Насто-

ящим украинкам есть с кого брать пример – они уже воспитаны в национальном духе – подлить бывшему любимому яда в вино. Кажется, как показалось Семерчуку, запах звериной мести ураганом метался в зале и зомбировал всех присутствующих. Роману даже стало страшно находиться в такой необузданной в своих звериных желаниях толпе. Но канадский историк был явно доволен реакцией зала, и толпа вдохновила его на дальнейшее выступление о роли украинства, но теперь уже в мировой среде. Выслушав аплодисменты и патриотическо-украинские лозунги, он продолжил:

– Вы имеете возле себя ненавистного, любому демократическому сердцу, соседа. Я имею в виду азиатско-туранскую Московию. Ее ненавидит весь мир. И отсюда вытекают наши ближайшие, не требующие отлагательств, задачи. Это воспитание национально-освидомленного борца за Украину. Я поясню. Эта задача распадается в свою очередь на две взаимосвязанные задачи. Московию может уничтожить только русский человек. Вот таких русских на Украине, надо перевоспитать в украинском духе, чтобы они ненавидели свою русскость, а значит, и все русское. Вторая задача – воспитание украинского бойца. Их следует воспитывать не на знании и сомнении, их надо воспитывать на чувстве первородности украинца-укра над другими народами. Именно древние укры дали жизнь почти всем народам Европы, многим народам Азии, даже Африки. Бедным египтянам приходилось для строительства пирамид, таскать многотонные кам-

ни по плоскости. Им дали древние укры колесо! Вот на этих чувствах мифической силы и ума древних укров надо строить воспитательную работу с молодежью. Если хотите знать, то можно говорить, что сейчас на Украине идет естественный отбор. Останутся самые сильные и смелые, в душах которых живет украинский зверь. Если убить в человеке зверя, то он станет жертвой естественного отбора. Вот мы должны быть такими, со зверем в душе. А остальные, я первую очередь говорю кацапах, пусть станут жертвами естественного отбора. Вот для чего нам нужна вера в первородную силу украинства. Кто-то сравнивает нас с противоестественной верой фанатиков-сектантов – пусть будет так. Но они не хотят видеть, что мы не узкая туполобая горсточка людей, мы многомиллионный народ. Как я сказал, на нынешнее поколение не приходится надеяться, они сломлены советской властью. То поколение, которое мы воспитаем, лет через двадцать покажет свою первородную силу и как волна цунами, зальет всю Украину не только своими идеями, но и действиями, где не будет места тем, кто не верит в украинство!

Профессор из Канады закончил свою поправку, которая растянулась на довольно длительное время и была похожа больше на программный документ деятельности сегодняшних укров. И снова раздались бурные аплодисменты и крики: «Геть кацапив с України! З ними ляхив и жидив!», «Тисячелетней Україні – слава!», «Україна не миф – а мировая реальность!», «Кровь – за кровь!» и уже надоевший – «Сла-

ва Украине!».

Потом выступали другие, и каждый считал своим долгом подчеркнуть, что украинцев следует воспитывать, во многих случаях, насильственными мерами.

Канадский профессор подвел итог:

– Как все убедились, а мнение, как я понимаю, однозначное без воспитания нового поколения Украине трудно будет выжить в объятиях Московии. Она – главный враг независимой Украины. Сейчас наша славная диаспора этноукраинцев направляет большие силы подготовку национально-освидомленной литературы. Уже подготовлены учебники истории для дошкольников, школьников, студентов институтов. По радио и телевидению будет идти пропаганда идей великой Украины. Мы добьемся своего – воспитаем бескомпромиссного борца за свободу Украины. Что касается Московии, то здесь идет политика объединения всех западных стран против России. И, лет через двадцать, придет такое время, когда весь мир отвернется от Московии, и она обессиленная падет к ногам Украины. Мы ее возьмем, как упавший перезревший плод. Осталось немного ждать – новое поколение установит тысячелетнюю Украину на все времена!

Профессор закончил, зал, немного поаплодировав, стал расходиться. Хрыстя скомандовала Роману:

– Иди за мной! Сейчас познакомишься ближе с настоящими украинцами. Там есть мои знакомые. Потом будет банкет. Они направились к группе украинских канадцев, которые

кучкой выходили из зала. Хрыстя, а за ней и Семерчук, подошли к ним. Хрыстя шла впереди, Роман немного отстал. Хрыстя стала тепло здороваться и целоваться с украинскими канадцами, и Роману пришлось остановиться поодаль. Он прислушивался, о чем говорит Хрыстя с земляками, но вначале не мог понять, а потом до него дошло, что украинские канадцы говорят между собой на английском языке. О чем говорят, он не мог разобрать. Знаний английского языка, приобретенных в институте, не хватало для понимания их речи, а говорить на иностранном языке, он вообще не мог. Его удивило – только что в зале они говорили на устаревшем украинском языке, а между собой общались на английском.

«Ну, и этнические украинцы, – подумал он, – они мыслят только на английском языке, а украинский им как второй – иностранный. А еще учат нас, как надо жить...» – уже с укоризной подумал он.

Хрыстя о чем-то говорила с гостями и на Романа не обращала внимания. Наконец, когда вся делегация направилась на выход, к автобусу, она повернулась к Роману.

– Знаешь, с банкетом ничего не получится. Банкет предстоит грандиозным, в этническом музее украинской архитектуры, с выступлениями народных коллективов и гости рассчитывают отмечать знакомство с украинской деревенской культурой до полуночи. Уже приготовлен ужин и горилка, и ее – очень много, чтобы гости слились душой со своей ненькой-Украиной, которую их предки покинули сто лет

назад.

Роман даже был рад, что не попал на банкет. Музей деревенской культуры находится за Киевом. Он там был, и слушать национал-украинские лозунги на английском языке, ему не хотелось. Они с Хрыстей поймали такси и приехали на квартиру, которую снимал Семерчук. Уже дома, Роман спросил Хрыстю:

– Я слышал, что тебя собеседники называли Кристиной?

– Да. Это по-английски.

– А я могу называть тебя Кристиной?

– Можешь. Но только, когда мы одни и никого рядом нет.

В присутствии других, я для тебя и для всех – Хрыстя. Так нас инструктировали в канадском украинском центре.

– Кристина, а почему вы между собой говорите по-английски, а не по-украински? – не унимался с расспросами Семерчук.

– Ну, это... – замялась с ответом Хрыстя, – все-таки мы ходим в английскую школу, все документы на английском, в общем – все по-английски. И мы привыкаем к повседневной речи. На английском языке нам легче говорить, чем на украинском. Мне тоже первое время преподавать было сложно по-украински, но вот прошел почти год, и я привыкла к этому языку. На каком бы языке мы не говорили, – мы остаемся – украинцами. И ты сегодня это слышал.

Они поужинали пельменями, купленными в магазине и уже включив телевизор, Роман решил спросить Хрыстю о

более серьезном, что он сегодня услышал.

– Кристина, – раз она ему разрешила называть себя так, то он ее решил и называть по-канадски. И имя получалось приятнее, да и легче выговаривать. – Во все то, что сейчас мы слышали, ты веришь?

– Безусловно, – не задумываясь, ответила Хрыстя, – все будет так, как говорил профессор, а другие его поддерживали.

– А насчет зверя в душе? Это же страшно.

– Вас расслабил социализм. Капитализм заставит быть вас всех злее, чем вы есть на самом деле. Это неизбежно. Ты уже видишь, что рынок не любит шуток и слабые, без зверя в душе, останутся навсегда бедными, а может даже – нищими. А любая борьба за идею, требует подавления врага, здесь без зверя в душе, не обойтись.

Семерчук колебался – выложить ей убийственный аргумент, насчет зверя в душе или нет? Обида может быть большая, но решился. Он взял из книжного шкафа небольшую брошюру в мягком переплете и спросил:

– Ты знаешь, кто такой Геббельс?

– Нет. Знакомых с таким именем у меня нет, и никто не говорил мне о нем... – недоуменно ответила Хрыстя.

«Чему их там, в Канаде, учат? – возмущенно подумал Семерчук, – общий уровень их знаний намного отстает от наших, советских».

– А Гитлера знаешь?

– Да. В школе учили, что были два диктатора Гитлер и Сталин, которые развязали войну между собой. Так пришлось Америке и Канаде вмешаться в войну и свергнуть Гитлера...

«Ну и знания, – снова с неудовольствием подумал Семерчук, – но надо ей все-таки это объяснить».

– Геббельс был министром пропаганды у Гитлера. Теперь тебе понятно, кто он такой?

– Да. Там у Гитлера все были на букву «Г». Это учитель говорил в школе. Но фамилии не запомнила.

– Так вот, что написал Геббельс о бандеровцах и звере в себе. Только не перебивай... – И Семерчук стал медленно читать по-русски, так как брошюра была на русском языке, – «Бандеровцы – это умалишенные маньяки, другими словами, озверевший скот. Но именно такие нам нужны в данный период времени, чтобы уничтожить непокорных славян. А затем они сами должны быть уничтожены, так как зверям не место среди людей». – Он сделал паузу и спросил, – Кристина, ты все поняла по-русски?

Но взглянув на нее, он увидел окаменевшее лицо Христи. Такой он ее еще никогда не видел. Теперь Семерчук с испугом стал ждать реакции своей канадской подруги и дождался. Она, раздвинув змеиные, тонкие губы, медленно стала произносить:

– Это ты так мне отвечаешь на мою заботу о твоём настоящем просвещении, – она не стала почему-то говорить –

национальное просвещение, выбрала что-то нейтральное, – из тебя хочется выбить коммунистический дух, которым ты пропитался за всю свою партийную жизнь. Дай книжку?!

Семерчук не ожидал от нее такой реакции и поэтому на некоторое время оцепенел под ее взглядом удава. Она взяла книгу, открыла титульный лист и снова медленно произнесла:

– Название – «Бандеровцы – палачи Украины». Эту гадость издали, видимо, коммунисты. Ты, где взял эту книжку!? – заорала она на него, отчего Роман испуганно сжался на диване. – Где?! – зловеще повторила Хрыстя.

Так с Семерчуком не разговаривали даже в обкоме партии, когда разбирали его недоработки. Надо было что-то отвечать и Семерчук проямлил:

– Бесплатно возле магазина раздавали...

– Кто?

– Не знаю.

Хрыстя неожиданно резким, практически без замаха руки, ударила его по лицу книжкой. Роман сразу же почувствовал, как силы оставили его. Такого не позволяла с ним ни одна женщина, хотя он заслуживал от них оплеухи. Он поднял обе руки, защищаясь от повторно удара, но его не последовало. А Хрыстя деловито смотрела на выходные данные книги и рассуждала:

– Завтра я отдам книжку в службу безопасности. Пусть найдут, кто издавал, кто заплатил за этот гнусный пасквиль.

А ты, знай, что скоро Бандера будет национальным героем! И все ему будут поклоняться. Все! Понял?

Семерчук обреченно кивнул. Сопротивляться не было сил. А Хрыстя говорила:

– Я с тобой рву все отношения. Где мои вещи? Собери быстро их!

Роман понял, что она настроена серьезно. Ему не хотелось, чтобы она уходила. Тем более, он уже настроился на постельный вечер с Хрыстей. Семерчук вдруг спохватился и с искренностью, которую он в себе никогда не ощущал, прошептал:

– Не уходи... Я тебя умоляю. Я уже к тебе привык, – и после внутреннего колебания, добавил, – ты мне стала, как жена...

Последние слова заметно растопили душу зверя в душе Хрысти. Она села на стул, напротив Романа и так же, как и ранее, медленно произнесла:

– А ты будешь меня слушаться?

– Буду. – согласно кивнул головой Семерчук

– Во всем?

– Во всем.

Хрыстя положила руки на его колени:

– Я сама привыкла к тебе... – неожиданно призналась она. – вот ты закончишь, уедешь домой, к жене, и меня забудешь. А я тебя буду помнить всю жизнь...

Роман слушал его признательные, чуть ли не в любви сло-

ва, а голова думала: «Искренне она говорит или играет, как кошка с мышкой?» Но ответа найти не мог, и он только потянулся своими губами, к ее губам.

Позже, в постели, удовлетворенный ее любовью, он, держа своей ладонью маленькую мягкую грудь заснувшей Хрысти, думал: «Что же у канадских украинок такие маленькие титьки? У наших груди и больше, и упругие, как мяч. Вырождаются, что ли украинки на чужбине?» И неожиданно он нашел ответ: «Они там едят всякие полуфабрикаты и теряют свое женское естество».

А перед глазами вырисовывалась до сих пор не забытая грудь Галины Давыденковой. О жене он почему-то не вспомнил.

«Пока я здесь, пусть рядом будет Хрыстя. – решил он. – А в Луганске тоже найду бабу. Ведь я уже банкир. А им положена любовница».

С этой мыслью о недалеком счастливом будущем, Семерчук заснул.

В Луганске весна вошла в свои полные права. В парках каштаны выбросили белые елочки своих цветов, тополя накрылись изумрудно-липкой листвой, осторожно распустили ажурные листики акации, а в садах частного сектора цветут фруктовые деревья: абрикосы, в холодные дни весны раньше, чем появились листья, белоснежно расцвели; а там зацветут яблони, груши, сливы... От белизны деревьев отдыхают глаза, взгляд становится мягче, а душа цветет, вместе с природой. Посреди грандиозного созидательного труда людей, состоящего из асфальта, бетона, кирпича, несущегося рядом с человеком металла, естество Земли находит себе небольшое место. А этих естественных мест в Луганске – много. И они достаточно обширные. И в луганских скверах отдыхаешь уже душой. А рядом шумят автомобили, напоминая, что ты отдыхаешь в уличной природе.

Так и Лена этой весной расцвела от такой давно ожидаемой, но неожиданно вернувшейся из прошлого любви. Она удивлялась себе и приходила к выводу, что женщина способна на все, но не с каждым мужчиной. И она, ради любимого мужчины, была готова на все. Но ум предостерегал – у тебя есть хороший муж, дети, квартира, привычный домашний уют... А что ждет с любимым мужчиной? И тут любовь приходила к противоречию с рассудком. Бросать ей мужа, оста-

вить детей без отца?.. Это противоречило ее воспитанию – семья должна оставаться при любых обстоятельствах – пусть даже это будет чья-то измена – мужа или жены.

Она встречалась с Матвеевым с марта, возвратившись с курсов повышения квалификации. Чуть ли не все встречи проходили на улице. А это было опасно для обоих. Встречались знакомые: кто-то просто здоровался, кто-то заводил беседу, иногда подозрительно посматривая искоса на них, как бы пытаясь определить их отношения. Встречаться у себя дома, Лена боялась – в доме был дежурный, вроде консьержа. Николай жил на окраине города, в новом строящемся квартале, а это далековато от центра. Кроме того, занятия у Лены в школе были в первую смену. У Николая в некоторые дни занятий в институте не было или были во второй половине дня. Сложности во встречах были, но они выбирали время для встреч, которые иногда, растягивались на три-четыре часа. Это создавало проблемы для семейной жизни. Николаю поздно приходить домой было нельзя, можно вызвать подозрение жены. Лена сейчас была одна дома, но ее там ждала дочь. Владислав учился в Москве, в университете. Надо было следить за Оксанкой. Но, тем не менее, несколько раз они встречались на квартирах. Один раз у Николая, а так же у его холостых друзей. Она хотела его страстно, но он ее любил с холодком, что чувствовала Лена. Ей хотелось, несмотря ни на что, видеть Николая и с непосредственной радостью отдаваться ему. Это была ее любовь. А любовь – это промежу-

точный этап между страстью и привычкой. И желание видеть Николая перерастало в привычку.

Говорили они о будущем, и когда она задала осторожный вопрос, – а могут ли быть они когда-то вместе? Николай твердо ответил:

– Я свою жену не брошу. Я не хочу быть предателем для своей жены и детей.

И Лена, плохо скрывая разочарование, ответила:

– Я знаю твою жену. Она хорошая женщина и тебя любит...

Лена, немного привирала, что знает жену Николая. На самом деле она ее только видела. В студенческие годы жена Николая училась на другом факультете и Лена могла ее только видеть, да слышать от других, что девушка, на которой женился Николай, обаятельная и скромная.

Но, как не удивительно, Лену его ответ не обидел. Собственно говоря, она была такого же мнения о семейной жизни. Но женщина легче поддается возбуждению, чем убеждению. И Лена хотела встречаться с Николаем потому, что он был ее первой любовью, чистой и романтической – столько лет ждала его любви – разве это не романтика. И еще она возвращала ему долг, – за прошлую, неразделенную ею и им любовь.

Так они встречались. Лена надеялась на то, что что-то изменится, и они будут вместе. Николай вначале считал встречу с Леной обычной мужской интрижкой – скоро все, как

обычно в таких случаях бывает, закончится расставанием, и они снова станут равнодушными друг к другу, старыми знакомыми. Но по мере их встреч, вырисовывалась другая картина, которую нельзя было назвать интрижкой. Николай, понимая ее состояние, зная историю ее замужества с обманом и насилием, пока не пытался прервать эти отношения, чтобы не доставить ей боль. Обидное прошлое – можно лечить чем-то хорошим из прошлого. И он был с ней нежным и добрым, боясь ее обидеть грустными воспоминаниями прошлого. Чувство любви, к той невинной девочки из студенческих лет, в нем оставалось, хотя Лена была уже зрелой женщиной. И он продолжал с Леной встречаться из-за жалости к ней. И эта жалость, выстроенная на прошлой несостоявшейся любви, не позволяла ему разорвать с ней близкие отношения. Они превращались в повседневную, необходимую им обоим, привычку. Ничто, так крепко не привязывает человека к жизни, как привычки. А привычка иметь рядом с собой зависимого человека, превращает людей в рабов повседневной жизни.

Отец Лены продолжал строить свой бизнес. Но, как заметила дочь, его пыл в отношении обогащения понемногу задухал. Он все время работал в паре со сватом – Семерчуком-старшим. А у того планы все более и более становились обширными. И он их старался претворить в жизнь и теперь уже без участия Фотина, видя его осторожность и даже трусливость в принятии решений. Весной у них состоялась важ-

ная беседа, на которую пригласили директора банка Кушелера. Если можно так выразиться, докладывал Семерчук-старший.

– Сейчас многие, у кого есть деньги, бросились на Донбасс. Наш край стал лакомым кусочком, не только для бизнесменов Украины, но и России. Государство хочет выставить на продажу антрацитовые шахты Свердловска, Ровенёк, Антрацита. Хотелось бы поучаствовать в их приватизации. Как вы думаете? – с чувством опасения критики в свой адрес, спросил своих партнеров по бизнесу, Семерчук.

Хитрый Кушелер, обычно старался говорить после своих старших соратников. Поэтому надо было отвечать Фотину. Но что-то конкретное в его голове не оформилось и он, привыкший, как и положено выступающим с докладом бывшему партийному и советскому работнику, начал издали проблемы, вроде бы даже не имевшему отношения к вопросу обсуждения.

– Вы видите сами, что творится не только в нашей стране, но и в России и в новых государствах. Преступность захватила всю жизнь общества – от верхов до низа. Убивают бизнесменов направо и налево. Сейчас опасно вести бизнес...

– А что ж, ты, предлагаешь? – перебил его Семерчук, – сидеть и ждать, когда в Луганск придут ребята из Донецка и все приберут к своим рукам? Сейчас идет борьба, – какой город на Донбассе станет его столицей – Донецк или Луганск. Конечно Луганску сложнее – мы слабее Донецка, но качествен-

нее мы сильнее и нам надо воспользоваться этим качеством. Сюда, в Донбасс, зачастили не только бизнесмены из России, но и всякие эстрадные звезды – хотят урвать свой кусок выгоды. Им, видите ли, мало заработка на эстраде...

Теперь Семерчука перебил Фотин:

– Самые известные эстрадники были связаны с криминалом еще в советское время. У меня сомнения по существу – хватит ли у нас денег и сил побороться за антрацит Луганщины? Не страшен ли лично нам криминал?

– Насчет преступных группировок в городах Донбасса... Они есть в каждом нашем городе. И что интересно – народ знает о них и их поддерживает. Например, в Ровеньках местные бандиты заставляют продавцов на рынках, торговать по умеренным ценам. И те так и торгуют, как им сказано. А народу низкие цены нравятся, и он благодарен этим Робин Гудам преступного мира. Но между нами я скажу, – Семерчук сделал паузу и почти шепотом произнес, – я, некоторым криминальным группам плачу деньги, чтобы меня не трогали. Поэтому в приватизации шахт, я надеюсь на их не только доброжелательное отношение ко мне, но и на помощь.

О том, что приходится платить преступному миру, знал и Фотин, и Кушелер. Последнему приходилось постоянно перечислять бандитской империи банковские деньги, используя авизо не законным путем. И вот заговорил Кушелер:

– Я сомневаюсь, что у нас хватит средств для приватизации.

– Мы создадим акционерное общество. Придется взять заем у других банков.

Кушелер сразу же встрепенулся:

– Я предлагаю совершить такую сделку с российскими банками.

Семерчук поморщился. Он знал, что в России банками владеют, в основном, евреи, и Кушелер из их же рода, и поэтому его, в перспективе, могут просто отодвинуть от этого дела. Вот этого боялся Семерчук больше всего. И он поспешил ответить:

– В Киеве, некоторые мои родственники из западной Украины заняли высокие должности в государстве, и банковском деле. Я уже консультировался с ними, они обещали помочь организационно и финансово. Конечно, им придется дать немного акций, а может и сертификатов. Но все остальные акции купит наш банк!

Он внимательно посмотрел на Кушелера. Тот сидел, поджав губы, видимо, недовольный таким ходом дела. Но ничего против не сказал, только уточнил:

– Надо разработать план действий. Это первое наше крупное дело. Надо все продумать. Я представлю вам свой план через месяц.

– Через неделю... – поправил его Семерчук.

– Работы много...

– Времени мало!

Фотин, молчавший до этого момента, решил внести свой

устный вклад в намечавшееся дело.

– Что ж. Цели – ясны, задачи – определены, за работу, господа!

– Но Хрущев говорил – за работу, товарищи! – Поправил его Семерчук.

– Времена изменились, – ответил Фотин.

Бывшие партийные работники хорошо знали крылатые слова бывших партийных лидеров Советского Союза. Кушелер обратился к ним, как к старшим по всем показателям – возрастным и материальным, соратникам:

– Я пойду. Надо подготовить много проектов и документов.

Он ушел к себе в кабинет. Семерчук недовольно поморщился:

– Не могли мы другого директора найти? Сколько еврея не обрезай, залупаться он не перестанет!

Теперь недовольную мину на лице изобразил Фотин. Видимо, его еврейские корни души, не совсем соответствовали взглядам Семерчука – выходца с западной Украины. Но Семерчук-старший просто не знал и не догадывался, что его сват частично еврей. Фотин с ним никогда об этом не говорил. И он ответил:

– С евреев, нам всем надо брать пример. Они дружны, друг другу всегда помогают. Не то, что русские и украинцы. Поэтому они везде лучшие.

– Часто не по заслугам, – отпарировал Семерчук, – но они

умеют раскручиваться сообща.

Они вышли из банка. Еще поговорили о делах. Потом о личных – Семерчук перебирался из города областного подчинения, в Луганск. Надо строить дом, готовить новый офис, в общем, работы много.

Кушелер в конце рабочего дня позвонил в Москву знакомому банкиру и описал обстановку, сложившуюся вокруг приватизации антрацитовых шахт. Тот выслушал внимательно его информацию и ответил, что он свяжется с Донецком, а потом сообщит ему о последующих действиях. И коротко, по-деловому поблагодарил Кушелера:

– Признателен... Жду новых данных от вас и буду информировать вас о состоянии дела.

Кушелер был доволен, его там, в Москве, не забудут. Он понял, что не будет фигурировать в московских делах, но ему тоже что-то обломится от приватизации шахт.

Лето наступило, вопреки сезона, прохладное. Лене приходилось разрываться между семьей, точнее загородным домом, куда она переехали на каникулы с дочерью, и встречами с Николаем. Но пока был июнь, – она уезжала из дома на работу и потом встречалась с Николаем. Но вскоре должен был приехать Роман, и она не знала, как будут происходить эти встречи. Тем более, подходило время отпусков. Педагоги, обычно, отдыхают летом и отпуск у них почти два месяца. У Николая, жена с детьми должна была уехать на лето в деревню с детьми, а он будет их навещать периодически.

У Николая осенью уже была назначена защита докторской диссертации, и он хотел поработать над ней, а так же ему надо было ездить в Киев по научным вопросам. Проблемы в любви были у нее, и она создавала проблемы для Николая. Лена это понимала и видела, что у Николая нет времени для встреч, но он, как и в студенческие годы, не мог обидеть ее своим равнодушием. Они договорились летом встречаться дома у Николая. Но, как ей отлучиться из семьи даже на недолгое время? Скоро с учебы вернется муж? И чем больше Лена думала над этой проблемой, тем больше ненавидела новый загородный дом – из него сложнее было уйти, хотя бы на время. Она будет на виду у всех, и уже скрыть свои желания и любовь будет практически невозможно. Влюбленная женщина похожа на стихийное бедствие для мужчины, который понимает ее чувства и жертвует собой ради ее любви.

Но в конце июня произошло трагическое событие. В холодном лете этого года выдались знойные дни. Был грозовой день – степная жара притянула влажный воздух Черного моря. Обычно – это скоротечное явление: молнии, гром, дождь, а через полдня, а, может, и раньше, – снова жарит степное солнце. Но именно в этот жаркий, грозовой день, это и случилось. Лена, только что вернувшаяся с работы, услышала телефонный звонок и взяла трубку. Звонил отец. Голос был взволнованным и каким-то рваным.

– Лена! Только сейчас позвонили, что убит отец Романа
Лена замерла, не зная, что ответить. Голос комком застрял

в горле. В голове мелькала мысль: «Свекор не сам умер, его убили». Наконец, глубоко глотнув воздуха, она прохрипела в телефонную трубку.

– Как?! – больше ничего она вымолвить не могла.

– Пока точно не знаю. – Голос отца стал более-менее ровным, что придало уверенности голосу Лены. – Надо срочно сообщить Роману, чтобы приезжал. У тебя есть адрес, телефоны.

– Есть. И домашний и телефон руководства университета. Я сейчас ему буду звонить.

– Звони. Как до него дозвонишься, так сообщи мне.

Разговор прекратился, но у Лены в голове шел звон, то ли от телефонных звонков, то ли от неожиданности известия. Она позвонила на квартиру, где жил Роман, но ей не ответили. У нее был еще один телефон приемной креативного менеджера университета, то есть фактически ректора, названного так для заграничной солидности. Ей ответил женский голос на украинском языке. Лена говорила по-русски и голос по телефону недовольно спросил:

– А вы видкиля?

– Я с Донбасса, – резко ответила Лена, – надо срочно сообщить Семерчуку, что умер его отец, – она не решилась сказать, что Семерчука-старшего убили.

Только после этого сообщения голос в телефоне смягчился:

– Сейчас пойдут искать Семерчука. Но вы живете в Укра-

ине и должны говорить на государственном языке, – укорил ее телефонный голос.

– Пусть позвонит мне или еще кому-то... – успела попросить Лена, и в телефонной трубке послышались гудки.

Лена ждала звонка из Киева, от мужа, нервно ходила по комнате и не могла ни за что взяться, чтобы отвлечься от страшного известия. Только через час позвонил Роман. Он сказал, что уже позвонил матери, и сейчас бежит домой, чтобы взять паспорт, а потом в Жуляны, в аэропорт. Лена решила не ехать в загородный дом, – отец позвонил, чтобы все, в том числе и дети, вернулись в город. Лена спросила, – что же конкретно произошло с Семерчуком-старшим, но тот по телефону отказался рассказывать о происшедшем, и распорядился, чтобы все пришли к нему домой. Лена пришла первой и своими ключами открыла родительскую квартиру. Через полчаса пришел отец, а еще через полчаса приехала мать, с Оксаной. Царило напряженное молчание, ждали, что скажет отец. И он кое-что прояснил:

– Как мне сообщили, произошло убийство, – он тяжело вздохнул, – Богдан ехал на своем автомобиле, впереди шел фургон с брезентовым верхом. Когда легковая машина Семерчука догнала этот фургон, из кузова стреляли по ним из нескольких автоматов, практически в упор. Убит не только Богдан..., но и его помощник, и шофер. Все убиты. Свидетелей толком нет. Начинался дождь, и водители старались быстрее добраться до назначенного места или домой, мало

что видели.

– А фургон, задержали?

– Нет. Идут его розыски.

– Жалко свата. Еще ж молодой... – проговорила мать Лены, – надо собираться ехать на похороны.

– Да, надо, – вздохнул Фотин. – похороны еще не назначены, но я думаю будут послезавтра. Я уже взял машину и сейчас поеду туда. А завтра вам тоже будет машина. Сегодня вам ехать не к чему. – он снова глубоко вздохнул.

– А за что его убили? – спросила, наконец, Лена.

Этот вопрос интересовал всех, но Фотин обошел его, туманно пояснив:

– Пока еще никто не знает. Может, задержат убийц, – но по его голосу было видно, что он не уверен в таком задержании, – Телевидение много говорит о разделе имущества. Сами знаете и видите, как убивают друг друга в борьбе за это имущество... Наверное, и это убийство следует считать борьбой за раздел имущества...

Фотин избегал говорить слово «грабеж», и «народное достояние», заменяя их словами «борьба» и «имущество». Но он догадывался, за что убрали конкуренты Семерчука – за его неумную страсть в приобретении, отданного на разграбление государством народного хозяйства и, в частности, желания стать хозяином антрацитовых шахт. Ему этого кто-то не простил. Кто, это «кто-то», Фотин не знал, да и вряд ли узнает. Но его, после сообщения о смерти компаньона, взял

внутренний страх – так же могут поступить и с ним. В условиях рынка богатство может укоротить жизнь намного быстрее, чем бедность. И у него за эти часы появилась мысль, – а не закончить ли с предпринимательством? Деньги у него есть. Не только на его век, но и внукам хватит. А сейчас в дележке страны, люди, стремящиеся к богатству стали просто бешеными. А бешенством люди чаще заражаются не от животных, а от денег. Но в то же время, Фотин понимал – не в деньгах счастье, но они обеспечивают свободу и надо выбирать – скучную жизнь или, возможно, богатые похороны. И сегодня ему очень захотелось жить, на фоне безвременной смерти свата, с которым они провернули столько дел, начиная со времен, когда были руководителями советской власти, правда, на местном уровне.

Но в это время раздался телефонный звонок. Звонил Роман. Он уже прилетел в Луганск. Фотин, сразу же сориентировавшись, дал ему указание:

– Бери такси и приезжай ко мне. Вместе едем...

Роман приехал через полчаса. Он поздоровался с тестем за руку, кивнув остальным в знак приветствия. Потом обратился к жене:

– Лена! Я сейчас уеду. Ты поедешь с нами?

– Я с Оксаной, приеду завтра.

– Гаразд, – согласился Роман по-украински.

Он уже привык в обучении в Киеве и в отношениях с Христей к украинскому языку. И слово «хорошо» он произ-

вольно произнес в семье, где всегда говорили по-русски. Роман не спрашивал, что и как произошло с его отцом. Было видно, что неожиданная смерть отца, поразила его до такой степени, что о чем-то другом, кроме простых фраз, он не мог говорить. Фотин и Роман уехали, а женщины и дети еще сидели и разговаривали, приготовили ранний ужин и только потом Лена с дочерью пошла домой.

На следующий день, они все выехали на машине. Но когда приехали в другой город, то оказалось, что покойного домой не привезут, а вечером труп перевезут в офис и оттуда, завтра в полдень, начнутся похороны. Они все разместились в большом загородном доме Семерчуков, который был построен года два назад. Романа видели мельком. Он бегал по организации похорон, хотя этим делом занимались другие, знающие этот процесс люди. Но приехало много родни и знакомых, их надо было разместить. Собственно говоря, вот этим делом занимался Роман и его сестра. Нового о совершении преступления, Лена не узнала. Как и говорил отец, застрелили из автоматов на дороге, в машине. Милиция ищет убийц, но пока ничего не нашла, даже мало-мальских зацепок. Шептались, что убийство было подготовлено тщательно, работали профессионалы, изучившие маршруты поездок Семерчука.

Роман пришел к Лене ночью, в комнату, где она спала с Оксаной. Она, обняв его, шептала слова утешения, чувствуя соленые слезы на щеках мужа. Роман, действительно был мо-

рально убит этим трагическим событием – отца он считал бессмертным столпом благополучия семьи. И вот неожиданно этот столп рухнул. Роман теперь обязан был продолжить его дело. Но на наследство могла претендовать его сестра. И он уже продумывал этот вопрос, зная хваткий характер сестры, – как все мирно решить, а возможно – отстранить ее от бизнеса отца. Но все это надо делать после похорон. А у него в Киеве послезавтра защита дипломной работы, но ее перенесут на несколько дней. В общем, времени в обрез, а дел по горло. Сын из Москвы дал телеграмму, что не сможет приехать – у него сессия в университете. Это сообщение восприняли спокойно – не сдашь во время экзамен, потом будешь бегать за преподавателями.

На следующий день, когда они пришли в офис Семерчука, для прощания, то увидели, что голова покойного перевязана бинтами – пуля попала в голову, но часть лица была видна. Вынос тела начался ровно в полдень. На кладбище выделили место на главной аллее – резервное место, для видных людей города. В этот список входил Семерчук. О покойном плохо не говорят, поэтому в прощальных речах говорили только хорошее об усопшем. Оказывается, он много доброго сделал для города, будучи его партийным руководителем, а потом – хозяйственным. Поминки были грандиозными для этого города. Решили угощать всех горожан, которые придут на поминки. Пришлось в сквере, перед рестораном ставить столы, и горожане, недоедавшие в последние годы, могли выпить и

покушать «за вечную память» своего богатого земляка. Особенно рады были бомжи, которых стало за годы независимости в разы больше, чем при социализме. Они подходили к столам по два-три раза, наелись и напились на сутки вперед. Похороны – это событие, при котором покойник оказывается главным бездействующим лицом, приносящим пользу другим. Возродилась дореволюционная традиция отдачи натурой части богатства после смерти богатого бедным. Но не понимают богатые, что демонстрация богатства, унижает тех, чьими руками оно создано. И униженные, жуя кусок хлеба и запивая его водкой, одновременно презирают богатство, чтобы остаться честными людьми – хотя бы перед самим собой. Но, как в народе говорят – голод не тетка! И честность подчинена чувству голоду!

Лена с детьми осталась еще на одну ночь у свекрови. А утром, еще раз посетив могилу Семерчука-старшего, где в ожидании памятника, пока стоял простой крест, Лена уехала в Луганск. Роман остался с матерью.

Он приехал через три дня. Был не разговорчив, сразу же пошел в банк. Его встретил Кушелер и снова выразил соболезнование. Он уже говорил ему соболезнование на похоронах, на котором присутствовал. Романа интересовал только один вопрос: какие финансы отца имеются в банке? Этот вопрос он и задал директору банка.

– Я посмотрю финансовые документы и позже скажу вам. – уклончиво ответил Кушелер.

– Мой отец – один из основателей банка и он внес солидный вклад в уставной капитал банка.

– Да, – согласился Кушелер, – но ваш отец через банк проводил расчеты со своими партнерами. А это активы банка. Мы подсчитаем и скажем вам, сколько осталось средств на счетах вашего отца.

Роман вынужден был согласиться подождать, хотя чувствовал, что Кушелер неспроста тянет время. Но доказательств двойной игры директора у него не было. Он решил, что скоро, после учебы он вернется и сам лично перепроверит счета отца.

– Я остаюсь директором по кадрам в банке? – спросил он Кушелера.

– Да. – Твердо ответил Кушелер. – Мы вас ждем, нам надо расширять свою деятельность и приобретенный вами опыт работы западных банков, нам очень пригодится.

На этом расстались, пожав руки, с оттенком недоверия друг к другу.

Вечером Роман стал просматривать некоторые бумаги отца, которые взял из дома. Но это были какие-то отрывочные данные и полностью уяснить финансовую картину деятельности отца, он не смог. На следующий день Роман должен был улететь в Киев. Надо было защитить дипломную работу.

Ночью Лена гладила голову Романа и успокаивающе говорила:

– Рома. Ты сам понимаешь, что в жизни будут потери. Они

неизбежны. Жаль, что твой отец ушел раньше времени из жизни. Но убийц найдут и накажут...

– Как, я тебя сейчас люблю... – прошептал муж, – ты остаешься единственной опорой в моей жизни.

И она, ощущая на себе тяжесть его тела, с тоской думала: «Неужели я – совсем падшая женщина? – но сразу же себя успокоила, – ему сейчас трудно, надо ему помочь морально», – и невидимые мужу слезы наполнили ее глаза.

6

В Киеве Роман защитил дипломную работу с бизнес-проектом, без проблем. Через два дня должен был состояться выпускной банкет, на котором вручат дипломы об окончании университета. Надо было сдать квартиру хозяйке, собрать свои вещи. В первый вечер, после приезда, он отдыхал вместе с Хрыстей. Она оставалась жить в его квартире, во время его отсутствия, была рада его приезду и успокоила на счет защиты дипломной – все будет хорошо. Но на балконе Роман увидел окурки сигарет. Ни он, ни Хрыстя не курили, и он спросил ее:

– Кристина, откуда здесь окурки? Здесь кто-то был в гостях?

Хрыстя заметно смутилась, но быстро нашла ответ:

– Была подруга из канадского центра. Она курит. Мы вечером с ней немного выпили, и она курила только на балконе.

Ее ответ не удовлетворил Романа, но обострять отношения не хотелось. У Хрысти была приятная для мужчины привычка – обнажаться в присутствии любимого, что она и стала делать, видимо, стремясь уйти от неприятного разговора. Когда обнажается женщина, неуместны любые слова, кроме междометий. У многих мужчин на уме то, что у женщины под платьем. Он сразу же забыл про окурки и нежно обнял

ее за голую спину... Потом они поужинали, немного выпили сухого вина, и Хрыстя начала задавать ему вопросы, показавшиеся ему целенаправленными.

– Тебе, конечно, сейчас тяжело. Утрата близкого человека – самая тяжелая утрата, – говорила она, приближаясь к интересовавшему ей вопросу, – А у отца был большой бизнес? Какой у него капитал?

Роману не хотелось говорить на эту тему, но он знал цепкую хватку Хрысти – все равно ему придется ей рассказать о богатстве папы. Но он решил занижить цифры:

– Я точно не знаю. Мне отец точно о своем бизнесе и капиталах не говорил, ждал, когда я закончу ваш университет, и включусь в дела окончательно.

Но Хрыстя была упорна в своих расспросах:

– А хоть приблизительно, ты знаешь его капитал?

– Приблизительно... – он задумался, как бы не сказать слишком много, – приблизительно, – повторил он, – пятнадцать-двадцать миллионов долларов.

– О-о! – воскликнула Хрыстя, – у тебя папа был успешным бизнесменом. Ты станешь богатым человеком, когда полностью войдешь в наследство!

– Я не один наследник. Еще есть сестра. Еще отец вел бизнес не только сам, но и в компаниях, – он вспомнил Фотина.

– Даже, если тебе достанется меньше, чем ты сказал, то ты все равно богатый человек.

Она его нежно обняла за шею и стала что-то шептать по-

английски. Роман не понимал, что она говорит, но ласковый шепот на незнакомом языке был ему очень приятен.

Диплом был получен и Роман еще на неделю задержался в Киеве с Хрыстей. Почему-то домой не очень сильно хотелось. Но Хрыстя тоже улетала в Канаду, почти на два месяца и надо было расставаться с ней. Она ему сказала:

– Приходи учиться дальше. В университете открывается новая специальность – антикризисное управление. А ваша страна постоянно будет жить в кризисе. Тебе не помешает знать, как выходить из трудных ситуаций.

Они расстались. Она полетела в Канаду, он – поездом в Донбасс. После окончания учебы, Роман хотел отдохнуть в Крыму, но сейчас решил выйти на работу и проверить данные о состоянии отца. Но Кушелер уходил от прямого ответа. В конце концов, Роман выяснил, что отец вложил в уставной капитал пять миллионов долларов. Он был сильно удивлен – откуда у отца появились, два года назад, такие деньги? Капитализм только начинался, а у него уже такие бабки. Хотя деньги и не пахнут, у некоторых на них острый нюх. Видимо, этот нюх был у отца – недаром у него столько денег накопилось еще с советских времен. Роман хотел узнать о вкладе Фотина, но Кушелер ответил, что информацию о других лицах банк не дает никому, даже своим акционерам. Семерчук-старший не оставил завещания, рассчитывая еще долго заниматься бизнесом, поэтому в полное наследование Роман мог вступить через полгода после смерти отца. Он несколь-

ко раз ездил к матери – ей нужна была моральная поддержка. Одновременно он там решал дела с отцовским бизнесом. Было ясно, что ни Роман, ни его сестра не способны были продолжать дело отца. Было решено бизнес отца, вместе с недвижимостью продать. Строительные предприятия – в основном заводы по стройконструкциям и бетону, должны были найти другого хозяина. Фотин не возражал. Ему причиталась солидная доля в бизнесе Семерчука-старшего. Фотин пообещал в ближайшее время нанять адвокатов и начать продажу недвижимости. Но денег на счетах отца оказалось не так много. Все средства отец Семерчука вкладывал в производство и другие операции. На что еще обратил внимание Роман – Фотин почему-то стал меньше его учить уму-разуму. Раньше он был назойливым учителем жизни своего зятя. Но обучение заканчивается там, где начинается дележка денег. И Роман понимал, что тесть из учителя, превратился для него в партнера и, одновременно, в соперника. Лучше всего прочность родственных уз проверяется при дележке наследства. И это тоже стало доходить до Семерчука-младшего, но самостоятельно он ничего сделать не мог и надеялся на порядочность партнеров погибшего отца.

Лена все лето разрывалась между мужем и Николаем. Идти на разрыв с мужем – нельзя. Никто ее не поймет. Муж у нее не пьет, в крайнем случае, чрезмерно, не курит, не гуляет с другими женщинами – можно сказать, просто идеальный. Конечно, и у него есть недостатки, а у кого их нет? А главное

для женщины, для семьи – он очень хорошо зарабатывает, а материальный достаток – основа женского благополучия. А благополучие – фундамент жизни для человека, основные потребности которого определяет физиология.

Роман жил в Луганске, каждый день ходил на работу. Только в пятницу вечером, на выходные, перебирался в загородный дом. Лена в будние дни жила в загородном доме и объясняла Роману, что так лучше детям и ей. И два дня – вторник и четверг, она уезжала в город для встречи с Николаем. На это обратила внимание ее мать и спросила:

– Лена, куда и к кому ты едешь в Луганск?

Она пока не спросила конкретно. Лена по-детски ответила матери:

– Нам в школе пришли новые программы и надо к новому учебному году их сделать. – и добавила, – это обязательное условие, а то не допустят к занятиям.

Но мать так просто нельзя было провести, тем более она уже что-то знала и поэтому спросила:

– У тебя отпуск. И тебя часто видят прогуливающейся с каким-то мужчиной. Кто он?

У Лены все опустилось в груди и застыло в солнечном сплетении – раз мать узнала, то значит, знают и другие. И она не в силах больше терпеть эту тайну в душе, со слезами на глазах, ответила, дрожащим голосом:

– Ты его знаешь... Видела и даже говорила с ним. Но это было давно. Может только ты забыла...

– Я догадываюсь кто. И я ничего не забыла. Это твоя первая любовь – Колька Матвеев!

Она произнесла не Николай или Коля, а Колька, подчеркнув его социальное отторжение от их семейства. И Лена, выпрямившись и гордо взглянув в глаза матери, ответила:

– Да! Это Николай.

– И тебе не стыдно это говорить?

– Мне моей первой любви, – повторила она слова матери, – нечего стыдиться. Если бы не вы с отцом, да Семерчуком – он бы был моим мужем! Вы меня лишили моей первой любви!

Теперь пошла на попятную мать, сменив резкость в разговоре с дочерью, на женскую доверительность.

– Доченька, – уже миролюбиво произнесла мать, – у каждой женщины, так же как и у мужчины, бывают минутные увлечения. И бог с ними, лишь бы шло на пользу. Но у тебя есть семья: муж, дети... Ты должна заботиться о них. Они – твое будущее. А увлечение, как и положено увлечению, пройдет.

Мать по-житейски была права. Женское увлечение – романтический мираж в крепких объятиях сурового реализма жизни.

– Не знаю, мама. Это не увлечение. Любовь к Николаю у меня не прошла за эти почти двадцать лет моего замужества.

– Уже прошла. Просто ты не хочешь примириться, как ты сама сейчас сказала, с замужеством с Романом. Но ради се-

мый, детей надо с этим увлечением заканчивать. Я тебя понимаю. Торопиться не стоит. Но потихоньку снова возвращайся в свою семью и не ищи приключений на стороне.

– Это не приключение, – тихо возразила Лена матери, – сама не знаю, что мне делать...

И она тихо заплакала. Мать погладила ее, как маленькую, по голове. Хотела прижать к себе, но Лена отстранилась.

– Доченька! Снова повторю – не торопись, но завязывай с этой, посторонней любовью. Ты просто внушила себе, что ты его любишь. А на самом деле – нет. Это тоска по юношеским годам, студенческим... С возрастом, женщине хочется наверстать то, что она не смогла совершить в юности. Убежать назад, в прошлое – невозможно. Лето заканчивается, начнется работа, времени будет мало и свертывай эти отношения. Если узнает папа, то сама знаешь, что может быть. Он тебя очень любит, поэтому будет с тобой крут...

– Хорошо, мама. Я буду завязывать с Николаем, как ты посоветовала.

Лена помнила, что Николай сказал ей, что он никогда не бросит семью, не станет предателем для своих детей. Поэтому рассчитывать на совместную жизнь, не приходилось. И она, перенося слова Николая на себя, стала думать почти также – нельзя разлучать детей с отцом. Они уже взрослые, что они подумают о маме, если она бросит папу, ради другого мужчины. И она твердо ответила маме:

– Эта любовь – мое первое и последнее лето. Ты, мама,

права – будущего, кроме встреч, у меня с Николаем нет. Не говори об этом папе? – а потом спросила, – мама. А кто тебе сказал, что я встречаюсь с другим мужчиной?

Здесь мать заколебалась – говорит или нет? И ответила уклончиво:

– Знакомые тебя видели, как ты с ним – она весь разговор не называла Николая по имени, – ходишь-бродишь под ручку. А последнее время, тебя часто видят на кварталах, где живет твой ухажер... Чем больше ты нравишься другим, тем чаще и грязнее о тебе сплетничают другие. Поэтому, если мне двое сказали об этом, то знают о твоих встречах, намного больше людей.

Мать так и не сказала, от кого поступила ей эта информация. Неприятный для обеих разговор закончился, а Лена не знала, что делать. Одно дело пообещать матери завязать отношения с Николаем, другое – она не могла уже жить без ощущения твердой руки и воли своего любимого. Ей нравилось, как по-мужски, грубовато, но в тоже время и душевно-нежно он заботится о ней. И она всей душой и телом ощущала его участие в ее жизни и желание помочь ей сейчас, как он помогал ей в студенческие годы. Она чувствовала его физическую и моральную цельность. Хоть он остался любителем выпить, но не потерял своей индивидуальности и привлекательности. Есть люди, у которых внутренний мир, намного интереснее окружающего мира. Таким был Николай Матвеев. С ним хотелось общаться мужчинам и женщинам.

Его точные, аргументированные оценки всего, что окружает человеческий мир, привлекали к нему людей. И Лена, возродив старую любовь, жертвенно шла вместе с ней вперед, неизвестно куда. И от этой любви замирало сердце, – что будет дальше? А дальше перспектив никаких не было – связывать с ней свою жизнь, Николай не мог. И от этого – «не могу» – ей хотелось любить его еще сильнее. Большее впечатление на женщину производит не назойливость мужчины, а его равнодушие. Николай не был к ней равнодушен, но и любил ее, как женщину, которой необходима мужская защита. А она думала, как выполнить обещание, данное матери, к осени прекратить все отношения с Николаем.

Вот и сегодня Лена пришла к нему, как договаривались, ближе к обеду. Он встретил ее с радостью, что было заметно. Николай доделывал докторскую диссертацию, и работы у него было много. Но он был рад ее приходу – не с эгоистической точки зрения – вот она пришла и я сейчас отдохну, а просто рад, как близкому человеку, которая любила его всей душой. И он не мог разрушить ее желание – любить мужчину ее первой любви.

– Проходи, – пригласил он в комнату, – ты ела сегодня? – И увидев ее отрицательное покачивание головой, предложил, – пойдём на кухню, я утром приготовил суп и макароны по-флотски. Перекусим...

Так всегда начинались встречи в квартире Николая – то ли с позднего завтрак, то ли с раннего обеда. И они прошли

на кухню.

– Выпьем по рюмочке? – предложил Николай.

– Если, коньяк или водка, то нет.

– Сегодня вино «Бастардо». Крымское. Я больше всего люблю его, хотя еще есть много хороших крымских вин.

– Если по рюмочке, то можно, – согласилась Лена.

Николай налил ей суп, а потом в фужеры вина.

– Это не рюмка, – запротестовала Лена, – это – целый бокал!

– Это – рюмка для вина, а маленькие – для коньяка. А мы сегодня попробуем вино. Вино – лучший компас в мире приключений. – Почему-то серьезно закончил Николай.

Они выпили – Николай полный фужер, Лена – наполовину. Николай умел приготовить и первое, и второе. Поэтому одному ему жить было не трудно – с голода не умрет, сумеет что-то приготовить поесть. Когда съели суп и Лена начала есть второе – макароны по-флотски, Николай произнес:

– Давай допьем вино, – и налил себе снова.

Он хотел Лене долить, но та возразила, – ей хватит.

Они еще выпили, поговорили о семейных делах, и Лена решила рассказать Николаю, о разговоре с матерью.

– Коля, я тебе хочу сказать, что о наших встречах знают другие...

Николай сразу же насторожился:

– Кто тебе уже сказал?

– Моя мать. Ей кто-то рассказал, что нас часто видят вме-

сте.

– Это вполне возможно. Мы же ходим по городу, не прячемся от других, вот и видят. А что еще сказала мать?

– Вот только то, что тебе сказала, но я призналась ей, что встречаюсь с тобой и это уже – близкие встречи.

Николай, вроде бы, задумался, но ответил быстро:

– Это хорошо, что знает мать, тебе будет легче.

Такого ответа Лена не ожидала и спросила:

– Почему?

– Мать всегда поможет, прикроет тебя. Лишь бы муж не узнал. Вот это будет плохо.

– Я тоже этого боюсь. Стараюсь быть с ним доброй, но плохо получается. Но и он, мне кажется, охладел ко мне. Он учился год в Киеве, редко ездил...

– Насколько я знаю Романа, он способен не только учиться, но и развлекаться. Может от долгой разлуки он охладел к тебе. Я тоже не хочу скандала, поэтому надо быть нам осторожнее.

Лене хотелось сказать, что она дала слово матери, прекратить отношения с ним с осени, но душа противилась прекращению незаконной любви, и она просто не могла сообщить об этом Николаю. Ей хотелось продолжать любить его. Закончился обед чаем, и они перешли в зал.

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Вношу последние правки в диссертацию. Одновременно работаю над книгой об украинском национализме.

– Зачем тебе нужна книга? Тебя и так считают врагом Украины. И ты хочешь еще более усугубить свое положение.

– Я не враг Украины. У меня жена – украинка. Я неправильно выразился – я против галицийского национализма. Украина и Галиция – это две большие разницы. Это разные народы. А галицийцы очень опасны для остальной Украины. Галицийцы – это люди, которые поставили своей целью поработить остальную часть Украины. Они будут ломать народ через колено. Вот сейчас они в Киеве заняли теплые места в руководстве, а работать они не умеют. Они развалят любое дело и даже Украину. Они – разрушители...

– Ты так не говори о них. Вот мой муж, точнее, его родители с западной Украины. Но они мыслят нормально...

– Ты еще в их душу не заглянула. Национализм – это фашизм. Они хотят поломать привычный быт и жизнь народа, сформированный веками. Они не остановятся перед применением силы, начнут войну с народом. Галицийцы – одно-клеточные люди, у них в мозгах только одна мысль, – заставить остальной народ работать на них. Они страшные люди, ненавидящие всех и, в первую очередь, русских и евреев. Зависть к этим народам в них дошла до ненависти. Можно сказать, генетическая. Ты еще не видела национализм собственными глазами. А я видел.

– Они и у нас шабаши устраивали. Автобусами приезжали из Галиччины.

– У нас они только шумят, а там действуют. Национализм

психического масштаба.

– Ты ж в Молдавии воевал?

– Не в Молдавии, а в Приднестровской Республике.

– Расскажи. Ты убивал людей? Это страшно?

– Не буду. Этого нельзя рассказывать другим – обнажаются нервы.

Они замолчали и, наконец, Николай произнес:

– Хватит говорить о политике. Народа много, но в политике полно карликов, которые навязывают свои идеи народу. Как красавицы со временем становятся страшными старухами, так и самые прекрасные идеи со временем превращаются чудовища, поедающие народ. Нет ничего прекраснее, чем умереть за идею, но умереть заставляют народ. Хватит о серьезном, давай о прекрасном...

Он подошел к Лене, сидящей на диване, и обнял ее за плечи. Она всегда ждала его прикосновения, – все внутри замирало и, кажется, останавливалось сердце. Она встала и потянулась к его губам. Трудно разлюбить любимого мужчину. Лена этого не понимала – она просто любила.

... Через два часа он провожал ее домой, к мужу и детям. Она, подкрасив губы и, причесав свои длинные волосы, была готова покинуть любовный приют. Они вышли на улицу, и подошли к троллейбусной остановке. Лена ехала в центр Луганска. Николай тоже хотел ехать с ней, но Лена возразила:

– Не провожай меня дальше.

– Мне надо в библиотеку.

– Садись на другой троллейбус, – и призналась ему, – я боюсь, чтобы нас кто-то не увидел вместе.

Она была права – надо было скрывать свою любовь. Подошел троллейбус, они мягко прикоснулись друг к другу губами, не думая о том, что кто-то из знакомых их может увидеть. Она уехала, а Николай передумал ехать в библиотеку и пошел домой – много работы.

Дома он сел за пишущую машинку и задумался. Мысли были не о диссертации, – он в уме прокручивал сегодняшнюю встречу с Леной. А почему она вдруг спросила – не убивал ли он людей?

В прошлом году, летом, он был в Молдавии, но переехал в Приднестровье, в Дубоссары. Здесь шла настоящая война. В Приднестровье воевали местные ополченцы, да добровольцы из бывшего СССР. А наступали на Дубоссары не только молдавские националисты, но и румыны. Николай прибыл в Дубоссары и пошел на передовую. В окопе, перекрытом деревянным навесом, командир без погон, – поэтому не определишь сразу его звание, – коротко спросил:

– В армии служил? Умеешь стрелять из автомата?

– Служил в десантных войсках. Автомат разбирал и собирал с закрытыми глазами, стрелял, большей частью, на отлично, – коротко ответил Николай.

– У нас с оружием плохо, российские части не дают нам оружия, но нагло приходят националисты и забирают у них автоматы. Им русские отдают, а нам – нет. Но тебе, как де-

сантнику автомат – АК. АКМов больше не осталось. Сможешь с него стрелять?

– Смогу. Как прицел – в яблочко или под обрез? – коротко спросил Николай, понимая, что времени для разговоров нет

– АК – под обрез... Уже румыны идут в атаку. Нам надо продержаться пару дней, обещали нам помощь российские войска. Москва не дает согласия на участие российских войск в нашем конфликте. Но они обещали помочь, если совсем будет плохо.

– Понял! – продолжал коротко отвечать Николай.

Командир налил из бутылки стакан вина, и протянул его Николаю.

– Выпей! Это вино давали космонавтам в космос. Теперь пьем мы. Дёрни, и в окопы! На тебе каску! Бежим!

Николай послушно выпил стакан вина, накинул железную каску на голову, и побежал вслед за командиром роты, которого догнал в середине окопа. Ополченцев было явно мало. Не в каждой ячейке, укрепленной мешками с землей и битым кирпичом, находился защитник Дубоссар. Поэтому-то, как понял Николай, ему сразу же дали автомат, и в окоп. Понесся свист мины и командир крикнул:

– В укрытие!

Те, кто был ближе к Николаю, побежали по окопу, в укрытие, которое было крышей над ними. Раздался тяжелый хлопок и ополченец, выругавшись, хрипло произнес:

– Гаубица...

Вскоре раздался взрыв снаряда, за линией окопов, в городе, где жили взрослые и дети. Обстрел минами их окопов прекратился и командир скомандовал:

– По местам!

Все побежали к своим ячейкам. Николай увидел, как шли несколько цепей наступающих, а впереди шли два бронетранспортера, поливая передний край защитников Дубоссар пулеметным огнем. Николай вжался всем телом в землю, но сквозь бойницу наблюдал за наступающими. Раздались выстрелы, потом автоматные очереди со стороны защитников.

– Гранатомет! – закричал командир, – на поражение! БТ-Ры!!!

– Убит гранатометчик! – крикнул ему кто-то в ответ.

– Я сам!... – и командир бросился в ячейку, где должен был быть гранатометчик.

Николай видел, как перебежали наступающие. Все ближе к ним. Он приложил приклад автомата к плечу, прицелился, и указательный палец стал нажимать на спусковой крючок. «Это ж человек!» – вдруг бросилась в голову гуманная мысль. И палец дрогнул, резко нажав на спусковой крючок. Одиночная пуля, как понял Николай, пошла вправо, мимо цели. Противник приближался и Николай, обозленный неудачным выстрелом, прицелился снова. «Это – нацист, фашист!» – мелькнула в голове беспощадная мысль. Он совместил планку прицела с мушкой и наступавшим нацистом, и плавно нажал на спусковой крючок. Автоматная очередь по-

лучилась из двух патронов – так учили его стрелять в армии. Он не видел – попал или не попал. Наверное, попал. Он стрелял метко. Но в это время раздался оглушающий выстрел гранатомета – это выстрелил командир роты и бронетранспортер загорелся. Второй бронетранспортер, видя горящую машину, стал задом отходить, а за ним залегла пехота, потом тоже начала отползать назад...

... Николай вздрогнул и встал со стула. «Не надо об этом думать и вспоминать, – сказал он сам себе. – Ты убивал не человека, а фашиста, который шел убивать мирный народ. Он хотел покорить этот народ и переделать на свой лад. Поэтому, ты чист перед народом».

Он пошел на кухню и налил себе в фужер «Бастардо».

... На следующий день командиру роты осколок мины влетел в висок, – смерть была мгновенной. Счастлив тот, кто умирает сразу, без мучений. А еще через два дня пришли российские военные и националисты отступили.

«Вечная память всем, погибшим за свободу народа. – сказал он сам себе. Он поднес к губам фужер с вином и полностью выпил. – А между собой воюет народ одной страны. Братья по крови... Неизвестно, есть ли во Вселенной братья по разуму, но таких дураков, как мы, во Вселенной точно нет!»

Он налил еще фужер вина. «А народ молчит. Нет больших и малых народов, а есть гнилая интеллигенция и подлые политики, которые придумали эту классификацию. Для них

нет большего наслаждения, чем стравливать народы и снова рассуждать о непонимании народом великих гуманистических идей. А в Приднестровье живет героический народ, который спасает Россию от полного окружения. Слава тебе республика Приднестровья!» – размышлял Николай.

Он залпом выпил фужер и пошел в спальню. «А сколько ты совершил грехов на этой Земле? Много! Но не надо об этом думать. Надо забыться».

Он лег на кровать, которая еще хранила тепло его любви с Леной и заснул. Над диссертацией он работал и по ночам.

Роман все лето трудился в банке. По кадровым вопросам работы было немного, и он углубился в изучение деловых бумаг отца. Но Кушелер, под различными предложениями, давал ему не всю финансовую документацию. В начале августа, в воскресенье, Фотин пригласил зятя на конфиденциальный разговор, – так выразился тесть. Вся семья находилась в загородном доме, и они уединились в одной из комнат. Фотин, не стал, как обычно, вести разговор издалека, а сразу же перешел к делу.

– Роман, – обратился он к зятю, – необходимо решить важный вопрос.

Семерчук насторожился. Тесть давно с ним не разговаривал по важным вопросам. До убийства Семерчука-старшего, сваты, обычно, сами решали важные вопросы, не привлекая его. Фотин, прокашлявшись, начал:

– Рома. Помнишь наш разговор о покупке антрацитовых шахт? Был тогда твой отец и ты.

– Помню. Но что-то конкретное не помню.

– Мы хотели купить шахты. Но не получится. Если бы был жив твой отец, может, это дело бы у нас выгорело. Твой отец решил бы этот вопрос, у него была деловая хватка и энергия жизни.

– А моего отца убили не из-за этих ли шахт? – Роман,

наконец, решил задать, мучивший его постоянно вопрос.

– Московские бизнесмены неожиданно отказались от покупки шахт. Видимо, решили не связываться таким бизнесом в другой стране. Но здесь на нас накатили донецкие ребята – они захотели купить эти шахты. А папа твой заявил им, что сам купит шахты. Может, они и убили твоего отца.

– А вы знаете, кто мог это организовать?

– Этого милиция не знает. А, если знает, то будет молчать до скончания века.

– Но убийство отца организовали донецкие ребята?

– Вполне возможно. Там сильная группировка новых бизнесменов. Они подминают весь Донбасс под себя. Приходится только догадываться, кто стоит за покушением на твоего отца. Плохо без него, а сами мы с тобой бизнес не потянем. Я уже немолодой человек – аккуратно охарактеризовал себя Фотин, – ты, Роман, еще не опытен. Нам надо вместе решить, как действовать. Кушелер, я смотрю, играет и нашим, и вашим. На него надежды нет.

– Но деньги в уставном капитале – наши. Надо его заставить выполнять нашу линию.

– Это сложно. Он, совсем недавно, вошел в альянс с российским банком и перевел туда двадцать миллионов долларов. Для нашего, небольшого банка – это большая сумма. Он акционеров даже не спросил, то есть – нас. Нам надо забрать, хотя бы часть своих денег.

– Я бы тоже хотел это сделать, – согласился с тестем Ро-

ман. – А деньги можно полностью вернуть?

– Полностью не надо. Нам следует оставаться акционерами банка. Может, с российским банком все будет хорошо. Там владелец банка – еврей. А еврей еврею – глаз не выключит. Подождем. А сейчас возьмем по паре миллионов долларов. Согласен?

Роману ничего не оставалось делать, как согласиться.

– А куда потом положим доллары?

– Уже созданы сберегательные банки России на Украине. Они надежнее. Туда и перечислим. Можно будет получать деньги и в России.

Роману не нравилось, что придется обращаться в российские банки в деле сохранения денег, но и лучшего варианта не было. Здесь опытный Фотин был прав.

Хуже обстояло дело с предприятиями отца. Покупателей на заводы практически не было. А кто был, то предлагал бросовые цены. Кроме того, у отца обнаружили крупные кредиты в различных банках, и их предполагалось погасить продажей вот этой недвижимости. Сестра претендовала сначала на половину, но мать, до этого не участвующая в дележе наследства, не захотела дочери давать половину и потребовала свою долю. Это было разумное решение. Сестра, вместе с мужем и двумя детьми, собиралась, получив долю в наследстве, уехать за границу и, возможно, заняться там бизнесом. Но зная никчемность зятя, мать решила оставить часть денег себе – пригодится для помощи дочери и внукам. Надо

было подождать с реализацией имущества, а значит, и денег. Правда, Роман не знал, куда вложить деньги – большими делами боялся заниматься, надеялся обойтись вложением денег в банки, и жить на дивиденды с них.

Роман заметил, что отношения с женой стали другими. Она всегда была холодна с ним, вспоминая свое не радостное замужество. Об этом она иногда напоминала мужу. Сейчас, она просто отстранилась от него. Роман считал, что виной этому была почти годичная разлука с женой, и не сбрасывал со счетов ее прошлые обиды. Пока он не думал, что Лена могла встречаться с другим мужчиной, – не того она воспитания, слишком предана семье. Но однажды днем, в будний день, он неожиданно приехал в загородный дом, но Лены там не было. Теща сбивчиво объяснила, что Лена уехала на автобусе в город, по делам школы и зайдет домой, чтобы взять какие-то вещи. Роман, который приехал ненадолго, вернулся в город и в квартире стал ждать жену. Но она не явилась ни через час, ни через два – надо было ехать на работу, и Роман покинул квартиру. Но пока этот инцидент не вызвал у него большой подозрительности – она ж не обязана весь день проводить на природе, надо побывать и в городе.

Но через несколько дней прояснилась ситуация с женой. Все произошло случайно. Вечером, возвращаясь с работы, Роман встретил однокурсника по институту – Толю Дропана. Они остановились и стали беседовать. Зная, что Дропан еще со студенческих лет был коммунистом, Роман неосторожно

уколот его нынешней политической ориентацией.

– Я слышал, что ты сейчас активно работаешь над новой историей Украины?

Дропану этот вопрос явно не понравился, что было видно по его выражению лица, и он ответил язвительно, что собственно было характерно его натуре.

– Ты хочешь меня упрекнуть, что я, когда-то был коммунистом? Но и ты был коммунистом и притом по рангу намного выше меня. Поэтому не надо меня подковыривать моей работой. Раз появилась Украина, так надо выделить историю Украины, из истории Советского Союза. Помнишь нашу учебу в институте? Мы тогда историю Украину учили один семестр на третьем курсе и не с экзаменом, а зачетом. Как будто жили не на Украине. Просто был позор с такой историей. Сейчас готовим полноценную историю нашего государства. Ты ж – украинец, как и я. Поэтому надо принимать существующую реальность.

Роман в душе признавался, что он уже думает почти так же, как Дропан. Но пока показывать свою украинскую душу ему не хотелось. Все-таки год общения с украинской диаспорой внес в него мысль, что без национальной идеи Украина не сможет существовать. Поэтому он ответил примирительно:

– Я тебя не подковыривал. Наоборот, мне приятно узнать, что ты, как ученый, работаешь над историей, – и перевел разговор на другое, – как жена, как дети?

– Нормально. Жена, как и я, пишет докторскую диссертацию, дети растут. Младшего сына отправил учиться в украинский класс. А у тебя, как семейные дела? – Последний вопрос, как показалось Роману, хитрый Дропан задал неспроста.

– Тоже нормально. Я год отучился в Киеве, работаю в банке. Жена работает, дети – учатся. Все обыденно изо дня в день.

Дропан поджал губы, словно размышляя о чем-то важном. Он недолюбливал Романа со студенческих лет за то, что у того, в отличие от него, родители имели большой вес в обществе. Всегда такого человека хочется чем-то обидеть, чтобы он сравнялся, хотя бы в обиде, с человеком, не имеющим покровительства. Но Дропан в этом отношении был тоже не чист. С первого курса обучения в институте он подружился со своей будущей женой не из чистых побуждений – ее мать работала на их историческом факультете. Хотя она не имела ученого звания, но баба была хитрая и скользкая. Раньше она работала в райкоме партии, но в связи с поступлением дочери в институт, она устроилась сюда, чтобы помогать дочери учиться. Да и карьерное продвижение в райкоме партии не предвиделось. На факультете она избиралась руководителем партийной организации. Хотя в этом польза преподавателям факультета – не быть избранным в партийное бюро и быть подальше от партийной работы. Толя Дропан, своим хитрым умом, сразу понял пользу в дружбе с дочерью преподавателя

на факультете и не ошибся. Будущая теща помогала дочери, и ему во время всех сессий. Но все-таки его положение в то время нельзя было сравнить со студентами, у которых родители были на высоких должностях в городе и области.

И Дропан решил сказать что-то важное Роману, касающееся только его:

– Рома, – начал он, – я бы хотел, чтобы ты меня правильно понял... Я хочу тебя предупредить...

Роман удивленно приподнял голову – о чем он может предупредить? И в голову пришла мысль – может, у него есть какие-то данные об убийцах отца? Бывает так, что люди далекие от криминала, узнают от своих знакомых и друзей, которые связаны с криминалом, некоторые важные сведения. И мысль – авось, что-то знает Дропан о смерти отца, подтолкнула его ответить положительно на слова Дропана.

– Говори, что там у тебя есть...

– Я хочу предупредить тебя по-товарищески. Все равно, скоро ты об этом узнаешь сам. Но лучше знать заранее, чем эта информация придет к тебе неожиданно. А она к тебе придет... – Дропан помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил, – Так вот. Моя жена сообщила мне, что ей Тоня Захарошко рассказала, что твоя жена и Матвеев, пока ты учился в Киеве, стали встречаться...

Роман похолодел. Он ожидал другой информации, а Дропан рассказывает о его жене. Даже помутилось в голове, но он сумел вымолвить:

– Это правда?

– Тонька – сплетница порядочная и она рассказала моей жене, а та мне, что они встречаются с весны. Ты ж помнишь, что у них в институте было что-то подобие любви.

А это воспоминание было совсем неприятно Роману.

– А где они встречаются?

– Не знаю. Но я тебе сообщил, как другу, чтобы тебе не сообщил это известие недруг и не порадовался... – и Дропан стал успокаивать Романа, – Ты успокойся, поговори с ней, и все придет в порядок.

Роман невпопад спросил:

– Как я могу успокоиться после такого известия. Поговорить с ней... Да она скажет, что это все ложь!

– А ты последи за ней. А можешь нанять частного детектива. У нас в городе уже есть несколько таких контор.

Роману уже было неприятно говорить с бывшим сокурсником и он начал протягивать руку для прощания. А Дропан продолжал говорить:

– Пойми меня правильно... Я понимаю, что неприятно тебе это слышать, но лучше услышь об этом от меня, прежде, чем все станут говорить за твоею спиною о тебе и твоей жене... Не обижайся, Роман.

Но Роман подал ему руку и пошел дальше. А Дропан посмотрел ему вслед и остался доволен, что вывел Романа из душевного равновесия. «Пусть знает, что его жизнь – не всё праздник!» – подумал он о бывшем студенческом товарище.

А Роман был действительно выбит из жизненной колеи, сообщением от Дропана. И подонок же Дропан – ругал он своего сокурсника.

Он считал нормальным, когда мужчина встречается с другой женщиной, но он был против того, чтобы его жена встречалась с другим мужчиной.

Он решил не ехать в загородный дом, а остаться ночевать в городской квартире. Весь вечер он думал – правду ли сообщил ему Дропан? Как проверить факт встречи Лены и Матвеева. Надо лично за ней проследить. Но как? Она его узнает сразу. И тут на ум пришел совет Дропана – надо нанять детектива. Сыщик вскрыет всю подноготную ее встреч с Матвеевым. Так решил Роман и долго не мог уснуть, прокручивая мысленно неожиданно свалившуюся ситуацию. Он винил и себя. Что ж он в Луганске не нашел для себя женщину? Видел же, что Лена изменила отношение к нему, хотя холодной она была с ним практически всю семейную жизнь. И Матвеев – нашелся, тоже себе, любовник. А может и он виноват перед Матвеевым, и он ему только отомстил? Он же увел Лену от него, когда тот уехал зарабатывать деньги в стройотряд. Она, кажется, была влюблена в Николая. Но ему родители наказали, чтобы из отдыха в Крыма, он привез Лену своей невестой, и даже женой. Он совершенно правильно выполнил указания старших – Лена вернулась после отдыха беременной и замужество на Романе оказалась неизбежным. Но он же любил ее. Это была правда. И вот такой

удар от любимой жены. Но правда была еще в том, что он ей не был верен. А может, Лена догадывалась о его изменах? Может ей об этом рассказал ее отец – Фотин? Но эту мысль Роман сразу отбросил – отец никогда не скажет дочери об измене ее мужа. И в тоже время, Роман приходил к выводу, что женщина, ставшая женой, теряет часть очарования для мужа, зато прибавляет его для любовника. И как они развлекались? Смеялись над ним, рогоносцем. Он ей отомстит, да так, что ей будет больно. С этой злой и мстительной мыслью Роман заснул.

Утром он работе открыл книгу телефонов Луганска и вскоре нашел адрес детективного агентства. Оно находилось недалеко от его работы, и Роман решил сходить туда сейчас же, благо работы было немного и он, как директор по кадрам, мог отлучиться в любое время «по делам».

Агентство оказалось, как определил Роман, двухкомнатной квартирой. В одной комнате его принял руководитель агентства, который представился, как старший детектив. Роман, волнуясь, сбивчиво стал рассказывать ситуацию, сложившуюся в его семье. Старший детектив снисходительно выслушал Романа и ответил:

– Это обычное для нас дело. Нам приходится не какие-то убийства расследовать, которыми полны детективные книжки, а прояснять именно семейные отношения. К нам даже больше приходит женщин с просьбой последить за их мужьями. – Доверительно, как старому клиенту, пояснил стар-

ший детектив. – Мы вам представим доказательства в виде фотографий, киносъёмки, аудиозаписи, схемы нахождения объекта слежения и другое. Они помогут вам что-то доказать или, наоборот, рассеют ваши сомнения. Нам только нужны данные об объекте слежения: ее фото и, желательно фото того с кем она встречается, адреса, телефоны. Как это все будет у нас, так мы сразу же приступим к действию.

– Я не знал, что это будет нужно...

– Ничего. В первый раз все, до единого, приходят без нужного нам материала. Предоставьте его, как можно быстрее.

– Если я все принесу во второй половине дня...

– Очень хорошо, что вы не задерживаетесь с материалом, а то другим надо несколько дней. Сегодня дадите данные об объекте, мы сегодня же, в крайнем случае, завтра начнем работу. Но клиент берет на себя финансовые обязательства.

– Сколько? – коротко спросил Роман.

– Тысяча долларов, – так же коротко ответил старший детектив, – мы начинаем работу, когда будет внесена вся сумма. Бывают такие случаи, когда дают нам аванс, мы провели разработку, отдали результат, а нам клиент отказывается оплатить всю сумму. Теперь, с такого рода работы, как у вас, мы всегда берем полную плату вперед.

– Это много... – возразил Роман.

– Сейчас в одиночку, как Шерлок Холмс, – не работают. Ваше дело будут вести несколько детективов – один начинает следить, потом передает другому, тот третьему и так да-

лее. Мы делаем все так, чтобы объект слежения не заметил, что за ним следят.

– А когда вы предоставите результат?

– Все зависит от поведения объекта. Можем быстро, а можем и через месяц. Вот представьте, объект не будет выходить из дома месяц – у нас не будет результата. Но мы же работали? Этот фактор тоже надо учитывать. Если в течение месяца будет такая ситуация, то действие нашего контракта, прекращается без возврата денег клиенту.

Роман понял, что надо или соглашаться, или нет. И он решил согласиться.

– Если я принесу деньги вместе с материалами.

– Сразу же начнем работу.

– Можно купонами или долларами.

– Нам все равно, но лучше долларами, если у вас есть такая возможность.

Роман решил в обед сходить домой за материалами, как выразался детектив. Спросив в банке у кассира – есть ли доллары и, получив утвердительный ответ, Роман решил взять тысячу долларов со своего депозита, а не брать из дома, где лежала пачка, перетянутых резинкой долларов. Заодно Роман обратил внимание, что кассир – разведенная женщина за тридцать лет, достаточно миловидна и фигуриста и у него мелькнула мысль, а не завести ли с ней любовные отношения? Все-таки он директор, ее начальник. Он посмотрел на нее откровенным взглядом и получил в ответ многообе-

щающую улыбку. «И почему он раньше не обращал на нее внимания?» – укорил он сам себя. Но ее улыбка показывала, что она знает себе цену. «Если женщина знает себе цену, значит, она уже продавалась», – подумал Роман и решил сегодня же предложить ей встречу. Доллары она пообещала отложить для него, и он может взять их после перерыва, когда принесет книжку клиента банка.

Во второй половине дня Роман дома взял фотографии жены, к сожалению, фото Матвеева оказалось только в выпускном альбоме их курса в педагогическом институте, – но он взял с собой альбом. Получив доллары в кассе, Роман игриво предложил кассирше:

– Юля! Вы сегодня вечером очень заняты или нет? Может, вместе посидим в кафе?

– У меня сын, поэтому надо быть дома, – Ответила Юля, – но часа два-три я могу выделить...

– Договорились. Я зайду за вами в шесть вечера.

Юля в ответ благосклонно улыбнулась – в отношениях с начальством рискованно давать волю чувству собственного достоинства.

В агентстве старший детектив посмотрел «материалы», принесенные Романом и остался недоволен. Роман не знал адреса Матвеева и телефона. Не знал, когда Лена покидает загородный дом и когда приезжает в город. Но старший детектив, получив деньги, сказал, что сегодня он с простыми детективами разработает план слежения, а начнут работать

с завтрашнего дня. Результат будет сообщен сразу Роману. Роман и старший детектив подписали договор и Роман ушел.

Ровно в шесть часов вечера, Роман подошел к кассе, которую закрывала кассирша Юлия.

– Я буду ждать вас на улице, – произнес он.

Юля согласно кивнула в ответ.

На улице он отошел за угол здания, где располагался банк и чтобы его меньше видели сотрудники, стал ее ждать. Вскоре вышла Юля, и он пошел из-за угла здания навстречу ей. Роман решил, что кафе, куда он хотел пригласить кассира, подождет и сразу повел ее к себе домой. Юля шла рядом и не спрашивала, куда они идут – может, думала в кафе. Но Роман решил так – время терять нечего, им обоим все понятно для чего они встретились. Но он еще хотел, чтобы Лена оказалась дома и видела, что и он может поступать, как она. Ну и, конечно, он бы потребовал от нее объяснений.

Дома никого не было, что немного разочаровало Романа. Они прошли на кухню. Роман достал бутылку коньяка, а из холодильника ветчину и помидоры. Собственно говоря, у него продуктов было немного – толком готовить он не умел, обедал и ужинал в кафе. Они выпили по рюмке, потом по второй и Юля, в ничего не значащем разговоре, произнесла:

– У меня сын дома один, мне надо спешить.

И Роман понял, что и ему надо спешить:

– Пойдем в спальню, – коротко предложил он и Юля, встав из-за кухонного стола, пошла следом за ним.

... Тяжело дыша Роман, со злорадством, думал: «Вот тебе, Лена! Я тоже могу, как ты. Мне даже проще в этом деле, чем тебе. Достаточно сказать подчиненной о своей симпатии к ней и она – твоя. Но это еще маленькая месть! Крупная – впереди. Жди, Лена!»...

Потом они еще выпили по рюмке коньяка и Юля произнесла:

– Хватит. Бог любит троицу и не надо его гневить, – и попросила, – вы меня проводите на троллейбус?

– Конечно! – спохватился Роман. – Ты сильно торопишься? Может, еще посидим? Поболтаем...

– Нет. Мне надо домой. Если можете – проводите...

– Юля! Говори мне теперь «ты». А «вы» – оставь для работы. Хорошо?

– Хорошо. Пойдем-те.

Трудно вытравить из человека его рабскую сущность в присутствии властного человека.

Он провел Юлю до областной библиотеки и посадил на троллейбус. Она на прощание помахала ему пальчиками – до завтра, до работы. Роману хотелось есть и он решил зайти в ресторан «Перник» – благо он здесь же, рядом. Там он заказал еще двести граммов коньяка, первое, хотя это был ужин, второе и салат. В голове он прокручивал сегодняшней вечер с Юлей и мстительно думал – вот тебе, Лена! Получи от меня за измену! Но он как-то забыл, что он практически всю женатую жизнь, встречался с другими, кроме жены, женщи-

нами. Но это была свежая измена жене, и она его победно радовала. Но обычно мстят не за собственное поражение, а за чужую победу. Но эта мысль не пришла в голову Романа.

Но на следующий день Юля отказалась встретиться с ним, объяснив, что должна быть дома с ребенком. Ну, а еще через день, перед обеденным перерывом Роману позвонил старший детектив и сказал, что у него есть материал на его жену, и попросил его зайти. Роман сразу же пошел к нему. Старший детектив встретил его весело – он выполнил задание клиента, быстро, в течение суток. Старший детектив начал с того, что немного раскрыл секреты работы:

– У нас хорошие сыщики. И вчера один из них следил за загородным домом, где летом живет ваша жена. В десять часов семь минут, она вышла из дома и направилась на автобус, который идет в город. Вот фото, – ваша жена идет по улице, вот села в автобус, а с ней и наш сыщик. Они доехали до старого железнодорожного вокзала.

Он протянул фотографии Роману и сделал паузу, чтобы тот рассмотрел их. Когда Роман положил их на стол, детектив продолжил:

– Объект пересаживается на трамвай, с ней наш сыщик. Пока он не привлекает внимания, но по рации уже сообщил, чтобы его сменили. Объект слежения доезжает до улицы Оборонной и пересаживается на троллейбус. Здесь меняются детективы, и ее ведет другой. Она не догадывается, что за ней следят. А у нее, что денег нет, чтобы взять такси? –

задал неожиданный вопрос детектив.

– Есть. – неохотно промямлил Роман. – Но она не хочет выделяться среди других...

Детектив понял, что это полный ответ и продолжил:

– В одиннадцать двадцать объект вышел из троллейбуса на квартале Дружба, зашел в телефон-автомат и сделал звонок. Потом объект пошел дальше в глубь квартала. Там объект встретил мужчину, как мы выяснили, – это был Матвеев Николай Иванович. Вот фотография, где он целует вашу жену. Но это поцелуй в щеку. Они зашли в подъезд дома.

Он протянул Роману фотографию. Тот сидел совсем убитый этими фотографиями и у него мелькнул вопрос: «Как это они сумели сделать фотки?». Старший детектив, понял, что клиент морально поплыл и надо быстрее заканчивать свой отчет о разоблачении жены клиента.

– В четырнадцать сорок они вышли из подъезда дома. – он протянул следующую фотографию, – и направились на троллейбусную остановку. Здесь тоже прощальный поцелуй. А потом объект поехал домой тем же маршрутом, которым приехал.

Старший детектив закончил свой разоблачительный рассказ. Роман молчал, крепко сжав зубы. Все-таки у него тлела надежда, что Дропан по своей подлости соврал ему, но выходило, что это правда. Наконец он разжал, побелевшие от внутреннего напряжения губы и произнес:

– Я могу взять эти фотографии?

– Обычно мы отдаем клиентам вещественные улики, вместе с письменным отчетом, и после подписания документа, что агентство выполнило свои обязательства. Фотографии мы сделали, но пока отчет не готов, – очень быстро было произведено расследование, – в голосе старшего детектива прозвучали победные нотки руководителя, довольного своей работой. – Отчет мы подготовим к завтрашнему дню и подпишем документы о завершении работы. Но, вам я отдам эти фотографии, а в отчет мы поместим второй экземпляр фотографий. Я думаю, что вы должны быть довольны нашей работой, сделанную в кратчайшие сроки, и мы подпишем документ о выполнении договора.

Роман молча взял фотографии и положил их в карман пиджака.

– Я подпишу договор, – произнес он.

– Тогда до завтра. Встретимся в это же время и все оформим. Если вам еще нужна наша помощь – не стесняйтесь, обращайтесь, мы всегда поможем решить ваши проблемы.

– Хорошо, – не зная для чего, согласился Роман, пожал протянутую руку старшего детектива и вышел. Но в голове мелькнула мысль: «За сутки работы они взяли тысячу долларов. Хамы!»

В своем кабинете он машинально продолжал рассматривать снимки, на которых были запечатлены его жена и, такой ненавистный ему сейчас – Матвеев. Правда, он всегда недолюбливал Николая, собственно говоря, как и тот Романа. Но

сейчас он был готов убить Матвеева, и в голове Романа уже проносились сцены расправы над ним. Сам он не справится – Матвеев сильнее, да и знает приемы рукопашного боя, полученные еще в армии. Может, нанять убийцу? Заплатить ему. И это будет решением его жизненной проблемы. Сейчас на Украине – убийство обычное дело. Интересный вариант, но пока его надо отложить. Сначала надо выяснить отношения с женой – как это она дошла до такой жизни? И выяснить сурово. Пусть ей это будет расплата за прелюбодеяние. Но почему же мы платим за удовольствие, чаще всего за чужое? И пришел противоположный ответ: за всякое удовольствие приходится платить, если не научиться получать его за чужой счет. Но собственные удовольствия, получаемые им от жизни, он не брал в расчет.

После работы Роман на машине поехал в загородный дом. Он решил разговор с Леной не откладывать в долгий ящик. Лена была дома. Погладив по волосам двенадцатилетнюю Оксанку, Роман позвал жену в свободную комнату. Он решил начать разговор немедленно, чтобы сразу же убить жену имеющимися у него фактами, лишить ее возможности оправдываться.

– Лена! – голос его прозвучал зловеще, отчего она непроизвольно физически сжалась и не могла ответить на обращение к ней. – На, посмотри на эти фотографии?

Роман бросил перед ней на стол фотографии, которые рассыпались веером. Лена с замиранием сердца взяла одну фо-

тографию и увидела на ней себя и, целующего ее, Николая. Больше фотографий она не взяла в руки и не смотрела на них. И так все было ясно. Она низко опустила голову, готовясь к расспросам, но их пока не последовало, и молчание затянулась. Роман не спешил с расспросами, он наслаждался унижением жены, которое было запечатлено на фотографиях. Наконец, не поднимая головы, она тихо прошелестела одними губами:

– Ты за мной подсматривал?

Роман соврал:

– Да! – победно произнес только один слог.

Снова наступило молчание, которое уже прервал Роман:

– Ты думала, что я не узнаю о твоей измене?

Лена, словно не слышала его торжествующего вопроса:

– Ты никогда не занимался фотографией. Значит, ты кого-то нанимал, чтобы следить за мной.

– Да! Нанял! – Роман понял, что центральная нить разговора уходит в сторону, и начал задавать конкретные вопросы, – ты давно встречаешься с Матвеевым?

– Не твое дело!

– Нет, – мое! Я – твой муж, и держи ответ передо мной!

– Ты – муж!?! – неожиданно для себя с презрением произнесла Лена, и вдруг ее словно прорвало воспоминаниями прошлого. – Ты же знал, что в институте я встречалась с Матвеевым. Зачем ты влез между нами?! – прокричала она.

– А зачем ты поехала со мной отдыхать в Крым? – вопро-

сом на вопрос ответил ей Роман.

И у Лены на глазах появились слезы.

– Меня заставили ехать с тобой – твои и мои родители. И ты меня напоил и лишил девичества, – и слезы уже хлынули из ее глаз.

Она схватила бумажную салфетку, лежащую на столе, и прислонила к глазам. Салфетка через мгновение стала мокрой и начала расползаться, как и ее семейная жизнь.

– Тебя никто не заставлял столько пить! И ты сама отдалась мне. А я все-таки мужчина... Так, ты давно встречаешься с Матвеевым?

– Давно...

– Значит, я уже давно рогоносец. Весь город знает, только я узнал последним, – он помолчал, будто бы что-то обдумывая и снова задал вопрос, – ты будешь продолжать с ним встречаться?

И неожиданно для себя в Лене заговорило упрямство – этот, так называемый муж, даже не чувствует своей вины перед ней. Видите ли – он мужчина и ему позволено повелевать и наслаждаться слабостью женщины! И она ответила, почти закричав:

– Ты – мужчина?! Да с тобой в институте ни одна студентка не хотела дружить! Все презирали твой снобизм, привитый тебе твоим отцом. И нас заставили жить вместе родители! Ты об этом знаешь лучше меня.

– Я тебе задал вопрос, но не получил ответа. Ты еще бу-

дешь с ним встречаться? Отвечай!?! – почти закричал он на нее.

– Я не буду с тобой больше жить! – отдельно по слогам выговорила Лена. – И не буду отвечать на твои вопросы! Как я тебя ненавижу!

Она прямо взглянула на мужа, неожиданно высохшими от слез глазами. И Роман вдруг увидел в них, ничем не прикрытую, ненависть к себе. Ненависть не нуждается в большей изобретательности, чем любовь, – она прямая. И эта прямо-та ненависти пронзила Романа насквозь, и ему стало страшно. Женская ненависть – тишина в зловещей и безмолвной пещере без выхода. От внутреннего испуга, он почему-то торопливо собрал фотографии со стола, – вроде бы, закончив разоблачение жены. Но так просто, без последнего аккорда унижения жены, он не мог закончить этот разговор и покинуть дом.

– О тебе, как о проститутке, говорит весь город. Я подаю на развод. Ты, подзаборная шлюха!

И неожиданно он рукой, в которой были фотографии, ударил ее по лицу. Удар оказался сильным. Фотографии разлетелись по полу, а Лена от боли закричала и в комнату вошла ее мать, теща Романа. Она уже давно стояла за дверью и слушала их разговор. Поняв, что дочери, которая вскрикнула, грозит опасность, она поспешила ей на помощь.

– Что здесь происходит!?! – закричала она на Романа. – Ты ее ударил? Вызвать милицию, чтобы тебя арестовали?

Роман, дрожащий от собственной ненависти к жене, закричал на тещу:

– Вы знаете – кто ваша дочь? – и сам же ответил, – она – шлюха! Отдается первому встречному. Я с ней развожусь!

И он, не дожидаясь ответа тещи, пошел к двери. Дочь Оксана, слышавшая ругань родителей в другой комнате, не разобравшая слов, спросила отца:

– Папа! Ты куда?

– Домой. Мама твоя – шлюха! Она любит другого мужчину. Прощай! – безжалостно бросил он Оксанке, перенося ненависть с жены на дочь.

Оксана растерянно осталась стоять посреди комнаты, потом пошла к маме и бабушке. Ее мама сидела за столом и безудержно плакала, но стоны и боли не было слышно – одни всхлипы. Рядом сидела бабушка и что-то шепотом говорила своей дочери. Но, увидев внучку, она обратилась к ней:

– Иди отсюда, Ксюша. Посиди пока в другой комнате.

Лена, перестав всхлипывать, наклонилась и стала собирать фотографии с пола. Растерявшаяся Оксана, тоже наклонилась, чтобы помочь маме.

– Не надо, дочка... Не смотри...

Но Оксанка успела увидеть на фотографиях маму и незнакомого дядю. А ей уже было двенадцать лет, и она уже что-то понимала в жизни. Но не могла только понять собственной матери и отца.

А мать говорила:

– Успокойся. Не плач. Отец поговорит с Романом и у вас снова наладится жизнь...

Она хотела семейного счастья дочери. Но Лена только отрицательно покачала головой...

Роман поехал в Луганск. Куда идти? Вдруг теща действительно вызовет милицию? И он с телефона-автомата позвонил Юле и сообщил, что он хотел бы сегодня переночевать у нее.

– У меня дома сын... – попробовала возражать она.

Но Роман был непреклонен в своем желании провести ночь у нее. Юля согласилась, но при условии, что он дальний ее родственник – так она объяснит сыну причину появления мужчины в доме и спать он будет отдельно от нее. Роман согласился. Юля накормила его ужином, познакомила «родственника» с четырнадцатилетним сыном. Сын занимал в двухкомнатной квартире дальнюю маленькую комнатку. Проходить в комнату надо было через зал. Юля спала в зале. Роман вспомнил свою четырехкомнатную квартиру и пожалел Юлю: как же неудобно в такой квартире жить. Хозяйка постелила Роману на раскладном кресле, а сама спала на диване. Юля видела, что Роман излишне взволнован, хотя старался не показывать виду. Когда Юля посчитала, что заснул сын, она шепнула Роману:

– Иди ко мне...

Роман из кресла перешел на диван, к теплому телу Юли.

– Что с тобой случилось? На тебе лица нет, – шепнула

Юля ему на ухо.

Роман колебался, что ответить – правду сказать не мог, пришлось кое-что приврать.

– Развожусь с женой.

– Почему?

– Не сошлись характерами.

Она обняла Романа и прижала к своей груди.

– Обними меня и успокойся. Пусть выйдет дурь из твоей головы. Выдумал – развод...

Женская ласка лишает мужчину воли. И Роману захотелось лицом прижаться к ее груди, и заплакать – какой он несчастный и бедный. Он так и сделал, только не заплакал, а Юля ласкала его, и чувство несчастного человека уступало чувству похоти. А от похоти – трудно удержаться.

Утром он поехал на работу и отвез Юлю. Так же он дал деньги – миллион купонов, чтобы она купила на ужин что-то получше, чем было вчера вечером, и сказал, что он снова будет ночевать у нее. Юля не возражала. У нее появилась мысль – если действительно Роман разводится со своей женой, то почему бы ей не занять освободившееся место? Ласка женщины обычно преследует конкретные цели. И Юля не была исключением из общего женского ряда. Жить одинокой, разведенной женщиной ей уже очень не хотелось. Хотелось любви или что-то подобие мужской любви к себе. Подобие любви временами находилось, а любовь – нет. Любовь зла, но одинокие женщины еще злее. И Юле хотелось удержаться.

жать Романа возле себя, и она утром уже желала ему развода с женой. Зло и желание у нее сейчас совпадали.

Роман понимал, что у него с тестем состоится неприятный разговор по поводу происшедших вчера событий. Он думал, что Фотин позвонит ему и назначит встречу или пригласит к себе на работу. Все-таки старшинство Фотина, прочно вошло в душу Романа, и он не мог избавиться от родственного рабства в своей душе в разговоре с тестем. Но Фотин не звонил, а неожиданно появился лично сам в кабинете Романа. Он только кивнул, но руки не подал. Не спрашивая разрешения, он сел на стул и внимательно посмотрел на Семерчука. Тот отвел свои глаза от пронзительного взгляда тестя и произнес:

– Здравствуйте, Леонид Михайлович, – и замолк.

Фотин не стал с ним здороваться, и тяжело вздохнув, начал разговор, который, как понял Роман, будет серьезным и нелегким.

– Что же ты решил? – может Фотин хотел добавить слово «мерзавец», но не добавил.

– Вы же в курсе дела?

– Да. Мне рассказали, что вчера произошло. Я тебе вчера вечером звонил. Почему ты не отвечал?

Роману понял, что придется соврать. За последние дни он много врал другим. Стоит задать собеседнику неприятный вопрос, то услышишь в ответ ложь. Но чем лживее ответ, то честнее должен быть взгляд. И Роман ответил, отведя глаза

в сторону.

– Я не хотел брать трубку телефона. Мне вчера было очень плохо и не хотелось ни с кем говорить.

– Врешь! Я попросил соседа зайти к тебе. Он звонил тебе в дверь, но никто ему не открыл дверь. Снова ночевал у бабы?! – сурово спросил Фотин.

У Семерчука внутри все сжалось – чертов тесть, насквозь видит людей, а его подавно. И стараясь придать своему голосу уверенность, ответил:

– Наверное, я заснул и не слышал звонка.

Фотин в ответ промолчал. Наверное, решал вопрос, – правду ли говорит зять? Но, видимо, решил не обострять разговор обвинениями в адрес Романа.

– Ты обвиняешь Лену в измене, а сам на себя посмотри – сколько у тебя было баб? – почему-то женщин, Фотин сейчас называл презрительным словом «баба». – Ты не пропускал ни одной бабы, которая подмигнула тебе.

И тогда Семерчук решил ударить по тестю тяжелым обвинением, – обратным, что он предъявлял сейчас ему.

– Была у меня одна... Я говорю о Галине Давыденко. Я с ней встречался. Так она мне сказала, что вы предлагали ей интимную связь!

Фотин вздрогнул плечами от неожиданного обвинения – такого он не ожидал от зятя. Роман видел, как дернулся тесть от его сообщения и решил добить Фотина.

– Ваша семья заражена вирусом измен. И Лена – не ис-

ключение. Вспомнила старую любовь! А муж, а дети! Она о нас забыла.

Сейчас Роман наслаждался унижением тестя и ждал его ответа. Тот, прокашлявшись, уже более мирно произнес.

– Ну, Галина могла и соврать.

– Ей нечего было мне врать, – отрезал Семерчук.

– Ладно! – уступил Фотин, – давай поговорим по делу. Ты серьезно хочешь развестись с Леной?

Теперь Семерчук понял, что и он может быть значительной личностью в семье.

– А как вы считаете? – ответил он, – после такого, что вытворила Лена, я должен утереться и делать вид, что ничего не случилось? Она, вчера, даже не проявила тени раскаяния. Наоборот, обвинила меня, что я виноват, взяв ее замуж. Как на все это смотреть?

– У тебя есть дети. Им надо оказывать помощь.

– Владислав учится в университете. Ему нужна только материальная помощь. Можно говорить, что он уже встал на ноги. Оксана находится под полным влиянием матери. Со мной она не советуется...

– Может, ты ей мало внимания уделяешь? – Фотин помолчал и вернулся к главному вопросу, – так ты хочешь серьезно развестись?

Семерчук понял, что сейчас можно поторговаться. Фотин, в своей любви к дочери и внукам, готов их обоих снова соединить в одной семье.

– Я не знаю. Вчера, когда я получил факты измены жены, я был вне себя. Поэтому наговорил лишнее и резко поступил с Леной...

– Ты ее ударил.

– Я был вне себя.

– Так кто-то следил за Леной?

– Я нанял детективов.

– Так, ты знаешь о ее встречах с другим уже давно? И молчал? И как ты мог ей смотреть в глаза?

– Смотрел молча. Она всегда была холодна со мной. Но я еще не принял окончательного решения о разводе. То, что я вчера сказал – это было от гнева.

– Я тебя прошу вернуться в семью.

– Я об этом думаю. Я бы хотел получить деньги отца из уставного капитала банка. Вы можете?

– А что ты с ними будешь делать?

– Я их вложу в кипрский банк. И у меня есть желание открыть свой бизнес – туристический.

– Сейчас многие хотят уехать за границу. Это – прибыльный бизнес.

– Но мне нужны деньги сейчас. Друзья в Киеве возьмут меня в долю.

– А сколько нужно?

– Три миллиона долларов. Помогите мне их снять. А то с Кушелером я сам не договарюсь. Да и мне он не внушает доверия.

– Хорошо. Я с ним поговорю. А Лена сегодня приедет домой, и вы начнете новую жизнь.

– Пока не надо. Я еще не отошел от вчерашнего, – в очередной раз солгал Семерчук. – Дайте мне неделю времени.

– Обманешь, вижу по твоим глазам.

– Я могу написать расписку, что готов помириться с Леной и простить ее.

Последняя фраза явно не понравилась Фотину, но он промолчал.

– Хорошо. Поживите неделю отдельно. А я сейчас зайду к Кушелеру.

Фотин, как вошел в кабинет, так и вышел, не пожав руки зятю. Ему тоже не нравилась поведенье Кушелера, кажется, он играл не на их стороне, а вел самостоятельную игру. Фотин тоже хотел взять свои деньги из банка, работу которого считал временной. Деньги не избавляют от проблем, а только заменяют одни проблемы другими. Это ясно понимал Фотин. Но он шел к Кушелеру, чтобы взять не только свои, но и деньги Романа – кто знает, вдруг ему придется платить алименты.

А Роман вспомнил, что он должен у детектива забрать отчет о работе, фотографии и подписать договор об окончании дела, что он и сделал в обеденный перерыв. Вечером он вместе с Юлей поехал к ней ночевать.

Через два дня его позвал к себе Кушелер, и с плохо скрываемым раздражением, сообщил, что он может взять день-

ги отца из банка, но он удержит от этой операции высокий процент. Фотин сдержал свое слово – вытянул свои и зятя деньги из банка. Но Семерчук не обращал внимания на слова «высокий процент» и подписал авизо о переводе денег в иностранный банк на Кипре. Но потом удивился – процент оказался – треть от суммы. Но он уже не спорил – вернул хорошие для себя деньги. Но Кушелер ему сказал:

– Нас раньше связывали деньги, хранящиеся в банке. Банк отдал вам деньги и нас больше ничего не связывает.

– Вы меня увольняете? – удивленно спросил Семерчук.

– Нет. Вы должны уволиться сами. А вопросами кадров буду заниматься я.

Семерчук понял – нет уставных денег, – нет работы. Из каких средств он будет платить ему заработную плату?

– Хорошо, – легко согласился Роман, – я напишу заявление.

– Неделю на передачу документации мне, – коротко ответил Кушелер.

Роман не испугался увольнения. Он твердо решил ехать в Киев и продолжать учебу. Там будет безотказная Хрыстя – и никаких проблем с женой. Может быть, за год разлуки она одумается. Но другой день принес ему новую неожиданность.

Родители уговаривали Лену вновь сойтись с Романом, и продолжать семейную жизнь. Лена ответила категорически – нет. Пока ее решили не трогать с этими уговорами.

Лена действительно хотела прекратить встречи с Николаем, как она обещала матери – с осени. Она понимала, что положительных перспектив для нее в этих встречах не предвидится. Да и Николая, своими постоянными свиданиями, она отвлекала от работы и семейной жизни. И приходила к выводу, что останется дальше жить с постылым, как раньше говорили, мужем. По ее расчетам оставалось две недели до окончания ее любовного романа с Николаем. Но ее разоблачение мужем похоронило план расставания. Теперь она не знала, что делать дальше и как жить. Лена понимала, что ей нужна моральная опора в жизни и оставался для этого, только Николай. Но что же будет дальше? Этого она не знала, только понимала, что без Николая ей пока не обойтись.

Она поехала в Луганск к Николаю. Как всегда в это лето они встречались на его квартире. Лена думала, как ему рассказать о ссоре с мужем. Пока она решала, как начать рассказывать об этом, как Николай ее предупредил:

– Через неделю приезжает жена с детьми. Я поеду за ними в деревню.

– А где ж теперь мы будем встречаться? – вдруг испуганно спросила Лена.

– Не знаю. Но встречаться будем.

Лена погладила свою щеку, которая еще болела от удара Романа и тихо произнесла:

– Мы страшно поссорились с мужем, – и, видя удивленный взгляд Николая, добавила, – ему кто-то рассказал о мо-

их встречах с тобой и он нанял сыщиков, которые выследили, что я приезжаю к тебе. Зафотографировали нас. Как ты меня целуешь...

– А кто мог узнать?

– Видели нас на улице, когда мы гуляли. Но я думаю, что первой кому-то рассказала Тоня Захарошко, а потом пошло гулять сарафанное радио...

– А муж, как отреагировал?

– Вот! Смотри. Видишь на щеке припухлость?

– Что-то есть, но синяка не видно.

– Это он меня ударил кулаком. Достаточно больно. Если бы не вбежала мама, то он бы мне мог больше дать.

– Я сейчас пойду и ему кости переломаяю, – со злостью произнес Николай.

– Не надо, Коля. Не тронь его. Все-таки виновата во всем я. Он хочет развестись со мной. Папа с ним говорил и он, вроде бы, согласен пойти на примирение, но я – не пойду.

– Это я виноват, – тяжело вздохнул Николай, – каким бы не было прошлое, оно принадлежит одному человеку и если к нему подключается еще кто-то, то жди эмоционального взрыва. Так произошло у нас.

– А будущее?

– На старом фундаменте будущее не строится. На прошлом строятся лишь мечты.

– А моя мечта – встретиться с тобой – сбылась.

– Люди очень часто не знают, что делать с мечтой, которая

сбылась.

– Ты всегда говоришь по-мужски верно. Но часто в мужских мечтах женщины отведено место для мужских утех.

– Не обижай меня. Я тебя когда-то любил самой чистой любовью, о чем жалею до сих пор. Если бы я двадцать лет назад предложил тебе не просто любовь, а близкие отношения, ты бы пошла на это?

– Я этого ждала – двадцать лет назад. Без сомнения я бы была тогда твоя, а ты – мой. А сегодня бы мы были вместе все время, а не временами. Сделаешь в молодости ошибку, а для ее исправления не хватит остальной жизни.

– Хватит вспоминать. Воспоминание прошлого – первый признак старости.

– Так мне уже скоро будет сорок лет. Почти старуха, – и Лена засмеялась мелким смешком, – ты еще старше...

– Старше тебя, – согласился Николай, – но не умнее с годами. Это он тебя сюда ударил? – Николай дотронулся ладонью до ее щеки.

– Сюда. У тебя ласковые руки... Любимые...

Он прислонился к ее щеке губами и осторожно поцеловал:

– Пусть боль уйдет...

В этот день Лена оставалась у Николая дольше обычного. Что скрывать, если их тайну знают другие.

А еще два дня спустя, после разговора Романа с Фотиным, к нему в кабинет неожиданно вошел Матвеев. Он остановился в дверях и его взгляд не предвещал ничего хорошего.

Роман инстинктивно привстал с кресла в ожидании чего-то плохого. И оно наступило словами Матвеева, который даже не поздоровался с ним. Оба молчали: один – от неожиданности встречи; второй – от ожидаемого разговора. Но вот Матвеев, разлепив губы, произнес без всякого предисловия:

– Ты зачем ударил Лену?

У Романа похолодело в груди – Матвеев может его ударить, он сильнее, да и, в отличие от него, прошел суровую практику жизни. И он, заикаясь, резко ответил:

– Сам знаешь! И не твое это дело!

Николай подошел ближе к Роману и у того холод из груди опустился в низ живота. «Сейчас ударит» – мелькнула паническая мысль. Но Матвеев, встав своим лицом напротив его лица, по слогам произнес:

– Еще узнаю, что ты обижаешь Лену, – переломаю кости! Понял?

– А ты, кто такой!? – выкрикнул Семерчук.

– Сам знаешь, кто я. Я тебя предупредил.

И Матвеев, не прощаясь вышел из его кабинета. Роман психовал, – откуда Матвеев знает, что он ударил Лену? И до него стало доходить – Лена, после того, как он ее ударил, встречалась с ним. Так она не собирается прекращать преступную связь? Гнев бушевал в голове Семерчука. Развод, только развод! И уезжать из Луганска! Деньги он получил. Еще что-то достанется от отцовской недвижимости – ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Никаких бизнесов –

жизнь рантье – вот это его удовлетворяет. А остальные, пусть живут сами!

Эту неделю он потратил на передачу документов Кушелеру, получил трудовую книжку на руки, где было записано, что он работал директором банка. А перед этим шли записи его карьерной работы в коммунистической партии. Но последняя запись прикрывала его прошлую работу, которую он теперь внутренне ненавидел. Многие спрашивают – где раньше работал? Сейчас можно отвечать – директором банка. Пускай не первым, но – директором.

Он не стал встречаться с женой. Фотину по телефону объяснил, что уезжает на учебу в Киев. Семерчук радовался в душе, что смог обвести вокруг пальца такого бизнес-зубра, как его тесть – пообещал ему примирение с Леной и тот помог получить деньги из банка, а сам тью-тью, смылся.

Эти две недели он жил у Юли. Даже намекнул ей о возможности совместной жизни. Но одновременно сообщил, что поедет учиться на менеджера по кризисной экономике в Киев, а ее никогда не забудет – будет звонить, приезжать в гости и приглашал к себе в Киев. Но, кажется, она не поверила в честность его слов. Хорошо, что он давал деньги на продукты.

Собрав свои вещи, он за неделю до начала занятий в сентябре, уехал в Киев.

1995

Кому на постсоветском пространстве жить хорошо?! Народ точно знает – только не ему! Ему достались мизерная заработная плата, которую не всегда во время выплачивают, безудержная инфляция, ранее неизвестная, а сейчас выматывающая последние силы и мысли. Но народ не знает, что это сделано сознательно. Народ, изнуренный борьбой за кусок хлеба, не способен подняться на борьбу. Сила власти определяется слабостью подданных. Отношение власти к народу – физиологическое – конкретный секс с девушкой по вызову, отношение народа к власти – платоническое – напоминает секс по телефону. Народ – молчит. Если молчание золото, то наш народ самый богатый в мире! Самая богатая страна в мире! В советское время писали, сколько приходится природных богатств на каждого гражданина, в демократическое время – молчок! Кто скажет, тому замок на рот. Демократия в полном разгаре, пирует, получив должности. Больше всего демократов полезло в политику. Хороший солдат мечтает стать генералом, – неумолимо-болтливый демократ – политиком. Но демократа не заманишь и калачом в армию, а в политику они рвутся добровольно, готовые на смерть ради зарплаты и привилегий. Как сладко выражать интересы народа и затемнять его сознание верой в светлое будущее! Чтобы придать народу уверенности в будущем, демократи-

ческое государство в стоимость потребительской корзины включает расходы на погребение. И тогда народ чувствует огромное облегчение от того, что его перестали окружать заботой и вниманием политики и, представ перед Богом, сообщит, что у него было самое демократическое правительство, готовое весь народ отправить на тот свет. Любимый спорт политиков – тараканьи бега из одной партии в другую. Большинство политиков, разглагольствуя о благе народа, имеют в виду только собственное благо. Не веришь этому, народ – почитай их декларации о доходах и сравни их солидную заработную плату, с их покупками недвижимости. Политика можно поймать на слове, но не за руку. А кто будет ловить? Правоохранительные органы работают в одной упряжке с политиками. Суд – коммерческая фирма по выполнению заказов на правосудие. Суд независим – от закона. Современный судебный процесс носит характер соревнования не двух, а трех сторон: обвинения, защиты и денег. И страшный суд не испугает того, кто побывал в нашем суде.

Демократы и либералы летят впереди всех к рынку. Здесь пахнет деньгами, и их раздражающий запах опустошает мозги и лишает совести. Переход к рынку называют новой революцией. Демократы против всех социальных революций, но рыночная революция им по душе. Рыночная демократия – для народа одна польза, он будет зажиточно жить при капитализме. И ускоряясь, демократическое ускорение идет по капиталистическим рельсам и снова же, как при социализме,

к светлому будущему. Правда, хотят каждому члену из народа выдать бесплатно удочку, чтобы он ловил рыбку, и этим сам себя обеспечивал. Но в народе заядлых рыбаков считанные проценты, побольше – любителей просто половить рыбку в компании с бутылочкой водочки, а остальные не умеют ловить рыбу, они умеют работать. А в мутной воде приватизации хищные рыбы уже делят свои ареалы не только влияния, а обитания и распределили между собой кормушки. И появляются, так называемые, олигархи – миллионеры и миллиардеры и ни в гривнах или рублях, а в долларах. За один год зарабатывают по миллиарду долларов. Разделим эту сумму на количество дней в году, и получится около трех миллионов долларов в день. Столько денег в день не заработают все работяги, работающие на олигарха.

Как у них появились такие богатства? У советских людей не было первоначального капитала? Первоначальное накопление капитала можно заработать только путем прямого грабежа или разбоя, изредка завуалированными борьбой с непонятными врагами, или оказанием хищнической помощи слаборазвитым народам и странам, чтобы высосать из них последние соки. Но все равно за этими лозунгами торчат стволы автоматов и пушек – грабеж производится только с наличием вооруженной силы. Олигархи – единое целое с организованной преступностью, а все вместе – приближенные к тем, кто у власти. Рабочие при капитализме и социализме отрешены от орудий труда. Но при социализме

эти орудия труда назывались народным хозяйством, то есть все, упрощенно говоря, были народными. При капитализме – орудия труда находятся в частных руках. При социализме были социальные гарантии, капитализм их ликвидирует. Вот эти орудия труда и социальные гарантии были у тебя, народ, отобраны. Это огромная сумма перешла бесплатно в руки олигархов и представителей власти. Это, народ, твой неоплаченный труд, уничтоженный вместе с социализмом.

Последний российский царь Николай Второй, накануне мировой войны получил от геологоразведки сообщение, что в российских недрах небывалые запасы нефти. В архиве сохранилась интересная записка, набросанная лично императором, о распределении будущих доходов от нефти на все население страны, что должно было поднять на порядок материальный уровень жизни народа. Царь – «душитель» свободы, «гнобитель» народов, оказывается, заботился о своем народе. Но до конца проявить эту «заботу» он не смог – помешала война и революция. Нынешние властители-демократы даже и не думают делиться природной рентой за нефть, газ, лес и другие природные ресурсы с народом. Как только возникает этот вопрос, так с их стороны следуют крики: «Нельзя размазывать деньги по народу. Их там будет немного!». А давай, народ, посчитаем. Главный олигарх имеет по миллиарду долларов дохода в год. Его ближайшая челядь – сотни миллионов долларов в год. Чуть подальше челядь – десятки миллионов долларов в год. И еще более дальние приспеш-

ники не обижены долларами. Посчитай народ, сколько получается долларов? Эти доллары должны быть распределены между тобой, народ. И сосут российские граждане с не русскими фамилиями, твою кровь, народ, в виде нефти и газа и даже толком не платят налоги. А это твои деньги – народ.

А народ живет все хуже и хуже. Кто-то должен быть в этом виноват? Но не политик и не тот, который хапнул от приватизации, сколько мог унести. Они не должны быть виноватыми по определению – не смог накрасть, значит, ты не человек! Так кто же виноват? Конечно же, советский строй, воспитавший таких олухов! И Сталин – вечно бессмертный диктатор и тиран. Выворачиваем его преступления наизнанку. Но выдыхается либеральное хлебало в изобличении «водя народов». Нужно в нее вдохнуть новые силы. И вот из-за границы срочно выписывается нобелевский диссидент – Солженицын Александр Исаакиевич. Да, отчество у него именно такое, но он, как всегда солгал, исправив отчество на Исаевич. Этим самым он будто бы приблизился к народу. Но сколько же лжи вылил на историю Солженицын? Правда, это неудивительно – его фамилия предполагает лживость его жизни, в частности, в заключении, и описываемых им событий. Ему это прекрасно известно, а каждый зек, отсидевший в то время лагерях, скажет, что три четверти сидевших по статье полста восемь, были ворами, а еще страшнее – бандитами. Именно им навешивали эту статью следователи. Эти бывшие заключенные уважительно называли пятьде-

сят восьмую статью, «полста восемь» и презирали лагерный актив, в который входил Солженицын, для легкой лагерной жизни. Он хорошо укрепил свое здоровье в сталинских лагерях и прожил до глубокой старости. Уйдет он в небытие, как и девяносто процентов других нобелевских лауреатов. Лучше быть непризнанным гением, чем популярной бездарностью. При тирании орудиями власти служат кнут и пряник, а при демократии – свист кнута и запах пряника.

Прав был Карл Маркс, утверждая, что капитал в поисках прибыли, готов на любые преступления. В новых государствах на постсоветском пространстве, более двадцати лет идет дележка имущества с убийствами. Конкуренция – движитель прогресса, пишут в книгах и кричат с экранов телевизора – это закон природы. Капитализм и конкуренция агрессивны, ибо направлены на уничтожение конкурента – это закон капитализма, и к черту всякую природу. Здесь не до жалости к своему ближнему. На определенной ступени накопления капитала, человек становится зверем, меняется не только духовно, но и психически. Если зверь не убивает своих сородичей, только борется за продолжение рода, то человек за деньги готов уничтожить своих самых близких людей – родственников. Смотри, народ, фильмы капиталистических стран – там это показывается! Смотри сегодняшние сериалы – нет фильма, чтобы в них не убивали и не делали подлостей другим людям. Это – капиталистическая конкуренция, воплощенная в искусстве кино.

Ожесточенная конкуренция наблюдается только в борьбе за права, на обязанности спроса нет.

Страх потери богатства укорачивает человеку жизнь намного значительнее, чем бедность. Живи, народ! Выживай в условиях конкуренции и радуйся, что ты беден, – а то тебя могли бы прихлопнуть, как других, которые побогаче. Богатые от бедных отличаются тем, что у богатых больше возможностей, чем желаний, а у бедных – больше желаний, чем возможностей.

Честность и богатство – вещи несовместимые.

1

Семерчук жил в Киеве уже два года. Первый год он учился на антикризисного менеджера. Этот год у него прошел под знаком бракоразводного процесса. Только прошлым летом, почти год спустя, после его разрыва с женой, суд их развел. Семерчук указал причину развода – прелюбодеяния жены. Близкие его просили изменить причину расторжения брака, например, на обычное – не сошлись характерами. Но он не пошел на смягчение формулировки, и предоставил суду фотографии, и отчет детективного агентства об измене жены. Он желал большого позора жене и у него это получилось. Коллеги, на работе Лены, а так же многие другие узнали истинную причину развода и злорадно шептались за ее спиной – гулящая, такого мужа потеряла. Но Лена не стала просить Романа изменить формулировку развода – его просили, прежде всего, тесть, а так же знакомые их семьи. Стоит одному посеять зло, как многие другие долго будут блудить в его зарослях. И Лену осуждали практически все. Имущественные вопросы, в связи с их сложностью и запутанностью, были отложены до следующих судов. Поэтому Лена осталась в своей квартире и загородном доме, а Роман – скрыл свое финансовое состояние, чтобы его не делить между бывшей женой и детьми. Хотя во встречном иске Лена не просила об алиментах на содержание детей, суд присудил их Семер-

чуку. Но Лена не стала подавать исполнительный лист и Роман алименты не платил. Он несколько раз ездил в Луганск, встречался с детьми. Но такие встречи его не радовали. Дети были настроены против него. Лена при разводе вернула свою девичью фамилию – Фотина. Сын, который заканчивал университет, тоже поменял фамилию отца, на материнскую. Дочь сказала, что тоже поменяет фамилию при получении паспорта. Такое отношение детей к отцу, продолжению рода Семерчуков, страшно злило Романа. Но здесь он был бессильен воспрепятствовать своим детям.

Эти два года Роман жил с Хрыстей, которая продолжала преподавать экономику в университете. Хрыстю больше всего интересовало сколько денег получил Роман после смерти отца. Даже развод Романа ее интересовал меньше. Семерчук специально занижал данные о своем финансовом состоянии, но, в конце-концов, сказал почти правильную сумму – пять миллионов долларов. Такая сумма привела Хрыстю в восторг, и она заявила, что им хватит на всю последующую жизнь в Канаде и деньги они вложат в доходное предприятие, чтобы они приносили каждый год новые деньги.

– Кристина! Ты предлагаешь мне жениться на тебе? – настороженно спросил Роман свою сожительницу.

– А мы что, – не живем разве, как муж и жена? – удивленно ответила вопросом Хрыстя.

И Семерчук вынужден был согласиться, что они живут, как муж и жена уже почти два года – пора оформлять их от-

ношения официально. Так быстро и просто решился вопрос о их браке. Осталось только дожидаться развода Семерчука с женой.

Если раньше Хрыстя в отношениях с Романом вела себя размашисто, не стеснялась и обидеть едким словом, то сейчас стала намного ласковее и выдержаннее с ним. Ее любовные ласки доводили Романа до изнеможения. Но он, как любитель женского тела, молчаливо отдавал ей свои мужские силы любви, еще пока не растраченные полностью в трудовых и семейных буднях. Некоторые женщины будущего мужа сначала возводят в ранг любовника, чтобы сделать из него дурака, а в дальнейшем легче будет им управлять. Но пока эти западные штучки опытных дам в отношении мужчин, Роман не знал. Прошлым летом они, во время отпуска, слетали в Канаду, где Хрыстя познакомила Романа со своими родителями, детьми и прочей украинствующей родней, но самое интересное, познакомила его со своим бывшим мужем. Этого Роман, никак не ожидал от Хрысти. Его предки переехали в Канаду из Англии более ста лет назад и он считал себя истинным канадцем. Но ее бывший муж очень доброжелательно побеседовал с Семерчуком и пожелал им счастливой семейной жизни в будущем. Было видно, что вся Родня Хрысти считает его ее мужем.

Семерчук эти два года жизни в Киеве говорил по-украински. По возвращении из-за океана, он приобрел канадский диалект устаревшего галицийского языка и уже не хотел его

менять на тот язык, на котором говорят украинцы Малороссии и Новороссии. Более того, он гордился, что научился говорить на «широм», то есть истинном, украинском языке.

После окончания годичного курса обучения, работу по специальности – менеджер, Семерчук не искал. Он понимал, что на этой работе он не потянет, да и ему не сильно хотелось рыться в бухгалтерских бумагах. За годы партийной работы, он приобрел навык пропагандиста, борца за какую-то новую идею. Хрыстя использовала свои связи с украинской диаспорой и Семерчук устроился на работу в благотворительный фонд по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом. Он, в основном, должен был готовить и рассылать печатную продукцию на украинском языке, соотечественникам, которые остались жить в бывших союзных республиках, ныне независимых государствах. Платили неплохо, даже очень хорошо, что было для Семерчука очень важно. Он не хотел использовать деньги, доставшиеся в наследство от отца на собственное проживание – теперь у него были мысли уехать за границу. А вот эту заработную плату он использовал для оплаты квартиры и своих непосредственных нужд. Так как он не привык по жизни шиковать, то денег, заработанных в фонде, хватало на такую жизнь.

Один инцидент, происшедший в фонде он запомнил на всю жизнь и с удовольствием рассказывал другим. Год назад, осенью к ним в фонд пришло несколько человек, за защитой – так они объясняли. Как понял Роман, возглавлял эту

группу парень – лет под тридцать с накрашенными веками и синими тенями на глазах. Он объяснял председателю фонда свои проблемы, а Семерчук зашедший в кабинет, тоже выслушал их просьбу.

– Наше общество сексуальных меньшинств, нуждается в защите своих политических и социальных прав геев...

Роман был очень удивлен их заявлением о политических правах, – какие еще политические права им? Это что – партия? Но в процессе разговора, выяснилось, что у них есть и эти права.

– Что вы хотите? – уточнял причину их прихода в фонд председатель.

– Мы хотим, чтобы ваш фонд поддержал нас в правах на имя нашего движения. Сейчас в мире действует лозунг «Геи всех стран – соединяйтесь!»

– Это лозунг – пролетарский, – возразил председатель фонда парню с накрашенными глазами. – А нам надо проводить декоммунизацию державы...

– Я понял... – торопливо согласился старший группы, – Этот лозунг мы уберем. У нас к вам просьба чисто национальная, украинская. Мы хотим назвать наше общество именем какого-нибудь известного украинца...

– Шевченко, что ли? – перебил его председатель.

– Нет. Шевченко не был геем. Он только болел сифилисом, поэтому он не стал геем, чтобы не заражать других. Мы хотим назвать наше общество именем Ивана Франко.

Председатель задумался и посмотрел на Романа, словно ища поддержки. Но тот, улыбнувшись, промолчал и председатель неуверенно ответил:

– А он точно был гомосексуалистом?

– Точно. Опубликована его переписка с любимым женщиной. Он жил в Австро-Венгрии и там гомосексуализм был обычным делом. Сейчас в Европе массово заключаются однополые браки. Украина – европейская держава и нам нельзя отставать и в этой области интимных отношений. Руководители многих европейских стран не имеют детей. Это тоже о чем-то говорит...

– Надо подумать, согласовать с органами юстиции... – выкручивался председатель фонда.

– В мире и России не боятся называть наши общества именем великих людей.

Наконец, председатель фонда, чтобы закончить эту беседу, ответил:

– Мы не против поддержать ваше движение. Но я проконсультируюсь с соответствующими органами, как эту поддержку оформить.

Парень, с накрашенными глазами, от такого ответа, чуть не запрыгал от радости:

– Я знал, что вы не останетесь в стороне от нашей идеи. Наше утверждение на государственном уровне, укрепит украинскую самобытность. Когда нам подойти к вам? – спросил он в заключении.

– Дайте мне месяц срока... До свидания. – поспешил попрощаться председатель фонда.

Не успел председатель отвернуться, как крашенный схватил его руку и стал трясти ее, крепко сжавши. Наконец он попрощался и вся компания вышла. Председатель пошел в туалет, где был кран с водой, и стал тщательно мыть руки, после рукопожатия крашенного. Выйдя из туалета, он спросил Семерчука:

– Кто их к нам прислал?

– Не знаю. Что будем делать? Поддержим?

– Украинская специфика нужна и этому движению, тем более Европа находится на пути легализации таких браков. Надо будет поддержать педерастов. Это люди преданные идеи украинства, как к своим задницам. Но надо поддержку оформить так, чтобы мы были не одни.

И они разошлись по своим кабинетам. Вечером, смеясь, Роман рассказывал Хрысте об этом визите в их фонд. Но она ответила серьезно:

– Это права человека и их надо уважать.

Роман, чуть не упал со стула:

– Но ты ж веришь в бога. А в каком-то писании говорится, что бог создал каждой твари по паре. Например, мы с тобой – пара.

– Но не твари. Пусть каждый занимается, чем ему угодно. Физиологические потребности человека не подпадают под священное писание. Будешь жить на западе, поймешь всю

важность и полноту исполнения прав человека. И у тебя не будет критических мыслей в отношении сексуальных меньшинств.

Роман не стал продолжать этот разговор – пусть живут там, как хотят, а он будет жить с Хрыстей, как положено тварям, по-божески.

После развода с Леной, Роман подождал полгода, чтобы все улеглось и не возникло никаких претензий у той стороны. Так посоветовала Хрыстя. А весной они заключили брак. Ничего, что невеста была на пять лет старше его, главное, она не хотела, как и Роман, больше детей. Так же, по настоянию Хрысти, был подписан брачный контракт, о чем вскоре Семерчуку пришлось пожалеть. Свадьбы, как таковой не было. Знакомые по работе поздравили их вечером в ресторане. А потом молодожены вернулись домой. Роман устало опустил в кресло – он все еще раздумывал, – а правильно ли он поступил, что женился? Хрыстя, словно читая мысли мужа, стала медленно раздеваться у него на глазах. Роман все с большей заинтересованностью следил за ее действиями. Хрыстя, видимо, знала, что наиболее сосредоточенным взгляд мужчины становится, когда он устремлен на раздевающую женщину. Говоря о внутреннем содержании женщины, большинство мужчин имеет в виду только то, что находится у нее под одеждой. Она, призывно покачивая бедрами, подошла вплотную к Роману и, наклонившись, обняла его за шею. Руки Романа непроизвольно сомкнулись на ее

спине и заскользили ниже

– Делай со мной, что хочешь... Мой муж и партнер... – услышал он страстный шепот.

Она немного отклонилась от него и стала снимать с него галстук, а Роман раздумывал – муж, понятно, но почему – партнер, совсем не понятно. Но жаркие поцелуи прервали его думы...

Что такое партнер, Семерчук понял уже через неделю. Хрыстя потребовала от него деньги – ни много, ни мало, а полмиллиона долларов. Оказывается, согласно брачного контракта, бизнес становится их семейным делом, и они несут расходы и делят доходы не на одну общую семейную копилку, а каждый по отдельности. Хрыстя вкладывала деньги в канадскую логистическую компанию, которая только создавалась ее друзьями. Разъясняла, если Роман не вложит деньги, то и она не имеет права этого делать и они потеряют в будущем хорошую прибыль. И Семерчук согласился. Так, где-то далеко от него начали работать его деньги, обещая постоянный доход. Как никак, но логика – клетка без окон и дверей для фантазии.

Вместе с Хрыстей, Семерчук упорно изучал английский язык. Он, вместе с женой, собирался уехать в Канаду навсегда. Но вначале они совершат путешествие на Багамские острова, устроят себе медовый месяц. Семерчук очень хотел увидеть тропики. Отъезд наметили на осень – надо было решить здесь еще некоторые дела.

От недвижимости отца, он понимал, что много не получит – бывший тесть не дал от наследства отца почти ничего. Фотин поделил деньги с сестрой Романа и ее мужем, которые уже наметили себе место переезда – Италию. Фотин ей помог взять хорошую сумму, чтобы только дать какие-то крохи бывшему зятю. Сколько он взял себе, Роман не знал. Он смирился с потерей денег от недвижимости отца, но по его меркам, от этой финансовой операции, он получил неплохо, хотя мог получить больше. Кушелер банк обанкротил. Все деньги перевел в офшоры и сам убежал в Израиль. Здесь вообще был денежный пролет, хотя ему кое-что можно было получить с банковских счетов отца.

Фонд готовил съезд соотечественников, живущих за рубежом. Мероприятие было задумано с большим размахом – на пленарном заседании должны были выступить руководители державы. На секционном заседании с докладом должен выступить Семерчук. И он выступил, где говорил о древних исторических традициях Украины, о светлом будущем украинского народа и все время подчеркивал, что необходимо каждому украинцу повышать свое национальное самосознание, призывал следовать катехизису украинца. Пока он говорил, в голову невольно влезла мысль – несколько лет назад он призывал этих же украинцев придерживаться интернациональных взглядов. Но эту мысль он быстро выгнал из головы, цитируя статьи катехизиса украинца: «Все люди братья, но москали, ляхи и жидаы – это враги нашего народа... Укра-

ина для украинцев!... Не бери себе жены у иноземцев, так как дети твои будут тебе врагами...». И здесь появилась в голове другая мысль – была жена – русская, с примесью еврейки. И правильно он сделал, что разошелся с ней. А дети действительно стали его врагами, даже поменяли его фамилию, на другую. А сейчас жена – щирая украинка! И мысль о новой, настоящей украинской жене, неожиданно согрела его душу.

Осень в Луганске в этом года выдалась теплая и сухая. Хотя солнце в полдень заметно склонилось к горизонту, но его лучи пронзали все живое, неся всем жизнь, и вместе с нею – увядание. Тополя уже давно покрылись желтыми листьями, которые пока крепко держались на ветках, каштаны начали выбрасывать свои орехи, осыпались семенами акации. Листья их, хотя начинали желтеть, но все более и более наполнялись сухой зеленой краской. Зеленому осеннему цветущему присуща увядающая сухость. Зато цветы в клумбах луганских парков и скверов расцвели живыми полнокровными красками, радуя взоры горожан. Но все-таки было видно, что природа насторожилась в сезонном переходе от бодрости к дремоте. Скоро должны пойти дожди, чтобы под их монотонный стук природа перешла к зимнему сну. Вот ветер прошелестел опавшими листьями. Будет день, бегущий по лужам. А потом дождь нарисует задумчивые линии слез на стекле. А небо – темная туча. А пока тепло и светло, – отчего и радость в груди. Как прекрасна осень в степном Луганске – медленно увядающие краски жизни.

Лена пережила развод, к своему удивлению, достаточно спокойно. Как она понимала сама себя – внутренне она была готова к нему давно, и ловила себя на мысли, что процесс развода с Семерчуком когда-то бы все равно состоялся. Де-

ти выросли, она работает учителем в школе, отец всегда поддержит материально и пора заканчивать совместную жизнь с нелюбимым мужем. Когда в ее голове прокручивались воспоминания прошлого, то она понимала, что мужа не просто не любила, а ненавидела. Ненавидела зато, что он лишил ее первой любви. Сейчас она думала, что Николая любила всегда и рано или поздно, она бы пришла к нему со своей любовью. А встреча с Николаем на курсах повышения квалификации в Антраците, только ускорила процесс выяснения ее настоящей любви. Она ненавидела Семерчука еще зато, что напоил ее, никогда до этого не выпивавшую, и лишил девичества. Она не помнила процесс перехода девушки в женщину. Потеря девичества совершенного в пьяно-бессознательном состоянии угнетала ее. А она мечтала, что все будет не так. Это будет феерическое состояние любви, на радость любимому, и на память ей. Но все это прошло пошло и незаметно для ее тела, но с болью для души. И эта изнанка памяти мучила ее постоянно. Поэтому она на суде отказалась от притязаний на его деньги и алиментов. Так же суд, по ее просьбе, вернул ей девичью фамилию – Фотина.

Сложнее было на работе. Педагогические коллективы – клубок змей в море сплетен. Хотя внешне отношения, вроде бы, остались прежними, можно сказать, дружескими, но в коллективе Лену осуждали все, может за редким исключением. Особенно ядовито шипели те учительницы, которые сами не вышли замуж. Их возраст позволял им еще надеять-

ся на встречу с мужчиной, но не больше. «Идиотка!» – перешептывались они, – променяла мужа, на женатика! А она ему не нужна?» Возрастные дамы не понимали, что идиот останавливается в своем развитии, а женщина – в своем возрасте. Сладостно даже в оговоре другого чувствовать себя моложе. Лена чувствовала неприязнь к себе, но делала вид, что ничего в ее отношениях с коллегами не изменилось.

Встретилась ей Тоня Захорошко. Встреча была неожиданной и Лена, прямо спросила свою бывшую сокурницу:

– Что ж ты, Тоня, разболтала всем обо мне и Матвееве?

Испуганно бегающие глазки Тони выдали ее неприятную роль в распространении слуха о взаимоотношениях Лены и Николая. Ее лицо покраснело. Но подлещы краснеют не от стыда, а от удовольствия. И это состояние выдала ее мимолетная улыбка, скользнувшая по губам.

– Я только одной сказала, тоже нашей подруге. Это она разболтала...

Лена больше ничего не сказала ей, повернулась и ушла.

Встречи с Николаем продолжались. Были они не частыми – оба работали, да и места для встреч не было. Но один раз в неделю, днем, когда дочь была школе, они встречались на квартире у Лены. Никто из них не стремился прекратить любовную связь. Лена боялась остаться совсем одна, и ей был необходим близкий человек, пусть даже в ранге любовника. Выходить снова замуж при взрослых детях, она не считала возможным. Дети знают о ее любовной связи – папа по-

старался им все рассказать, но они прямо по этому поводу, не высказывались. Более того, Лене казалось, что дочь стала ее оберегать, что выражалось словесно в виде слов: «Мама, будь осторожнее, переходя дорогу. Не ходи допоздна, я тебя жду дома». Сын учился в Москве, но стал чаще звонить маме и спрашивать о ее здоровье. Но Лене было больно от их заботливых слов – она поняла, что дети жалеют ее. И ей было горько от мысли, что они ее считают несчастной.

После развода у нее состоялся разговор с отцом. Фотин практически свернул свою коммерческую деятельность. Он уже не работал в облисполкоме – его торжественно отпустили на пенсию. А пенсионером он был уже давно, только работающим. То, что он не хочет больше заниматься бизнесом, объяснял своим солидным возрастом – ему было более шестидесяти лет. Вроде, правильное объяснение. Но на самом деле, после убийства Семерчука-старшего, он стал бояться, что и его тоже могут убрать. Боязнь за свою жизнь была главной причиной ухода его из бизнеса. Он понял, что сила любви к жизни обратно пропорциональна его деньгам. Платить приходилось многим: милиции, прокуратуре, рэкетирам и притом на последних не пожалуешься первым – эта триада – единое, целое в период рынка. От Кушелера он ожидал подлости и она произошла. Хорошо, что он успел изъять свои деньги из банка, а без денег остались вкладчики, клюнувшие на тысячу процентов годовых. Когда, через три года, пришло время выплачивать дивиденды, банк рухнул, а Кушелер

смылся в Израиль, гражданином которого он, оказывается, был. А эта страна не выдает своих граждан-преступников другим странам. Но деньги у Фотина были и еще шли от продажи недвижимости Семерчука-старшего. Семерчуку-младшему он решил ничего не давать – он уже не зять. Но все равно ему пришлось тоже немного выделить – все-таки он наследник отцовского состояния. Небольшие, по его нынешним меркам деньги, шли от магазинов, которыми владела его племянница – Лариса. Но более десятка миллионов долларов у него насобиралось – хватит ему, и его внукам.

Он хотел счастья дочери и решился на не простой разговор. Этот разговор произошел накануне нового года. Фотин всегда делал подарки дочери и внукам и спросил у Лены, – какой подарок она хочет?

– Не знаю, папа, – ответила Лена, – у меня такое состояние, что ничего не хочется.

– Я знаю, что ты продолжаешь встречаться с Матвеевым... – Фотин никогда не называл Николая по имени, только по фамилии.

– Да, папа. Встречаюсь...

Отец помолчал, собираясь с духом, чтобы предложить дочери конкретный подарок и спросил:

– Ты его очень любишь?

– Да. – коротко ответила Лена, которой такой разговор был неприятен. Любовь – это ее личное дело.

– Ты не сердись, доченька, что я задаю такие вопросы.

Мне хочется тебе помочь. Ты не знаешь, как он живет со своей женой? Доволен, своей семейной жизнью или нет?

– Вроде, доволен, – ответила Лена, пока не понимая, к чему такой разговор завел отец.

Наконец, Фотин решился произнести главное:

– Я вот, что думаю, дочь. Не поговорить ли мне с Матвеевым по поводу оформления ваших отношений? Я имею в виду, чтобы вы жили вместе.

Лена молчала, пораженная его словами. Она не могла ничего ответить – отец всегда был против Николая, а теперь предлагает ей совместную жизнь с ним. Фотин, не дождавшись ответа от дочери, вынужден был уточнить свои слова:

– Мы с матерью, очень сильно переживаем за тебя. Конечно, Семерчук был подонком, но не все люди святые, и такие, как он, тоже создают семьи. Но все это уже в прошлом. Вот какая мысль созрела у нас с матерью... Если мы поговорим с Матвеевым, чтобы он на тебе женился. А его жене я дам денег. Я не буду скупиться – дам миллион долларов, или даже больше. Жена Матвеева будет обеспечена до конца жизни. Тебе и твоему новому мужу достанется мое наследство...

Он не смог до конца изложить свой план, как Лена резко вскочила со стула и голосом, звучащим фальцетом, не сказала, а прокричала:

– Ты думаешь, что Николай подонок, как Семерчук? Нет! Он мне сказал, что свою семью не бросит, потому что это будет предательством для детей!

– А тебя и твоих детей ему не жаль?! – Вскипел Фотин. – Был бы он порядочным человеком, то давно бы прекратил эти встречи с тобой! Не мучил бы тебя. Ну, погуляли бы немного и разошлись в разные стороны. А я дам его жене столько денег, что она сможет устроить новую жизнь. Потребуется – найду ей нового мужа!

И вдруг из глаз Лены хлынули слезы. Плоти́на терпения создавшегося положения, которую она построила для себя, чтобы отгородиться от чужой жалости и вмешательства, вдруг рухнула. Сквозь слезы она горько, даже с надрывом, произнесла:

– Папа! Ты уже раз помог мне с замужеством. Можно сказать, что ты все подстроил, чтобы на мне женился Семерчук! Если бы не ты, не мама, не их родня – я бы никогда не вышла замуж за Семерчука. Это ваша работа, которая привела меня к краху, а вас к семейному позору! Если бы вы меня не толкали в объятия Семерчука, то я бы уже двадцать лет жила с Николаем!

– Но у него тогда ничего не было за душой... Как можно было отдавать тебя замуж за человека без материальной основы?

– Для тебя важны деньги, недвижимость! Мы бы сами создали материальную основу. И жили бы счастливо. И зачем я только тогда беспрекословно слушалась вас?

И слезы непрерывной рекой текли по ее щекам. Любовь не замечает шрамов, полученных в жизни. И Лена к этому

времени осмыслила, что самую большую рану в ее жизни нанесли ей ее родители – беззаветно любящие свою дочь, и эта рана души и мозга кровоточила в ней уже двадцать лет, и заживать не хотела.

– Мы, дочка, желали тебе только добра и счастья... – тихо возразил Фотин, – если ты не хочешь, чтобы мы с мамой вмешивались больше в твою жизнь, то пусть будет так. Но нам тоже больно смотреть, как ты страдаешь из-за этой, во многом придуманной тобой, любви...

– Она не придумана. Она вошла в меня давно..., когда я была еще наивной девочкой.

– Успокойся доченька и считай, что этого разговора у нас с тобой не было.

Фотин поднялся и направился к выходу из комнаты. И Лена вдруг заметила, что отец горбится – раньше она этого не замечала – он всегда был строго по-рабочему одет в костюм и был подтянутым и стройным. И чувство жалости шевельнулось в ее душе – родители хотят ей добра, но, как и двадцать лет назад, с позиции социальной сословности – мы богаты, а они бедны. Лена еще несколько минут посидела в комнате и потом пошла на кухню – надо было готовить праздничный стол к новому году.

3

Матвееву последние два года не принесли радости – больше было огорчений, а то и провалов в жизни и работе. Он защитил докторскую диссертацию, но уже два года ее высшая аттестационная комиссия в Киеве не утверждала. После защиты диссертацию послали на рецензию во Львов и там прямо написали, что работа антиукраинская, написана с позиций российского шовинизма. Это был смертельный приговор его работе, но приведение его исполнения, почему-то оттягивалось. А такое подвешенное положение выбивало Николая из рабочей колеи. Надо было решать конкретно с этим вопросом и ехать защищать диссертацию в России. Кто знакомился с его диссертацией, отмечали, что это хорошая работа в научном плане.

Отношения с Леной были его и радостью, и болью. Вначале он думал, что все обойдется кратковременной связью, но Лена была настроена на любовь и он не смог отказать ей во встречах. После того, как их связь стала известной и Лена развелась со своим мужем, он уже не мог просто так расстаться с женщиной, психологически надломленной двойной жизнью. Ей надо было морально помогать и поддерживать. Во время одной из встреч, Лена его прямо спросила: – Ты меня не бросишь?

Николай замаялся, что заметила Лена, но ответил:

– Не брошу.

– Я понимаю, что уже мешаю тебе жить, но ты мне нужен. Женщине по жизни нужна мужская опора. Если бы вы, мужчины, только это знали и понимали?!

– Я это знаю по своей жене. Я вижу, что ей тоже нужна опора в жизни. Чем больше я взрослею, точнее, старею, тем более прихожу к мысли, что жизнь – это процесс постепенного разочарования в совершенстве окружающего мира.

– Ты, как всегда точен и, к сожалению, прав. Чем больше мы живем, тем меньше нравится окружающий мир, даже люди не совершенны.

– Ты тоже права. Совершенным человек выглядит лишь в мемуарах, если он их автор, и в некрологах – о мертвых нельзя плохо говорить. Я всегда буду с тобой рядом, пока ты тоже будешь рядом со мной.

Лена благодарно прижалась к его плечу.

– Не оставляй меня одну. Мне плохо будет еще долго. Минуты, а иногда и час встречи с тобой, для меня как подзарядка моих душевных сил для продолжения жизни.

Такие слова Лены пугали Николая, но бросать товарища в беде было не в его правилах.

– Я всегда буду рядом с тобой.

– А твоя жена знает или догадывается, что ты встречаешься с другой женщиной?

– Мне она об этом не говорит. Но, как каждая любящая женщина, она лучше промолчит, чем будет заводить заранее

бесперспективный для нее разговор, который приведет только к ругани, а истина останется не выясненной. Лучше не копаться в истине, а то можно разойтись врагами.

– У тебя хорошая жена...

– Не надо ее хвалить, а то мне становится не по себе, даже больно.

– Прости. Никогда не буду искать истину, чтобы не обидеть тебя.

– Не ищи истину и с другими, больше будет душевного равновесия и здоровья.

Самое хорошее в их встречах на взгляд Николая было то, что Лена не просила и не требовала жениться на ней. Как он полагал – Лена реалистично смотрит на жизнь и их отношения. Так продолжались их встречи, в основном, в прогулках по луганским улицам, а иногда у нее дома.

Занятия в институте вошли в привычное русло. Николай заполнял какие-то бумажки, которых стало больше по сравнению с советским периодом. Зашел Вячеслав Краснецов, закончивший свое занятие. Они знали друг друга с учебы на одном курсе в педагогическом институте, и их дружба была верной, скрепленная временем и совместными выпивками. Матвеев обратился к Краснецову:

– Слава, я тебе подарю свою новую книгу – мне прислали три сигнальных экземпляра из Днепропетровска. Хотел подарить Милюку, но Витя сейчас в Киеве. Так что один экземпляр будет у тебя.

Виктор Милюк защитил докторскую диссертацию, немного позже Матвеева, но ему высшая аттестационная комиссия уже ее утвердила.

– А о чем ты написал в своей книге?

– Разное. Главное – показываю, что западенцы, не украинцы. Они галицийцы. Только присвоили себе наше имя – украинцы. Это совсем другой народ, поставивший целью завоевать Украину и жить за наш счет – Донбасса, Днепропетровска, Запорожья и других промышленных городов и районов. Почитай и скажи свое мнение.

Матвеев подписал Краснецову книжку на память.

– Пойдем, пива попьем? – предложил Краснецов.

Матвеев был согласен, и они поехали из сельскохозяйственного института, в город. В это время было сложно со спиртным. Хотя антиалкогольная кампания провалилась, заводы по производству водки и пива до сих пор не полностью восстановили доперестроечное производство алкоголя. Они шли в кафе, где продавали пиво в бутылках, разговаривая между собой. Вдруг они увидели, что навстречу им идут двое их бывших сокурсников – Юра Завитинский и Сережа Бодриенко. Они жили не в Луганске, а в других городах, поэтому встреча была неожиданной и от этого удивленно-радостной.

– Сколько лет, сколько зим? – привычным народным выражением приветствовал их Матвеев.

– Давно не виделись, – ответил Бодриенко, который работал директором школы в Горловке.

– Рад видеть, – ответил Завитинский, житель Красного Луча – города на границе с Россией.

– Пойдем-те, отметим встречу? – предложил Краснецов.

– Мы не торопимся, но у нас немного свободного времени, – ответил Бодриенко. – Мы в Луганске по делам.

– Ну, на сто граммов, я думаю, времени хватит. Пойдем в кафе.

Это было кафе, намеченное Краснецовым и Матвеевым для выпивки, но почему бы не посидеть в нем со старыми друзьями, вспомнить молодость? Юра и Сережа, поколебавшись, согласились. В кафе Матвеев заказал бутылку водки и по бутылке пива. На закуску взяли помидорно-огуречные салаты. Пока ждали заказанное, разговорились. В студенческие годы Сергей Бодриенко – был главным организатором сценических мероприятий на факультете. Он хорошо пел под гитару. Страстью Юры Завитинского была фотография. Снимки его были профессиональными. Юра был учителем истории в другом городе.

Разлили по полрюмки, в стограммовую тару и выпили за прошлое. Закусили, и начались серьезные разговоры.

– Зарплату задерживают по несколько месяцев в школе, – пожаловался Сергей.

– У нас точно так же, – ответил Краснецов, – так унизительно – денег нет и не у кого занять. Все такие же, как и я.

– Это обычная операция по приручению народа, – заметил Матвеев, – плохо живущий народ всегда поверит в светлое

будущее, хотя понимает, что этого никогда не будет. Но зато будет молчать в ожидании лучшей жизни. А как, Юра, у тебя дела?

Завитинский кашлянул и неохотно ответил:

– Уезжаю, в Израиль...

Сидящие за столом смолкли, – такого ответа они не ожидали. Наконец, Краснецов произнес:

– А что тебя туда потянуло?

– Я сожалею, но вынужден уехать, – ответил Завитинский.

– А ты все продумал? – теперь спросил Матвеев.

– Я сожалею, что вынужден буду уехать, – снова почти, как в первый раз ответил Юра.

– Что ты, как попугай, повторяешь – я сожалею. Мы должны сожалеть, что ты уезжаешь. У нас в институте наметилась такая тенденция – как пошел преподаватель на пенсию, так уезжает в Израиль. Их можно понять – там пенсии хорошие. Но тебя сложно понять. Хоть ты еврей, но ты пропитался с ног до головы русским духом. Что ты там будешь делать?

Вмешался Краснецов:

– Вот кто уехал, приезжают сюда и рассказывают, что там для евреев из Украины и России нет работы. И они работают дворниками, уборщиками, на самой черной работе. Тебе тоже может выпасть такая участь.

– Я это имею в виду. Но сожалею, что уезжаю, – снова повторил эту же фразу Завитинский.

– Я его тоже отговаривал, – заметил Сергей, – но он все

же решил уехать.

– Ладно, езжай, – как бы подвел итог разговору Матвеев, – только сообщи нам, как устроишься, как там жизнь. Евреи – очень большие оптимисты, если у Стены Плача молятся с надеждой на радость в будущем. Давайте допьем остальное.

Он разлил остатки водки в рюмки и сказал что-то в виде тоста:

– Евреи много веков терпели унижения, чтобы наконец-то стать новыми русскими. А ты уезжаешь. За твое, Юра, счастливое будущее.

Они выпили и вторую рюмку стали запивать пивом. Видимо, Юре хотелось как-то оправдать свой отъезд, и он сказал:

– Я не никогда не стану новым русским. Я другой еврей – гоЙ. Мое призвание – черная работа. В этом ты, Слава, совершенно прав. Я уезжаю с сожалением, – повторил он, видимо, защитную для себя фразу.

Заторопился Бодриенко:

– Нам, ребята, пора. Еще надо заехать в одно административное место. Пиво пить мы не будем. Приезжайте ко мне в гости.

Юра Завитинский встал и пожал руки Краснецову и Матвееву:

– Держите связь через Сергея. Может, еще увидимся.

Они пошли к выходу из кафе. Матвеев, отпивая пиво из бокала, произнес:

– Что-то паршиво на душе от такой встречи. Юрку жаль.

Будет ли ему там лучше? Давай еще по сто грамм.

Краснецова не надо было долго уговаривать, и он ответил:

– Это, надо...

Вреднее непреодолимого желания выпить, может быть только невозможность его осуществить. Но водка уже продавалась свободно, хотя на три четверти была поддельной. Но жизнь состоит из противоположностей – кто-то пьет, кто-то на этом богатеет. Рынок не терпит пустоты и пустоту заполняет подделками настоящего.

Вскоре они расстались и поехали по своим домам.

На следующий день Матвеев уехал в Киев искать правду, более похожую на поражение.

Виктор Милюк приехал из Киева на следующий день после отъезда Матвеева. Увидев, что Краснецов читает какую-то книгу, он поинтересовался:

– Что за книга?

– У Матвеева вышла новая книга. Он мне подарил, хотел тебе подарить, но ты был в отъезде.

– О чем пишет? Как всегда против национализма.

– Ага. Он не может принять поголовную украинизацию, считает, что нельзя резко ломать быт и жизнь народа.

– Прочитаешь, дашь мне почитать.

– Мне осталось немного дочитать, и я тебе ее дам. Сильно пишет по поводу западенцев. Чуждый он народ Украине.

После обеда Краснецов отдал книгу Милюку. Никогда в жизни, никто не мог представить себе, что эта книга может сыграть роковую роль в судьбе Матвеева. И эту роль разыграл Милюк.

Милюк прочитал книгу за три дня. Хоть он родился и вырос в Луганске, но корни у него были западенские. Книга ярко раскрывала жестокость галицийского национализма. Матвеев делил национализм на украинский и галицийский, и последний он считал самым страшным для Украины. В этом отношении Милюку книга не понравилась, он ее посчитал опасной для страны. Может быть, он ничего и не предпринял

бы против книги Матвеева, но случилось такое событие, которого никогда не ожидаешь, как говорят в народе, – обухом по голове. И он понял, что для своей карьеры он должен эту книгу показать национально-осведомленным личностям. А они его старания по борьбе с антиукраинскими элементами не забудут, и он пойдет вверх по педагогической, а может, и политической линии.

К ректору института, пришел следователь из милиции. Он кратко изложил суть дела:

– Валерия Георгиевна! В Киеве, вашим работником совершенно тяжкое преступление.

Ректор удивленно поглядела на следователя, но ничего не ответила, продолжая его слушать.

– Матвеев Николай Иванович, в Киеве убил женщину...

Ректор еще более удивленно глядела на следователя и, наконец, ответила:

– Матвеев не мог убить человека, тем более женщину. Я этому не верю.

Ректор была немногословной женщиной, что соответствовало ее занимаемой должности. Она снова замолчала, ожидая, что скажет следователь. Он вынул из портфеля тонкую папку, открыл ее. Там лишь лежал один стандартный лист бумаги с отпечатанным текстом, и протянул ректору. Та стала внимательно читать, такой неприятный для нее, документ. Потом протянула бумагу обратно следователю, со словами:

– Все равно я этому не верю. Матвеев не мог убить человека, – повторила она свои слова, сказанные ранее.

– Нам звонили по этому поводу из Киева и пояснили устно. В Киеве проходила массовая акция. Было много людей, которые настроены патриотично к своей родине. Матвеев затесался в их ряды и вступил в перепалку с патриотами. Одна женщина стала ему слишком резко возражать. Он выхватил из рук одного патриота знамя и проколол ее насквозь трезубцем, который был, к несчастью, очень остро заточен. Его здесь же скрутила милиция и поместила в следственный изолятор.

– А откуда женщина?

– Из Черновиц, – и уточнил – западной Украины.

– Он, конечно, был бескомпромиссно настроен против национализма, но до убийства... – ректор замолчала. Она сама ненавидела этот национализм, и ей сложно было судить Матвеева, тем более, информация была куцая, – что вы хотите от института или от меня лично? – спросила она следователя.

– Я только исполнитель команды, данной сверху, – как бы извинился следователь, – а оттуда требуют характеристику на Матвеева – развернутую и обстоятельную. Все-таки преступление серьезное.

Ректор поняла, что следователь не является последователем национального самосознания, но служба заставляет его выполнять и неприятные дела.

– Я сейчас вызову заведующего кафедрой, и мы обсудим

вопрос о написании характеристики.

Она позвонила по телефону на кафедру, и уже через несколько минут Милюк был в ее кабинете. Следователь снова объяснил ситуацию, но уже Милюку. Решили, что Милюк, к завтрашнему дню, подготовит характеристику на Матвеева, ее заверит ректор, поставит гербовую печать и передаст следователю, который дал им свой рабочий телефон.

Милюк понимал, что ректор не подпишет плохой характеристики. Она, как и Матвеев, была убежденным борцом против национализма. Поэтому он за вечер напечатал две характеристики – одну, положительную, которую подпишет ректор и не содержащую слов об антиукраинской позиции Матвеева, и вторую от себя лично – где перечислил известные ему книги и статьи Матвеева, с критикой национализма, а так же подчеркнул, что Матвеев любитель выпить. Свой вариант он хотел по-тихому вручить следователю – пусть, где-то в высших органах внутренних дел знают о его патриотической деятельности, но только, чтобы имя его нигде не упоминалось.

На следующий день, ректор подписала характеристику, поставила печать и попросила Милюка, отнести в областную милицию, – он жил недалеко от этого государственного органа, – и передать следователю.

– Все равно я не верю, что Матвеев убил человека, – в который раз подчеркнула ректор, отдавая бумагу Милюку.

– Валерия Георгиевна, я тоже не верю, – ответил Милюк, –

но в пьяном виде Матвеев бывает драчлив... Я его знаю со студенческих времён.

Ректор недовольно поморщилась при ответе Милюка, зная его двойственную натуру – сегодня нашим, завтра – нашим, но продолжать разговор не захотела:

– Мы со следователем договорились, что занесем характеристику им. Будьте готовы, что вас будут спрашивать о Матвееве другие следователи, которые приедут из Киева.

– Будем говорить все, как есть, – ответил двусмысленно Милюк.

– Но только правду, – подчеркнула на прощание ректор.

Милюк, находясь в здании милиции, позвонил с их служебного телефона на первом этаже следователю и тот вскоре пришел. Они зашли в служебную комнату для посетителей и Милюк отдал характеристику, подписанную ректором, а потом свою, без подписи.

– Эта моя характеристика Матвеева, работающего на моей кафедре, – подчеркнул он.

Следователь глазами сравнивал тексты и задал Милюку вопрос:

– А почему вы не указали, в основной характеристике с печатью, данные о его критической деятельности против Украины?

– Понимаете ли? Ректор наша тоже придерживается таких же взглядов, как Матвеев и она бы потребовала убрать критические замечания, иначе не подпишет характеристику.

– Я знаю ее позицию, – следователь задумчиво посмотрел на Милюка – сталинский стукач, в недрах независимой страны. Но этого не сказал вслух, а попросил, – подпишите свою характеристику.

– Но она будет без печати.

– Пусть. А без подписи будет анонимка, а на них вообще не обращают внимания. Поэтому подпишите.

Милюку не хотелось подписывать, но без подписи – анонимка, а этого он не учел раньше. И он попросил следователя:

– Только одна просьба – не надо, чтобы моя фамилия, кроме этой бумажки, фигурировала в делах.

– Я о вашей просьбе напишу в сопроводительном письме.

Милюк поставил свою подпись и спросил следователя:

– А большой срок могут ему дать?

– Если докажут убийство, – то большой. Убитая, как можно понять, активный политический деятель. Возможен пожизненный срок. В любом случае, пятнадцать, а то и двадцать лет.

– А если будут смягчающие обстоятельства?

– За успешные преступления, не наказывают, – произнес следователь непонятную для обычного человека фразу и попрощался с Милюком.

Милюк раздумывал, что же делать дальше. На деле Матвеева можно продвинуться в карьерном росте, а это всегда деньги и не только заработная плата. Единственное, что его

смушало – все ли он сможет сделать в рамках приличия. Чувство, максимально затрудняющее карьерный рост, является чувство собственного достоинства. Как-никак он знаком с Матвеевым уже больше двадцати лет. Вместе, будучи студентами, а потом, уже совместно работая, они решали много общих дел, иногда, и не совсем приятных, о которых даже не стоит вспоминать. Но теперь можно на его ошибке выдвинуться самому – только проявить гражданское мужество, правда, в национальном проявлении. В этом мире невозможно быть порядочным со всеми, решил Милюк и грех не воспользоваться ошибкой, даже своего близкого товарища, для своего благополучия. Жить хорошо – это естественное состояние человека, которое подминает под себя все нормы морали. И Милюк решил показать книгу тем «освидченным» людям Луганска, которых описал Матвеев в своей книге.

На следующий день он пошел в педагогический институт, чтобы встретиться с Кирисовой. Ее «просветительскую» деятельность на ниве независимости державы, более полно описал Матвеев. Ольга была на работе, но пришлось подождать, пока шло занятие. Они знали друг друга давно, и поэтому она игриво поприветствовала его:

– Что тебя привело к нам?

Темпераментная и любвеобильная Оля, при виде представительного мужчины, часто говорило двусмысленно – и личное, и гражданское часто у нее были неотделимы. Вот и сей-

час она жила с очередным мужем, прожженным националистом, который любил выпить, да и побить свою сожительницу. Но она стойко делила трудности семейной жизни, в ожидании нового мужа. Но возраст сказывался, и мужа становилось найти все труднее – все-таки уже сорок лет. Вот и сейчас, она давала непонятный, но призывной сигнал самки Милюку, – он красивый мужчина, и грех не показать ему свою доброжелательность. Но Милюк был настроен по-деловому и сразу ответил:

– Оля! Я к тебе пришел по очень серьезному делу. Ты знаешь, что Матвеев арестован в Киеве?

Кирисова была на месте трагедии и видела арест Матвеева, но говорить о том, что она видела – пока было рано.

– Слышала, что арестован, – дала она уклончивый ответ.

– Он совершил убийство, – Милюк облизнул губы, – какой-то женщины, которая пыталась вразумить его в осведомленном духе.

А вот этого Кирисова не знала. Она помнила, что женщину, которая была вместе с Матвеевым. Ее пронзил острым трезубцем парнишка из рядов украинской самообороны. До Кирисовой стало доходить – так в убийстве обвиняют Матвеева, а не мальчишку! Очень хорошо! Теперь этот враг незалежной Украины и ее лично, будет нейтрализован и, возможно, на долгое время. И она ответила, будто бы не видела, что тогда происходило тогда, на улице:

– От него этого можно было ожидать. Он на дух не терпит

украинского.

– Не знаю, как на дух, но у него жена – украинка. Но я пришел по более серьезному делу. Вышла книга Матвеева, – он показал книгу Кирисовой, – там написано о тебе. Очень нехорошо написано. Читай. Там и про других твоих соратников написано.

Кирисова стала читать книгу, открытую на нужной странице.

– Прочитала... Ну и, гад, он.

– Это не все. Вот другое место, где говорится о тебе.

Кирисова прочитала и предложила:

– Дай мне почитать книгу?

– У меня один экземпляр. Я хотел сделать ксерокс с нее.

– Я сама сделаю, – перебила его Кирисова, – у меня дома есть факс и ксерокс.

– Откуда он у тебя? – удивился Милюк.

– Мне дали, как руководителю провода УНА-УНСО, в Луганске.

Эта аббревиатура означала Украинская национальная ассамблея – Украинская национальная самооборона, – националистические группы украинских фашистов. А провод – это руководство на разных уровнях.

– Когда я пришла на занятия в форме УНА-УНСО, то выпустили в городе листовку: смотрите – это фашисты. Там была фотография моего мужа, тоже в форме. Тогда Матвеев поиздевался надо мной – фашисткой называл. Но скоро эта

форма станет обычной для Луганска, как сейчас для Львова, и скоро я ему припомню все то плохое, что он сделал мне.

Милюку были неприятны слова Кирисовой в адрес Матвеева – все-таки они друзья, но он промолчал.

– Давай книгу?

Милюк передал ей книжку и подчеркнул:

– Только до завтра. Договорились.

– Конечно. Завтра в это же время и здесь же. У меня будет лекция.

Они говорили по-русски и Милюк спросил:

– Ты занятия проводишь на украинской мове?

– Только на украинской! – гордо ответила Кирисова.

– А в нашем институте, пока все преподают на русском.

– Так у вас ректорша, великодержавная шовинистка. Мне пора на семинар. До завтра! – попрощалась она с Милюком.

Он вышел на улицу. Шел мелкий холодный дождик – теплые дни, видимо, закончились окончательно. Осень полностью взяла природу в свои руки. На душе тоже было пасмурно – правильно ли он делает, что предаст своего товарища? Но одновременно другая мысль крутилась в мозгах – предать трудно только в первый раз, а потом на этом можно неплохо зарабатывать. А он хочет выгоды, материальной, – это главное. Эта мысль о зарплате его успокаивала.

На следующий день, он пришел к Кирисовой. Она отдала ему книгу. Черные глаза ее задорно блестели – Ольга была готова к борьбе – борьбе за утверждение украинской идеи на

исконно русской территории.

– Я прочитала, сделала три ксерокса. Уже дала почитать другому, кого упомянул Матвеев. Он возмущен. Еще вчера я сообщила в Киев о книге. Она издана в Днепропетровске. Служба безопасности должна изъять книгу. Установят, где она находится: в типографии или издательстве. Так что книга далеко не пойдет. Я еду в Киев, лично буду разбираться с теми, кто подготовил Матвеева к борьбе против Украины. Таких надо выжигать каленым железом из святой земли! – и черные глаза Кирисовой высекли искры огня – жестока, не попадись на ее пути. А какие фразы – девиз фаната! Фанатик готов умереть за то, чему никто не угрожает. Украинские фанатики превратили свою точку зрения в точку опоры. И неплохо зарабатывают на этой идее.

Разговор был короткий и Милюк вдруг почувствовал облегчение – он может оказаться в тени этой раскрутки, а впереди пойдет светиться Кирисова. Ей и факел в руки! Но, если она все раскрутит, то ему ничего может не достаться? Надо тоже срочно ехать в Киев, но действовать отдельно от нее.

Он шел по улице и увидел, идущего навстречу, Семерчука. Встреча была неожиданной. Милюк знал о романе Матвеева с его женой, поэтому надо было быть осторожным в разговоре с Семерчуком. После рукопожатия и дежурных вопросов, – как жизнь, Милюк решил сообщить об аресте Матвеева. Такое напоминание было бы радостью для Семерчука, хотя замешано на ненависти.

– Ты знаешь новость? – спросил Милюк.

– Новостей много, – уклончиво ответил Семерчук, – а, ты, какую для меня приготовил?

– Новость такого рода... – замялся Милюк, но решился сказать, – Матвеев арестован за убийство женщины.

Семерчук действительно был поражен этим известием, что вначале не мог ничего сказать. В его голове пронеслось: «Но Лена – жива. Жаль, что не ее он убил». И он, заикаясь, уточнил:

– А какую женщину?

– Толком неизвестно. Это произошло в Киеве, во время выступления молодежи против правительства. Здесь мало, что известно. У меня командировка в Киев с завтрашнего дня – соврал он насчет командировки, – поеду, может что-то узнаю.

Надо было как-то обосновать свою поездку, поэтому и прозвучала ложь. Все равно он эту ложь проверять не будут. Семерчук молчал, раздумывая, потом стал объяснять причину своего появления в Луганске.

– Я уезжаю жить в Канаду. У меня сейчас жена канадка, – пояснил он, – а сюда приехал попрощаться и уточнить некоторые деловые вопросы. Дети не возражают против моего отъезда, – он глубоко и, как показалось Милюку, огорченно вздохнул. – А за убийство ему много могут дать? – неожиданно спросил он.

Милюк вспомнил, что говорил следователь и ответил:

– Говорят, может быть, пожизненный срок. Но не менее пятнадцати-двадцати лет.

– Так ему и надо! – радостно выпалил Семерчук. – Пусть знает, что не все ему масленица! Я сегодня улетаю в Киев. Если я буду нужен, то возьми мою визитку и позвони. Перед Канадой, мы с женой месяц будем отдыхать на Багамах, а потом – на ее родину.

– У-у, как ты взлетел! – с завистью произнес Милюк, – Канада, Багамы, а потом и дальше. – И вдруг ему пришла в голову отеческая мысль, – Роман! Если моим детям захочется за границу, пусть и в Канаду, поможешь им там?

– Обещать не могу, но постараюсь. Пока я там еще не живу и не работаю. Но ты не теряй со мной связь, а там будет видно.

– Не будем терять связи.

Они пожали друг другу руки и расстались.

Семерчук прилетел в Киев в радостном возбуждении. Ему хотелось подробнее узнать, что же случилось с Матвеевым? На другой день он узнал, что женщину убили националисты, но с ней был Матвеев, и его арестовали, а сейчас хотят представить дело так, что он ее убил. Это известие как-то охладило радостный пыл Семерчука, но он решил, что в нынешних условиях Украины, националисты всегда будут оправданы, а вину следователи повесят на другого, и им будет Матвеев.

Его хлопоты с Хрыстей сводились к отъезду. Хрыстя, что было удивительно для западной женщины, набрала много

дорогих вещей, что пришлось заказывать контейнер и отправлять его морем на ее родину. А потом ему позвонил Милюк и они договорились встретиться возле университета.

Милюк приехал три дня назад в Киев и сразу же с книгой Матвеева пошел в высшую аттестационную комиссию к Слизнюку. Он с ним познакомился, когда защищал диссертацию. Милюк сразу же перешел к изложению содержания книги Матвеева. Говорил он в государственных органах на украинском языке, хотя ему было это трудно. Но Слизнюк из Львова и оценит его желание говорить на родном для львовянина, языке.

– Александр Васильевич! Я принес одну книгу, где работа вашего органа оценивается плохо... – осторожно произнес Милюк, но с такими словами, которые сразу же заинтересовали Слизнюка.

– Мы находимся в процессе создания, и нас критикуют многие... – уклончиво ответил Слизнюк.

– В книге написано о взятках и то, что вы стали политическим, а не научным органом. – Милюк протянул книгу Слизнюку, – вот я поставил закладки, где говорится о вас лично.

Он открыл книгу на нужной странице и протянул Слизнюку. Тот бегло прочитал и спросил:

– А кто автор? – Он стал смотреть на обложку, – но автор мне неизвестен.

– Это псевдоним Матвеева. Помните, вы не утвердили его диссертацию.

– Помню. Он всегда придерживался антиукраинских взглядов. Эта его позиция нашла отражение в диссертации, и мы ее, естественно, не стали утверждать. Зачем поддерживать наших врагов? – задал он риторический вопрос, а потом конкретный. – Вы мне дадите эту книгу почитать?

– Конечно, дам. Но у меня только один экземпляр, но я сделал три ксерокса книги. Может дать вам ксерокс?

– Я возьму книгу, чтобы почитать, а завтра отдам.

Слизнюк еще не представлял, что там написано о нем и его организации, и Милюк вынужден был согласиться.

– А завтра во сколько подойти?

– Перед обеденным перерывом. Раньше не надо.

Милюк знал, что работники высшей аттестационной комиссии не стремились во время приходиться на работу. Может поэтому, Слизнюк назначил встречу не с утра, а попозже. Они попрощались, и Милюк поспешил идти к следующему знакомому, о которых упомянул в книге Матвеев. Надо срочно создать негатив вокруг имени своего бывшего товарища, использовать благоприятную ситуацию – один тонет, другой живет. Он себя относил к другому. Когда тонет корабль, первыми его покидают крысы, когда тонет человек, первыми бегут от него друзья.

После посещения двух человек, упоминаемых в книге, Милюк пошел на встречу с Семерчуком. Они встретились, где условились – возле красного корпуса университета, и Семерчук сразу же предложил посидеть в ресторане. Ближай-

ший ресторан был в гостинице «Украина» – туда и направились – пройти только через сквер. Семерчук знал, что зарплаты у преподавателей институтов небольшие и ему хотелось щегольнуть перед Милюком своими деньгами – пусть знает, кем стал его институтский товарищ. Наличие больших денег увеличивает цену человека.

Так как Семерчук говорил по-украински, то и Милюк перешел на украинский язык. Хотя эта речь давалась им с трудом – всю жизнь они говорили по-русски, и только недавно стали украинцами, и, естественно, разговлялись на ридной мове. Это немного смущало их друг перед другом – еще недавно они были интернационалистами, но идейные взгляды – уже не партийный догмат, их можно менять.

Посетителей в ресторане было немного, и официант быстро принес им меню.

– Заказывай, что хочешь, – как щедрый хозяин предложил Семерчук Милюку.

– У меня не так много денег... – понимая, что его будут угощать, для вида заскромничал Милюк.

– Ты ж находишься в Киеве – ты гость. А я здесь живу, поэтому все оплачу я.

Милюк заказал мясо в горшочках и котлету по-киевски. Официант сказал, что котлета будет минут через двадцать, а с мясом в горшочках надо подождать не менее часа. Это удовлетворило Семерчука и Милюка – официант принес бутылку крымского коньяка и закуску: салат и колбасу. Выпи-

ли по рюмочке за встречу и Семерчук вдруг сказал:

– А помнишь, было время, когда боялись выпить?

Он, видимо, имел в виду, те редкие выпивки во время перестройки, когда действительно партийному работнику было опасно выпивать, в крайнем случае, прилюдно.

– Было... – коротко согласился Милюк, – а сейчас на первый план вышли права человека – можно пить, но в меру. – Он засмеялся.

Семерчук тоже хихикнул:

– Какие глупости творились в советское время... – он сделал паузу и продолжил, – и мы с тобой претворяли их в жизнь.

Милюк хотел поправить – ты претворял в жизнь, но промолчал – собеседник угощает, не надо ему возражать. Выпили еще по рюмке и, не замечая, перешли на русский язык – он заложен в них генетически. Но не стали упрекать в этом друг друга. После третьей – перешли к более серьезному разговору. Тем более официант принес котлету по-киевски – очень вкусная котлета – из нее течет масло, а изо рта – слюни – быстрее кусай, а то душа с животом не простят промедления. Милюк, держа котлету за куриную косточку и откусывая ее куски, произнес:

– Когда-то котлета называлась де-воляй. А когда после войны стали бороться с космополитизмом, то дали на звание ей по-киевски.

– А что раньше ее не было?

– Была и называлась де-воляй. Потом переименовали в котлету по-киевски. Но сейчас это чисто украинское блюдо.

– Не важно, кто придумал – главное вкусная котлета. – Семерчук пережевал кусок куриной грудки из котлеты и перешел к серьезному разговору. – Витя! Ты узнал, что-то новое о Матвееве?

Милюк напрягся – он был осторожен и не лез туда, куда плохо знал дорогу:

– Кое-что узнал. Сидит он в Лукьяновке, в камере для политических.

– Я имею в виду, кого он убил...

– Как я знаю, он убил женщину, активистку национально-го движения.

– У меня другие данные – эта женщина была его подругой и ее убили боевики из УНА-УНСО.

– Для меня – это новое. Его могут оправдать?

У Милюка заныло под ложечкой – может, поторопился он в разоблачении Матвеева? Может, дать обратный ход? И он ответил, вроде бы невпопад, но на самом деле, чтобы вызвать на большее откровение Семерчука:

– У него что – и здесь любимая женщина? – намек был в сторону Семерчука и тот буквально взвился от злости – его жена тоже изменяла ему с Матвеевым!

– Этот негодяй не пропустит ни одной юбки! Соблазнил мою жену! Разрушил мою семейную жизнь. Теперь я вынужден уехать с родины... – и пьяная слеза жалости к самому

себе покати́лась из его́ глаз.

«Слабак!» – подумал про себя́ Милюк, но вслух сказа́л:

– Я тебя́ по-му́жски пони́маю. Обидно́ от знако́мого, ко́торому́ столько́ ты помо́гал, получи́ть такое́...

– Лена говори́ла мне, что у них ко́гда-то́ была́ любви́...
Вспомни́ла, ко́гда у нее́ дво́е дете́й! И он, подле́ц, не мо́г ее́ по-бы́строму́ бро́сить, как матрос – поматроси́л и бро́сил! И я бы́ не зна́л и жи́л бы́ с нею́ и дете́ми. – и снова́ поте́кли слезы́ поте́рянной любви́ из его́ глаз.

– Успокойся, Рома́н. Давай́ лучше́ еще́ выпьем.

Он разли́л оста́тки ко́ньяка из бу́тылки и сказа́л Семерчу́ку:

– На́до бы́ зака́зать еще́ ко́ньяка...

– Давай́.

Он выте́р слезы́ и выпи́л.

– Так Матвее́ва отпу́стят? – верну́лся к гла́вному для себя́ вопро́су Милю́к.

– Его́ не отпу́стят. На него́ уже́ пове́сили де́ло об уби́йстве. Все сви́детели проти́в него́. А же́нщина́ была́ из Чернови́ц, а это́ запа́дная Украти́на. Ему́ да́дут хоро́ший сро́к.

Милю́к с обле́гчением́ вздохну́л – Матвее́ву да́дут большо́й сро́к и е́сли он вы́йдет из ме́ст заклю́чения, то́ уже́ не бу́дет препо́давателе́м, да и де́тали его́ суде́бного́ де́ла со вре́мем сотру́тся в па́мяти. Не вре́мена́ де́лают пло́хими́ люде́й, а лю́ди де́лают пло́хими́ вре́мена. Семерчу́к я́вно рассла́бился. Та́ким пья́ным Милю́к его́ ви́дел впе́рвые. И он верну́лся к

старому разговору:

– Рома. Если надо будет помочь моим детям в Канаде, можешь?

– Конечно, Витя. Ты ж мой лучший друг! А я сегодня позвоню своей бывшей жене и скажу ей, суке, все, что я о ней думаю. Я ей скажу о ее любовнике...

Семерчук рассчитался с официантом и бросил на стол миллион купонов.

– Гарсон! Вот тебе деньги! – развязно обратился он к официанту, – найди такси и помоги нам выйти из ресторана.

Официант, привыкший к подобному унижительному панибратству, подобострастно схватил ассигнацию и прошептал:

– Будет сделано...

Все происходило, как в кино о царских временах! Такси сначала подъехало к дому Семерчука, где он дал таксисту бумажку в пятьсот тысяч купонов и распорядился:

– Довезешь его, куда он скажет... Витя, – пьяно выговаривал Семерчук, – ты мой друг и я все сделаю для тебя... А этой сволочи, – он имел в виду бывшую жену, – я сейчас позвоню. Все скажу, что я о ней думаю и ее хахале. – Снова, как в ресторане повторил Семерчук.

Хрыстя была дома. Увидев пьяного Романа, она всплеснула руками:

– Хде ты так нажравься, як цап?

– С другом, – заплетающимся языком по-русски ответил

Семерчук. – Так скажем, последняя выпивка, – прощание с родиной называется.

– Пьяным ты говоришь по-русски?

– Это мой родной язык.

– Щас я тобі огрею, щоб забув ворожью мову!

– Кристина! Не забывай, что деньгами распоряжаюсь я.

Хрыстя сразу же притихла. Деньги имеют магическую силу для затыкания рта. А Хрыстя, вместе с Романом, уже определили, какой они откроют бизнес в Канаде. Но у Семерчука до сих пор имеются сомнения в целесообразности заниматься бизнесом – лучше положить деньги в банк и жить на проценты, без проблем, не чувствуя нужды.

Семерчук подтянул к себе телефон, стоящий на столе.

– А зараз я буду разговаривать с женой. Слушай!

Ему захотелось быть твердым человеком, – пусть Хрыстя видит настоящего мужчину. Он набрал номер телефона своей бывшей квартиры, и трубку взяла Лена. От ее спокойного голоса, у него замерло сердце в груди, в ожидании ласковых слов, которые она иногда раньше говорила ему. И у него вдруг дрогнул голос:

– Здравствуй! – он старался придать своему голосу больше твердости, но не получилось.

Словно чувствуя, что Роману нужна помощь, к его уху придвинулась Хрыстя и шепнула:

– Говорь – повия паскудная...

И Семерчук послушно повторил:

– Слухай, повия паскудная... – он вопросительно посмотрел на Хрыстю, – что говорить дальше? Но та молчала, и Семерчук продолжил, – твой хахаль убил женщину...

– Кто? – слышалось в трубке

– Матвеев, этот паскуда! Только и делает, что по бабам таскается. Он убил женщину и сейчас сидит в тюрьме.

– Ты пьян? Понимаешь, что городишь?

– Немного выпил. А говорю тебе правду,... – и он обозвал ее самым коротким народным словом, которым называют девиц легкого поведения.

Но Лена будто этого не слышала:

– Почему он в тюрьме?

– Потому что убил женщину. Поняла,... – и он опять употребил простонародное слово, точно выражающее сущность некоторых женщин.

– Ты пьян и я с тобой не хочу говорить!

– Не надо. Но он в тюрьме. Добегалась, сучка... А я на днях улетаю на Багамы и буду жить в Канаде... А ты сгнивай в паршивой Украине...

Он не успел договорить, когда ладонь Хрысти тяжелым шлепком прошла по его затылку. Он, аж икнул от неожиданности, но Лена уже положила трубку, чтобы не слышать его оскорбления. Семерчук повернулся к Хрысте:

– Ты шо робышь?

– Это я еще мягко, чтобы ты не говорил при мне по-русски. И надо было говорить с ней жестче. Но все равно, ты

поговорил с ней хорошо. Иди ко мне... – она прижала его голову к своей груди и поцеловала в затылок, – пойдём спать...

– А можно ванну?

– Нет. Ещё утонешь по пьянке. Я тебя люблю в любом состоянии, – и Хрыстя потянула его к кровати.

Его жизнью и состоянием надо было дорожить. Он – финансовая опора их совместной жизни.

Милюк на следующий день, точно в двенадцать часов, был у Слизиюка в кабинете. Тот встретил его с довольной улыбкой:

– Знаете? Только вы вчера ушли мне позвонил вице-премьер по гуманитарной политике по поводу этой книги. – Он взял книгу Матвеева и протянул Милюку, и тот увидел, что на столе у Слизиюка лежит точно такая же книга. Милюк удивленно поглядел на книгу, а потом на Слизиюка. Тот, перехватив его взгляд, пояснил: – пришлось ехать к министру. Оказывается, служба безопасности узнала об этих книгах раньше и их все изъяла у издательства в Днепропетровске. Министр сказал, что активно в эту работу включились луганские патриоты, узнав об этой книге. Научный руководитель Матвеева уже получил от министра нагоняй и больше ни одна диссертация его аспиранта у нас не пройдет. Так что, спасибо вам и всем, кто вовремя среагировал на эту книгу. Министр назвал ее пасквилем на нашу историю.

Милюк вздохнул свободнее – это работа Кирисовой. Он остался в стороне и, слава богу, что не высветился. Пока все

идет хорошо.

– Вот и у вас есть книга, – как можно спокойнее произнес Милюк и перешел к конкретному делу. – Наш регион особый, много проживает людей, много институтов, а значит, ученых и нам бы надо открыть совет по защите...

Слизнюк сразу же все понял – за услугу, оказанную им Милюком, надо того поощрить, тем более, он не просит материального поощрения, а просто открыть совет, и он ответил:

– Мы сами думаем об открытии такого совета в Луганске. Но там не было кандидатуры на пост председателя. Все профессора придерживаются просоветской истории. Но в вас видна фигура председателя. В ближайшее время мы решим этот вопрос.

У Милюка повлажнели глаза от нахлынувшей благодарности к собеседнику, и он только ответил:

– Я постараюсь подобрать членов совета – настоящих патриотов.

– Хорошо. Но вчера, к вечеру, после моего посещения министра, ко мне пришел следователь службы безопасности. За это дело взялась не милиция, а безопасность. Эта книга подрывает основы нашего национального сознания и государства. А добавьте убийство. Как видите – все очень серьезно. Следователь хотел бы поговорить с вами, выяснить какие-то черты характера Матвеева, его поведение... – Слизнюк говорил обтекаемо, стараясь не смотреть в глаза Милюку и он

заподозрил, что от него хотят что-то серьезное.

– Я не против встречи со следователем.

Милюк решил, что он ответит на вопросы следователя, а лишнее знакомство не помешает в дальнейшем.

– Вот номер его рабочего телефона. Позвоните и договоритесь о встрече.

Он дал листок с номером телефона. Они попрощались, пожав друг другу руки, и Слизнюк произнес на прощание:

– Пока направьте все силы на формирование состава совета и, чем быстрее сформируете, тем быстрее мы его утвердим.

Милюк вышел в приподнятом настроении – быть председателем совета по защите диссертаций – это денежное место. Правда, такие деньги называют грязными, но грязные деньги пачкают не руки, а совесть, а деньги – лучшее снотворное для совести. Он с телефона-автомата позвонил следователю, и договорились встретиться завтра, с утра.

Милюк пришел на Владимирскую, к бывшему зданию КГБ, которое теперь занимала служба безопасности. Проклятое всеми слово «комитет» заменили на слово «служба», а функции этого здания остались прежними – ловить врагов государства. Но о КГБ демократы вспоминали всегда, а что сейчас есть аналогичная служба – о ней просто не вспоминали. Милюк со служебного телефона позвонил следователю и тот вскоре вышел, и они уединились в отдельной, служебной комнатке для посетителей.

Следователь расспрашивал о Матвееве. Милюк, в целом, дал ему хорошую оценку, только отметил, что он любит выпить и ненавидит галицийский национализм. Видимо, следователь не ожидал что-то новое узнать о Матвееве. И тогда он сказал то, что уже слышал Милюк от Семерчука: есть данные, что не Матвеев убил девушку, а кто-то другой. Следователь не стал уточнять, кто это другой, но у Милюка, как и несколько дней назад заныло под ложечкой, и выделилась обильная слюна – может, все же зря он встрял в это дело? Нужно ему место председателя в совете?

– А точно известно, что не он женщину убил?

– Милиция стала считать, что не он. И Матвеев отрицает убийство и называет подростка из УНА-УНСО. Но три дня назад дело передали нам и дали его книгу, направленную против Украины. Теперь надо его изолировать от украинского общества. Нам надо, чтобы он признался в убийстве женщины. Нужен хороший знакомый, который бы ему объяснил, что за умышленное убийство он получит на полную катушку, а если признается, что убил нечаянно, то мы ему напишем непредумышленное убийство. А это срок до десяти лет. А так может получить пожизненный срок.

Милюк молчал, выжидая, когда следователь снова начнет говорить, и тот попросил его:

– Вы работаете с ним на одной кафедре, вместе учились.... Не могли бы вы поговорить с ним по-дружески и попросить признаться в непредумышленном убийстве?

Милюк отрицательно закачал головой, а следователь повторил:

– Вы его давно знаете, вместе работаете... Он бы мог вас послушать.

– Поэтому не могу, что я с ним вместе работаю и его знаю со студенческих лет.

На лице следователя ясно проступило разочарование.

– Мне кажется, он бы прислушался к голосу близкого товарища.

И тут в голову Милюка пришла мысль, – а не перенаправить ли это дело Семерчуку. И он произнес:

– Поймите правильно, если бы я сейчас с ним встретился, то стал бы его врагом. У нас было много общего в жизни, – как честный человек, добавил Милюк, – я не хочу с ним встречаться. Но в Киеве живет еще один товарищ, который учился вместе с нами в институте. Он хорошо знает Матвеева.

Милюк не стал рассказывать, что Семерчук развелся с женой из-за того, что она вступила в любовную связь с Матвеевым. Следователь, узнав об этом, может отказаться от услуг Семерчука. Но тот ухватился за это предложение. Следователь записал адрес и телефон Семерчука с визитной карточки, которую тот дал Милюку. Они расстались, но следователь предупредил на прощание, что сказанное им составляет государственную тайну, поэтому Милюк должен молчать об этом разговоре. Всем, упоминаемым в книге лицам, Милюк

показал книгу, и на следующий день уехал в Луганск. На работе его попросил Краснецов отдать книгу и Милюк ответил:

– У меня книги нет. Я ее сжег, чтобы не было ни у тебя, ни у меня проблем с правоохранительными органами.

– Зря сжег, – по голосу было слышно, что Краснецов не поверил в это объяснение, – тебе звонила Лена Семерчук. Позвони ей.

– Сама позвонит, – ответил Милюк.

А Лена после звонка пьяного Семерчука не могла поверить, что Николай убил человека и сейчас сидит в тюрьме. На другой день, после звонка бывшего мужа, она позвонила на кафедру, где работал Матвеев и к телефону подошел Краснецов.

– Слава! Скажи мне – правда, что арестован Николай? – умоляла она его ответить, надеясь в душе, что такое жестокое известие – ложь.

Но Краснецов ничего толком не мог ответить – все повторял, что это слухи, но подтвердил, что Матвеев арестован и попросил перезвонить Милюку, как только тот приедет из Киева. Спустя несколько дней, Лена дозвонилась до Милюка:

– Витя! Объясни, что там случилось? Николай не мог убить никого, тем более женщину.

Но Милюк, знавший о происшествии с Матвеевым больше других, ничего конкретно не ответил Лене. Подтвердил, что сидит Николай в тюрьме и пока идет следствие. И Лена

спросила:

– А много ему могут дать?

– Кто знает. Если умышленное убийство, то много, если непредумышленное – поменьше... Сейчас в Киеве его жена, может она больше узнает. – Это был его последний совет упавшей духом женщине.

Милюк никому не говорил, что женщину убил не Матвеев. Он помнил, что ему на прощание сказал следователь – не разглашать секреты их разговора. Он понимал, что молчать в его интересах.

Лена глубоко, до глубины души, переживала то, что произошло с Николаем. И почему-то считала себя виноватой в прошедших событиях. Она чувствовала, что оказалась в пустоте жизни. И из этой пустоты она не сможет сама выбрать – нет точки опоры. И через неделю она позвонила жене Матвеева на их домашний телефон, считая, что та должна приехать из Киева. Трубку взяла жена Николая, и Лена робким голосом спросила:

– Это Света у телефона?

– Да, – слышался грустный голос жены Матвеева, что у Лены сжалось сердце. – А это кто говорит?

Лена заколебалась, как ответить?

– Я – Лена, знакомая Николая.

– А, Лена! – слышался удивленный голос жены Матвеева, – а я думаю, позвоните вы мне или нет?

– Вы меня знаете?

– Мы ж вами встречались иногда на улице, когда я была вместе с мужем. И я знаю, что Коля с вами встречается.

– Он вам рассказал?

– Нет. Мне рассказали другие и уже давно.

– И вы молчали?

– Да. Он для вас первая любовь. А первая любовь никогда не должна заканчиваться. Поэтому я молчала – если хорошо мужу и вам, почему я буду против? Когда делишься своим счастьем с другими, его становится больше. Он подарил мне двух детей, и я счастлива и люблю его. Пусть и он будет счастлив в отношениях с вами.

И Лена неожиданно сравнила себя с женой Николая – у нее тоже двое детей, но от не любимого мужа. Лена поняла, что надо задать конкретный вопрос:

– Вы были в Киеве, видели Николая? Что там?

– Была в Киеве, но во встрече мне отказали. Только передала передачу. Я не верю, что он мог совершить преступление.

– Я тоже не верю.

– Приходите ко мне, и мы вместе погорюем, и нам станет легче.

– А это удобно? – невпопад спросила Лена.

– В горе все удобно. Приходите.

– Я приду, я знаю адрес, – торопливо ответила Лена, – спасибо, Света, за приглашение. Я приду...

Света положила трубку, а Лена еще долго держала труб-

ку в своих руках, не слыша коротких гудков. Женское горе сплачивает даже соперниц – в каждой остается своя память о любимом, дополняемая памятью другой женщины. Лучше жить с иллюзией счастья, чем с неверием в него. И она решила встретиться со Светой, женой Николая. Надо объясниться с ней, может, спросить совета – как ей жить дальше? Может, появится точка опоры, и она выберется из жизненной пустоты. Кто-то ж должен ей помочь в этой жизни... Кто?!

В Киеве следователь безопасности связался с Семерчуком, встретился с ним и предложил встретиться с Матвеевым. Семерчук согласился не сразу, но желание увидеть поверженного врага, взяло верх над чувством благоразумия. Встреча проходила в Лукьяновском следственном изоляторе, куда следователь привез Семерчука. Они прошли через несколько решетчатых дверей с охраной, которые открывались только в том случае, если закрывалась предыдущая дверь. Встреча проходила в кабинете заместителя начальника тюрьмы по оперативной работе, – подполковника, в виду того, что подследственный был политическим узником – уголовной статьи ему еще не предъявили. Кроме следователя безопасности, в кабинете остался и тюремный заместитель. Он тоже был нужен, на всякий случай, как свидетель.

Семерчука била дрожь от предстоящей встречи с Матвеевым, – что он сейчас ним сделает? Но он не знал, что с ним делать – даже в тюрьме его враг внушал ему страх. Но надо выполнить указание следователя и уговорить Матвее-

ва признаться в преступлении. Но Семерчук знал, что Матвеев никогда не пойдет против правды. Следователь нашептывал ему на ухо, как он должен вести разговор, но неожиданно открылась дверь, вошел сержант-сверхсрочник, а следом Матвеев. Заместитель распорядился, чтобы контролеры остались за дверью, и они вышли. Семерчук сразу не узнал Матвеева: он был подстрижен наголо, но у него появилась небольшая бородка, с усами. Он похудел, щеки ввалились во внутрь, только глаза светились черными угольками. Руки были за спиной, закованы в блестящие металлические наручники. Матвеев не заметил Семерчука, который сидел возле стены, оказавшись почти за его спиной. Заместитель начальника СИЗО показал Матвееву на привинченный к полу табурет, приглашая сесть. Спросив для проформы фамилию и предполагаемую статью обвинения, он повернул голову к следователю и Семерчуку, показывая, что он закончил процедурные вопросы и теперь пусть они берутся за дело. Семерчук боязливо смотрел на наручники Матвеева, и у него мелькнула злорадная мысль – закончились твои похождения, посиди в клетке, закованный! Следователь встал и подошел к столу. Махнул рукой Семерчуку, приглашая его сесть на другую сторону стола. Семерчук, садясь на стул, видел удивленные глаза Матвеева – откуда ты здесь взялся? Словно хотел спросить он, но промолчал, только внимательно наблюдал за движениями бывшего однокурсника. Наконец, следователь произнес:

– Подследственный Матвеев, вы знаете этого гражданина? – он рукой указал на Семерчука.

Матвеев, к удивлению Семерчука, ответил кивком головы. Но этого было достаточно для следователя.

– Роман Семерчук хочет по-дружески поговорить с вами...

– С ним по-дружески не получится. – коротко ответил Матвеев.

Следователь кивнул Семерчуку, чтобы приступал к беседе.

– Меня попросили сказать тебе, чтобы ты признался в непредумышленном убийстве... – Семерчук произнес эти слова, как-то тупо, по-деревянному и разозлился сам на себя – не умеет даже произнести фразу по-человечески.

– Где вы нашли этого друга? – насмешливо спросил Матвеев у следователя. – Этому другу я года два назад, чуть не набил морду. Но не стал руки марать о мразь.

Эти слова Матвеева вызвали мгновенный подъем гнева в груди Семерчука – сейчас он посчитается с ним за прошлые обиды! Он резко вскочил и с замахом ударил Матвеева кулаком в лицо. Следователь и тюремщик, не ожидая такого поворота разговора, не успели среагировать. Матвеев вскочил на ноги и дернулся телом в сторону Семерчука. Но тут выскочил из-за своего стола заместитель начальника тюрьмы, у него в руке оказалась милицейская резиновая палка, которой он коротко, но с оттяжкой ударил Матвеева по груди.

Тот защититься не мог из-за того, что руки были скованы за спиной. Удар у тюремщика, был отработан и силен, потому что Матвеев покачнулся и стал открытым ртом судорожно вдыхать воздух. Из губы струйкой сбегала кровь.

– Сидеть! – страшным голосом прокричал тюремщик, еще раз замахиваясь палкой, но больше не ударил. И уже спокойно, по-деловому сказал следователю, – с ними надо быть начеку, а то они на все способны. Будем заканчивать?... – Спросил он, видимо, понимая, что дружеская беседа, уже исчерпала себя.

Следователь согласно кивнул – пора заканчивать это бесперспективное дело. Матвеев отдышавшись, с ненавистью посмотрел на всех, переводя взгляд от одного к другому:

– Знайте! Я никогда не был убийцей, и вы меня не уговорите взять на себя липу. Наташу убил унсовец, так и запишите. – Он перевел глаза на Семерчука, – а ты, подонок, даже не научился бить прямым ударом, все по подлому, сбоку. Я тебя еще встречу и поговорю с тобой по-мужски.

Матвеев был сейчас страшен от внутреннего гнева и Семерчук, испуганно глядя на него, скороговоркой ответил:

– Не встретишь меня больше. Я уезжаю жить в Канаду.

В дверь входил сверхсрочник-контролер, вызванный кнопкой заместителем начальника СИЗО. Он скомандовал Матвееву:

– На выход!

Матвеев встал, струйка крови запекалась в черных волос-

ках бороды и, пронзив Семерчука непримиримым взглядом, произнес:

– Я тебя и там достану...

Следователь, обращаясь к Матвееву, сказал:

– Мы составим протокол очной ставки, и внесем ваши слова с угрозой в адрес свидетеля. Это еще одна статья...

Когда Матвеев вошел в створ двойной двери, подполковник окликнул контролера:

– Сразу в камеру не видите. Пусть посидит успокоится, и помойте ему рыло. И только потом в камеру.

Сверхсрочник согласно кивнул, видимо, это было обычное для него дело, и вышел. Теперь уже следователь, со злом спрашивал Семерчука, обращаясь к нему на «ты»:

– Что у тебя с ним произошло раньше?

– Он соблазнил и совратил мою жену. Мне пришлось с ней разойтись.

Нервы не выдержали сегодняшнего напряжения и Семерчук вдруг заплакал. Следователь и подполковник брезгливо смотрели на него, словно говоря друг другу: «И это мужчина?».

– Что ж ты мне раньше этого не сказал. Мы не городили бы этот огород! – огорченно произнес следователь. Больше ему не хотелось говорить с Семерчуком. Они вышли из тюрьмы и расстались.

А через три дня Семерчук с Хрыстей вылетели из Борисполя в Лондон. Там пересадка, а оттуда до Нассау, что

на Багамах. А потом Канада и новая светлая жизнь на сытом западе. А то, что жизнь будет сытная, Семерчук не сомневался – деньги у него были. Самолет поднялся выше облаков, которые бесформенной бело-серой массой, кучились внизу. Хрыстя сразу же заснула, как села в самолет. Семерчук прощался с Украиной навсегда. Он хотел всю свою прошлую жизнь оставить здесь, а там начать новую жизнь, ну, почти что с нуля. На ум пришли стихи, переделанные кем-то под стиль великого русского поэта: «Прощай немытая Украина, страна рогоулей и свиней...». Семерчук, наслаждаясь облачным видом, стал размышлять над словами стиха. Рогоули – это, понятно, галицийцы – так их презрительно называли поляки, а затем и вся Европа. А вот свиньи? Зачем автор обидел свиней? Видимо, это образ национал-демократов, которые прильнули к финансовому корыту Украины и жрут деньги не просто досыта, а через силу, впихивая их в свое чрево. Видимо, это те, кто управляет Украиной. С разрешением этого вопроса Семерчук заснул, как и его жена. Самолет улетал дальше от Украины и, где-то там, за горизонтом, его ждала новая жизнь.

1999

Я уезжал из Луганска ночью. Границу решили пересекать в Харьковской области. На украинской границе свежий утренний воздух разрывали крики и маты – налог за проезд надо было платить только в гривнях (так правильно произносится деньги на галицийский лад), а украинский банк занизил российскую валюту при обмене. Это вызывало законное возмущение водителей машин. Но под этот шум, мы без проблем проскочили украинскую таможеню. Зато на российской таможене, парнишка-таможенник с дебилкуватым лицом забитого нуждой крестьянина, с яростной радостью стал шерстить наши вещи. Увидев, компьютер он радостно закричал, что его нельзя перевозить через границу и, схватив наши документы, побежал к старшему таможеннику. Оттуда он вернулся тихим, упавшим голосом распорядился снова грузить вещи, и отдал документы. Видимо, старшой урезал его рвение в работе по нанесению обиды людям. И таких тупых начальничков, которым дано право работать с людьми, очень много и они с высоты своего лилипутского положения стараются унижить нормальных людей, представляя себя великанами.

И еще, я недобрый словом вспоминал рассуждения демократов по поводу того, что не будет границ в СНГ. Демократия – это государственное устройство, при котором народу

невозможно найти конкретного виновника своих несчастий. Демократия – это власть народа, которая принадлежит его слугам. А народные слуги не хотят, чтобы народы дружили. Разъединенным по границам народом легче управлять.

Сразу же за границей, в России пошли рощи берез – русского символа природы.

Было радостно на душе, что вырвались из националистического дерьма. Но в Шебекино на посту ГАИ нас остановил старший сержант и отобрал права у нашего водителя. Белгородская область славится тем, что здесь когда-то работал милиционер, который не брал взяток. Но этот старший сержант захотел поиметь деньги с нашего водителя. Я спросил его, к чему привязался милиционер. И мне он ответил, что на машине номер устаревшего образца, и он не хочет нас пропускать дальше. Причина задержания была видна, как блоха на ладони – хочет взятку. Но наш водитель твердо ответил, что ничего ему давать не намерен. Тогда я подошел к старшему сержанту и спросил:

– Подонок, сколько тебе надо?

Но я ошибся в отношении подонка. У милиционера еще сохранились традиции белгородского милиционера, который не брал взятки. Он с ненавистью взглянул на меня и со злой обидой в голосе произнес:

– На-те, права. Но если вас другой гаишник задержит, то вспомните меня.

И он протянул мне права, не взяв денег. Больше нас ни-

кто не задерживал. Вскоре степь с перелесками сменилась лесом, а потом хвойной тайгой. Родная природа раскрывала свою душу.

В голове мелькали обрывки придуманного стиха, который превращался в песню

Разрушили великую страну,
Остались за границей друг и брат.
И до сих пор себя я не пойму,
Абориген я здесь, иль
иммигрант.

Нарезали границы по живью,
Наделали таможен и преград.
Порвали в клочья Родину мою,
А что народ? Так то –
электорат

Политики глумятся над страной,
Внушают нам, что так народ изрек.
Но не понять им истины одной,
Хоть я – народ, но все же
человек

В Москве приду на свой родной вокзал,
И поезда луганского дождусь.
И распахнув до жадности глаза,

Я воздухом Донбасса надышусь!

Я воздухом Донбасса надышусь!

Прощай, Луганск! Я еще приеду к тебе, но только на время! Прости и прощай!

1

Мир готовился вступить в новое тысячелетие. Да здравствует Миллениум! Народ требует хлеба и зрелищ! Хлеб насущный отличается от манны небесной привкусом пота. «Золотому миллиарду» – манна небесная, потные голодающие – проживут без хлеба. Их намного больше обозначенного миллиарда и не будет большой потерей для Земли, если голодающие потеряют пару миллиардов жизней. Бедняки размножаются быстрее тараканов, нечего их жалеть. У нас раньше была бедность в равенстве, а теперь – не равная стабильность. И пусть «стабильные бедняки» не могут купить себе хороших продуктов, зато полки магазинов ломаются от этих продуктов и демократы от власти публично этим гордятся.

Теперь нужны зрелища в мировом масштабе. Вот, народ, тебе Миллениум – радуйся, что дожил до нового тысячелетия, а ведь мог не дожить. Благоденствуй народ! Сильные мира сего готовы пожертвовать жизнью одного человека ради благоденствия всего человечества, но не пожалеют человечество ради собственного благоденствия.

Больше свободы человеку! Пусть живет и радуется! Больше ему зрелищ и хлеба! Меньше мыслей будет приходить в его голову. Пусть останется только одна мысль радости! Свободу цивилизованному человеку Европы и Америки! Остальные люди безрезультатно ищут хлеб – пусть ищут

свободу! Свобода самоопустошает человека. Свобода истощает человека духовно. Гнет заставляет копить силы, и не дает расплескивать энергию. Вот почему рано или поздно рабы кладут конец свободе. Раб хочет не свободы – раб хочет иметь собственных рабов. Вновь прибывшие в Европу выходцы из Азии и Африки или недавно жили в рабском состоянии, или до сих пор живут... Европа, – задумайся...

Европа все больше и больше живет по правам человека, а не разума. Она живет так ради тебя, народ. Дает тебе все права, вплоть до прав реализации рефлексов, инстинктов и чувств. Это – настоящая демократия, эта политика властвующих, – возвращение человека в класс домлекопитающих. Пусть живут рефлексами и чувствами. Инстинкты сильнее разума – их много, а разум один. Развиваем инстинкты на полную мощь! Но надо инстинкт продолжения рода вытравить из человека. Нечего народу размножаться! Это привилегия земной элиты. Но здесь более глубокие планы. Гомосексуализм и прочие меньшинства напрямую ведут к нацизму и фашизму. Демократия – это насадка, высиживающая диктатуру. Любой диктатор мнит себя богом, не сумев стать человеком. Смотри народ на постсоветские страны и убедись в верности этого суждения. Эти меньшинства – провозглашается лозунг – они – высшие, то ли бесполое, то ли, – двуполое существа на земле, которым поклонялись боги и сам Гитлер. Бесполое, более-менее понятно. А двуполое? И следует разъяснение – особь мужская – спереди мужчи-

на, мужчина сзади – женщина. Раньше гомосексуализм было психическим понятием, теперь ему дается биологическая структура. Это – высшее существо на Земле! И психологическая обработка народа переходит на новую биологическую ступень. А раз биологическая, то она должна занять свою нишу в социальной структуре человечества. А вот и социальная, и даже политическая ступень – нацизм и фашизм, сливаются в трепетно-страшном физиологическом экстазе по уничтожению человечества. Но не всего. Высшая раса должна остаться. Тот «золотой миллиард». Чем меньше людей на Земле, тем на большее время им хватит эксплуатации Земли.

И пример показывают политики. Посмотри, народ, на многих президентов, премьеров, министров, политиков и ты убедишься, что многие из них не женаты, а кто женат – не имеет детей. А ради чего живет человек? Ради будущего, а будущее кто? Конечно же, дети. Так ради чего стремиться властвовать над народом, если у политика нет детей? А газеты пишут, иногда промелькнет не совсем ясная информация по телевизору, что в парламенте заседают педерасты, то ли – половина, то ли – меньше, но если прибавить лесбиянок, то будет более половины. А у женщины, стремящейся в политику, не все в порядке с половыми органами. Смотри, народ, на женщин, руководящих государствами. И снова будешь прав, – действительно, там у них не все в порядке с этими органами, раз детей нет. Но это еще более стимулирует их деятельность в защиту прав человека, прежде всего,

гомосексуалистов. Они за их права борются по всему миру, – это главное в деятельности бесполой и однополых властителей. Нормальной жизни в семье, с детьми, внуками, они не признают. Будут ли они серьезно воспринимать нужды народа? Правильно! Для них важнее разнообразные извращения от недостатка семейной жизни.

Демократии нужен постоянный враг – это Россия. Все понятно без доказательств, как аксиома. У славян зажимают сексуальные меньшинства – хотят жить по старому, непонятно в какой формации. Может первобытно-общинной? Там не было презервативов, контрацептивов – почти похоже на нынешнюю Россию. Живут сексуальной жизнью, как заложено природой. Это плохо, надо заставить их жить, как европейцы. Вон, были славяне: какие-то поляки, чехи, болгары и прочие, но они уже глубоко восприняли культуру и быт настоящих европейцев. Да-да, именно, настоящих. Эти славяне, все-таки второсортные европейцы. Украинцы, особенно западные, аж бегом впитывают наши духовно-половые ценности. Ну, и хорошо – пока будут третьесортными европейцами. А что делать с русскими? Тех славян перемололи на второй и третий европейский сорт, а их не можем. Но надо зависть к России, перевести в ненависть к ней. Так бывший премьер-министром Англии Генри Палмерстон, на закате своей жизни сказал: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет». Навязываем ей войну по всем направлениям. Никакой уступки в вопросах гомосексуализма. В Ев-

ропе практически уже нет диких животных, а в России их еще полно. Завидно европейцам. Но русского человека надо отождествлять с медведем, лучше с бурым. Простой европеец будет знать, как выглядит медведь, – для народа познавательная польза. А медведь хищник – ненависть к нему, а заодно и к русскому. Русские спят в снегу и купаются зимой в проруби – далеко не ушли от животных. Белый медведь тоже плавает среди льдов. Европейский народ узнает, что есть и белый медведь на Земле. Завидно! Нормальный европеец не будет плавать в ледяной воде. И вот у европейского народа есть образ русского, как животного. У них в России проживает много народов, но им мешает жить титульная нация. Не порядок! Пусть изучат опыт американцев. Они индейцам дали землю, называемую резервацией, кормят и одевают их, короче, все дают для жизни, когда-то коренному народу Америки. Мудрая политика – индейцы деградировали. Они не работают. А раз не работают, – не будет прогресса. Но индейский народ пока жив, но слиться с настоящими американцами уже не смогут, слишком привык к иждивенческой жизни. Или пример Англии – десятки миллионов индийцев уничтожили во их же благо. А если бы этого не было, то индийцам сейчас негде было бы жить и за их численности. Так же поступили и со многими другими народами. Кто-то говорит не гуманно, но бремя белого человека, несущего гуманизм отсталым народам, должно быть с кулаками. Помните, какой вопрос задавал сам себе Гамлет? Быть или

не быть! Кто-то считает этот вопрос для Гамлета личным, но Шекспир смотрел глубже – это вопрос естественного отбора. И Англия, Франция и прочая мелочь, типа Голландии и Бельгии, очень помогли многим народам в этом отборе. В конце-концов кто-то выжил, – всех тогда не перебили. Надо и Россию направить по этому руслу естественного отбора.

Но, правда, этот естественный отбор из Азии и Африки заполонил Европу. От них уже давно нет прохода на улицах Парижа, Лондона, Вены... Они уже управляют древними европейскими городами, вводят мусульманские законы. Европейцы терпят, – они толерантны. А сейчас приезжие стали еще взрывать европейцев – это террористы. Россия борется с террористами, значит она тоже государство-террорист. Осудим ее, предадим анафеме. Умрем от бомбы террориста, но свяжем Россию в борьбе с террористами.

И живет Европа прямо по украинскому анекдоту: умирает западенец и его спрашивают: «Какое у тебя последнее желание?» И тот отвечает: «Чтобы у соседа корова сдохла!» Точно так же поступает однополая Европа. Задыхаясь и сладострастно умирая в мусульманских объятиях, он из последних сил кусает Россию, – шоб тобі було худше!

Разрушая славянский мир, Европа завоевывается другими народами. Так ей и надо! Надо иметь собственные мозги, а не жить рефлексами, инстинктами и чувствами!

Человек – это звучит гордо, но часто выглядит унижительно. Наибольшее человеколюбие демонстрируют людо-

еды. Человеколюбие людоеда не знает границ.

Жизнь идет, а будущее разочаровывает все больше.

2

Я в Канаде. Мы идем по Торонто. Город готовится встретить Миллениум, украшается, чтобы принести радость своим горожанам.

Мне показывает город и рассуждает о жизни Борис. Он русский, но родители вывезли его за границу еще ребенком, в шесть лет. Удивительное дело – он сохранил острое восприятие чувства Родины, родившей его, и на чувственном уровне ностальгирует по России. Он хорошо говорит по-русски. Борис работает журналистом в одной из газет города и, кажется, знает все о своем любимом городе. Мы идем по вечернему, прихорошившемуся Торонто, готовящемуся встретить Новый год, и Миллениум. Борис рассуждает:

– Знаешь, Валерий, я все думаю, почему развалился Советский Союз и прихожу к мысли, что народам, прилепившимся к телу России, оказался не под силу русский крестный путь, неподъемна тяжесть, которую она предложила нести им совместно с собой. Мессианство – не для малых народов.

Мне не хочется спорить с этим милым человеком, и я коротко соглашаюсь:

– Правильно. Малый народ не вырастит великого человека.

– Да. Но малый народ слишком уж цепляется за свою ро-

дину.

– Есть народ – патриот, есть властитель – предатель. У тех, кто продает родину, одна забота – не продешевить.

Светлое небо в звездах над Торонто внезапно закрывает темная туча, и начинает идти снег с дождем.

– Это наша обычная зимняя погода – то снег, то дождь, – как бы извиняется передо мной Борис. – Пойдем в бар, переждем непогоду?

Я соглашаюсь.

– Борис! А почему тебя так интересуется Россия? Ты ж вырос в другой стране?

– Наверное, передалось от родителей. Они уже старые, но до сих пор рассуждают, спорят, ссорятся – а правильно ли они сделали, что уехали из Советского Союза? Вот я и впитал любовь к земле, меня родившей. Будем пить водку или пиво?

– Только пиво.

Мы заходим в бар. Борис идет к стойке бармена и заказывает два бокала пива. Я сижу за небольшим столиком и рассматриваю полутемную атмосферу бара, вижу услужливого бармена, который наливает пиво в кружки. Тихо, тепло и уютно в помещении – хочется закрыть глаза и подремать, ни о чем, не рассуждая и даже, не думая. Подходит Борис с пивом и садится рядом со мной. Он сейчас рассуждает о необходимости дружбы между народами. Дружба – это справедливо.

– Справедливости, как и денег, на всех не хватает. Бесплезно искать справедливость у тех, кто ее устанавливает.

Борис подтверждает мои слова:

– Справедливость – не может быть всеобщей. Каждый измешряет справедливость мерой ее полезности для себя.

Людей в баре немного и бармен выходит из-за стойки с полотенцем в руках и начинает протирать полированные поверхности столиков, пристально глядит в нашу сторону и постепенно приближается к нам. Вот он рядом, протирает соседний столик и смотрит, не отрываясь на меня, и восклицает на английском языке:

– Valera! Это ты?

Я слышу свое имя, поворачиваю голову к бармену и узнаю Романа Семерчука.

– Рома!?! – в моем голосе неприкрытое удивление.

Такой встречи я бы не придумал и во сне. Но я не бросаюсь по-русски в его объятия и не хочу принимать его в свои. Мы вместе учились в институте, иногда встречались по работе, но никогда у нас не было с ним теплых, дружеских отношений. Но все равно такая встреча на далекой, чужой земле приятна. Он протягивает мне руку для приветствия, и я ее жму.

– А я смотрю, вот там за стойкой, и думаю, ты – это, или не – ты. Решил посмотреть поближе и понял, что это –ты.

– Садись, Рома, к нам. Расскажи о жизни...

Борис удивленно переводит взгляд с меня на Романа и,

наконец, спрашивает:

– Вы друзья?

Я уклончиво отвечаю:

– Жили в одном городе – Луганске. Это случайная встреча.

– Это очень интересно.

Борис достает блокнот и начинает что-то писать, прислушиваясь к нашему разговору. О неожиданной встрече земляков, у него может получиться хороший материал: очерк, а может, статья.

Семерчук смотрит на меня не просто удивленно, но и радостно – неожиданная встреча с однокашником. Нежданная встреча должна быть теплой. Так и происходит.

– Ты давно из Луганска? – спрашивает Роман.

– Я уже живу не в Луганске, а в России.

– Все бегут от неньки...

– Не надо ей быть мачехой. Как ты здесь? Почему бармен? Говорили, что у тебя большое состояние, можешь всю жизнь прожить безбедно.

– Было состояние, и уже нет.

– Что же случилось?

– Обманули меня здесь, обобрали, как белку. Жена – Кристина уговорила меня вложить деньги в новое, начинающее дело. А я тогда еще не имел гражданства Канады. Поэтому оформили вложения на нее. А ее бывший муж стал директором фирмы. Когда мне дали гражданство, я решил пере-

оформить вложенные деньги на себя, а мне Хрыстя отказала в этом. А потом Хрыстя, вообще, выгнала меня из дома и стала жить со старым мужем. Я начал судиться и последние деньги у меня выманили адвокаты. Я убедился, что дороже всего ценится слово адвоката – заберут у тебя все до последней нитки... Но суды встали на сторону бывшей жены, и я остался без денег.

– Профессиональная этика адвоката не имеет ничего общего с совестью. А как ты в бармены попал?

– Я с хозяйкой этого бара был раньше знаком. Она вдова, украинка. Вот мы сошлись с ней жить. Ты расскажи, как живешь, как наши знакомые, друзья?...

– Живем потихоньку...

– А как Матвеев? Сколько ему лет дали?

– Его оправдали.

– Как? Он же убийца!

– У него нашлись друзья из Израиля. У них оказалась пленка телеоператора, где видно, что девушку убил не он, а украинский фашист.

– Откуда у него друзья там оказались?

– Он дружил со многими людьми, несмотря на их национальность. А человек, получивший теплоту от другого человека, никогда не забудет этой теплоты и вернет теплоту в трудное время, втройне. Так получилось с Матвеевым. Ему помогли, потому что он к другим относился с человеческой теплотой.

– Если бы он сейчас мне встретился, – со злой угрозой проговорил Семерчук, – я бы ему показал. Я прошел такую школу капиталистического выживания, что сейчас бы ему не уступил, а порвал бы на мелкие клочья.

Одновременно с его словами, в меня вместо пива, будто бы влили помой. Я отодвинул от себя кружку с пивом, и хотел сказать что-то резкое собеседнику. Но в это время за стойкой бара появилась женщина. Она окликнула Семерчука:

– Роман! Ты занят делом?

– Да. Знакомого встретил. Сейчас подойду, – и пояснил мне, – это моя жена. Я у нее, вроде, муж, а по-настоящему, наемный работник.

Все-таки в советское время он неплохо заучил марксистскую политэкономия и еще помнил ее постулаты.

– Она ж украинка. Почему обращается к тебе по-русски?

– На украинском языке мы говорим только тогда, когда собираются несколько украинцев. А в обращениях с клиентами, говорим по-английски и по-русски. Украинский язык здесь никому не нужен. А как живет моя бывшая жена?

– Нормально.

– Она вышла замуж?

– Точно не знаю, но, вроде, не замужем.

– Детей хочется увидеть, а денег у меня нет. Они уже взрослые. Мне хозяйка почти ничего не платит. Говорит, что мужу не надо платить зарплату. Вот, если бы я вошел в долю

этого бара, то мог бы получать дивиденды. Мы бы с женой заключили соответствующий брачный контракт. Ты не знаешь, не продала ли моя жена дом, построенный мною, квартиру, полученную мною?

– Этого я не знаю.

– Я же при разводе ничего не взял с нее, не стал делить имущество.

– Но и она не стала делить деньги, полученные тобой от отца.

– Да. Но сейчас у меня нет денег, и я ей ничего не могу дать. А в решении суда написано, что вопрос о дележе имущества подлежит отдельному рассмотрению. Вот я думаю, отсудить свою долю и вложить в этот бар, мы его расширим, тогда появятся у меня деньги, и я могу часть их отдать обратно... детям.

В мою душу вслед за помоями полилась грязь. Я хотел встать и взять Семерчука за грудки, но из-за стойки слышался женский командный крик:

– Роман! Иди сюда! Где салфетки?!

Роман испуганно вскочил и, пробормотав:

– Подожди. Сейчас вернусь, – и побежал на зов жены-хозяйки.

Последние слова Семерчука я уже не мог спокойно слушать. Команда жены не позволил мне схватиться с ним, но помогла мне уйти от высказывания резких, самых ярких слов в русском языке, в адрес бывшего знакомого, а может и

врезать ему по роже. На душе было муторно, как после большой пьянки со скандалом. Мутный осадок грязи появился в душе, и я, не допив кружку пива, обратился к Борису:

– Боря! Пойдем отсюда!

– Но твой друг, говори с ним...

– Пошли!

Борис недоуменно смотрел на меня – почему я не хочу попроситься со своим другом. Но часто с наибольшим усердием друзья помогают нам делать ошибки. Может и я ее сделал? Борис разочарованно закрыл свой блокнот.

Мы вышли на улицу. Снег с дождем закончился. В стороне от тучи засветились звезды. Борис рассуждал о том, какие иногда бывают неожиданные встречи, которые дают материал для журналистской работы. Но я ему не отвечал, я его слушал и, наконец, предложил:

– Боря! Давай зайдем еще в один бар?

Борис с пониманием ответил:

– Ты ж не допил пиво. Надо допить его в другом месте.

Все-таки мы мыслим по-разному. Он, впитавший капитализм всей душой, конкретнее меня, у которого на душе остались несмыываемые родимые пятна социализма.

Мы зашли в бар, и я направился вместе с Борисом к стойке. Не успел Борис сделать заказ, как я распорядился:

– Водки!

Борис посмотрел на меня удивленно – я ж пил пиво и не допил его? Надо полностью выпивать то, за что заплачены

деньги. Тем более это были его деньги – он меня угощал. Бармен – пожилой мужчина, взял бутылку с цветистой этикеткой. Я по-латыни успел прочитать – «Граппа». Я махнул рукой – оставь на месте и показал на бутылку, где прочитал, так же по латыни «Смирновская». Бармен послушно взял указанную бутылку, потом взял пятидесятиграммовые рюмки и стал наливать в одну из них водку. Когда он заполнил одну рюмку и хотел налить во вторую, я отодвинул рюмку, предназначенную, мне и взял большой фужер, грамм на двести. «Равняется нашему русскому граненному стакану». – удовлетворенно отметил я про себя. Бармен вскинул мохнатые брови вверх, но ничего не сказал – права человека, то есть мои, надо уважать и налил водки по черточку фужера вверху. Борис, с молчаливым удивлением, глядел на меня. Может, он про себя решал вопрос – осилю я эту порцию водки, или нет? Я взял фужер и обратился к Борису:

– Давай, выпьем, за самое лучшее на Земле!

Борис взял свою рюмочку, но смотрел на мое лицо – как мой организм воспримет столько алкоголя? Бармен засовывал в булочку сосиску, чтобы вовремя дать мне закусить. Я медленно поднял фужер, поднес благодатную жидкость к губам и, издеваясь над самим собой, стал пить водку медленными глотками. Борис и бармен с удивлением, и даже с некоторым восхищением, наблюдали за мной – это русская доза! Это – русский размер! Я допил фужер до дна и поставил его на стойку. Бармен с уважением, даже подобострастно, про-

тянул мне сосиску в булке. Я ладонью отодвинул бутерброд, поднял руку к носу, и занюхал противный алкоголь, рукавом дубленки. Пусть знают, что русскому человеку многого не надо, – хватит «мануфактурки» для закуски. Я достал деньги и одну купюру бросил на прилавок. Бармен что-то сказал, и Борис перевел мне его слова:

– Он спрашивает, как русские могут плавать зимой?

– Плаваем среди льдов, а потом спим в берлоге с медведем.

– А зачем спите с медведем?

– С ним теплее... Пей своё и уходим.

Борис послушно опрокинул махонькую рюмочку в свой рот. Я повернулся, чтобы идти, но Борис задержал меня:

– Возьми сдачу. Деньгами нельзя сорить.

Бармен протянул мне зеленые кредитки с монетами. Я, не считая, положил сдачу в карман, и мы вышли на улицу.

Живительная влага делала свое дело. Грязь, попавшая мне в душу, при встрече с Семерчуком смывалась, душа очищалась и была готова к полету в неизведанное. Я поднял глаза к небу – туча ушла, и разноцветные звездочки Вселенной смотрели на Землю. Я закричал звездам:

– Люди! Что вас разъединяет? У нас одна биологическая основа. Почему у нас мозги разные. Звезды! Приведите наши мозги к единому знаменателю добра и дружбы! Почему мы постоянно соперничаем, конкурируем и ссоримся друг с другом? Неужели нам мозги для зла даны?! Почему у поли-

тиков в наличии оказывается только костный мозг? А мозги – одно из полезных ископаемых России, которые ей самой не нужны. Звезды! Почему люди выбирают общение языком войны?! Научите нас жить дружно, создайте такой же порядок, который установлен между вами во Вселенной!

Звезды насмешливо замигали мне в ответ. Человеческий порядок не подлежит разуму – пока человек будет представителем страны, а не планеты Земля!

1998-23 июня 2017 гг.

Конец